

Анна Ульрайгер

УРОКИ

для двоих

Алёна — одинокая мать, воспитывающая мальчишек-близнецов. А ещё — учительница русского языка и литературы. И жизнь её далека от волшебной, даже несмотря на «волшебные» имена сыновей. И кажется, ничто не в силах это изменить... и уж тем более никак не повлияет на её жизнь появление нового соседа в доме, оказавшегося учителем математики в школе, где работает Алёна. Или всё-таки... повлияет?

- [Уроки для двоих](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Эпилог](#)

- [notes](#)

- [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
-
-

Уроки для двоих
Анна Шнайдер

Глава 1

Телефон в сумке истошно завибрировал, и я поморщилась.

Не хочу, не хочу, не хочу. Не буду!

— Что ты там не будешь? — с интересом спросила Галя — для учеников Галина Николаевна Новицкая — учитель математики и моя соседка в автобусе.

— Да всё я буду, — пробурчала я, залезая в сумку и нервно хватая телефон.

Мама. Ну конечно, кто же ещё!

«Если ты не приедешь в ближайшие два часа, я застрелюсь».

Я хмыкнула. Застрелится она!

«Из чего ты застрелишься? У нас дома нет огнестрельного оружия».

«Из чего угодно. Или их застрелю!»

«Что они натворили?»

«Увидишь».

Увижу, конечно. Куда я денусь.

— Что там? — от любопытства Галя аж подпрыгнула в кресле.

— Всё как всегда. И вообще... — Я вздохнула, закидывая смартфон обратно в сумку. — Я плохая мать.

— С чего это вдруг?

— Не хочу домой.

— Ну, знаешь ли! На твоём месте я бы тоже не хотела. Всё-таки ты, можно сказать, отдохнула...

Да уж, отдохнула. Любой другой учитель назвал бы поездку с десятым классом на майские праздники в соседний город каторгой. Только не я.

Каторга ждала меня дома последние десять лет жизни. В двойном экземпляре. И звали эту каторгу Федей и Димой, а для особо приближённых к императору — Фредом и Джорджем. Если вы, конечно, понимаете, о чём я.

Да-да. Рыжеволосые мальчишки-близнецы существуют, и живут они у меня дома. Но я, в отличие от их книжной мамы, не могу взмахнуть волшебной палочкой и за секунду убрать последствия всевозможных, как они говорят, увлекательных приключений. А иногда очень хочется...

Чего только они не вытворяли за всё время своего существования. И покрашенного зелёной кота можно считать самым безобидным хулиганством моих мальчишек. Как сказала тогда мама: «Скажи спасибо, что они его не в микроволновку засунули посушиться». Услышав подобное утешение, я чуть в обморок не упала, а Фред возмутился. «Ба, ты что! Мы же не дураки!» И они с Джорджем ещё обиделись на скептический бабушкин взгляд.

Ни одного дня у меня не проходило без какого-нибудь увлекательного приключения, и я уже начинала с ужасом ждать того времени, когда эти двое станут подростками. Если они сейчас, в десять лет, просто нескончаемый рыжий кошмар, то что будет лет через пять?!

Именно поэтому тридцать десятиклассников не казались мне такой уж катастрофой. Все их шуточки я всё равно знаю наизусть, а вот чего ожидать от собственных сыновей...

Ладно. Судя по тому, что мама не звонит мне в панике, квартира до сих пор не сгорела. Буду утешать себя этим.

— Нам ещё три часа ехать. — Галя похлопала меня по плечу. — Успеешь немного

отдохнуть.

— Я успею отдохнуть и немножечко вздремнуть, — продекламировала я по своему обыкновению небольшое рифмоплётство и съехала в кресле чуть ниже, чтобы действительно попытаться вздремнуть. Если это, конечно, мне удастся — десятиклассники-то не дремлют.

Позади кто-то звякнул бутылкой, и я сразу вскинулась, а Галя посуровела.

— Пойду, проверю. Если что, позову.

Я кивнула. Надеюсь, что это хотя бы пиво, а не водка, как в прошлый раз.

Сегодня мои десятиклассники отличились приличным, как никогда, поведением. И бутылка оказалось всего лишь бутылкой минералки, и в карты на раздевание они не играли, и не ходили курить в дальний конец автобуса. Хотя последний пункт был невозможен — самые крайние места занимала наша «сладкая парочка», Дима Енин и Саша Арбузова. Поначалу мы с Галей пыталась оторвать их друг от друга — в буквальном смысле оторвать, Енин в Арбузову как будто корни пустил, — но потом отчаялись и просто следили за тем, чтобы ребята не позволяли себе ничего лишнего, кроме обниманий.

Задремать мне удалось ближе к концу и ненадолго — пока кто-то из моих активистов не предложил «спеть в честь праздника», и на весь автобус не грянуло: «А значит, нам нужна одна победа! Одна на всех, мы за ценой не постоим!»

Орали ребята самозабвенно — у меня даже в ушах зазвенело.

Дослушав исполнение, кряхтя как старая бабка после долгого сидения в автобусе, я встала и поинтересовалась, обведя суровым взглядом салон:

— И почему же вы так слаженно и громко не пели на недавнем концерте, а?

Я думала их смутить, но шестнадцатилетних лбов фиг смутишь.

— Тогда было не от души! — громко и нагло заявил Федя Клочков, самый главный троечник среди моих подопечных. — А сейчас — от души!

— Ах, вот оно что, — я усмехнулась и вновь обвела взглядом салон. Чёрт, ехать ещё почти полчаса, а им уже явно надоело. — Тогда предлагаю вам от души спеть что-нибудь другое, тоже военное. Какие ещё песни знаете? Ну-ка. Кто больше назовёт, получит от меня в понедельник пятёрку по литературе.

Ох, что тут началось...

— Этот День Победы порохом пропах!

— Тёмная ночь, только пули свистят... э-э... где-то там!

— Идёт война народная, священная война!

— Выходила на берег Катюша!

Я кивала, ребята распались. Каждый хотел пятёрку. Но песен они всё же знали мало, поэтому после песен мы перешли к фильмам. Многие хватались за смартфоны, но бесполезно — сеть здесь не ловила.

Победил в итоге, к моему удивлению, Клочков. Надулся, как индюк, в своём кресле, и гордо покосился на нашу главную отличницу — Наташу Иванову. Он, как и положено троечникам, был в неё влюблён. И естественно, безответно.

Минут за десять до приезда пришло очередное сообщение от мамы.

«Сос».

Всё. Кирдык. Раз мама заговорила аббревиатурами — ситуация точно перешла во внештатную.

Может, в следующий раз брать Фреда и Джорджа с собой в поездки с моим классом?

Ох, нет, идея не очень... Ещё научат моих милых и наивных деток плохому.

Десятиклассники-то вспоминали и пели только приличные песенки. А Фред с Джорджем точно выдали бы что-нибудь типа: «Выходила на берег Катюша и плевалась тухлой колбасой».

И это ещё в лучшем случае.

Через полчаса мы наконец приехали в город и смогли покинуть автобус. Я проследила, чтобы все оттуда вышли и вошли в метро, посадила своих деток вместе с Галей в поезд, а сама помчалась наверх, на вокзал. Мне нужна была электричка.

Телефон подозрительно молчал, «сосами» мама больше не бросалась. Мне бы радоваться, но я-то знала — это может значить что угодно. Один раз мои охламоны, пока мама мылась, решили зачем-то поковыряться в замке двери ванной комнаты. Хотя почему зачем-то... Позже Фред и Джордж рассказали мне, зачем. Они вообще всегда знают, зачем что-то делают, но легче от этого не становится.

В общем, замок заклинило. Близнецы в хохот, мама в ор, наш кот Фима в меланхолию. Ковырялись до самого моего прихода, пытаюсь освободить родную бабушку из ванного плена, но ничего у них не вышло.

Как сейчас помню — я в тот день так радовалась, что мне никто не звонил. Я объясняла сложную тему девятиклассникам, Фред и Джордж болели дома ОРЗ, и я считала, что у них не будет сил на пакости. В то время я ещё была полна оптимизма насчёт своих охламонов. Близнецам было по шесть лет, и я полагала, что через годок-другой станет легче.

Фиг вам, называется.

Только хуже становится...

Электричка, печально вздохнув и задребезжав какими-то несмазанными деталями, распахнула двери. Я выскочила из вагона навстречу хорошей майской погоде и побежала к лестнице, ведущей в подземный переход.

Добежав, сдавленно хмыкнула — картина передо мной нарисовалась совершенно прекрасная. Двое мужичков среднего возраста, с опухшими от постоянного пьянства физиономиями, пытались взойти вверх по лестнице и поднять туда же свою «спутницу» — тётку с не менее опухшим лицом и размазанной по щекам ярко-красной помадой. Все трое качались, все трое распространяли вокруг себя прекрасный аромат круговорота алкоголя в организме, все трое матерились. Но мат этот заглушала песня, грохотавшая из динамика мобильного телефона одного из них.

«Я знаю три слова, три матерных слова, со знанием этим я вышел из дома...»

На секунду я застыла, вслушиваясь в почти позабытые дурацкие слова из моего далёкого детства.

«Я знаю три слова, три матерных слова, на этом словарный запас мой исчерпан...»

Задыхаясь — то ли от хохота, то ли от аромата — я побежала вниз по лестнице. А вслед мне неслось:

«У-у-у... и я самый модный... и, видимо, самый красивый...»

Дым, вырывающийся из нашего кухонного окна, я заметила ещё на подлёте к дому. Чертыхнулась, выругалась — и припустила быстрее.

К сожалению, пожары в моей жизни уже были — как и «наводнения» — и я очень надеялась на то, что близнецы сейчас просто что-нибудь пережарили, и нам не придётся

вызывать пожарных.

Я позвонила в дверь, слегка подпрыгивая от волнения и повторяя про себя присказку «мужчины в самом расцвете сил»: «Спокойствие, только спокойствие!»

— Наконец-то! — мамин голос был полон неподдельной радости. Что ж... мама живая — уже хорошо. — Алёна, как я рада тебя видеть!

— Не могу вернуть тебе сей комплимент, — пробурчала я, заходя в коридор и переобуваясь в тапочки. — И вообще, где мои черти? И почему так тихо?

— Затаились, — родительница пожалала плечами. — В свою комнату пошли. Сказали, что к твоему приходу уберутся.

— А с кухней-то что?

— Могло быть и хуже, — обнадёжила меня мама, и я, вздохнув для храбрости, отправилась на кухню.

Пахло там... как сказали бы Фред с Джорджем — зашибенно. Аромат чего-то палёного, похожего на молоко, действительно сшибал с ног.

Но я устояла. Мы ещё и не то нюхали... Помню, сосед Вася с первого этажа отчищал от краски штаны во дворе — бензином отчищал. И мои охламоны, услышав рассказ весёлого маляра про то, что «бензин всё отчищает», решили попробовать и узнать, всё или не всё. Позаимствовали у соседа бутылку с бензином — и он, сволочь, дал! — и попробовали. Закинули в барабан стиральной машины постельное бельё и врубил стирку.

Бельё я потом выбросила, стиральную машину отмыла, но бензином из неё попахивало ещё долго. А соседу Васе сказала, что рекламщик из него точно не получится.

В общем, горелое молоко — это фигня. Дымок, исходящий сейчас из открытой духовки, беспокоил меня гораздо больше.

— Что спалили-то, мам?

— Сгущёнку. Они же любят варёную, ты знаешь. Засунули так, без водяной бани.

— А-а-а. Лишняя деталь типа.

— Вот-вот. А я даже не знала, что они духовку включили... Точнее, не слышала. Я гостиную к твоему приходу пылесосила. Хоть там у нас чисто...

— Ничего, — я махнула рукой, направляясь к выходу из кухни, — это ненадолго, ты же знаешь.

Мама промолчала.

Фима — слава богу, непокрашенный, и даже не побритый, — сидел в коридоре и важно махал рыжим хвостом. Я потрепала его по лобастой голове и пошла в комнату близнецов.

Меня встретили широкими улыбками и совершенно святыми лицами. Вот посмотришь на таких и подумаешь — не детки, ангелы...

Черти. Рыжие черти. Всё жду, когда у них рога, копыта и хвосты начнут расти. Наверное, вместе с половым созреванием появятся.

— Мамочка!

— Мама!

Я не удержалась, обняла. Хотя не менее сильно, чем обнять, мне хотелось их придушить.

— Ну и что вы можете сказать в своё оправдание? — грозно спросила я, сводя брови.

Фред и Джордж шмыгнули носами и синхронно виновато повесили головы.

— Мы для тебя сгущёнку варили, мам...

— Ага. Ты же любишь...

— Отмывать я её не люблю.

— Мы отмоем! Честно-честно, мам!

— Да!

Головы обрадованно поднялись, глазки радостно захлопали. Черти.

— Нет, ребятки. Мыть буду я, иначе от нашей духовки останутся рожки да ножки. А вы... н-да. Вещи свои вы тоже для меня разбрасывали?

— Не-е-е! — синхронно помотали головами. Фред с Джорджем часто что-то делают синхронно. В основном они, конечно, синхронно пакостят. — Мы играли в Рим!

— Во что?!

— В Рим!

О боже.

— И как вы в него играли?

— Тоги делали.

Вновь взгляды в пол.

— Тоги... Угу. Из чего?

Ответ мне был не нужен — я уже заметила, что на окнах не хватает и тюля, и занавесок.

Римляне, блин!

— Та-а-ак. Всё повесить обратно, книги убрать в шкаф, вещи на свои места. Даю вам час! А я пока пойду на кухню. Сегодня вы без сладкого!

Это была моя стратегическая ошибка. Самое страшное наказание нужно было приберечь на потом, а я... сглупила.

За что и поплатилась.

Средств для отмывания всего подряд у меня дома — целая батарея. Стратегические запасы на любой случай жизни. И как хорошо, что близнецы покинули тот возраст, когда эти самые запасы пьются вместо лимонада...

Это был мой старый страх — я дико боялась, что однажды им в голову придёт выпить уксусную кислоту, бензин или растворитель. Я до сих пор этого боюсь, хотя теперь уже знаю — мои черти никогда не станут делать то, исход чего заранее известен. Выпить растворитель, специально что-то поджечь или устроить потоп — нет. Это скучно. Фред и Джордж были экспериментаторами.

Но, честно говоря, утешало это мало.

— Что ещё они творили, пока меня не было? — поинтересовалась я у мамы, доставая из-под раковины разнообразные пузырьки и бутылки.

— Ничего особенного, — родительница махнула рукой. — В первый день мы ходили в парк аттракционов, а после в аквапарк, и так устали, что после ужина почти сразу уснули. Вчера устроили пикник и познакомились на прогулке с большой овчаркой по имени Кайзер.

— Без хозяина, что ли?

— Почему без хозяина? Нет, хозяин был, точнее, хозяйка, девчонка молодая. Разрешила Фреду и Джорджу играть со своей собакой. В итоге я так и не поняла, кто кого больше утомил. Носились они часа два как угорелые, ты бы видела...

— Представляю, — пробормотала я, оглядывая внутренности духовки. Там всё было так красиво — хоть картину пиши. Потёки пригоревшей варёной сгущёнки на стенках, лужица палёной сгущёнки на дне. Интересно, это вообще отмоется?

— В общем, проблемы начались только сегодня, — продолжала между тем мама. —

Думаю, они просто соскучились, Алён. С утра делала блины, всё не съели, и оставшиеся Фред с Джорджем решили превратить в торт. Внутри варёная сгущёнка, сверху шоколад. До шоколада, как видишь, дело не дошло...

— Посмотри на это с другой стороны, мам, — сказала я с бравурным оптимизмом в голосе. — Хорошо, что Фред и Джордж решили сварить сгущёнку в духовке, а не на плите. Поверхность для отмывания в духовке куда меньше площади кухни.

За моей спиной раздался нервный смешок.

Но ответить мама не успела — из комнаты близнецов вдруг послышался громкий хохот. Я похолодела — мои черти обычно так хохотали, когда у них «шалость удалась»...

Блин. Сейчас-то что?!

Я бросила жёсткую губку, стянула перчатки и метнулась к Фреду и Джорджу, костеря себя за то, что оставила их одних. Надо было не слушать мамины увлекательные рассказы, а послать её караулить наших оболтусов!

В комнату я ворвалась разъярённым тайфуном, хлопнув дверью так, что штукатурка посыпалась, а хохот разом прекратился.

Близнецы, стоявшие на балконе, поспешно стирали улыбки со шkodных лиц.

— А мы ничего, мам...

— Да, мы так просто...

Угу.

— Я родная ваша мама, но не верю вам ни грамма, — продекламировала я. — Потому что вы, ребята, настоящие чертята.

Чертята насупились, а я вошла на балкон. Здесь всё было в порядке, если не считать воды на полу.

Вода. На полу. Та-а-ак...

Я открыла окно и поглядела вниз. Это мы уже проходили — бросать «бомбочки» в прохожих Фред и Джордж наострились ещё в раннем детстве, поэтому я прекрасно осознавала, что может значить вода на полу. Хотя и не всегда, конечно. Один раз близнецы решили устроить зимой каток на балконе. И у них даже получилось. Только кататься там было невозможно ввиду малого пространства, а вот грохнуться — да за милую душу.

Живём мы на десятом этаже, так что попасть в кого-то удаётся не всегда, но на этот раз они попали. Внизу под окнами стоял и отряхивался какой-то мужчина в шляпе. С собакой.

— Извини-и-и-ите-е-е! — закричала я дурным голосом, свесившись из окна и размахивая рукой. Белого флага только не хватает. — Извини-и-ите-е-е, мы... — Блин, ну не орать же «мы не нарочно»?! — Мы-ы-ы сожа-а-але-е-ем!

Мужчина поднял голову, посмотрел на меня. Собака его — кажется, ретривер, — ещё раз отряхнулась. Видимо, ей тоже досталось.

Я захлопнула окно и повернулась к своим обалдуям.

Они синхронно опустили ангельские личики вниз и синхронно вздохнули. Мол, давай, наказывай, знаем, что виноваты.

Фред и Джордж вообще никогда не отрицали свою вину, не пытались оправдываться. Они могли промолчать, но если уж доходило до истины, признавали свои косяки.

Правда, это не мешало мне хотеть придушить их обоих.

— Ну? И что делать будем?

Тяжёлые вздохи и взгляды исподлобья.

— Сладкого ты нас уже лишила, — пробурчал Фред. Джордж кивнул.

Я всегда легко их различала — так же, как и моя мама. А вот у других людей с идентификацией личностей возникали проблемы — парни мои абсолютные ксерокопии друг друга.

— Ах, вот в чём дело, — протянула я, скрещивая руки на груди. — Поэтому вы решили, что вам теперь всё можно? Спешу огорчить: сладкого я вас лишила только на сегодня. До этого момента с бомбочкой. Теперь и до конца недели никакого сладкого!

— Ну ма-а-ам! — завyli хором мои рыжие кошмары.

— А если будете ещё безобразничать — достану папин ремень.

Близнецы струхнули. Будь они собаками — повесили бы горестно ушки. А так просто насторожились и слегка присели.

— Ты же шутишь, да, мам?

— Шутишь, да?

— Нет! — рявкнула я. — Вы...

Я хотела сказать откровенно, что хочу их придушить и ремень — это неплохой компромисс, но тут в дверь позвонили.

— Ага! — обрадовалась я и схватила близнецов за уши. Фреда за левое, Джорджа за правое. — Небось, пострадавший наш пришёл. Возмущаться. Ну-ка, пошли извиняться!

Близнецы пытались вывернуться из моей железной хватки, но у них это не получилось — рука у меня была жёсткая, натренированная. За уши держала и била по жопам с самого их детства.

Когда я вытащила своих чертей в коридор, мама уже открывала входную дверь и негромко здоровалась с визитёром. Я подтащила пыхтящих мальчишек ближе к двери, отодвинув родительницу в сторону, и грозно буркнула:

— Ну?!

Стоящий за дверью мужчина вздрогнул и посмотрел на меня с удивлением. Свою промокшую шляпу — светлую, на манер ковбойской, — он держал в руке, поэтому я сразу заметила, что наш пострадавший не менее рыж, чем мои сыновья.

Собаки с ним не было.

— Простите?.. — он слегка наклонил голову. Моё подсознание фиксировало детали: голубые глаза, гладко выбрит, лицо мужественное, приятное. И ресницы не прозрачные, как это частенько бывает у рыжих.

— Извиняйтесь! — рявкнула я и дёрнула своих чертей за уши.

Мужчина опешил.

— Я?!

— Да не вы! — я поморщилась. — А обалдуи эти! Давайте, ребята, быстро говорите, как вы жалеете о случившемся и раскаиваетесь!

— А врать нехорошо! — хором протянули Фред с Джорджем. Я вновь дёрнула их за уши. — Ну ма-а-ам!

— А швыряться «бомбочками» с балкона, значит, хорошо?! — возмутилась я. — Быстро извиняйтесь, я сказала! А то месяц будете без сладкого!

— Ла-а-а-адно...

— Хорошо-о-о...

Но извиниться мои охламоны не успели.

— Не нужно, — сказал мужчина быстро, что-то достал из кармана ветровки и протянул мне. — Вот, возьмите. Она была внутри воздушного шарика. Одного из воздушных шариков,

точнее.

Руки мои были заняты, поэтому я просто опустила глаза... и увидела резиновую уточку. Жёлтую резиновую уточку, которая уже тысячу лет стояла на краю ванны. Когда Фред с Джорджем были маленькими, я пускала её поплавать, но теперь она давно просто стояла там.

Видимо, близнецы решили, что уточки должны не только плавать, но и летать. С балконов.

— Угу, — я вздохнула, чувствуя, что ещё немного — и сама захочу полететь с балкона головой вниз. — Так... Подождите... Вы сказали — одного из воздушных шариков?

— Верно, — мужчина кивнул, по-прежнему протягивая мне уточку.

— А сколько их было?!

— Три.

— Неправда! — хором возвестили мои черти. Фред продолжил: — Их было четыре! Один не попал. И в вас попали только два! Третий угодил в собаку.

Господи, как же хорошо, что они не додумались налить в эти шарики какую-нибудь краску, хлорку или клей. Вода с уточками — почти безобидно.

— Верно, — подтвердил мужчина. — Возьмите вашу игрушку, и я пойду. Извинений не нужно. Я обойдусь.

— Зато я — не обойдусь! — отрезала я, игнорируя уточку. — Фред! Джордж!

У нашего нового знакомого вытянулось лицо.

— Простите?..

— Их так зовут! — пояснила я. — Я жду.

— Ла-а-адно!

— Хорошо-о-о!

— Простите нас! Мы больше не будем...

— Кидаться...

— В вас...

Отлично. В него они наверняка больше не будут кидаться, зачем? Этап пройден. А вот в кого-нибудь другого — вполне.

С другой стороны, хоть так...

Уши были отпущены, уточка взята, и мои бандиты сразу пулей убежали в свою комнату. Только пятки засверкали.

— Ну что ж, я... — мужчина тоже собрался уйти, но я остановила его вопросом:

— А зачем вы её принесли? Оставили бы там, где-нибудь на лавочке.

Он вновь удивлённо на меня посмотрел и нахлобучил на голову мокрую шляпу.

— У моей собаки почти такая же уточка, — пожал плечами. — Я подумал, вдруг она вам нужна. И потом, это было не трудно. Я живу в квартире под вами со вчерашнего дня.

— О-о-о, — протянула я. — Сочувствую.

Он почти неувовимо улыбнулся, кивнул и ушёл.

А я отправилась на кухню. Перед этим только зашла в ванную и поставила на место жёлтую, как яичный желток, уточку.

Станный он какой-то... И рыжий, к тому же.

Интересно, как его зовут?

Духовку я отмыла. Иногда я думаю: если с нашей школой, где я преподаю русский язык

и литературу, что-нибудь случится, я всегда смогу устроиться куда-нибудь уборщицей. За десять лет существования в моей жизни Фреда и Джорджа что я только не отмывала...

Был у нас с ними «зелёночный» период — в то время они разрисовывали зелёной не только Фиму, но и стены, и пол, и потолок, и даже себя. Вот уж что практически невозможно отмыть. А взорвавшаяся сгущёнка, заляпавшая духовку — так, мелочь.

После того как наш странный сосед — мысленно я окрестила его Шляпником — ушёл, близнецы угомонились. У них так бывает чаще всего — то шкодят и шкодят, вздохнуть не дают, а потом вдруг завод кончается, и они становятся паиньками.

До следующего раза...

Я позволила себе немного расслабиться только после ужина, когда мама отправилась смотреть любимый сериал, а Фред и Джордж ушли в свою комнату и там тихо-мирно достали одну из настольных игр. Предлагали и мне присоединиться, но больше всего на свете я сейчас хотела одиночества. И музыки.

Музыка — мой способ успокоиться и не сойти с ума. Я и раньше любила слушать музыку, а после смерти мужа начала делать это постоянно. Вместо того чтобы думать и лелеять собственную боль, я предпочитала включать что-нибудь ритмичное или лиричное — и заполняла себя мелодиями до краёв.

Фред и Джордж росли в пространстве, наполненном различной музыкой, и были такими же меломанами, как и я. Я предлагала им музыкальную школу, но, как заявили мои охламоны: «Играть музыку не то же самое, что слушать». И я не стала настаивать. Плавание, футбол, настольные и компьютерные игры — близнецам хватало занятий.

Сегодня я выбрала для себя хрустальный вокал Хейли Вестенра и, зайдя в нужный плейлист, включила первую попавшуюся песню.

Сквозь окно в моей душе

Все секреты, что держу

Будут твои всегда, всегда.

Словно шёпот, ветерок

Легко касается моей кожи.

Я знаю, что ты со мной

Всегда, всегда^[1].

Я вздохнула.

Да, ты со мной... Всегда-всегда.

Где-то через полчаса, когда я почти уснула, ощутила, как по обеим сторонам от меня легли близнецы. Улыбнулась, перевернулась на спину и перетащила их к себе поближе, прижала к плечам рыжие макушки.

Черти. Только ради вас и живу...

Проснулась я от душераздирающего, но синхронного пения.

— Говорят, мы бяки-буки,

Как выносит нас маман?

Но зато не знаем скуки,

Как положено чертям!

Ещё не до конца проснувшись, я уже начала трястись от хохота.

— Долго сочиняли?

Дети вопрос проигнорировали, пропев:

— Ой-ля-ля, ой-ля-ля,

Ай да круглая Земля!

Ой-ля-ля, ой-ля-ля!

Эх, мам!

Эх, мам — это точно.

Я приоткрыла один глаз и покосилась на часы. Семь утра, пора, как говорят мои близнецы, стэндапить. И гоу бэк ту скул.

Словно в ответ на эту мысль истошно зазвонил будильник. Фред и Джордж на секунду запнулись, но затем продолжили:

— Ой-ля-ля, ой-ля-ля,

Эх, мам!

— Эх, черти! — я слезла с кровати и запустила в детей подушкой. — Ну-ка, быстро умываться!

— А мы уже! — кивнул Фред, а Джордж добавил:

— И Фима!

О-о-о. Бедняга.

Совершенно мокрый Фима сидел посреди коридора и сосредоточенно вылизывался. Увидев меня, насторожился, а уж когда из комнаты выбежали черти, подпрыгнул и бросился наутёк в своё любимое место — под ванну.

— Эх, ничему тебя жизнь не учит, — пробурчала я и зашла следом. — Мои бандиты тебя поэтому под воду и засунули, что ты сам сюда прибежал. Надо было прятаться под кровать!

Фима высунул задумчивую морду из-под ванны и опасно мяукнул. Почему-то в этом мяве мне послышалось: «Да ты что, хозяйка, всё равно достанут, если им захочется...»

Вообще «всё равно достанут» — вечный девиз Фреда и Джорджа. И спасибо, Господи, что они не волшебники с палочками! Иначе от их «чудес» я бы уже повесилась.

Я быстренько умылась, чтобы не оставлять своих оболтусов надолго с мамой наедине, и побежала на кухню. Завтрак уже был готов, как обычно. За завтрак в будни отвечала мама, а в выходные — я.

У сидящих на табуретках мальчишек были на редкость святые лица. Я посмотрела на свою табуретку — чисто. В тарелку. Обычные сырники. Банка со сгущёнкой, упаковка сметаны, чай... Ну, разве что чай...

Понюхала. Чай пах чаем.

Я совсем насторожилась.

— И где вы нашкодили?

Мои черти синхронно выпрямились, выставили подбородки вперёд и заголосили:

— Нигде!

— Мы молодцы! Так Нина Васильевна говорит!

Я умилилась. Нина Васильевна — классный руководитель, святая женщина, сказавшая мне ещё в самый первый день первого класса: «Если я за четыре года начальной школы не прибью их обоих, поставишь мне памятник. Или хотя бы коньяк».

Надо будет купить.

— И почему же Нина Васильевна так говорит?

Фред и Джордж гордо надулись.

— У нас все оценки в году — пятёрки!

У меня изо рта от удивления выпал кусок сырника. Вот же! Я думала, хоть одна четвёрка в итоге получится, но эти черти... хитрые!

— Ты нам обещала-а-а-а!

— Да-а-а-а, обещала-а-а!

Мама, хихикнув, отхлебнула чаю и подперла щёку рукой, глядя на внуков с умилением. Театр двух актёров!

— Обещала? — я решила прикинуться ветошью. В конце концов, если им можно, почему мне нельзя? — Не помню.

— Ну как же! — Фред всплеснул руками.

— Мы же договаривались! — закивал Джордж.

— Н-да? — я пожала плечами и вновь забросила в рот кусочек сырника, измазанный в сгущёнке. — Знаете, как говорят? Это было давно и неправда.

— Ну ма-а-ам! — возмутились мои бандиты вновь хором. — Так нечестно-о-о-о!

— Нечестно, значит? — я подняла брови. — А бомбочки с балкона кидать честно? Или, как на прошлой неделе, подкладывать мне в стиральную машину к белому белью синие носки? Или менять местами соль и сахар?

— Это было давно! — возразили мои оболтусы. И, подумав, добавили: — И неправда!

Мама вновь захихикала, а я только закатила глаза.

— Резюмирую, короче. Пока не научитесь хорошо себя вести — никаких скутеров!

— Гироскутеров...

— Да хоть гидро!

— Ну ма-а-ам!

— Так! Вы поели? Тогда стэнд ап! И марш одеваться.

Близнецы какое-то время недовольно посопели, но потом всё же встали и отправились в свою комнату.

— А ведь они правы, Алён, — протянула мама, как только шаги наших бандитов затихли, — ты действительно обещала купить эти скутеры, если в году они получают одни пятёрки.

— Знаю, — я поморщилась. — И куплю. Только не говори, пусть помучаются.

— Х-м-м... Зачем им мучаться?

— Из вредности! Моей. Они же меня мучают. Могу я хотя бы иногда помучить их?

— А-а-а, — понимающе протянула мама, улыбаясь.

В школу Фред и Джордж отправились всё такие же несдуваемые от обиды, какими были дома. Сверлили меня умоляющими взглядами и вообще всячески прикидывались небесными ангелочками, которых несправедливо обидела злобная мать.

Я по-прежнему строила из себя ничего не понимающую ветошь, хлопая глазами и разговаривая о погоде. Главное, чтобы они теперь от вредности чего-нибудь не задумали, а то с них станется захотеть исправить пятёрки на четвёрки. Хотя... нет, это вряд ли.

Был у Фреда с Джорджем маленький пунтик, которому в душе я страшно радовалась. Мои оболтусы терпеть не могли плохие оценки, им нравилось быть отличниками. Даже четвёрки мальчишек изрядно бесили, заставляя лишний час сидеть за выполнением уроков. Вот так и получалось, что, будучи отъявленными хулиганами, мои черти умудрялись быть в классе... нет, не первыми. Вторыми.

Всю малину им портила Юля Бессонова. Маленькая отличница, которой Фред и Джордж уже четвёртый год отравляли жизнь. Отравлять жизнь бедной девочке, можно сказать, сам Бог велел — мои чертята были отчаянно в неё влюблены с первого класса. Оба, как положено. Но Юля — тоже как положено — взаимностью не отвечала. Да и как тут ответить, если тебя то за косу дёргают, то портфель твой прячут, то в пенал резинового паука подкладывают, чтобы визжалось громче.

Хотя... надо быть справедливой. Визжать Юля перестала ещё в первом классе. Она была очень умной девочкой и быстро смекнула, что к чему. Да, умная и очень хорошая девочка... и единственное, чего я боялась — что мои оболтусы когда-нибудь из-за неё перессорятся.

Я довела Фреда и Джорджа до третьего этажа — места дислокации младших классов — и пошла к себе, на четвёртый. В свой родной кабинет, где я работала уже... да, почти девять лет.

Первым уроком была литература у моих десятиклассников. Они толпились у кабинета, как обычно — часть просто болтала, другая что-то лихорадочно списывала. Скорее всего, физику — у ребят на носу была контрольная работа.

Я открыла кабинет и запустила детей внутрь, сразу попросив их открыть окна — с ночи воздух застоялся, а на улице как раз прекрасная майская погода. Романтика! Сейчас бы рассказывать про поэтов серебряного века... жаль, что у нас по программе Достоевский.

Я посмотрела на доску и нахмурилась. Нет, писать сегодня вроде не понадобится, но порядок есть порядок.

— Если мела нету в классе, зол учитель и опасен, — продекламировала я, выразительно глядя на Федю Клочкова. Тот пробурчал «почему всегда я?», но покорно отправился в учительскую за мелом.

Почему всегда он — на самом деле это хороший вопрос. За шесть лет, что я вела этот класс как классный руководитель, я прекрасно изучила своих подопечных. И знала, что рыцарь у нас тут только один. И это Федя.

Вернулся Клочков через пару минут, с мелом в руке и взбудораженными глазами на круглом лице.

— Алёна Леонидовна, — зашептал он, остановившись перед моим столом, — а там... а вы, наверное, не знаете... или знаете?

— Может, и знаю. Ты скажи, что я там знаю, и я скажу, знаю я или не знаю.

Клочков мотнул головой — видимо, она у него закружилась от этих многочисленных «знаю». Вспомнилась старая песня группы Флёр: «Я знаю, что ты знаешь, что я знаю, что ты

знаешь. И ты скрываешь то, что я скрываю, что ты скрываешь».

Мне, как меломану и литератору в одном лице, эта игра одних и тех же слов страшно нравилась. На одном уроке я даже предлагала ребятам самим сочинить подобное. «Я боюсь, что ты боишься, что я боюсь, что ты боишься», и так далее...

Между тем Ключков выпалил:

— Там... к Марине Владимировне... мужчина! Я краем уха слышал. Он сказал, что учитель математики. А... Галина Николаевна уходит?! Или Ольга Петровна?!

Ольга Петровна, на мой скромный взгляд, могла уйти отсюда только в мир иной. Она проработала в этой школе всю жизнь и собиралась работать до последнего.

А вот Галя...

— Федя, — сказала я строго, — не разболтаешь?

Ключков помотал головой. Я знала, что Федя ничего не разболтает — настоящие рыцари не болтливы.

— Галина Николаевна с сентября в декрет уходит, так что вам со следующего года поставят либо этого нового мужчину, либо... Ольгу Петровну.

Из груди десятиклассника вырвался полузадушенный протестующий писк. И я его понимала: Ольга Петровна, в конце концов, была не только преподавателем алгебры и геометрии, но и моим классным руководителем, когда я ещё училась в школе. Мы за глаза звали её Олег Петрович, и подозреваю, что она об этом знала. И ей это нравилось.

Ключков и другие мои ребята общались с Ольгой Петровной плотно всего пару раз — когда она заменяла заболевшую Галю Новицкую.

Впрочем, им хватило.

— Только бы не Ольга Петровна! — пробормотал Федя. — Второй учитель приветливее выглядит. И он, — Ключков вдруг улыбнулся, — рыжий. Как ваши близнецы!

М-да. Что-то везёт мне последнее время на рыжих.

Или наоборот — не везёт.

После первого урока, на котором я вдохновенно вещала десятиклассникам про любовь Раскольников и Сонечки Мармеладовой, я заглянула в учительскую. Честно говоря, хотела просто поинтересоваться у Марины Владимировны Шустровой, нашего завуча, как ей новый кандидат на Галино место... но застала там и его самого.

Он стоял перед столом, за которым сидела Марина Владимировна, и кивал в ответ на её слова. Судя по тому, что она ему говорила — кандидата взяли.

Но это оказался не просто кандидат, а...

— Алёна Леонидовна! — Шустрова, заметив меня, махнула рукой. — Идите, познакомьтесь, тем более что у вас кабинеты рядом...

... А наш сосед снизу. Шляпник!

Хотя сегодня на нём, конечно, не было никакой шляпы. Обычные брюки, светлая рубашка и тёмно-зелёный свитер — всё чистое, но не новое. И ярко-рыжие волосы — как костёр на голове...

Господи, хоть бы не Антон.

— Это Лев Игоревич, с сентября заменит Галю Новицкую. А это Алёна Леонидовна — наш учитель литературы и русского языка.

Спасибо. Не Антон.

На лице Шляпника на секунду проступило замешательство, но потом он чуть улыбнулся

и кивнул.

— Приятно познакомиться.

Я тоже кивнула. Интересно, он всегда такой невозмутимый? Боюсь об заклад, к сентябрю, пожив под нами, заработает себе как минимум нервный тик.

— Взаимно. Моих-то, — я помахала классным журналом, — Льву Игоревичу отдадут или?..

— Решим, — чуть усмехнулась Шустрова, — но попозже. Ближе к сентябрю.

Ну да, логично.

Они продолжили разговаривать, а я, засунув журнал на полочку, вернулась к себе. Пока есть время, надо написАть Фреду и Джорджу, а то ещё подумают, что я про них забыла.

Но подумают — это полбеда. Куда хуже, когда они решают матери о себе напомнить.

К середине дня школа гудела, напоминая взбудораженный пчелиный улей. Учащимся и преподавателям было, что обсудить — во-первых, о беременности Новицкой знали только я, завуч и директор (теперь ещё Клочков), и многие ликовали, думая, что это Ольга Петровна решила наконец уйти на пенсию. Наивные.

Во-вторых, мужчин среди учителей было не так много — трудовик Евгений Карпович Лютов, совершенно не оправдывающий свою фамилию тихий шестидесятилетний мужичок, стабильно два раза в год уходящий в запои — на майские праздники и Новый год. Физрук Андрей Викторович Рогов, проработавший в нашей школе двадцать лет и бывший персоной давно изученной и не интересной несмотря на свой ещё достаточно «молодой» возраст в сорок пять лет. И наконец, физикохимик Владимир Петрович Боровой, или просто Петрович — прокуренный до круглогодичного желтоватого загара дедок, изо рта которого пахло всей таблицей Менделеева и прочей органической химией.

В общем, совершенно не интересные персонажи, коим давно были перемыты абсолютно все косточки. Запойный Лютов, гуляющий от жены Рогов — благо, не со школьницами, — и война Ольги Петровны с Петровичем, которого она по неизвестным причинам терпеть не могла, — всё это было обыденно и скучно. То ли дело новый учитель! Молодой, лет тридцать пять, симпатичный. Интересно, женат ли он? Дети есть? И что он у нас забыл?

Нет-нет, это мне совершенно не интересно, я просто пересказываю, о чём весь день говорили повсюду — в учительской, в кабинетах, в коридорах. Сама я в разговорах не участвовала, с грустью думая о том, что если мои черти решат испортить Льву Игоревичу жизнь, я не скроюсь от него даже на рабочем месте.

А в том, что они решат, я была уверена. Слишком хорошо я знала своих мальчишек.

Полпятого я забрала Фреда и Джорджа с продлёнки и отправилась с ними домой. Близнецы, естественно, Шляпника в школе не видели, поэтому не проявили к будоражающим школу слухам никакого внимания. Их больше интересовали... как там... гироскутеры.

— А мы выбрали модель!

— Которая нам нравится!

— Смотри, мам!

И тычат мобильниками.

— Я счастлива.

— Ну, мам! Ну посмотри-и-и!

— Какой классный, да?

Я хмыкнула.

— Ничего особенного. Два кольца, два конца, а посередине гвоздик.

Фред и Джордж громко и искренне возмутились:

— Какой гвоздик?

— Нет гвоздика!

— Ни одного гвоздика нет!

— И не кольца, а колёса!

Этим они в Антона пошли. Когда речь шла о чём-то важном для него, у Антона напрочь отказывало врождённое чувство юмора.

Кстати о чувстве юмора. Любопытно, у нашего нового соседа оно есть? Терпения, спокойствия — завались, а как с чувством юмора?

Вышеупомянутый сосед между тем появился на горизонте. Не замечая опасности, стоял посреди дорожки к дому, а его ретривер нюхал одуванчик, чтобы впоследствии на него пописать.

Близнецы на секунду замерли, а затем расплылись в лукавых улыбках. И прежде чем я успела на них среагировать, одновременно закричали:

— Здравствуйте!!

Плечи у Шляпника чуть вздрогнули. Теперь он, кстати, действительно был Шляпником — на голове красовалась та самая полуковбойская шляпа.

Обернулся, оглядел близнецов, потом меня. Улыбнулся вполне мирно.

— Добрый день.

Пёс его перестал поливать одуванчик, на секунду застыл, словно раздумывая, а после понёсся прямо на нас, радостно размахивая ушами.

— Ух ты-ы-ы!

— Какой кла-а-асный!

— А как его зовут?!

Большинство матерей, видя бегущих к ним псин, впадают в панику. Я больше волновалась в обратном случае — если к псынам бежали мои черти. Отогнать от себя собаку я вполне способна, а вот отогнать от собаки своих детей... Это более сложная задача.

— Рем, — ответил Шляпник, одёргивая поводок, но это уже было ни к чему — Фред с Джорджем сами поспешили навстречу псу. Присели рядом, начали гладить, подняли головы и сказали почти одновременно:

— Фред!

— Джордж!

— Как-как? — на лице Шляпника отразилась растерянность.

Вообще он точно слышал эти имена, когда заходил к нам с уточкой. Но, видимо, забыл или не придал значения.

Между тем мои бандиты уже потеряли к мужчине интерес — они увлечённо тискали ретривера. Тот застыл, терпя тисканье и снисходительно помахивая хвостом.

— Их так зовут, — я подошла ближе, внимательно следя за действиями ребят. Как бы не придушили собаку от восторга. — Ну, почти. Федя и Дима, а Фред и Джордж — прозвища. Читали?

Я думала, он спросит «что?», всё-таки учитель математики. Но Шляпник просто кивнул и улыбнулся.

— Значит, ваша фамилия Уизли? — спросил с лёгкой улыбкой. Отлично! У него есть чувство юмора.

— Если бы мы были волшебниками, наверное, так и было бы. Но мы не волшебники, поэтому Пронины. А вы? Марина Владимировна не называла вашу фамилию, когда представляла.

И тут мои черти вновь подняли головы.

— Марина Владимировна-а-а-а? — протянули синхронно, услышав имя родного завуча. Сами-то они её видели всего пару раз, но я рассказывала о Шустровой достаточно, чтобы близнецы сразу идентифицировали знакомое имя.

Шляпник посмотрел на моих мальчишек и ответил не мне, а им:

— Верно. Мама не говорила, что я с сентября буду работать в вашей школе?

И сразу — два укоризненных взгляда.

— Я просто не успела, — пожала плечами. — Кто мне гидроскутеры сразу стал впаривать?

— Мама!

— Не гидро, а гиро!

— Да хоть гетеро, — выпалила я и сама засмеялась, представив себе такой «гетероскутер». — Всё равно не видать вам их.

— Ну ма-а-ам! — заныли дети, и Рем, видимо, впечатлившись их воем, лизнул в щёку сначала Фреда, потом Джорджа.

— Вот видишь! — тут же заявили мои черти. — Даже он нас жалеет! А ты — нет!

Ох, меня бы кто пожалел.

Шляпник молча посмеивался, и я решила, что пора прекращать этот цирк.

— Всё, хватит. Встали и потопали домой. Мне ещё сочинения восьмого класса проверять.

Близнецы тут же вскочили, как образцово-показательные дети. Явно «гидроскутер» отрабатывают.

— Идём, мама!

— Да-да, мы уже это... одна нога там!

И убежали.

Я усмехнулась. Воспитывать их ещё и воспитывать... Как собаку зовут, спросили. А как зовут соседа — нет.

А зачем, правда?

— Извините, Лев Игоревич, — сказала я вежливо и, наклонившись, потрепала Рема по холке. Пёс сразу приветливо завилял хвостом. — Сорванцы они у меня.

— Я понял. — Мужчина кивнул и прикоснулся ладонью к шляпе, прощаясь. И я уже собиралась уходить, когда он произнёс: — Вы спрашивали мою фамилию. Я Рыжов.

Судя по его чуть лукавому взгляду, он прекрасно понимал, каких усилий мне стоило не засмеяться.

— Спасибо. Я... учту.

Когда я вошла в квартиру, мои охламоны уже мыли руки, а мама копошилась на кухне — готовила ужин.

Я подошла к ванной и грозно спросила, сведя брови и сложив руки на груди:

— У собаки имя вы спросили, а хозяина забыли? Или это вам, чудесным, ну совсем не интересно?

Фред и Джордж разом замерли, потом переглянулись — Фред лукаво улыбнулся, а

Джордж пропел:

— Ничего мы не забыли, просто... м-м-м... просто мозгом мы поплыли!

У меня задрожали губы.

— Чтобы так всё объяснить, нужно очень наглым быть, — я погрозила своим чертятам пальцем. — Исправляйтесь! Иначе какой вам гидроскутер, если вы не можете быть элементарно вежливыми.

Близнецы надулись.

— Гиро... И не в рифму...

— Да уж хватит с вас стишков. Вытирайте руки и пойдём ужинать.

Я собиралась уходить, когда Фред и Джордж хором протянули:

— Так, ма-а-а-м...

Я думала, они скажут — «так ты купишь нам скутер?» — но мои бандиты, повесив головы, аки божие агнцы, пробурчали:

— Так как зовут хозяина Рема, мам?

Вот ведь. Не «нашего нового соседа» или даже «этого рыжего мужика», а «хозяина Рема».

— А это вы сами должны выяснить, — сказала я почти мстительно. — И тогда я подумаю про ваш гетероскутер.

— Гиро... ой.

— Правда подумаешь?!

— Да?!

И столько счастья в глазах.

— Подумаю. Но подумаю — не равно куплю. Просто... подумаю.

— Москва тоже не сразу строилась! — заявили мои черти и побежали на кухню.

Москва... Ох, чует моё сердце, станут эти скутеры нашими с мамой гробами на колёсиках.

Лучше бы Фред и Джордж попросили у меня хомячка, как тогда, на пятилетие. Я согласна даже на двух. Заодно и Фиме развлечение...

После ужина я сразу засела за проверку сочинений, но дело двигалось медленно — накрыло воспоминаниями. У меня это бывает иногда. И хорошо, если воспоминания связаны с чем-то приятным, а не с самым первым годом жизни близнецов. Счастье от подаренной жизни было омрачено пережитой смертью. Но нет, сегодня я не стану об этом думать.

Я вспоминала, как в нашей семье появился Фима. Фред и Джордж тогда только пошли в первый класс. Осень была золотая, тёплая, и мама после уроков выпускала их погулять во двор, сама периодически поглядывая в окно. Отвлеклась буквально на минуточку и вздрогнула, когда близнецы оказались рядом, со святыми лицами прося «попить и покушать».

Мама умудрилась тогда ничего не заподозрить, и только я почуяла неладное, вернувшись с работы и узнав, что просили Фред и Джордж не что-нибудь, а молоко. Мои черти, конечно, его пили, но чтобы самим просить?! Это же не сок и не газировка.

Странный запах в комнате детей я ощутила сразу. Близнецы старательно делали вид, что не понимают, о чём я их спрашиваю, хотя я была прямолинейна, возопив: «Кого вы домой притащили?!»

Искомое обнаружилось в шкафу. Пушистый, но грязноватый рыжий кот сидел рядом с

коробкой из-под моих туфель, заполненной песком с детской площадки, и с грустью смотрел на блюдечко с почти допитым молоком. В шкафу не слишком приятно пахло кошачьей мочой и какашками. Благо, зарытыми в песок.

— Он чуть под машину не попал... — шепнул Фред.

— Мы его спасли, мам... — закивал Джордж.

Я закатила глаза. Спасатели Малибу!

— Значит, так, — сказала я грозно, — я разрешу его оставить только с одним условием.

Поклянитесь, что больше никогда и никого с улицы не принесёте, даже если этот кто-то чуть не попадёт под машину!

Они поклялись. Я думала, не сдержат слово и когда-нибудь притащат мне ещё какого-нибудь щенка или котёнка. Но Фред и Джордж закончили спасательную миссию на Фиме.

Кстати, Фима — это сокращение. Полное имя нашего найдёныша — Фемистокл.

В тот день по телевизору как раз показывали фильм про Древнюю Грецию...

Со Шляпником мы столкнулись утром следующего дня возле входа в подъезд. Он шёл домой после прогулки с Ремом, мы же с мальчишками направлялись в школу.

Увидев нас, Лев Игоревич приподнял шляпу, его собакин завилял хвостом, а Фред и Джордж хором завопили:

— Простите, а как вас зовут?!

У меня аж в ушах зазвенело. Судя по тому, как дёрнул головой Рем — у него тоже.

Шляпник остался невозмутим, аки апельсин на тарелке, только шляпа в его руке чуть дрогнула. Наверное, от звуковой волны.

— Лев Игоревич меня зовут.

Мои ребята посветлели лицами. Точно шалость придумали...

— Ого! Лев!

— Круто!

— Как царь зверей!

Ох, не нравится мне это...

— У царей зверей нет отчеств, — сказала я строго. — Доброе утро, Лев Игоревич.

Шляпник кивнул и вновь обратился к моим оболтусам:

— А вас как-то различить можно, парни? Сколько смотрю — не вижу отличий.

«Парни» ещё сильнее посветлели лицами. Как же они любят, когда их не могут различить! Даже бабушка иногда путается, что уж говорить о новых соседях по дому.

— Никак!

— Ни за что!

— Никогда!

— Ни...

— Ни-ни, — я дала своим чертятам лёгкие поджопники. — Пойдём, а то в школу опоздаем. Тогда вам точно не видать гароскутеров.

— Гиро...

— И их тоже.

Мы потопали дальше, а Шляпник и Рем проводили нас задумчивыми взглядами. Наверное, пытались научиться различать Фреда и Джорджа.

Зря. На моей памяти это получилось только у Юли Бессоновой. Наверное, ещё и по этой причине мои бандиты были так отчаянно влюблены в свою одноклассницу.

Как-то так выходило, что несколько последующих дней — до утра субботы — мы Шляпника не видели. Ну, почти. Пару раз по утрам я наблюдала его вдалеке, идущим вниз по улице в своей неизменной шляпе, и гадала, как скоро Фред и Джордж решат испытать нового соседа на прочность. Они ведь подобные «испытания» всем нашим соседям снизу устраивали. Как поняли, насколько это интересно и увлекательно, так и начали. Пару раз даже доблестная полиция приезжала...

В общем, квартиру под нами продавали дважды, то есть, Лев Игоревич был уже третьим нашим соседом-бедолагой. И ему колоссально повезло, что близнецы оказались сосредоточены на своих скутерах и думать забыли про безумные шалости и приключения. Попой чуяли, как это важно — включить в себе ангелов небесных. И светили мне нимбами

на всю катушку. Подлизывались, ласкались, посуду за собой мыли, игрушки убирали, ходили строем и по струночке... Мама вечером в четверг даже сказала:

— Может, тебе включить режим бесконечных обещаний, Алён? Глядишь, наши бандиты хотя бы до сентября будут чисты и невинны.

Идея мне понравилась, но, к сожалению, я слишком хорошо понимала, что она не сработает. И если Фред и Джордж не получат свои скутеры до конца мая, на корабле начнётся бунт, и мало никому не покажется.

Поэтому вечером в пятницу я заявила мальчишкам:

— Если продержитесь до первого июня в режиме «Федя и Дима», а не «Фред и Джордж», так и быть, куплю вам скутеры. Не продержитесь — пеняйте на себя!

Ох, видели бы вы их лица! На них в буквальном смысле цветы распустились. И глаза засияли — не глаза, а фонари.

А в субботу утром, направляясь за покупками, мы наконец встретили Шляпника. Почему «наконец»? Мне на самом деле было интересно, как он поживает.

— Доброе утро, Лев Игоревич! — сказали хором мои черти. — Здравствуй, Рем!

Пёс завилял хвостом, а сосед кивнул.

— Доброе, ребята. — Посмотрел на меня и легко улыбнулся. — Доброе, Алёна Леонидовна. Хорошая погода сегодня, и завтра тоже обещают неплохую. Пойдёте с нами гулять?

Я немного растерялась.

— Простите, но я...

— Мама в выходные рано вставать не любит! — сдал меня Фред. — А мы можем. Мы пойдём!

— Без меня не пойдёте.

— Ну ма-а-ам...

— Нет, — отрезала я и, схватив своих оболтусов за шкурки, потащила дальше по улице. — Извините, Лев Игоревич. Как-нибудь в другой раз!

— Ничего страшного, — ответил он, так же спокойно улыбаясь.

Кажется, он не особенно расстроился. А вот балбесы мои надулись и явно начали рассматривать варианты страшной мести злобной маман.

— А мы сегодня с утра смотрели передачу...

— Да, передачу!

— Про темпераменты...

Я насторожилась. Последняя такая передача была про какое-то племя, рисующее на теле всяческие знаки хной. Для увеличения... то ли чакр, то ли магических сил. Фред и Джордж решили проверить, правда ли от этих значков чакры увеличиваются, и разрисовали друг друга. Только не хной — маркерами.

Не знаю, как насчёт их чакр, а мои от отмывания этих значков ещё больше сдулись.

— Ну и что эта передача про темпераменты?

— Там про холериков, сангваников...

— Сангвиников.

— Ага! Меланхоликов и флематиков!

— Флегматиков.

— Да-да! Мы — сангвиники или холерики?

Я на секунду задумалась.

— Сангвиники, наверное. Но вы, мои дорогие, ещё дети, у вас всё может поменяться.

— А ты — меланхолик! — хором возвестили Фред и Джордж. Они явно решили поставить мне диагноз.

— В точку.

— А Лев Игоревич — флегматик!

— Хм... Возможно.

— И это неправильно!

Я нахмурилась.

— Неправильно?..

— Да-а-а! Он же Лев!

— Ле-е-е-ев!

— Лев! Ле-е-ев!

— Да поняла я, что Лев! При чём здесь это?

Близнецы на мгновение заткнулись, набирая воздуха в грудь. А потом гаркнули хором:

— Лев должен быть холериком!

Ой-ёй...

— Ребята... это просто имя.

— Не-ет!

— Ты не понимаешь!

— Просто имён не бывает!

— И если ты Лев, значит, ты Лев!

— А львы р-р-рычат!

— Он просто тихий лев.

— Это не лев! — заключили мои ребята. И я решила больше ничего не говорить, дабы не подзуживать.

Кажется, Фред и Джордж решили попробовать разбудить во Льве льва. Ха.

Даже интересно, что у них получится...

Нет, я знаю, что не должна так думать. Но ведь... интересно же!

Вечером за ужином я пересказала этот диалог маме и возмущённо подавилась пельменем, услышав:

— И как это вы, волшебники, собираетесь быть Федей и Димой до первого июня, если внизу живёт такой вызов в виде не рычащего Льва?

— Мама... — протянула я укоризненно, не одобряя подобных дразнилок.

Фред и Джордж опустили очи долу и протянули:

— Мы очень хотим гироску-у-утеры...

— Чувствую, после первого июня нашему соседу будет весело, — засмеялась родительница. А я, наколов на вилку ещё один пельмень, заключила:

— Теперь мне понятно, ребята, в кого вы такие шкодята. В бабулю!

«Бабуля» захихикала, Фред с Джорджем расплылись в улыбках, а я продолжила для очистки собственной совести — не верила, что от моих слов будет хоть какой-то толк:

— Только без фанатизма, пожалуйста. Вы же не хотите попасть в тюрьму для малолетних преступников?

Мои охламоны помотали головами.

— Не волнуйся, мам!

— Всё будет хорошо!

Вот этого я и боюсь. «Хорошо» моим чертям обычно, когда остальным как минимум «не очень хорошо», а то и вовсе «плохо».

Предупредить Льва, может? Ну не, так неинтересно.

Тыфу на тебя, Алёна! Сама такая же, а на бабулю бочку катишь...

На самом деле жаль, что Фреда и Джорджа нельзя чем-нибудь постоянно шантажировать — благодаря их желанию получить гироскутер месяц у меня был более чем спокойный. Мальчишки вели себя практически идеально, мне даже скучно иногда становилось.

Впрочем, если бы у меня ещё и дома был кошмар кошмарович, я бы, наверное, не выдержала. Май в школе — месяц горячий, и десятиклассники дали мне жару перед последним годом.

Сначала был выпускной у моих чертей, на котором они дулись от гордости, словно рыбы-мячи, глядя на свои пятёрки, а Нина Васильевна, их классный руководитель, светилась от облегчения, что её «волшебная» рыжая каторга наконец переходит в старшую школу.

Кстати, коньяк я ей всё-таки поставила. На что получила вздох и философское:

— Да, Алёна... Мне коньяк за четыре года, а тебе что надо поставить за десять-то лет?

Я фыркнула.

— Вариант только один. Тот самый, к которому не зарастёт народная тропа.

Мы похихикали, но на самом деле — было бы смешно, если бы не было немножко грустно.

В том числе — от того, что май заканчивается, и мне волей-неволей пришлось заказывать в интернет-магазине эти их скутеры. Доставка была запланирована на 1 июня. Символично, правда? День защиты детей, а я своими руками даю им возможность самоубиться, катаясь на этих адских машинках.

И почему их велики не устраивают? Хотя... они и с великов много раз летали дурными головами вперёд. Хорошо, что головы эти Фред и Джордж исправно одевают в шлемы.

В общем, Нина Васильевна радовалась окончанию ими четвёртого класса, охламоны мои приплясывали от гордости и предвкушения, а я... Я просто была в ужасе.

Лето — самый сложный период. Во время учебного года мальчишки по полдня в школе, а летом... Хана спокойной жизни.

Хотя я уже давно забыла, что это такое — спокойная жизнь. Она мне только снилась.

Накануне 1 июня «выпускной» был уже у моих десятиклассников. Они захотели устроить себе маленький праздник — застолье в классе и дискотеку вечером. Директор разрешила, попросив меня и ещё нескольких учителей проследить, чтобы музыка не грохотала из окон, и вообще, как она выразилась, «тише воды ниже травы».

Примерно так и было. В классе мы устроили застолье, а в актовом зале проходила дискотека «для своих». То бишь, для двух десятых классов. Мой десятый «Б» практически в полном составе сначала поглотал бутерброды с салатами, а потом побежал на этаж выше, в актовый зал — танцевать.

— И зачем торты покупали? — бурчала я, глядя, как Галя Новицкая сосредоточенно нарезает медовик и «Птичье молоко» на аккуратные квадратики. Математик. Я всегда всё рублю в капусту. — Их больше танцы интересуют.

— Ничего. Сейчас напляшутся и прибегут. Всё слопаётся, не переживай. Ну а если нет, ты Фреду с Джорджем отнесёшь.

Я криво улыбнулась. «Фреду с Джорджем отнесёшь» — эту присказку я слышала постоянно по отношению ко всему подряд.

Мы с ребятами договаривались, что танцы-шманцы будут до девяти вечера, поэтому без десяти девять я поднялась в зал — сообщить, что концерт окончен.

На лестнице столкнулась с Клочковым, который сломя голову нёсся вниз.

— Федя! — крикнула я ему вслед. — Ты куда? Все вместе убираемся в классе, потом все вместе идём домой.

Он остановился, будто я перед ним бетонную стену выстроила. Лицо было странным — бледным и каким-то смятенным.

— Алёна Леонидовна, — сказал, блестя глазами так, словно собирался заплакать, — а почему вы так и не вышли замуж?

Я моргнула. Да-а-а, явно что-то случилось, и кажется, я даже знаю, что.

Наташа Иванова, наша главная отличница, взаимностью Феде с первого класса не отвечала. Ей нравился кое-кто другой...

— Я никого не встретила. Так бывает. Но совсем не обязательно, что так же будет и у тебя.

— Значит, — Федя отвёл взгляд, — может быть так, что любовь одна и на всю жизнь?

Чувствую, дискотека сегодня слегка задержится...

Я спустилась ниже и, взяв Клочкова под локоть, села вместе с ним на широкий подоконник между лестничными пролётами. Вообще мы запрещали ученикам там сидеть, чтобы попы не мёрзли, но... ладно уж.

— Может быть, — проговорила я спокойно. — Всё может быть, Федя. Одна любовь, много любовей, или ни одной. Но решается это не в семнадцать лет, а гораздо, гораздо позже. И я, хоть я тебя старше, не могу сказать, что больше никогда и ни за что... Возможно, ещё кого-нибудь встречу. Просто пока не случилось, но кто знает.

Да... иногда ученикам приходится врать.

Кого я могу встретить? Нужна я кому со своими бандитами...

Да и... я никого не хотела видеть рядом с собой, кроме Антона, но он ушёл туда, откуда не возвращаются.

— Просто сейчас кажется, что больше ничего не будет, — буркнул Клочков, отворачиваясь — смущался. — Так... больно.

— Это потому что впервые. Самая сильная боль — первая.

Федя помолчал немного, посопел. Совсем ещё юный, почти мальчишка... Неужели я тоже когда-то такой была?

— А вам, Алёна Леонидовна... очень было больно? — спросил тихо, с опаской, будто боялся ответ услышать.

Я усмехнулась и встала с подоконника. Пора всё-таки наведаться в актовый зал.

— Понимаешь, Федя... На самом деле то, что ты чувствуешь, пока человек жив — это одно, а когда он умирает — совсем другое. Тогда многие вещи видятся иначе, и всё готов отдать, лишь бы был жив. Больно — это слишком слабое слово. Это я тебе как учитель русского языка и литературы говорю.

— А какое слово тогда? — спросил Клочков и тоже встал. Кажется, ему стало легче.

Я покачала головой и через силу улыбнулась.

— Никакое, Федя. Не существует таких слов.
«И дай Бог тебе никогда не узнать об этом».

Май — мой любимый месяц в году. Особенно я люблю майские вечера — прохладные, свежие, бодрящие, они дарят силу и способность жить дальше.

Раздав своих ребят родителям, я поспешила домой, и только у подъезда помедлила. Пятнадцать минут... посижу на качелях, подумаю. Мама не писала, значит, Фред и Джордж до сих пор не сотворили ничего непоправимого.

А мне нужно вздохнуть.

Качели чуть скрипнули под моим весом. Да... качаться не получится, а то весь дом на уши поставлю. Ну и ладно.

Не существует таких слов... На самом деле человечество не придумало слов для многих понятий. Формально они есть, но когда сталкиваешься с чем-то в жизни, понимаешь — нет, не то... Не вмещает. Чувства намного больше слов.

Даже «любовь»... Это слишком мелкое и пошлое слово для того, чтобы охарактеризовать то, что я испытывала — и испытываю — к своему мужу.

Если бы мне предложили выбрать слово... Пожалуй, я бы, как Снежная королева для Кая, выбрала слово «вечность».

А дома прямо у входной двери меня ждали мои рыжие кошмары.

— Почти первое июня, — заявили хором, пока я надевала тапочки.

— Ключевое слово — почти, — фыркнула я. — А почти — не считается.

Фред и Джордж подумали... и опять же хором заявили:

— Мы запомним!

— Что запомните?

— Что почти не считается.

— Так вот кто их плохому учит, — мама с лукавой улыбкой выглянула из кухни. — Алёна, будешь чай?

Я кивнула и, подхватив своих мальчишек под локти, сказала:

— Пошли, бандиты.

— Мы не бандиты! — опять хором. Такая удивительная синхронность — не к добру.

— Ага, вы благородные пираты, я помню.

— Неа, — Фред.

— Ты же слышала, как сказала сегодня про нас Нина Васильевна? — Джордж.

— Очень талантливые дети! — Фред.

— Все в мать! — А это уже хором.

Да-а-а. Стебанула. Но Нине Васильевне простительно — в конце концов, она четыре года терпела летающих по классу самолётиков, завёрнутых в тряпки для вытирания доски резиновых пауков и венец творения Фреда и Джорджа — самолично собранный по инструкции в журнале скелетик в углу кабинета. Ух, как визжали девчонки! Конечно, все, кроме Юли Бессоновой.

— Согласна! Все в мать! — хихикнула с кухни бабушка.

Кошмар. Кругом одни предатели!

Утром я проснулась сначала от звонка в дверь — услышав его, накрылась одеялом с

головой, понимая, что там и без меня найдутся желающие впустить курьера в квартиру, — и после даже успела чуть задремать... Пока почти рядом с моим ухом не раздалось громкое и восторженное:

— МАМАСПАСИБООООО!!!

Да-да, именно так, в одно слово. Прямо как «здравияжелаютоварищминистробороны» во время парада на 9 мая.

Только вот эти крики по телевизору — одно, а когда рядом — совершенно другое. И я взлетела под потолок от неожиданности, хватаясь за заколотившееся сердце.

Черти!

Черти стояли рядом с кроватью, и под ногами у обоих были их скутеры. И вид они — бандиты мои, конечно, а не скутеры, — имели самый пресчастливый.

— И незачем было так орать, — сказала я голосом кролика из мультика про Винни Пуха. — Я не глухая. И вообще я ещё сплю.

— Уже девять! — возмутился Фред, а Джордж добавил:

— Пятнадцать минут десятого!

Можно подумать, это аргумент.

— Ну и ладно. Мать, в смысле я, вчера закончила учебный год, и имеет право поспать. Тем более, что собаки у нас нет.

Мальчишки расплылись в одинаковых шкодных улыбках.

— Думать забудьте! — отрезала я, плюхаясь обратно на постель. — Никаких собак. Даже за все пятёрки в году и золотые медали по итогам учёбы в школе. Ни за что!

— Почему-у-у? — провыли близнецы, садясь рядом. Фред тут же начал щекотать мне живот, а Джордж — пятку.

— Ай! Хы-ы-ы... перестаньте! Да потому что у меня уже вы есть, зачем мне ещё и собака?

— Собака нам!

Я фыркнула и, поняв, что от меня не отстанут, села на постели.

Фред и Джордж сразу приняли позы смиренных овечек — сложили руки на коленях и сделали святые лица. Особенно святыми были глаза, конечно — не глаза, а два нимба практически.

— Нет, бандиты, собака будет мне. Мне она не нужна, поэтому её здесь не появится.

— Почему тебе? — надулись мальчишки. — Мы сами будем с ней играть!

— Для того, чтобы играть, у вас есть Рем, — отрезала я. — И Лисичка с первого этажа, и Байкер с третьего, и Мотя с четвёртого, и...

— Ну ма-а-ам!

— Нет, — я нахмурилась и ушла в глухую оборону. — Никакой собаки! Только через мой труп.

Ребята вздохнули. Они уже давно уяснили — когда я говорю «только через мой труп» — не шучу, и спорить или пытаться что-то доказать бесполезно.

— Ла-а-адно...

— А мы пойдём сегодня кататься?

Вот это уже более конструктивный диалог, приветствую.

— С погодой что?

— Солнышко!

— Значит, пойдём, — кивнула я. — Только в шлемах, наколенниках и налокотниках.

И вновь раздался дикий крик.

— УРАААААА!

Нет, я сегодня точно оглохну.

Погода действительно была прекрасная, уже почти июльская — яркое и жаркое солнце, молодая зелёная листва... и куча народу в парке. Выходной же!

Я слегка похолодела, представив, что скоро начнётся мой нелюбимый период — когда Фред и Джордж уже на каникулах, а я ещё не в отпуске. И я собственными руками купила им скутеры! Ненормальная.

Мы с мамой с тревогой следили за тем, как близнецы рассекают по дорожкам на своих чудачках техники, и лица у них при этом были донельзя счастливые. А меня аж прям трясло. Хоть бы не грохнулись и не сломали себе что-нибудь!

— Посмотри на это с другой стороны, — сказала мама и так нервно куснула мороженое, что от него отвалился огромный кусок и шлёпнулся на асфальт. — Чёрт...

— С какой ещё стороны?

— Ну... если что, отнимешь у них эти скутеры. А если ещё и переломы будут, то с месяц лежать придётся, не шкродить.

— Ага, конечно. Наши бандиты найдут где нашкродить и в положении лёжа.

Мама фыркнула.

— Алён... я поговорить с тобой хотела.

Я насторожилась. Подобный тон был мне хорошо известен. Он назывался «свахин».

— Мы тут общались с Катей Муромцевой... Я с ней в институте училась, хорошая девочка...

Девочка предпенсионного возраста, ага.

— Она нас в гости приглашает через неделю. Нас с тобой. Я с Олей Вяземской договорилась, она с близнецами посидит.

Оля Вяземская — соседка с пятого этажа — конечно, святой человек, много раз меня выручала, если мы с мамой обе были заняты. Но это же не значит, что ею следует пользоваться в таких вот, мягко говоря, неблагородных целях.

— И кто у этой Кати в женихах? Сын, племянник, внук, любовник?

— Алёна...

— Мама! Твои намёки чересчур прозрачны. Хочет мама дочь женить на удалом молодце, чтобы к свадьбе склонить, в гости тащит к холосту!

— Алёна, не женить, а замуж вы...

— Не влезет сюда по размеру. Это художественное допущение. Не придирайся. Не пойду ни к кому!

— Алён, там хороший мальчик. Племянник, сорок пять лет, не женат.

— Вот не женат в сорок пять лет — это подозрительно.

— Алёна!

— А что? Все приличные люди к сорока годам успевают выйти замуж или жениться, некоторые даже несколько раз. А он чего? Тю, значит.

— Да был он женат! Развёлся.

— Вот! А это ещё подозрительнее.

— Алёна...

— Все приличные люди живут в одном браке и не разводятся. Так что ну, нафиг!

— Ты же прекрасно понимаешь, что вариантов тут немного. — Мама смотрела на меня с искренней укоризной. Нет, как будто я в чём-то виновата! — Либо не был женат, либо в разводе.

Сердце кольнуло болью, и я поморщилась.

— Есть ещё один вариант, мам.

Она вздохнула.

— Алён, это редкость.

— Ага, вот такая я редкая и исключительная, да. Давай не будем об этом, мам? Говорили ведь уже тысячу раз. Или миллион. Или миллиард.

— Я просто хочу, чтобы ты была счастлива.

— А я счастлива.

Судя по её глазам, она мне не верила. Не удивительно, я бы тоже сама себе не поверила.

— И вообще... Так!!! Фред, Джордж!!! Стоять!!!

Твою дивизию! Договаривались ведь — к той дорожке не подъезжать и с неё не кататься! Ну склон же, разгонятся и улетят! Так нет — надо им было туда сунуться, да и ещё и одновременно пойти на спуск!

Как они мне однажды сказали: «Вместе не так страшно, и даже интересно». Черти!

И вот чем мама думает? Какой мужик будет счастлив, получив в качестве приданого не деньги или квартиру, а двух шkodных мальчишек, которые станут сводить его с ума каждую минуту? Да он сбежит от меня быстрее, чем я успею сварить ему борщ!

Я наконец домчалась до начала склона и посмотрела вниз. Фред и Джордж, целые и невредимые, стояли у подножия и хлопали друг друга в ладоши.

Шалость удалась, короче.

А на обратном пути мы встретили Шляпника. Он тоже шёл домой со своей собакой и, увидев нас, улыбнулся и приподнял шляпу.

— Добрый день, Алёна Леонидовна, Ксения Михайловна. Фред, Джордж, я смотрю, у вас обновления?

Мальчишки радостно закивали.

— Да-а-а, Лев Игоревич! Крутые, правда?!

— Не то слово.

Точно, согласна. Как учитель русского языка — абсолютно согласна. Крутые — не то слово!

— А вы уже домой?! Жалко, вы не видели, как мы катались!

— Вам мало нас с бабушкой, доведённых до состояния бледнолицых? — фыркнула я, кивая Шляпнику. — Здравствуйте, Лев Игоревич. Как видите, теперь у каждого из моих ребят стало больше на одну ногу.

Он улыбнулся, и мне на полсекунды стало тошно. И всё-таки этот человек напоминает мне Антона... Не только рыжестью, но и чем-то ещё, почти неуловимым...

Впрочем, возможно, это мне только кажется. В конце концов, я так давно не видела своего мужа.

Шляпник продолжил путь вместе с нами, причём мы втроём почти всё время молчали, говорили Фред с Джорджем. В лице Льва Игоревича они явно нашли благодарные новые уши, и дули в них во всю мощь. Фред дул слева, Джордж справа, и Шляпник посекундно вертел головой, стараясь не пропускать ни слова ни там, ни там. Похвальное стремление, но

потом у него будет болеть шея... и уши, конечно, тоже будут болеть.

Рассказывали мои бандиты в основном про то, какие бывают скутеры. Не знаю, где они этого нахватались и когда успели — вероятно, смотрели в интернете на переменах в школе какие-нибудь обзоры. Мне они пару раз тоже пытались вдуть в уши всю эту информацию, но она надолго там не задержалась. Всё, что касается техники, — неважно, какой, — не моё. Да и вообще — какая разница, чем отличается одна модель скутера от другой? Главное — чтобы мои дети падали с них как можно меньше, а лучше и вовсе не падали.

А возле подъезда нашего дома Шляпник, извинившись, вместе с Ремом пошёл в сторону одной из стоящих вдоль улицы машин. Мигнули фары, и оттуда вылезла... шикарная женщина. Фигуристая блондинка в красном сарафане. Обворожительно улыбнулась Шляпнику, приобняла, легонько чмокнув в щёку, потрепала по башке восторженно скачущего возле неё Рема — и они оба направились к подъезду, оживлённо что-то обсуждая. Я хотела прислушаться — да-да, нехорошо, но интересно ведь! — однако мне не дали.

— Ух ты, какая!

— Прям Банни!

Я удивлённо посмотрела на близнецов, а мама уже переспрашивала:

— Банни? Багз Банни?

— Не-е-ет! — Фред и Джордж помотали головами. — Лола Банни! Она почти как Багз, только девочка.

Банни, значит... Да уж, мультики про кролика моим бандитам были известны, а вот сага про Сейлормун, которая тоже Банни — нет.

Я посмотрела вслед блондинке в красном и подумала, что мальчишки правы — она действительно больше похожа на Лолу Банни, чем на девочку с хвостиками и большими глазами из аниме.

Что ж, это объяснимо. Шляпник просто обязан иметь в арсенале парочку кроликов. Точнее, крольчих.

— Эх, жаль, — пробормотала мама. — А я надеялась, что у него никого нет.

Я хмыкнула. Мама в своём репертуаре.

— Зачем же ты желаешь зла такому хорошему Льву Игоревичу, мам?

— Почему зла-то? Ты... ой-ёй!

В этот момент Фреду и Джорджу стало скучно, и они решили синхронно встать на скутерах на руки, а ноги попытались развести в разные стороны — ну, как шпагат. Естественно, тут же грохнулись. Синхронно, как положено.

Так что «ой-ёй» было самым приличным, что мы с мамой могли сказать.

— Вот видишь! А говоришь «почему зла»!

Через минуту ущерб в виде отбитых задниц был посчитан, оценен на два балла из десяти возможных — повезло! — и мы отправились домой обедать.

Я думала, на сегодня показательные выступления закончены, но оказалось, что Фред и Джордж, возбуждённые новыми скутерами и заскучавшие от роли Феди и Димы за последний месяц, решили натворить кое-что ещё.

Так, мелочь, но я была крайне удивлена, когда, заглянув в комнату близнецов во время обеда, обнаружила два стула напротив друг друга, связанных красными нитками. Ну почти две мухи, угодившие в красную паутину. Нитки мои бандиты, кстати, явно из швейной коробочки умыкнули... Надо будет её потом подальше спрятать.

Изучив сию инсталляцию, я фыркнула и, решив ничего не трогать — не взрывоопасно и ладно, — вернулась за стол.

Мальчишки, поедающие в этот момент суп, посмотрели на меня глазами двух святых. Ещё чуть-чуть — и замироточат.

Я молча села, подвинула к себе тарелку с супом и, положив туда ложку сметаны, поинтересовалась:

— И на кого вы охотитесь, охотнички? Крыса, мышь, тараканы?

Мама поперхнулась, мальчишки опустили святые глаза. Потом подняли и протянули так расстроено:

— Ну заче-е-ем ты заходила-а-а-а...

На этот раз поперхнулась уже я.

— Ты её спугну-у-ула! Спугнула! Не надо было заходить...

Мама усмехнулась и уселась поудобнее, положив голову на зажатый кулак. Осталось только попкорн ей выдать.

— И кого же я спугнула? Кто шляется по вашей комнате в обеденное время?

Фред и Джордж замялись, а потом выдали такое, отчего у мамы открылся рот, а у меня упала ложка. Благо, в суп, а не на пол.

— Пиковая дама...

Я кашлянула.

— Кто-кто?

— Пиковая дама! — повторили мои... экстрасенсы, блин. — Мы в интернете смотрели, как её вызвать. Натянуть нитки между стульями, оставить на полу карту с пиковой дамой, ну и свечку ещё.

— Свечку?! — я чуть не бросилась обратно в комнату, но близнецы замотали головами.

— Ты что, мам! Как можно оставить свечку и уйти! Пожар же может быть.

— Да-а-а-а, — протянула я вымученно, краем глаза заметив, как мама дрожащими руками наливает себе водичку в стакан, тихонько хихикая. Не иначе, на нервной почве. Она всегда начинала хихикать на нервной почве. А у меня вот глаз обычно дёргается. И скоро точно начнёт... — Значит, пиковая дама...

— Ага.

— М-м-м... А зачем?

Хлоп глазами.

— Так интересно же!

Я почесала макушку.

— И как понять, приходила она или нет?

— А там на полу крестики должны остаться, — пояснил мне Фред, а Джордж добавил:

— Ты не видела крестиков?

— Крестиков...

Мама уже откровенно ржала, почти захлёбываясь водой.

— Не-а, не видела. Ни крестиков, ни ноликов. Доедайте суп, пойдём вместе, посмотрим, приходила ли эта... дама... рисовать на нашем полу, или нет.

Нитки, стулья, крестики... Ёлки-моталки, если бы я была призраком, я бы обиделась.

Естественно, никаких таинственных знаков на полу в комнате Фреда и Джорджа не оказалось. Ребята явно расстроились, а я предусмотрительно промолчала о том, что духов

вообще-то надо вызывать ночью. Было у меня предчувствие, что они и сами до этого додумаются, да и... я стараюсь не подбрасывать близнецам информацию о том, как ещё можно нашкодить. И без меня найдут.

После обеда я зарядила своих бандитов помогать нам с мамой с домашними делами. Направить энергию близнецов в полезное русло — то ещё искусство, и даже у меня не всегда получается. В процессе энергия может повернуться в противоположную сторону, если Фред и Джордж решат, что эксперименты им дороже вытирания пыли или мытья полов.

Но сегодня всё было спокойно, и я даже успела слегка расслабиться к вечеру. Слегка. С моими охламонами лучше не терять бдительности.

— Как думаешь, — шепнула мне мама, пока я жарила котлеты на ужин, — с пиковой дамой тема закрыта или нет?

— Вряд ли. — Иллюзий насчёт сыновей я давно не питала. — Она же так и не пришла.

— Но ведь... — протянула мама растерянно. — Она же как бы... Ну...

— Боюсь, ради Фреда с Джорджем ей придётся заглянуть к нам из небытия, — фыркнула я. — Они кого хочешь оттуда достанут. Хоть пиковую даму, хоть Битлджуса, хоть Ктулху.

— Ктулху в нашей квартире не поместится, — заметила мама так серьёзно, будто и вправду уже ждала его в гости. Вот кстати, надо посмотреть на всякий случай, как там Ктулху вызывают. Предупреждён — значит, вооружён. — А пиковая дама...

— Да пусть вызывают, мам. Главное, чтобы без оставленных свечек и кровавых жертвоприношений, но к этому Фред и Джордж вроде не склонны. С неделю так помучаются, потом успокоятся.

— Ты же говоришь — ей придётся заглянуть...

— Мама, — я закатила глаза, — я же шучу! Ты что, веришь в пиковую даму?!

— Нет, — мама помотала головой и добавила нечто такое, отчего я чуть не уронила котлету: — Я верю в Фреда и Джорджа.

На этот раз я промолчала.

За ужином бандиты были тихи и задумчивы. Настолько тихи и задумчивы, что я окончательно заподозрила — грядёт большая шалость. От этого стало так печально, что даже аппетит пропал.

— Папу бы им, — сказала мама тихо, когда Фред и Джордж ушли к себе, а я принялась за посуду. — Мужская рука нужна в доме.

Старая песня о главном, да...

— Рука, может, и нужна, но мужская нога быстренько отсюда сбежит, когда поймёт, в какой треш вляпалась.

— Да ладно тебе, Алён, хорошие дети.

— Хорошие, но чужие, мам. Ты же знаешь, как мужики к чужим детям относятся. Если беспроблемные — ещё ладно, но мои-то с кучей проблем. Да что об этом говорить... Ты же знаешь, не нужны мне мужики.

Помолчав секунд пять, мама вновь запела песню:

— А Лев этот тебе как?

— Хороший сосед, — усмехнулась я, вспомнив Шляпника и его крольчиху. — Не шумит, полицию пока не вызывал. Посмотрим, сколько продержится.

— Спокойный такой, — протянула мама явно со скрытым смыслом. Ну да, спокойствие

— это то, чего мне не хватает. — И вроде не женат.

— А это ты с чего взяла? Неужели спросила?

— Нет, ты что. Без кольца просто. И ни разу я его с женщиной не видела, сегодня вот впервые.

— Ну, может, это и есть жена. Из отпуска вернулась. Короче, не морочь мне голову, мам! Ещё не хватает мне служебного романа...

— В твоём случае, Алён, — вздохнула мама с грустью, — тебе любого романа не хватает, а уж служебный он или нет — не так важно.

— Ты это нашему завучу скажи. Ей понравится, гарантирую.

Мама надулась... и опять запела:

— Злая ты. Мужик тебе нужен, говорю.

Я фыркнула.

— И зачем мужик мне нужен? Чтоб готовить ему ужин? Чтоб носки ему стирать и рубашки зашивать? А он будет меня тюкать и в туалете громко пу...

— Алёна!! — возмутилась мама. — Вот же... Фред и Джордж все в тебя!

Я покосилась на мелькнувшие в коридоре рыжие шевелюры и улыбнулась, вспомнив Антона.

Нет, они — все в него. В моего рыжика. В моё солнце...

Ночью я долго не могла уснуть. И не только потому что мама своими словами всколыхнула очередные воспоминания — я ведь каждый день вспоминаю мужа, — но и потому что ждала в гости пиковую даму. Нет, конечно, не совсем её. Я ждала, что мои бандиты вновь будут вызывать эту несуществующую женщину, но понятия не имела, какой именно способ они выбрали. Интернет пестрел рекомендациями по вызову разнообразных пиковых дам, почему-то уверяя, что эти мистические создания способны исполнять желания. С джинном, наверное, перепутали. Или с золотой рыбкой.

В общем, начитавшись разнообразных способов по выводу персонажа карточной колоды из зазеркалья, я была под впечатлением от уровня воображения неизвестных людей из интернета. И очень надеялась, что Фред и Джордж выберут что-нибудь попроще.

Примерно в полночь я поняла, что не в силах больше ждать. Может, близнецы решили перенести свой ритуал на завтра? Или вообще на следующую пятницу, это как раз тринадцатое число будет. А я тут жду и надеюсь. Проверить, что ли?

Я тихонько поднялась с кровати, накинула халат и вышла из комнаты.

Квартира у нас большая, трёшка, и коридор просторный, и комнаты все большие. Гостиной служит та, в которой спит мама, там мы и праздничные столы устраиваем, и гостей принимаем. Комната Фреда и Джорджа напротив, и она чуть меньше, ну а самая маленькая — моя, рядом с комнатой близнецов, ближе к кухне.

Я прошла дальше по коридору, остановилась рядом с дверью своих бандитов и прислушалась.

Тишина. Ни всхлипа, ни всхрапа.

Я опустила глаза и тут же прищурилась — мне показалось, что из-под двери видна тусклая полоска света. Значит, черти не спят. В принципе, логично — чего откладывать важное и нужное дело? В конце концов, если не получится, в пятницу тринадцатого они ещё раз попробуют.

И вот даже не знаю, почему я вдруг так разозлилась? Наверное, просто устала. Мне

иногда очень хотелось прожить хоть один день без всех этих безумств, а тут практически целый месяц Фред и Джордж были Федей и Димой. Расслабилась, глотнула свободы... И теперь то, что ещё месяц назад казалось мне сущей ерундой, выводит из себя. Отвыкла.

В общем, я решительно толкнула дверь близнецов и вошла в детскую. Дверь оглушительно скрипнула — давно пора смазать, — и я ещё успела рассмотреть мальчишек, сидевших за столом возле окна и державших в руках зажжённые свечи, но потом...

— А-а-а-а-а-а!!!! — завопили хором Фред и Джордж, да так громко, что я подпрыгнула. Свет вдруг погас, раздался звон стекла и грохот отодвигаемых стульев, а следом — истошный крик Фимы:

— Мя-я-я-я-я-у-у-у-у-у-у!!!!

— А-А-А-А-А-А!!! — вновь заорали близнецы ещё громче прежнего, и мне в голову полетели две подушки. Одну я поймала, от второй увернулась, краем уха услышав грохот уже в гостиной. Кажется, мама тоже больше не спит...

— А-а-а-а-а-а!!!

— Молчать! — рявкнула я, зажигая свет, и сразу зажмурилась. Попыталась открыть глаза, но толком не получилось — они слезились и отказывались смотреть на яркий мир. — Фред! Джордж! Прекратите!

Мои бандиты уже и сами заткнулись. В комнате на пару секунд повисла гробовая тишина.

— Что здесь происходит, а? Рассказывайте!

— Мама... — одновременный вздох облегчения. — Мама, это ты...

— А кто же ещё?! — Я наконец смогла открыть один глаз и чуть не застонала, заметив на полу осколки разбитого настольного зеркала, среди которых сидел взъерошенный Фима. Странно, что он не убежал. — Вы ждали кого-то другого?!

— Ну... — протянул Фред.

— Пиковая дама же... — вздохнул Джордж.

— Слушайте, ребята, — я потёрла глаза. В коридоре уже слышались торопливые шаги, — пиковой дамы не существует. Существует только пиковая мама, которую вы скоро вгоните в гроб.

Дружный вздох.

— Что у вас случилось? — спросила родительница, почти забегая в детскую. — Алёна, почему они так орали?

— Потому что два дебила — это сила, — ответила я честно, глядя на повесивших головы Фреда и Джорджа со всей возможной строгостью, которую мне позволяли слезящиеся от яркого света глаза. — Вызывали пиковую даму, а пришла я.

Мама удивлённо посмотрела на близнецов.

— И вы перепутали родную мать с...?!

— Мы смотрели в зеркало! — вскинулся Фред, шмыгнув носом.

— При свете свечей! — продолжил Джордж.

— Там плохо видно!

— И у мамы белый халат...

Ну да. Белый.

— А где написано, что пиковая дама должна быть в белом халате? — поинтересовалась я, припоминая инструкции из интернета. — В белом халате вообще-то ходят врачи.

— Да не в этом дело!

— Мы увидели что-то белое!

— В отражении!

— И дверь так скрипнула...

— Она всегда скрипит, — фыркнула я. — И днём, и ночью. Вот же у страха глаза велики! Значит, вызывали при помощи зеркала? Нарисовали лестницу и дверь?

— Ага, — кивнули мальчишки. Ну отлично, выбрали не самый стрёмный способ. Главное, чтобы больше не пытались повторить свои паранормальные эксперименты. Экзорцисты, блин...

И тут раздался звонок в дверь.

Близнецы вжали головы в плечи, и даже уши словно тоже сильнее прижались к голове. В вытаращенных глазах моих бандитов было столько страха и паники, словно они действительно верили, что...

— Это кто? — шепнул Фред.

— Пиковая дама?.. — пробормотал Джордж.

Мама нервно хихикнула.

— Эта ваша дама — призрак, а призраки не звонят в двери, — пробормотала я, туже затягивая пояс халата. — А вот полиция — вполне может позвонить. Вы тут так оралы, как будто вас убивают.

— Мы испуга-а-ались, — вздохнули близнецы, чуть успокаиваясь. Я покачала головой — удавить их обоих хотелось ужасно.

— Мам, уберёшь осколки? Я пойду посмотрю, кто решил нарушить наш покой в полночь.

Мама кивнула, и я направилась в прихожую, мысленно настраивая себя на разговор с полицией. По пути включила настенную лампу, чтобы больше не шараться в темноте.

Но я ошиблась — за дверью были не полицейские. Там оказался Шляпник. Без шляпы, но с Ремом.

— У вас всё в порядке? — спросил сосед тревожно, вглядываясь в меня и окружающее пространство. — Я слышал крики...

— Вы подумали, что я не выдержала и решила поубивать своих детей, — кивнула я понимающе, испытывая огромное облегчение от того, что это всё же не полиция.

Губы Льва Игоревича дрогнули в почти неуловимой улыбке, и у меня почему-то сжалось сердце.

— Честно говоря, я ничего не подумал. Просто быстро оделся и прибежал.

— А Рема зачем взяли? — я опустила голову, чтобы не пялиться на улыбку Шляпника, и уставилась на собаку, сразу радостно завилявшую хвостом.

— Чтобы было не так страшно. Мало ли.

От удивления я вновь подняла голову — улыбка стала шире. И мне тоже захотелось улыбнуться в ответ.

Боже, как глупо.

— Они просто вызывали пиковую даму. Но вместо неё пришла я. Скрипнула дверью, смутила их белым халатом... вот они и испугались. И заорали. Зеркало ещё разбили...

— Пиковую даму? — повторил Шляпник удивлённо, и тут за моей спиной раздалось два радостно-синхронных голоса:

— Лев Игоревич, здравствуйте! Привет, Рем!

— Доброй ночи, ребята, — сказал сосед, а я уже оборачивалась к детям с вопросом:

— И почему вы вышли из своей комнаты?

Получилось очень строго. Практически наезд на пустом месте...

Фред и Джордж неуверенно помялись, чуть опустили головы и ответили:

— Мы попи-и-исать...

— Ну так и что же? — продолжила я не менее строго. — Туалет дальше по коридору.

Идите, писайте и возвращайтесь к себе. Бабушка убрала осколки?

— Убирает, — буркнули близнецы.

— Вот как уберёт, ложитесь и спите. Иначе... — Я вздохнула и решила пустить в ход тяжёлую артиллерию: — Иначе заберу ваши скутеры.

— Но мам!

Они ещё и возмущаются!

— Заберу скутеры и достану папин ремень!

Мои бандиты, обиженно засопев, всё же пошли в туалет, и я вновь обернулась к Шляпнику.

— Извините, что помешали вам спать, — сказала я тускло, стараясь не смотреть на него и чувствуя себя придавленной каменной глыбой рыбёшкой. — Я не могу обещать, что это больше не повторится, к сожалению...

— Да ничего. Я всё понимаю. А можно у вас чаю попить?

Я так удивилась, что вновь поглядела на Шляпника. Лицо у него было совершенно спокойным, даже я бы сказала, безэмоциональным. Будто не он только что спросил у меня нечто безумно странное, а просто поинтересовался, какой сегодня день недели.

— Ч-ч-чай?

— Ну да. Чай, — продолжил Лев Игоревич таким же бесстрастным голосом. — Так сказать, в качестве моральной компенсации за прерванный сон.

На этот раз я от удивления открыла рот.

— А нам можно чай? — хором спросили близнецы, хлопнув дверью туалета.

— Нельзя! — отрезала я, поворачиваясь к ним, и махнула рукой в сторону детской: — Идите к себе быстро. Молча и тихо залезаете в кровати и спите до утра. Всё поняли или мне повторить про скутеры и папин ремень?

Фред и Джордж горестно вздохнули. Выглядели они при этом как несправедливо обиженные ангелочки в пижамах.

— По-о-оняли...

— Споко-о-о-ойной ночи, мам...

— Лев Игоревич...

— Пока, Рем...

— До завтра, ребята, — сказал Шляпник, как мне показалось, сочувственно. Интересно, это он моим бандитам сочувствует или всё же мне?

Дождавшись, пока близнецы скроются в комнате, я обернулась к соседу.

— Пойдёмте чай пить.

— Да? — он улыбнулся, и мне стало жарко. — Можно?

— Можно. Я всё равно не усну.

Пока ставила чайник, доставала чашки, мёд, сахар и печенье — ну откуда я знаю, с чем он любит пить чай? — рассуждала о том, зачем вообще позвала соседа на кухню.

Мысли путались и распутываться совершенно отказывались. В итоге я решила, что мне

просто лень было спорить, и на этом успокоилась.

— Чёрный, зелёный?

— Чёрный, пожалуйста, — произнёс Шляпник очень вежливым голосом, а потом добавил: — Варенья нет у вас?

Я чуть не упала.

— Варенья?

— Ну да, я с вареньем люблю. Лучше всего — с вишнёвым.

— Мы как-то равнодушны к варенью, — пробормотала я, разливая в чашки заварку.

Практически никогда не пила пакетики. — Мёд вот есть.

— Мёд — это тоже неплохо, — кивнул сосед. — Но варенье я люблю больше.

Значит, он всё же не так похож на Антона, как мне всё время кажется. Муж вообще не ел сладкое, совсем ничего не любил. Вот солёное — красная рыба, орешки, колбаса, — это было по части Антона.

— А Рем что будет? — поинтересовалась я, посмотрев на пса, который разлёгся под кухонным столом так вольготно, словно жил здесь всегда. — Может, ему тоже что-то дать?

Ретривер тут же сел и завилял хвостом. Это явно значит «давай».

— Яблоко можно. Есть у вас яблоки, Алёна Леонидовна?

— Есть, — кивнула я, достала из холодильника яблоко, помыла его и протянула Шляпнику. — Нож дать? Или Рем так съест?

— Да, давайте, лучше разрезать. А то он не столько съест, сколько по полу вам это яблоко повазюкает.

Я дала соседу нож и села на табуретку, наблюдая за тем, как мужчина быстро и аккуратно разрезает яблоко на дольки, и по одной даёт их Рему. Пёс ел с большим аппетитом, даже не жуя — заглатывал эти дольки только так.

— Между прочим, я тоже в детстве вызывал пиковую даму, — сказал Шляпник. — Точнее, мы вместе с сестрой вызывали.

— И как? Пришла? — поинтересовалась я без особого интереса, положив себе ложку мёда в чай.

— Конечно. Она всегда приходит, только не так, как вы думаете.

Сосед явно посмеивался, а я даже слегка обалдела.

— В смысле?..

— У страха глаза велики, сами знаете. Вот ваши мальчишки напряжённо ждали, вы вошли в комнату — и они приняли вас за пиковую даму. В любой другой день им это и в голову не пришло бы. А мы с сестрой вызывали эту дамочку в лесу. И когда произнесли в третий раз «приди», над нашими головами громко заухала сова.

Я фыркнула.

— Мы чуть в штаны не наложили, — усмехнулся Шляпник, протягивая Рему очередную яблочную дольку. — Орали и бежали так, что грохнулись и расшибли себе колени. Правда ведь, похожая ситуация? Ничего не случилось, но мы вдруг запаниковали. Вот так она и приходит — пиковая дама.

— Ясно. А... — Я запнулась, но всё же спросила: — Сегодня мы вашу сестру видели?

Мне показалось, или сосед чуть напрягся?

— Нет. Это Наташа, жена моего младшего брата.

— Ого. У вас ещё и брат есть...

— Да, сестра и брат. Сестра на два года младше, брат — на пять лет.

Я хотела спросить что-то ещё, но Шляпник вдруг поинтересовался, и этим вопросом совсем сбил меня с мысли:

— А где отец Фреда и Джорджа?

Резко стало холодно. Господи, сколько лет прошло, а я всё никак не привыкну...

— Он умер. — Ответила я, тем не менее, абсолютно спокойно. — Давно уже.

— Я вам соболезную, — сказал Лев Игоревич, глядя на меня с сочувствием, от которого было немного тошно. — Это тяжело.

Я молчала, не зная, что ответить.

Тяжело? Нет. Невыносимо.

— Но ваши мальчишки, я уверен, через пару лет переберутся и станут гораздо послушнее.

— Дай бог, чтобы это случилось, — пробормотала я. — А то я скоро превращусь в нервную женщину. Если уже не превратилась.

— Пока не заметно, — улыбнулся сосед. — Наоборот, я бы сказал — вы очень хорошо держитесь.

— Это вы мне льстите.

— Совсем нет. Вы только сказали про ремень, но не достали его на самом деле.

— Я была близка к тому, чтобы достать.

— Но всё же не достали, Алёна Леонидовна. И в этом действительно большая разница...

Шляпник оказался достаточно тактичным собеседником и провёл на моей кухне не дольше десяти минут. Выпил чаю, поблагодарил и быстро ушёл, пожелав спокойной ночи и забрав Рема, который успел уснуть и начал похрапывать под нашим столом.

Я осторожно заглянула в комнату близнецов — оба моих рыженьких чертёнка спали, и даже во сне принимали одинаковые позы — свернувшись калачиком и уткнувшись носами в стенку. Кровать у них двухъярусная, и каждый месяц при смене белья ребята меняются местами. Сейчас сверху спит Джордж, а внизу Фред.

Я несколько секунд слушала дыхание детей, а затем, плотно прикрыв дверь, вернулась в свою комнату.

Спокойной ночи... Когда я в последний раз спала спокойно?

В ночь перед родами. И рядом спал Антон... дышал мне в плечо, а я улыбалась, представляя, как скоро, совсем-совсем скоро, нас будет четверо.

Мы с ним знали друг друга с такого глубокого детства, что даже не помнили, когда познакомились. Мы были соседями по дому. Мама Антона умерла от рака крови, когда ему было три года, и моя собственная мама очень жалела несчастного одинокого мужчину с маленьким мальчиком. Папа ревновал поначалу, а потом тоже начал жалеть дядю Колю — именно так я называла своего будущего свёкра.

Мы с Антоном играли в одной песочнице, потом ходили в один детский сад, в один класс, и в конце концов — учились в одном институте, только он — на преподавателя истории. Были периоды, когда мы общались меньше, но потом вновь возвращались друг к другу. И дружба переросла в любовь уже... да, лет в шестнадцать я поняла, что люблю его всем сердцем. Навсегда.

К сожалению, мой отец не дожил до нашей свадьбы — умер, когда мы с Антоном были на третьем курсе. У него всю жизнь было слабое сердце. А через два года мы поженились, и

я почти сразу забеременела. Антон сиял, узнав, что у нас будут близнецы, и надеялся, что они родятся рыжими, как он.

— Если так и будет, — смеялся муж, — давай назовём их Федей и Димой. Фредом и Джорджем, короче говоря!

Я хихикала и кивала. Всерьёз мы и не обсуждали имена сыновей — собирались решить всё после родов.

Я начала рожать в обычный будний день, когда Антон был на работе. Вызвала скорую, потом позвонила ему...

— Я скоро буду, — сказал он взволнованно. — Очень скоро. Напиши, когда приедут врачи, в какой роддом повезут, я туда подъеду.

— Тебя же не пустят...

— Всё равно, хоть рядом постою. Напиши, Алечка.

Только он называл меня так.

Я написала. А потом мне было уже не до чего на протяжении долгих часов... И когда всё наконец закончилось, я посмотрела на экран мобильного телефона и удивилась, не увидев от Антона ни одного сообщения. «Наверное, не хотел отвлекать», — подумала я с нежностью, позвонила — абонент был недоступен. Тогда я набрала номер мамы.

— Всё хорошо, Алёнушка, — сказала она мне нарочито бодрым голосом. — Антоша просто так нервничал, уронил телефон и разбил его. Он сейчас в ванной, моется. Я скажу, чтобы перезвонил.

Он не перезвонил.

Мама сказала мне правду только на следующий день. Сказала, что Антон торопился, превысил скорость, потерял управление, вылетел на встречную полосу и...

И всё.

С тех пор я и не сплю спокойно. И вообще с тех пор я так ни разу и не была счастлива по-настоящему.

Но... разве это возможно? Нет, невозможно. И главное, что я вообще живу, я держусь. Из-за наших детей, ради них.

Фред и Джордж, Федя и Дима... Мои два якоря. Они держат меня в этом мире, не давая уйти к человеку, которого я любила больше всего на свете.

Проснулась я от головной боли. А ещё от странных звуков за окном...

— Боже, хоть бы это были не Фред и Джордж, — взмолилась я, понимая, насколько бесполезна моя молитва — даже если странные звуки за окном производят не близнецы, это не значит, что они дадут мне сегодня спокойно пожить.

А завтра уже вновь на работу — у старшеклассников экзамены, и пусть я буду приходить домой раньше, Фред и Джордж всё равно успеют довести маму до трясушки. Отпуск через месяц, надо как-то продержаться.

Я открыла глаза, прислушалась и поморщилась — странными звуками оказалась жуткая музыка. Но почему она звучит за окном? Никто из соседей у нас подобным образом раньше не грешил, и я сильно сомневаюсь, что Шляпник слушает... хм...

Это что — блатняк?

«На реке Колыме задержались морозы, на реке Колыме вечный голод и тиф, на реке Колыме мрут от туберкулёза, на реке Колыме человек ещё жив» — завывало за окном. Голова сразу разболелась ещё сильнее. Ужас какой. Нет, мои дети точно тут ни при чём. У моих детей безупречный музыкальный слух с пелёнок.

Я встала с кровати, надела халат и вышла в коридор. Здесь законный блатняк был почти не слышен, но когда я прошла на кухню, он вновь стал громче.

Близнецы обнаружили сидящими за столом с вытянутыми лицами, а мама — у плиты. Она жарила сырники, и судя по тому, что выглядели они слегка подгорелыми, репертуар за окном её тоже отвлекал.

— С добрым утром, — сказала я, на всякий случай рассматривая с подозрением Фреда и Джорджа. — И кто знает, что это?

— Это не мы! — воскликнули мои дети хором сразу же. — Честно, мам!

— На этот раз я вам верю, — пробурчала я, садясь за стол. — Потому что вы о существовании такой... хм... музыки даже не знаете. Ма-а-ам?

— Я грешным делом подумала, что это Лев балуется, — хмыкнула мама, переворачивая сырник. — Но нет, мы его ещё не настолько достали. Помнишь, пару недель назад висело объявление, что с июня в нашем доме начнётся капитальный ремонт фасада здания?

Я нахмурилась.

— Нет, не помню.

— Не удивительно, — пробормотала мама. — В общем, это он самый, Алён. Капремонт фасада. Ты в окно выгляни — они там уже и страховку свою натянули, или как там эти верёвки называются, и на люльке туда-сюда катаются. Ну и музыку заводят.

В этот момент очередная песня про Магадан кончилась, и за окном послышалось:

«Ну а там, говорят, супчик жиденский, супчик жиденский, но питательный... ну а там, говорят, будешь пухленький, будешь пухленький и внимательный...»

— Хы-ы-ы, — захихикали мальчишки, а у меня возникло ужасное желание высунуться в окно и перерезать к жиденскому супчику всю страховку этих горе-ремонтников.

Видимо, не у одной меня.

— Уважаемые, — послышался за окном голос Шляпника. Судя по всему, «уважаемые» были на пару этажей ниже нас, — выключите, пожалуйста, ваш музон. Он мешает всему дому.

Снизу раздался ответ в стиле «а мы ничё и право имеем».

И тут сосед выдал:

— Я тебя щас так отымею в твоё право, что ничего ремонтировать не сможешь. И менты на мой вызов с удовольствием приедут, заберут тебя туда, где этот самый супчик на обед. Понял или мне повторить?

— О-о-о, — сказали хором мои бандиты. — Лев!

— Что — Лев? — не поняла я.

— Вот сейчас — Лев! — пояснил Фред, а Джордж добавил. — Р-р-рычит! Как положено львам.

— Да от такого музона и мышка зарычит, — пробормотала я, закрывая окно — не хватает ещё близнецам слушать отборный трёхэтажный мат любителя жиденских супчиков. Он, может, и понял, и сейчас даже выключит, но обматерить Шляпника был обязан по праву безвинно обиженного. — Так-с, с чем сырники будем? Со сметаной, со сгущенкой? Или, может, вам клубничный соус сделать?

У мальчишек в глазах загорелись сердечки, как у смайликов.

— Соуу-у-ус, да-а-а...

Вот и отлично. Кажется, удалось отвлечь... И хорошо, что у наших окон отличная звукоизоляция.

Надо будет потом у Шляпника поинтересоваться, чем там дело кончилось с этим супчиком.

После завтрака мы с Фредом и Джорджем, оставив бабушку пылесосить квартиру, пошли гулять и... да, кататься на скутерах. Куда же без них? Близнецы с трудом дотерпели, пока я, как они выразились, «соизволю» (за что получили по шапке оба) выйти из дома, сразу встали на свои адские машины и погнались. И в результате я нервничала всю дорогу до парка, представляя, что сейчас их занесёт на проезжую часть, и всё... Поэтому я практически бежала за ними, намереваясь в случае чего схватить за футболки и стащить со скутеров.

А возле парка мы наткнулись на Шляпника с Ремом. Пёс радостно завилял хвостом, сосед улыбнулся и приподнял шляпу, мои же бандиты завопили:

— Здра-а-а-а-Ле-е-ев-Игоре-е-еви-и-ич! — и стали кружить вокруг него, как два зайца из рекламы батареек. — А вы-ы-ы уже-е-е?!

Я не сразу поняла, что значит «уже», а вот Шляпник проявил поразительную способность к расшифровке тайных посланий Фреда и Джорджа.

— Да, мы уже погуляли. Но можем погулять ещё. Алёна Леонидовна, вы не против, если я к вам присоединюсь?

— Нет, — я пожала плечами, — гуляйте, конечно. Если вам не надоело...

Судя по счастливому Рему, который вилял хвостом как бешеный, глядя на близнецов — не надоело.

Шляпник улыбнулся и, наклонившись, отстегнул карабин от ошейника. Пёс тут же, громко гавкнув, понёсся за Фредом и Джорджем, игриво клацая зубами, словно пытаюсь поймать мальчишек.

Вот даже не знаю, хорошо это или плохо? Может, порядка будет больше, если мы погуляем с собакой? Или наоборот...

Я так пристально следила за своими бандитами, что не сразу поняла — сосед что-то

мне говорит.

— А?

— Рему полезно поноситься, — повторил Шляпник терпеливо, — а то я ему должную зарядку для ног и хвоста не обеспечиваю.

— Хвоста?

— Ну да. Смотрите, как виляет.

И точно — хвост Рема двигался с такой скоростью, словно мечтал превратиться в пропеллер и помочь своему хозяину взлететь над брэнностью жизни.

Я вздохнула. Эх, мне бы столько энергии...

— Что в итоге с нашими ремонтниками? А то я окно закрыла, чтобы не смущать Фреда с Джорджем... м-м-м... выбором репертуара. Приструнили вы это блатное сообщество?

Лев Игоревич пожал плечами.

— Думаю, что максимум на неделю, а потом будет рецидив.

Я засмеялась.

— Да, вполне возможно. Может, они просто-напросто мечтают быть рецидивистами. А тут такой облом — надо вместо этого дом ремонтировать.

Сосед, кажется, хотел что-то ответить, но не успел — я громко завопила:

— Фред! Джордж! Стоять!!!

Шляпник сам аж вздрогнул, а моим... рецидивистам — ну хоть бы хны! И мчатся вперёд без зазрения совести, а там такой спуск за поворотом — мама не горюй. Костей не соберу... и нервов не напасусь...

И тут мой собеседник ринулся вслед за близнецами, да так быстро, что я больше ничего не успела крикнуть. Догнал их секунд через пять — как раз на повороте — и схватил обоих за шкирки.

Фред и Джордж балансировали на скутерах, не в силах ехать дальше, а рядом топтался и вилял хвостом совершенно счастливый Рем — ему явно нравилась эта игра на моих нервах.

Я вздохнула с облегчением, подошла ближе... и чуть не упала, услышав:

— Ребята, правила дорожного движения пишутся не только для тех, кто ездит на автомобилях. Неважно, велосипед под вами или скутер — надо ездить по правилам.

— Мы ещё маленькие для правил! — Фред.

— И здесь нет никаких знаков! — Джордж.

— Знаков, может, и нет. Зато у вас есть мозги. — Ну, это спорный вопрос. — И мама, которая за вас волнуется и переживает. Вы ведь не хотите остаться без мамы?

Я уже хотела подать голос, чтобы высказать своим бандитам всё, что о них думаю, как вдруг услышала этот вопрос. И замерла от неожиданности.

— Никогда не думали об этом, да? — продолжал Лев Игоревич увещевать притихших близнецов. — А зря. Мама ваша не вечная, и здоровье у неё не железное. А вы её так нервируете, как будто и не любите совсем.

— Любим! Конечно, любим! — возмутились мальчишки. Я фыркнула — и все присутствующие наконец обратили на меня внимание. Даже Рем — и тот голову задрал.

— Любить — значит, заботиться и нервы не трепать. Вы же обещали с этого спуска не съезжать, — сказала я укоризненно, и услышала в ответ два синхронно-честных голоса:

— Мы бы притормозили!

— Да, притормозили бы!

Судя по улыбке Шляпника, он моим детям тоже не поверил.

— Ну да, конечно... — Я закатила глаза. — Тормозят одни лишь трюсы, что боятся рваных ран. Ну а смелым карапузам всё ништяк! А что до мам — поорут и перестанут, сядут быстро голоса. Что вы им не говорите — всё им божия роса.

Сосед, кажется, офигел, а Фред с Джорджем уже хором возмущались, по привычке выловив из моего рифмоплётства главное:

— Ну почему ты нам не веришь!

— Ну правда, мам!

— Ну честное слово!

Я вздохнула. Вот и что мне с ними делать?

— Лев Игоревич, отпускайте их. Так, ребята, гуляем дальше до первого косяка. Если ещё где попытаетесь скатиться — пеняйте на себя, пойдём домой и будем сидеть дома. И никакой пиццы.

— Да, мам!

— Мы поняли, да!

Близнецы энергично закивали, а Шляпник, отпуская моих оболтусов, поинтересовался:

— Пиццы?

— Угу. Раз в две недели заказываю им эту вредную еду. Иначе весь мозг мне... прополощут.

— А что это был за... стишок? — продолжал любопытствовать сосед.

— Это моя старая и очень дурацкая привычка. Я иногда выдаю такое вот рифмоплётство совершенно на пустом месте. Сама не знаю, как получается. Само собой как-то...

— Интересно. А я вот совсем не умею стихи сочинять.

— Это не стихи, — я поморщилась. — Стихи — это Пушкин, Лермонтов, Есенин и так далее. А у меня так, рифмоплётство. А настоящие стихи я... не пишу.

Я хотела сказать «никогда не писала» — но это было неправдой. Писала, когда Антон был жив. А потом оказалось уже не до стихов.

Иногда только этот мой «литературный талант», как говорит мама, прорывается наружу таким вот рифмоплётством. И всё. Больших стихов я точно уже не напишу. Перегорела.

Мы гуляли вместе с соседом почти час. Фред и Джордж больше не отъезжали далеко и вообще вели себя как пай-близнецы, мечтающие вечером слопать большую мясную пиццу. Я сама не любитель подобной ерунды — как по мне, то нет ничего лучше обычной домашней еды. Но дети есть дети. И картошка фри, бургеры или пицца возбуждают их гораздо больше бабушкиных котлет.

Шляпник спокойно, тихо и мирно расспрашивал мальчишек или меня о чём-то нейтральном — об учёбе в школе, о разных магазинах в нашем районе, о том, собираемся ли мы на море, — в общем, разговаривать с ним было легко и приятно. И сам он такой — лёгкий и приятный человек. Антон тоже таким был.

Тьфу, Алёна, сколько можно... не надо их сравнивать.

А вечером, когда мы с моими оболтусами заказали пиццу и уселись её лопать на кухне — бабушка, морщась, разогрела себе картофельное пюре с куриными котлетами, не поддержав «пиццепоедание», как говорят близнецы, — Фред с Джорджем, переглянувшись, спросили меня заговорщицким хором:

— Ма-а-ам... а как тебе Лев?

Бабушка подняла голову, с интересом уставившись на внуков и меня. Ну да — её любимая тема. Алёнушка и женихи.

— Какой Лев? Который мультфильм «Король Лев», что ли?

— Не-е-ет! — Какое синхронное единодушие. — Наш Лев. Сосед.

Ага, он уже «наш».

— Хороший сосед, — повторила я то, что уже говорила недавно маме. — Не шумит, ментов не вызывает, музыку нестандартную не слушает. Ещё и с собакой. Мечта, а не сосед.

И тут я обалдела. Потому что я чуть ли не впервые в жизни видела Фреда и Джорджа настолько... смущёнными. Причём по-настоящему, а не притворно.

— А нам он нравится.

— Нравится, да.

— И мы подумали...

— Да, мы подумали...

— Что из него был бы хороший папа...

— Ага...

Дзззззынь!

Бабушкина вилка упала на пол. Челюсть у моей мамы тоже упала, но до пола не достала — остановилась где-то в районе груди.

— Конечно, хороший. — Главное — сохранять спокойствие и не ронять вилки. — Из хороших людей получаются хорошие папы и мамы.

Ответом мне был синхронный смущённый пыхтёж.

«А ведь они не знают, что ещё сказать, — подумала я с отчётливой ясностью. — Это очень взрослая тема и взрослые дела. Не знают, как разрулить».

— Ешьте лучше свою пиццу, ребята. Помните, я говорила, что никого нельзя заставить общаться с кем-то насильно? Вот и папой быть тоже насильно не заставишь.

— А мы не насильно...

— Мы добровольно...

— Добровольно ешьте, — фыркнула я. — А Лев сам разберётся.

— У львов в природе вообще целый гарем, — протянула бабушка глубокомысленно.

— Мам!

— Гарем? — ребята встrepенулись, услышав незнакомое слово.

— Не гарем, а прайд, — проворчала я. — Это значит — один лев и много львиц. Так и живут. Все животные по-разному, есть одиночки, есть те, которые парами живут или стаями, а у львов вот прайды. Но это про животных, а люди так... хм... не живут.

Мама усмехнулась и промолчала. Ну да, пришлось соврать. В конце концов, правду о том, что люди живут вообще как попало, Фред с Джорджем и сами потом узнают.

В понедельник я вновь пошла на работу, а близнецы остались дома с бабушкой. Не люблю я это, ох, не люблю, но что делать? Не с собой же на работу мне их тащить, я за ними смотреть не смогу, и они в это время школу по камешку разберут.

Уроков уже не было, зато были экзамены и всяческие проверки. И я как раз сидела на экзамене по русскому языку, когда завибрировал мобильный телефон.

«Пошли на прогулку, встретили Льва. Он вызвался сам погулять с Ф и Д. Я разрешила».

Я фыркнула и напечатала ответ.

«Смертник».

От мамы через пару минут пришло:

«А ему они нравятся, это видно. И ты, Алён, присмотришься».

Я чуть зубами не закричала. Если бабушка объединится с близнецами в стремлении выдать меня замуж... пожалуй, придётся мне срочно и очень быстро бежать до Канадской границы^[2].

Хотя мама должна помнить, что сила действия всегда равна силе противодействия.

Часа в четыре я наконец смогла убежать с работы. Специально не стала обедать, чтобы побыстрее освободиться. Это время в начале лета, когда мама остаётся одна с близнецами и все уже отвыкли от подобного режима, всегда проходит у меня в сильнейшем стрессе. И да — именно на первой-второй неделе июня Фред и Джордж обычно шалят не по-детски. А сейчас им сам бог велел — у них теперь есть скутеры! Хотя в случае с моими детьми — скорее, дьявол.

И зачем я им купила эти жуткие штуковины? Дополнительная функция к шилам в попе. Пропеллеры для Карлсонов. Бэтмобили для Бэтменов.

Я улыбнулась, вспомнив, как прошлым летом близнецы — фанаты Бэтмена — пытались научить летать свои старые детские машинки, приделывая им различные самодельные крылья и спуская с балкона. Эксперимент был провален, когда в квартиру поднялся Марат — наш местный дворник. Он сразу понял, чьих рук дело планирующие с неба машинки с привязанными к ним различными пакетами, пёрышками и венцом творения — моей ночной рубашкой с бешеной белкой из «Ледникового периода».

В тот день желание выпороть близнецов было сильным, как никогда.

— Посмотри на это с другой стороны, — сказала бабушка тоном Иммануила Канта. Да, «посмотри на это с другой стороны» — её любимая фразочка. — До того, чтобы использовать в качестве парашюта твои лифчики, Фред и Джордж не додумалась. Вот Марат был бы счастлив.

На следующий день я купила замок для ящика со своим бельём. Впрочем, у меня нет сомнений — если близнецам действительно оттуда что-нибудь понадобится, они этот замок вскроют без особых усилий. Бандиты.

Не успела я выйти из лифта на нашем этаже, как меня чуть с ног не сбило. Я поначалу даже не поняла, что это на меня налетело, истошно сопя, только непроизвольно отскочила к стене — и почти сразу услышала спокойный голос Шляпника:

— Рем, нельзя!

Опустила голову и улыбнулась, увидев радостно скалящуюся морду соседского ретривера. Так вот, кто на меня налетел!

— Мама! Мама, ты уже? — загалдели близнецы. Они вместе с Львом Игоревичем шли по лестнице в обнимку со скутерами, и мордочки у них были довольными донельзя. Интересно, это они просто рады меня видеть или успели где-то нашкодить? Скорее, второе.

Я с подозрением оглядела лица, руки, коленки. Синяков и ссадин нет. Прекрасно, хотя бы это радует.

— Да, я уже. — Я покосилась на Шляпника. — Добрый день. А почему вы пешком на десятый этаж топаете? Лифт же работает, я на нём прекрасно доехала.

— Лев Игоревич предложил! — воскликнул Фред.

— Сказал, что Рему отличная зарядка! — добавил Джордж. Я вновь опустила голову,

рассматривая пса со свисающим сбоку языком и подумала, что после трёхчасовой (а именно столько сосед гулял с близнецами по моим расчётам) прогулки по парку бедняге уже не нужно ничего кроме еды, воды и подстилки.

— Тогда я отдаю вас маме и прощаюсь с вами, ребята, — сказал Лев Игоревич, с улыбкой приподнимая шляпу. — Хорошего вечера, Алёна Леонидовна.

Мне стало так неловко — хоть разворачивайся и шагай обратно в лифт. Я ведь понимала, что после того, как Шляпник столько времени гулял с моими детьми, я просто обязана пригласить его хотя бы на чай. Или даже на обед. В общем, надо как-то поблагодарить, но делать этого совершенно не хотелось. Опять мама заведёт старую песню о главном, и на сей раз её жестокий романс подхватят близнецы. Нет уж, благодарю покорно.

— Ма-а-ам! — укоризненно протянули Фред и Джордж, и я цыкнула на них:

— Так, марш домой! Переодеваться и мыть руки. — И обратилась к соседу, который уже собирался разворачиваться, чтобы идти к себе на этаж ниже: — Лев Игоревич, постойте, пожалуйста.

Я была готова к тому, что отпрысков придётся впихивать в квартиру силой, но близнецы проявили поразительную покладистость, смывшись с глаз долой настолько стремительно, что я едва не застонала — ну точно ведь что-то задумали!

— Я хотела сказать вам спасибо, — пробормотала я, ощущая себя в полнейшем раздрае. — За то, что вы погуляли с Фредом и Джорджем.

— Не за что, — ответил он вежливо и невозмутимо, глядя на меня спокойными голубыми глазами. Интересно, он вообще умеет злиться и орать? Пожил бы месяц с моими бандитами — точно научился бы.

— Честно говоря, я не очень понимаю, зачем это вам, — призналась я, изучая лицо Шляпника. Удивительно, как же можно быть одновременно и похожим, и непохожим на другого человека? Сосед иногда безумно напоминал мне Антона, но в следующую же секунду это наваждение рассеивалось. — Были бы ещё Фред с Джорджем покладистыми лапочками, а то ведь сущие кошмары.

— Да ладно, — он усмехнулся. — Отличные мальчишки. Да, сорванцы, но это пройдёт. Учатся они у вас хорошо, знают для своего возраста очень много и...

Что «и», я так и не узнала. Потому что за окном пролётом ниже вдруг затрещало, загрохотало, а затем раздалась очередная душераздирающая и ушисворачивающая музыка. Но теперь она, на мой вкус, была ещё хуже.

«Ты сегодня крайне озабочена, а я, а я пойду на поводу, пойду и возьму, и будет поздно говорить «Я не хочу». И если бы ты была бы полицай — я бы тебя ай-я-яй!»

— Вот же гоблины, — поморщился Лев Игоревич, косясь на окно. — Перешли на другую сторону дома и решили, что можно попробовать ещё раз.

— Рецидивисты, — кивнула я, пытаясь не покраснеть от жуткой песенки, что грохотала за окном. «И твои губы знают, как, как сделать так, как ты делаешь так?.. Мой обнажённый кайф!» Почему-то слушать такое при Шляпнике было очень волнительно. Я даже невольно посмотрела на его губы — чтобы секундой позже отвести взгляд, почувствовав жар в области сердца.

Наверное, у меня просто давно не было мужчины. Слишком давно. Десять лет. Я уже почти забыла, что это такое, и вспоминать совсем не желала.

— Пойду, разберусь, — продолжал между тем сосед. — Приятного вам вечера, Алёна. — И побежал вниз по лестнице в сопровождении радостно машущего ушами и

хвостом Рема.

Только когда их шаги почти стихли, я отмерла и, потеряв ладонями вспыхнувшие щёки, направилась в квартиру.

Долгая прогулка на скутерах, да ещё и с собакой оказалась полезна, причём не только Фреду с Джорджем, но и нам с мамой. Близнецы в результате начали клевать носом уже около восьми вечера, зевая и безуспешно борясь со сном, и в конце концов сдались и отправились в кровати.

— Вот было бы здорово, если бы Лев гулял с ними почаще, — протянула мама, лукаво глядя на меня. — Ты присмотришь, Алён, присмотришь...

— Ты это каждый день будешь повторять?

— Почему бы и нет. Вода камень точит.

Камень. Ну да, со дня смерти Антона я именно в камень и превратилась. Застыла соляным столпом — не женщина, а оболочка, функция, робот. Я привыкла к этому, меня всё устраивало, а вот маму почему-то нет. Она начала сватать меня семь лет назад, когда близнецам исполнилось по три года — видимо, решила, что я достаточно была вдовой. Первое время её попытки выдать меня замуж были весьма агрессивными, но теперь поутихли. И не удивительно — Фред и Джордж не давали нам сосредоточиться на чём-либо другом, кроме их вредных персон.

Я вымыла посуду, оставшуюся после ужина, протёрла стол, налила чистой воды в кувшин и оглядела кухню. Вроде всё в порядке, можно идти к себе... хм, отдыхать. С ума сойти, всего-то девять вечера, а близнецы уже спят, укатанные, как тесто для пиццы. Надо всё-таки поблагодарить соседа, а то нехорошо как-то вышло. Он же не виноват, что мама мечтает сделать меня мужней женой, он просто гулял с мальчишками. Может, пожалел меня немного — видел же, что я замоталась, решил доброе дело сделать, чакры почистить, ну или что там чистить полагается? А я так шарахаюсь от бедного мужика, как будто у него бубонная чума, не иначе.

Да, нехорошо, Алёна, неблагодарно. Лев, конечно, не обидится, он явно ничего не ждёт, но дело же не в этом, а в твоей совести. Всех остальных соседей, подруг и коллег, которым доводилось сидеть с Фредом и Джорджем и отвлекать их от шалостей, ты благодарила, а Шляпнику просто сказала «спасибо» на лестничной площадке, даже на чай не позвала. Стыд и позор Виктору Перестукину, второкласснику и второгоднику!

Вздыхнув, я полезла в кухонный шкаф, где мы с мамой хранили стратегический запас шоколадных конфет — на тот случай, если придётся срочно что-то кому-то дарить. Конфеты, как правило, долго не залёживались, поэтому были постоянно свежими, так что отравить Шляпника мне не грозило. И я, засунув под мышку маленькую коробочку «Мерси», тихонько выскользнула из квартиры. Мама пять минут назад ушла в ванную мыться, моется она обычно с полчаса, так что время у меня есть.

Сбежав по лестнице на этаж вниз, я решительно позвонила в дверь квартиры Шляпника. Правда, моя решительность улетучилась, как только за стеной раздался громкий лай Рема. Господи, Алёна, что ты делаешь? Передала бы эту коробочку через маму, зачем сама решила отдать, да ещё и вечером?!

Замок щёлкнул, дверь распахнулась, и на пороге возник Лев Игоревич. И я непроизвольно покраснела, осознав, что, по-видимому, вытащила соседа из-под душа — он был в одних только джинсовых шортах, и на голом торсе блестели мелкие капельки воды.

— Алёна? — в голосе было удивление. — Что-то случилось?

Убежать хотелось уже безумно сильно, но я сдержалась, помотала головой и протянула соседу конфеты.

— Ничего, Лев Игоревич. Вот, это вам. Спасибо большое за помощь с близнецами.

— А, — он улыбнулся, и плечи его чуть опустились. Я невольно покосилась на грудь — редкие рыжие волосы, как у Антона. Но Антон был более субтильным, худым и почти не мускулистым, а Лев... да, рельеф мышц на его груди впечатлял. — Я уж подумал, что-то произошло. Спасибо большое, хотя не стоило беспокоиться. Проходите. — И он отступил в сторону, пропуская меня в квартиру.

Щёки загорелись, будто я их только что ладонями тёрла. Если бы Шляпник сказал иначе, например: «Не хотите ли выпить чаю?», я бы отказалась. Но он произнёс: «Проходите», и отказываться было неловко.

Я шагнула в коридор, ощущая безумное смятение. Здесь очень сильно, терпко и остро пахло мужчиной, и этот запах был настолько приятным, что я чуть не закрыла глаза от удовольствия. Отличный у Льва гель для душа... или это лосьон после бритья?

— Проходите, — повторил сосед, кивая в сторону кухни. — Я через несколько секунд подойду, только футболку надену.

— Да я вообще не собиралась... — протянула я наконец то, что давно хотела сказать, но Шляпник улыбнулся и махнул рукой.

— Ладно вам, это совсем недолго. Я приглашаю. Мне будет приятно, если вы выпьете со мной чаю, Алёна.

Только тут я вдруг осознала, что сосед умудрился где-то потерять моё отчество, и так у него это ловко и естественно получилось, что я даже не заметила. И пока я переваривала эту новость, Лев — Игоревич! Нечего фамильярничать! — ушёл в одну из комнат, и рядом со мной остался только оживлённо виляющий хвостом Рем.

В сопровождении пса я всё же направилась на кухню. В квартире явно сделали косметический ремонт перед продажей — следов нашего прошлогоднего залива на потолке больше не было. И в целом всё изменилось с тех пор, как я была здесь в последний раз — и обои другие, не зелёные, а персиковые, и плитка на «фартуке» не фиолетовая, а бежевая, с милыми чайничками, и занавески на окнах цвета необработанного льна, а не белые. И стол не деревянный, а стеклянный, с матовой прохладной поверхностью, полукруглый, и табуретки другие, без мягких сидений.

Всё иначе, но мне здесь тем не менее понравилось. Уютно.

Я села за стол, Рем лёг рядом, у ног, и смачно облизал мне щиколотку, отчего я резко вздрогнула и захихикала.

— Ой, Рем, не надо!

Пёс поднял голову — язык вывалился набок, — и посмотрел на меня с истинно собачьим восторгом. Вот уж кто был рад моему визиту больше всех.

— Что «не надо»? — поинтересовался Шляпник, заходя на кухню, и с любопытством оглядел нас с Ремом. Никакой шляпы на нём сейчас, конечно, не было — только джинсовые шорты и чистая белая футболка с чёрно-белым изображением Джона Леннона и надписью «This is not Harry Potter». Увидев её, я на мгновение онемела, а потом невольно растеклась по табуретке и улыбнулась. Всё-таки у нашего соседа есть чувство юмора!

— Рем лизал мне ногу, — пояснила я. — Щекотно.

— А-а-а. — Лев Игоревич кивнул и с громким «щёлк» включил электрический чайник.

Достал из шкафчика две почти одинаковые белые чашки, кинул в них чайные пакетики и продолжил: — Это нормально. Он так выражает вам свою симпатию. Не волнуйтесь, много лизать не будет, Рем у меня приличный пёс.

Сосед говорил совершенно спокойно, но от этого «лизать» щекам стало жарко. Интересно, это он случайно, или специально хочет меня смутить?

Чтобы отвлечься, я посмотрела на свою чашку — и фыркнула. Надпись на ней гласила:
+ X

Сам ты буква «ха»! Это математические знаки сложения и умножения!

— Вы любите белое с надписями? — спросила я, косясь на кружку Шляпника. Что написано там, было не разглядеть, но тянуть руки я не стала — это всё же неприлично. — И чашки, и футболка...

— Не обязательно белое. — Сосед деловито расставлял передо мной вазочки с печеньем и конфетами, а ещё водрузил на стол банку вишневого варенья. — Просто люблю что-то такое, забавное.

— Мы же с вами много раз гуляли, я вас не видела в забавном...

— Не так уж и много. — Шляпник хмыкнул, положив на стол подаренную мной коробку конфет. — Случайно так получилось, что не надевал тогда. Потом ещё увидите. Простите, что не спрашиваю, какой вам чай, у меня только чёрный, и только в пакетиках.

— Ничего страшного, — помотала головой я. — Я и в целом не собиралась...

Я не стала озвучивать, что именно «не собиралась» — слишком неловко было, — да и Лев Игоревич уже лил кипяток в чашки. Долил до верха — чёрт, это мне теперь придётся ждать, пока остынет, не просить же его отлить, чтобы разбавить холодной водой? — и сел на соседнюю табуретку.

В кухне вдруг как-то разом стало тесно и душно. Господи. Когда я в последний раз находилась наедине с мужчиной? Если не считать врачей — очень давно. Будто в прошлой жизни.

И самое ужасное, что мне нравилось это ощущение. Но оно же и пугало.

— Могу я посмотреть, что написано на вашей чашке? — пробормотала я, пытаюсь отвлечься от противоречивых эмоций, которые разрывали меня на части. Я одновременно и хотела как можно дольше оставаться на этой кухне, и побыстрее убежать обратно в свою камеру. — Интересно...

— Да, конечно, — Шляпник осторожно подвинул ко мне свою кружку, я схватилась за неё, приподняла...

А дальше всё пошло не так. Я даже не поняла, как это получилось, но рука у меня неожиданно дрогнула, чай немного выплеснулся из кружки, попал мне на ладонь, я вскрикнула и непроизвольно махнула рукой, одновременно с этим выпустив из захвата фарфоровое изделие.

Я резко вскочила на ноги, но поздно — часть чая всё равно хлестнула меня по коленям.

— Ай! — вскрикнула я и начала прыгать, издавая хлюпающие звуки — пол теперь был мокрым. — Ох, простите...

Сосед стремительно встал с табуретки и, подхватив меня на руки, куда-то понёс. Я замерла от удивления, даже забыв о боли в обожжённых ладони и коленях, но спросить, в чём дело, не успела — Шляпник уже ставил меня на пол в ванной и включал воду.

— Я сейчас принесу мазь от ожогов, — сказал он невозмутимо, словно ничего особенного не случилось, — вы пока опустите ладонь в холодную воду.

— Колени тоже опустить? — пробормотала я с неловкостью, ругая себя на чём свет стоит — уронила кружку и обожглась на ровном месте! — Мне бы лучше домой, Лев Игоревич, у меня там и мазь есть. Мне же штаны надо снять, помазать, и чем скорее, тем лучше...

Кажется, он огорчился. Хотя вряд ли, наверное, действительно показалось. С чего вдруг соседу огорчаться? Я была бы только рада, если бы такая ходячая катастрофа решила покинуть мой дом.

— Вы правы, конечно. — Шляпник кивнул, закрыл кран и отступил в сторону, пропуская меня вперёд. Я шагнула в коридор и чуть не упала, услышав за спиной: — Тогда приходите завтра. Я вас приглашаю.

— Я... — Я запнулась, думая, как бы поправдоподобнее соврать. — Завтра занята.

— Тогда послезавтра.

— Тоже.

Он хмыкнул, и я, обернувшись, успела уловить на его лице понимающую улыбку. Сосед словно прекрасно осознавал, по какой причине я ему отказываю.

— Хорошо. Тогда приходите, как будете свободны, в любое время. Мы с Ремом будем рады.

— Ладно, — я кивнула, отводя взгляд. — Простите, что разбила вашу кружку.

— Она не разбилась, только упала. Да и даже если бы разбилась, ничего страшного. Посуда бьётся к счастью.

— Если бы это было так, я уже была бы самой счастливой женщиной на планете, — фыркнула я, почему-то до сих пор не решаясь уйти, хотя стояла возле входной двери. — Знаете, сколько посуды перебили Фред с Джорджем за последние годы?

— Представляю. — В голосе Шляпника слышалась улыбка, но я по-прежнему не смотрела на него. — Однако посуду всё же били не вы, а близнецы. Значит, это им положено быть самыми счастливыми, а не вам.

— Логично, — признала я.

— Разумеется. Я же математик, мне полагается быть логичным.

От улыбки я всё же не удержалась.

— Да, вы правы. Я пойду. Спасибо за гостеприимство и извините ещё раз.

— Ничего страшного.

Мне повезло — мама до сих пор не вылезла из ванной, и моё отсутствие в квартире осталось незамеченным.

Я дождалась, пока она закончит мыться, а потом тоже приняла душ, после чего обработала кремом от ожогов ладонь и коленки. Оказалось, что не так уж и сильно я обожглась. Вот и хорошо, мне лишние болячки ни к чему...

Нет, ну как я так умудрилась? Даже не помню, когда в последний раз била посуду. Хотя Шляпник сказал, что кружка не разбилась, но вполне могла бы, так что...

Не надо было вообще туда идти. Не надо было... заглядываться на соседа. Это предательство по отношению к Антону, вот Вселенная мне и отомстила, заставив облиться кипятком. Надо держаться на расстоянии, а все благодарности передавать через маму, как и хотела.

— Ты останешься для меня единственным, моё солнце, — прошептала я, залезая в постель. — Первым и последним...

Из телефона медленно и печально текла «Лунная соната» Бетховена, и я закрыла глаза, ощущая холод и боль в груди.

Я всё ещё жива.

Следующие несколько дней я соседа почти не видела, а когда видела, стремилась побыстрее от него улизнуть под каким угодно предлогом. О неудавшемся чаепитии Шляпник мне благоразумно не напоминал, да и в целом не настаивал на собственной компании. Его даже с натяжкой нельзя было назвать ухажёром, но я всё равно напрягалась, отлично при этом понимая, что дело не столько в нём, сколько во мне.

Лев Игоревич продолжал по утрам гулять вместе с близнецами, их скутерами и Ремом на радость моей маме, пока я пропадала в школе, и закончилось это всё предсказуемо — хотя я в силу своей наивности предсказать такое не смогла, — в пятницу, вернувшись с работы к обеду, я обнаружила на собственной кухне Шляпника в компании мамы, Фреда и Джорджа. И даже Рем тут был! Сидел под столом.

В первое мгновение я потеряла дар речи. А потом слегка разозлилась, хотя причины в целом не было. Других соседей мама много раз приглашала в гости, и меня ничего не возмущало, а тут вдруг такая реакция.

Я открыла рот, намереваясь сказать всё, что я думаю о подобном возмутительном поведении, но не успела.

— Вот, Алёнушка, исправляю несправедливость, — произнесла мама громко и настойчиво, как судья при оглашении приговора. — А то Лев нас уже столько раз выручал, а мы его даже в гости не приглашали.

Неправда. В ту ночь, когда мальчишки вызывали пиковую даму, мы с соседом пили чай на кухне. Но упоминать об этом сейчас оказалось как-то стыдно.

— Я пойду, — Шляпник неожиданно поднялся, но на него тут же зацыкала мама и заняли близнецы.

— Вы куда, дядя Лёва...

— Вы чай не допили!

— И печенье не попробовали, вы же хотели...

Дядя Лёва?!

— Мам, ну скажи ему! — хором возвестили близнецы окончательно обалдевшей мне. И смотрят ещё так обвиняюще, как будто я их только что лишила сладкого на месяц ни за что.

Сказать, значит. Ага.

— Нам пора бы на обед, а печенье — это бред, от него во рту лишь сладко, а в желудке очень гадко. Прекращаем сей разврат! Суп-второе ждёт ребят, — выпалила я.

Лев Игоревич открыл рот, а потом настолько радостно и обезоруживающе улыбнулся, что меня аж передёрнуло. Запутавшиеся лучики солнца в рыжих волосах, несколько мелких веснушек возле носа, широкая счастливая улыбка — да, в такие моменты Шляпник безумно напоминал Антона... Умом я понимала, что это другой человек, но сердце всё равно вздрагивало.

— Как это классно у вас получается, Алёна, — хмыкнул сосед под возмущённое пыхтение близнецов и укоризненный взгляд мамы, направленный на меня. — Очень складно, непринуждённо и весело. Но вы правы — я действительно...

— Хотите пообедать с нами? — спросила мама громко, и Фред с Джорджем тут же загалдели «да, да!». — У нас сегодня вкусный борщ и отличная картофельная запеканка с мясом.

Господи, вот что она делает? Неужели не понимает — нельзя его привечать?

— В другой раз, — ответил Шляпник бесстрастно и чуть прищурился, глядя на меня. Он то ли уже читал, то ли пытался прочесть мои мысли. — Сейчас мне действительно пора. До свидания, Фред, Джордж, Ксения Михайловна. Хорошего вечера, Алёна.

— Я провожу вас, — пробормотала я, отступая в коридор и ощущая себя полной идиоткой. Сосед ведь не виноват, что похож на моего умершего мужа, которого я до сих пор люблю. Не виноват, что я чувствую... чувствую... Чёрт, я ничего не должна чувствовать. Но как это выключить?

Шляпник молча шёл следом за мной, и рядом с ним шагала Рем, цокая когтями по полу. Мы достигли входной двери, сосед взял оставленную на комод в прихожей шляпу, надел её и повторил:

— Хорошего вечера, Алёна.

— Спасибо, — почти прошептала я, отводя взгляд. — Извините, пожалуйста.

— Ничего страшного. Пошли, Рем.

Лев Игоревич ушёл, такой же невозмутимый и спокойный, как и всегда, а я отправилась на кухню — держать оборону.

В тот вечер мне действительно пришлось несладко. Близнецы дулись, мама бóльшей частью многозначительно молчала, и я не представляла, что с этим делать. Остановить состав по имени «Фред и Джордж» нереально, притормозить мамино желание выдать меня замуж за первого встречного соседа — тем более. Может, поговорить с самим Шляпником?..

— Алёна, — мама, настроенная явно воинственно, встала рядом со мной, когда я взялась мыть посуду, а близнецы убежали в свою комнату, — это нехорошо.

— Что именно? — буркнула я, намывая одну из тарелок.

— Лев ничего плохого не сделал, — продолжала мама с истинно фамильным упрямством. — Даже наоборот. Он вежливый, помогает нам. Вот ты знаешь, что у нас кран в ванной третий день капал? Я попросила его посмотреть, и он его починил как раз перед твоим приходом. Ещё и мальчишкам объяснял, что и как делает.

— Кошмар! — Я ужаснулась. — Это ж они теперь сами будут краны чинить, и неважно, капают они или нет.

— Может, и станут, но речь не о том. Ты даже чай ему допить не дала! — Мама пылала праведным гневом. — Я просто не узнаю тебя. Что с тобой?

— Ничего. Я просто устала, пришла с работы, а тут...

— А тут вежливый и обходительный мужчина, приятный во всех отношениях, — перебила меня родительница. — Который никак — никак! — тебя не унизил, не оскорбил, и все твои закидоны сносит терпеливо и понимающе. От тебя, что, убыло бы, если бы ты дала ему пятнадцать минут на чай?!

— Мама, — я устало вздохнула, — ну хватит уже. Хватит меня чихвостить. Я не хочу общаться со Львом. Не хочу и не буду. Пейте свой чай без меня.

Она молчала секунд тридцать, и я уже думала, всё, тема исчерпана. Но оказалось, нет.

— Это из-за того, что он похож на Антона?

Я вздрогнула, напрягшись.

— Думаешь, я не заметила, как ты иногда смотришь на него? Точно с таким же выражением на лице ты порой разглядываешь Тонькины фотографии.

— Мама...

— Мама, мама, — повторила она сварливо и вздохнула. — Алёна, я всё понимаю. Но Лев, во-первых, не выбирал себе внешность. А во-вторых... Антон умер. Десять лет назад, дочка.

— Я помню, — огрызнулась я, почти бросая очередную домытую тарелку на сушильную полочку. — Я помню это каждый день и каждую секунду.

— В этом и беда. Пора бы забы...

— Мама! — я швырнула взятую в руки грязную вилку в раковину и обернулась к родительнице лицом. — Хватит. Я не желаю слушать ничего подобного. Уйди, пожалуйста, дай мне спокойно помыть посуду.

Она посмотрела на меня, как мне показалось, с горечью, и всё же вышла с кухни. А я, вытерев ладонью засаднившие глаза, продолжила убираться.

К сожалению, избегать Шляпника оказалось делом более чем непростым. Погода стояла хорошая, тёплая и солнечная, и отделаться от близнецов, желающих рассекать по дорожкам парка на своих адских машинках, было совершенно невозможно. И уж на улице-то мы на соседа натыкались почти тут же. Как я понимала, он в принципе долго гулял с Ремом, и примерно в то же время, что и я со своими бандитами. Поэтому мы, естественно, встретили Льва Игоревича в парке с утра пораньше.

Я пыталась отделаться от этой прогулки, уговаривала маму пойти с близнецами, собираясь пылесосить квартиру. Но и родительница, и мальчишки заупрямились, а у меня не хватало сил на споры. Да и, по правде говоря, очень уж хотелось прогуляться. За неделю сидения в школе во время июньской жары я немного опухла мозгом, надо было проветриться.

— Доброе утро, дядя Лёва! — заорали хором близнецы, заметив энергично двигающегося по дорожке впереди нас Шляпника в неизменной ковбойке. Полдесятого утра, суббота — Фред с Джорджем специально хотели пойти гулять как можно раньше, пока в парк не набежал народ, который им не нравилось объезжать на скутерах. Шумахеры...

На дорожках действительно было очень мало людей, так что мальчишки сияли от счастья. И засияли ещё больше, когда Шляпник обернулся и, остановившись, кивнул. Рем рядом с ним возбуждённо махал хвостом, вывалив наружу длинный ярко-розовый язык.

По поводу «дяди Лёвы» я детям так ничего и не сказала. А что тут говорить? Запрещать глупо, поэтому пусть называют. Не «папа» же...

Я невольно поморщилась при мысли о том, что близнецы могут начать называть чужого мужика папой, и Лев Игоревич, кажется, принял это на свой счёт — как только мы подошли ближе, он, мимолётно глянув на меня, вежливо и спокойно произнёс:

— Доброе утро. А мы уже возвращаемся домой.

Фред с Джорджем на мгновение застыли, а потом хором гаркнули:

— Врёте!

От такой наглости я даже онемела на секунду.

— Врёте! — продолжали между тем рыжие нахалы. — Мы видели, как вы выходили из подъезда.

— В окно видели!

— И это было десять минут назад!

— Да, десять! Рему мало десяти минут! Вы сами говорили, что гуляете минимум по часу, а лучше — по два!

— Сегодня у меня дела, — пояснил сосед, и почему-то я тоже поняла — врёт. — Простите, ребята.

Он сделал шаг по направлению к выходу из парка... и тут мне стало настолько стыдно, что я, кажется, даже покраснела. Это было слишком очевидно — Шляпник решил не смущать меня, не путаться под ногами, и делал это, как обычно, со свойственной ему деликатностью.

А я... веду себя как последняя сволочь.

— Да ладно вам, — вздохнула я, не глядя на соседа. — Погуляйте с нами немного. Мы... будем рады.

— ДА! — хором подтвердили близнецы, и я всё же подняла голову.

Лев Игоревич сосредоточенно изучал моё лицо, которое, как я полагала, наверняка уже сравнялось цветом с помидором. Он словно пытался что-то просчитать, решить сложное жизненное уравнение.

— Вы уверены? — уточнил он в конце концов, и я кивнула под очередное «да!» Фреда и Джорджа. — Что ж... хорошо. Давайте погуляем.

— Ур-р-ра! — гаркнули мальчишки, и я всё же невольно улыбнулась. Ладно, пусть радуются.

Во время прогулки я несколько раз думала о том, как же хорошо, что вместе с нами гуляет Шляпник. Близнецы, к моему удивлению, смотрели ему в рот и слушались его намного лучше, чем меня, и гораздо меньше стремились удрать и на полной скорости съехать с какой-нибудь адской горки. И я в присутствии соседа могла хоть немного расслабиться, а не дёргаться каждую секунду, что мои лихачи вот-вот навернутся со своих скутеров и покатаются по асфальту двумя рыжими коlobками.

Мне нравилось гулять вместе со Львом Игоревичем. И разговаривать с ним мне тоже нравилось. В этом и беда...

— А когда вы приступите к работе в нашей школе? — поинтересовалась я в перерывах между заездами Фреда и Джорджа — близнецы в это время кружили метрах в десяти от нас. — С первого сентября или раньше?

— За неделю до первого, — ответил сосед, не отрывая взгляда от мальчишек и семенящего за ними охранника — Рема. — Так решила Шустрова. Ваша... Новицкая, да?

— Да.

— Она доработает до конца лета, а потом уже я начну исполнять свои обязанности. А пока я отдыхаю. — Шляпник усмехнулся. — И проедаю свои сбережения.

— А где вы раньше работали?

— В школе.

— Это я понимаю. А в какой?

Сосед назвал номер и район.

— В другом конце города...

— Да, мы там жили вместе с женой. После развода я оставил ей целиком совместно приобретённое имущество и купил эту квартиру в ипотеку. Сами понимаете, отсюда ездить в мою прежнюю школу — это утопия, так что пришлось заодно и работу менять.

С женой. Он был женат и развёлся. Нет, вроде обычная история, но меня всё равно что-то цепляло...

Кажется, это было удивление от того, что Шляпник мог развестись с кем-то. Точнее,

что какая-то неизвестная женщина могла с ним развестись. Спокойный, покладистый мужик... собак она, что ли, не любит?

— А почему вы развелись?

Вопрос был крайне нетактичный, ну и плевать. Мне слишком интересно! Не захочет — не ответит.

— Знаете, как сказал мой брат: «Удивительно, что ты женился, а вот что ты развёлся, совсем не удивительно». Так что я даже не знаю, как ответить. Мы с Татьяной просто не пара друг другу. Почти пять лет мучились, потом плюнули и развелись.

Мне было сложно это понять. Зачем тогда жениться, если «не пара»? Я знала, что такое сплошь и рядом, но мне, как человеку, который не мыслил рядом никого кроме Антона, всегда это было странно.

Больше мы со Шляпником про его развод не говорили. Догуляли до дома, простились и ушли к себе. Правда, Фред и Джордж пытались склонить меня к приглашению соседа на обед, но Лев Игоревич так быстро ретировался, что я окончательно уверилась — он явно решил в своей голове какое-то уравнение, записал ответ и вывел теорему, не требующую доказательств.

— Мама, а давай завтра устроим пикник! — сказали близнецы вечером, когда я уже убирала пустые тарелки после ужина. — Погода будет хорошая...

— Можно, — кивнула я, подумав, что пикник лучше гонок на скутерах, но тут же застыла, потому что Фред протянул:

— И дядю Лёву позовём, да-а-а-а?

Не-е-е-ет. Нет, блин!

— И Рема, — добавил Джордж.

— Будет классно, — заключил Фред, и оба шантажиста уставились на меня взглядами маньяка, заметившего себе жертву.

Мама почему-то молчала, хотя по идее должна была поддержать мальчишек. Но нет — родительница молча помогала мне убирать посуду.

— Он, может, занят, — пробормотала я, испытывая безумное желание залезть под стол и никогда оттуда не вылезать.

— А давай позвоним и спросим! — огорошил меня Джордж. — Дядя Лёва нам свой телефон дал!

— Или спустимся и спросим!

— Да!

Господи, как мне остановить этот поезд с отказавшими тормозами?!

— Может, лучше позовём кого-нибудь из ваших друзей-одноклассников? — предложила я, вздохнув. — Юлю Бессонову, например...

Это была, конечно, тяжёлая артиллерия с моей стороны. Фред и Джордж, влюблённые в Юлю, раньше обязательно бы поддержали эту идею, но...

— Так она же в Крыму!

— Да, в Крыму с бабушкой и дедушкой! До августа!

Точно. И как это я забыла?

— Ну, тогда можно позвать Серёжу Волкова.

— Серёжа на даче!

— Максима Ларина?

— Макс в эти выходные с папой рыбачит за городом. А потом тоже поедет на дачу!

М-да... Друзья и товарищи катастрофически заканчивались. Ладно, попробуем зайти с другой стороны.

— Ребята, навязываться нехорошо. Если мы предложим Льву Игоревичу сходить с нами на пикник, он примет это предложение просто из вежливости.

Близнецы смотрели на меня несколько секунд, хмурясь, а потом спросили, поставив этим вопросом в тупик:

— Зачем?

Я моргнула.

— Что — зачем?

— Зачем ему соглашаться из вежливости? — Джордж.

— Он же взрослый! — Фред.

— Он проводит с нами время, потому что ему с нами интересно! — Опять Джордж. — Он сам так говорил!

Абзац.

Я сосредоточенно потёрла лоб, не зная, что ещё такое придумать, чтобы дети оставили эту идею. Но ничего не придумывалось.

Я уже собиралась открыть рот и признать своё поражение, как меня вдруг осенило.

— Ладно. Тогда я сейчас сбегаю к Льву Игоревичу, приглашу его на завтрашний пикник. Договорились?

Близнецы просияли, кивнули и синхронно вскочили с табуреток, чуть не наступив на Фиму. Кот быстро шмыгнул под стол и забился в дальний угол — подальше от моих рыжих кошмаров.

— Да, мама!

— Спасибо!

И убежали в свою комнату.

— Ты, естественно, никуда не пойдёшь и ничего спрашивать не будешь? — хмыкнула мама, положив в раковину последнюю грязную тарелку. — Ох, Алёна...

— Почему же, я пойду и спрошу. — Надо же, как она плохо обо мне думает. — Иначе это всё равно всплывёт рано или поздно, и мальчишки на меня обидятся. Так что я спрошу.

— Хм. А если он согласится?

«Я сделаю всё, чтобы он не согласился».

— Проблемы надо решать по мере их поступления.

— Ах, вот как.

— Угу.

Мама коснулась моего локтя, заставив посмотреть на себя.

— Алён, мне кажется, ты ему нравишься, — сказала она, глядя на меня очень серьёзно, будто президентский указ зачитывала. — Но он не знает, как к тебе подойти. Вот, через ребят пытается.

— Ко мне лучше не подходить, — фыркнула я, отводя глаза. Вот это «ты ему нравишься» отчего-то очень смутило.

— Да надо к тебе подходить, надо, — вздохнула мама. — Тебе нужен мужчина. Пусть не муж, но хотя бы любовник.

— Ма-а-а-ма...

— Я уже тридцать с лишним лет «мама». Ладно, Алён, иди ко Льву, пока не слишком

поздно. А я посуду помою.

— Да не надо...

— Надо-надо. А то ты, чего доброго, передумаешь ещё, пока тарелки мыть будешь.

Я действительно собиралась пойти к Шляпнику и пригласить его на пикник, но при этом хотела ещё и поговорить начистоту. Спустилась на этаж ниже, сглотнула, ощущая странное волнение, и позвонила в дверь.

Собиралась гроза, и я слышала на улице раскаты грома. Такой же гром гремел будто бы в моей душе, волнуя сердце и заставляя дрожать руки.

На этот раз сосед был в футболке, но смотрел на меня с тем же беспокойством.

— Добрый вечер, Алёна. Что-то случилось?

Между дверным косяком и Шляпником пролез Рем и ткнулся носом в моё колено. Я наклонилась, погладила собаку за ушами и ответила с показным спокойствием:

— Думаете, у нас всё время что-нибудь случается?

— Совсем нет. — Он едва заметно усмехнулся. — Просто гадаю, чем обязан. Вы же не чай пришли допить, верно?

Лев Игоревич сказал это абсолютно невозмутимо, но мне всё равно стало стыдно.

— В прошлый раз я не чай пила, а скорее пыталась разбить ваши кружки.

— Ерунда. Зайдёте?

Я кивнула, и сосед отступил в сторону, пропуская меня вперёд.

В прихожей почему-то оказалось темно, да и в целом я не заметила в квартире зажжённого света, хотя на улице из-за грозы уже была темень.

— Прошу прощения, я люблю сидеть в полумраке, — произнёс Шляпник, щёлкая выключателем, и я от неожиданности зажмурилась — свет оказался безумно ярким. — Хм... Или выключить?

— Как хотите.

Он вновь щёлкнул выключателем, и я смогла открыть глаза.

— Пойдёмте на кухню?

Надо было, наверное, попросить вновь зажечь свет — атмосфера оказалась слишком интимной. Силуэт Льва Игоревича я видела плохо, но всё же видела, и он меня безумно волновал. И этот мужской запах...

— Не стоит, — ответила я быстро и сжала кулаки, пытаюсь отвлечь саму себя от странного жара в сердце. — Я быстро. Фред и Джордж хотят, чтобы я пригласила вас на завтрашний пикник в парке.

— А-а-а, — сосед засмеялся. — Фред и Джордж, значит. Конечно. Что ж, не переживайте, я не смогу прийти. Передайте ребятам, что у меня срочные дела. Я потом с ними сам поговорю.

Что ж, я вроде этого и хотела. Только вот почему мне тогда настолько стыдно и... досадно?

— Я... — начала я, но он меня перебил:

— Не нужно объяснять, я всё понял. Я бы не хотел доставлять вам неудобства или причинять боль, так что... Постараюсь поменьше попадаться на глаза.

Вновь спокойный, невозмутимый тон. А мне было так плохо, я ощущала себя таким чудовищем, что безумно желала, чтобы Лев сейчас наорал на меня. Сказал, что он имеет право гулять где хочет, ходить на пикники, общаться с моими детьми и вообще...

Но он молчал. И мне было горько.

— Вы не так меня поняли, Лев Игоревич, — пробормотала я очень тихо, разрываясь пополам от противоречивых эмоций. — Фред и Джордж хотят, чтобы я пригласила вас, и я... не против. Я вас приглашаю. Пойдёте с нами?

Он ничего не говорил несколько томительных мгновений, и вновь у меня возникло чувство, что сосед решает какое-то сложное жизненное уравнение.

— Алёна, если бы вы хотели пригласить меня, вы бы прошли на кухню и выпили со мной чаю. А вы остались стоять в полутёмном коридоре, скрестив руки на груди в защитном жесте. И сейчас вы, извините, обманываете меня.

Руки?.. Да, точно.

Я опустила руки, ощущая теперь жар не только в сердце, но и на щеках.

— Я...

— Я уже сказал — не нужно объяснять. Я понимаю. Это очевидно, гораздо очевиднее расчёта интегралов. — Шляпник усмехнулся. — Вы светловолосая, но не рыжая, и мама ваша тоже. А мальчишки — рыжие. И муж ваш умер. Вам неприятно на меня смотреть. Я понимаю.

Я вздрогнула и зажмурилась, пытаюсь не заплакать.

Понимает он... Да что он может понимать!..

— Ни черта вы не понимаете, — шепнула я и всхлипнула. — Наоборот... Всё наоборот...

Пара секунд молчания — и вдруг лёгкое прикосновение к ладони, и негромкое — совсем рядом, почти в губы:

— Что это значит, Алёна?

Я, испугавшись этой неожиданной близости, сделала шаг назад — но позади была дверь.

— Не надо меня трогать!

— Я вас не трогаю, — сказал Шляпник тихо и спокойно, всё ещё находясь слишком близко ко мне. — И не трону, не волнуйтесь. Вы сказали: «Наоборот, всё наоборот». Что это значит?

И как я должна это объяснять? Рассказывать, что мне нравится с ним разговаривать, смотреть на него, находиться рядом? Да ни за что.

— Забудьте. И на пикник... приходите. Я правда не против. Честное слово.

Лев Игоревич вновь несколько мгновений молчал — и опять появилось ощущение, что он решает уравнение.

— Ладно. Во сколько?

— Давайте полдесятого.

— Хорошо.

Господи, что я делаю?..

Хотя мальчишки, конечно, будут рады.

Фред с Джорджем были не просто рады — они светились, как две рыжие лампочки. А вот мама не светилась — скорее, она была удивлена до глубины души. И спросила меня тихо, когда близнецы ушли спать:

— С чего ты вдруг решила сменить гнев на милость? Или ты сама на пикник не пойдёшь?

— Ага, шаз, — буркнула я язвительно. — Да я если скажу, что не пойду, мальчишки меня насквозь пропилят. Пойду, конечно.

— Тогда почему ты позволила ему согласиться?

Да... конечно, мама знает меня как облупленную. И она прекрасно понимала, что я должна была сделать всё возможное, чтобы Лев отказался от этого «заманчивого предложения».

— Потому что понимаю, что отношусь к нему несправедливо, — призналась я неохотно. — Да и счастье близнецов для меня значит больше моих капризов, а они очень хотят общаться со Львом, так что...

— Наконец я слышу мудрые слова! — мама радостно всплеснула руками. — А то у меня в последнее время ощущение, что ты вернулась в подростковый возраст. Закидоны прям как тогда.

— Ладно тебе.

— Ничего не «ладно». Алёна, — родительница посуровела, — твои отношения со Львом — твоё дело, но Фреду и Джорджу будет полезно общение с ним. И не мешай ты этому. Если им нравится, а его не напрягает — не мешай. Пусть хотя бы так...

Я промолчала. Сказать мне было нечего. Соглашаться слишком тошно, а возражать неправильно и бессмысленно. Я всегда знала, что близнецам однажды понадобится не только моё внимание, но и другое, мужское, и ждала этого времени со страхом.

Дождалась...

Я думала, мои рыжие бандиты на следующий день будут вести себя соответственно — как бандиты. Но поведение Фреда и Джорджа и до, и после, и во время пикника было больше похоже на поведение Феди и Димы. Близнецы слушались, никуда не убегали в поисках приключений на свои попы, но главное — они продолжали смотреть соседу в рот и ловить каждое его слово.

Лев Игоревич захватил с собой мангал и большой лоток с шашлыком, хотя мы об этом не договаривались — я вообще думала ограничиться бутербродами, овощами и фруктами, — и заявил, что пикник без шашлыка — не пикник вовсе.

— Я заодно ребят научу, как правильно шашлык жарить, — сказал Шляпник, улыбаясь Фреду и Джорджу. — А, ребята? Хотите научиться?

— Да-а-а! — энергично закивали мальчишки, и я фыркнула — кажется, они были готовы учиться чему угодно, хоть математике, лишь бы вместе с соседом.

В результате Лев, сняв футболку, показывал моим детям, как ставить и разжигать мангал, накалывать куски мяса на шампур, а после — как жарить это мясо над углями. Фред и Джордж, с кусками пепла в волосах, сияли от восторга, занимаясь делом, а мы с мамой в это время отдыхали, расположившись на большом разноцветном покрывале.

Я изо всех сил старалась не показывать, что мне неловко. Неловко от того, что сосед занимается с моими ребятами, пока я расслабляюсь, неловко от того, что я никак не могла перестать смотреть на его голую спину — мускулистую, но молочно-белую, с россыпью веснушек на плечах, — неловко от того, что я наслаждалась обществом этого человека, а не мучилась, мечтая поскорее уйти. Неправильно, нельзя... и в то же время хочется и безумно приятно.

Шашлык у близнецов и Льва получился очень вкусный, и мальчишки, поедая горячее аппетитное мясо, хохотали во весь голос над Ремом, который сидел рядом с ними,

облизываясь и пуская слюни.

— Дядя Лёва, можно ему дать?

— Можно? Один кусочек!

— Только один, — разрешил сосед, усмехаясь. — Ему лучше овощи давать, если вам так хочется его покормить. Но тоже не переборщите.

Счастливый Рем вилял хвостом, пока Фред и Джордж закидывали в него разнообразную еду, и был таким безмятежно-радостным, что я ему даже слегка позавидовала.

Мне бы так.

Следующие три дня я Льва Игоревича не видела, хотя и слышала о нём. Утром он гулял с Ремом, близнецами и моей мамой, и вечером они каждый раз рассказывали что-нибудь про соседа. То он водил их на собачью площадку, показывал, какие Рем умеет делать трюки, то играл с близнецами в волейбол или бадминтон, то рассказывал что-нибудь интересное. Мальчишки, всегда немного терявшиеся перед лицом учебника по математике, вдруг начали проявлять к ней интерес. И из-за чего? Из-за рассказов Шляпника о теории относительности Эйнштейна и пифагоровых штанах!

— Значит, вы отложили в сторону свои планы о пробуждении в Льве льва? — хмыкнула я вечером в среду во время ужина, пока близнецы уминали котлеты с картофельным пюре. — Или нет?

— А мы его уже пробудили! — заявил Джордж, мотнув головой.

— Ага! — кивнул Фред.

— Это когда же? — я откровенно удивилась. — Не припомню, чтобы Лев Игоревич хоть раз выходил из себя...

Близнецы синхронно опустили головы, и я насторожилась. Неужели они таки где-то нашкодили?

— Ну, мы так...

— Нечаянно...

— И что же вы так нечаянно? — вздохнула я, приготовившись к исповеди. Судя по горестным физиономиям, нашкодили мои черти сильно.

— Только обещай, что не достанешь папин ремень! — воскликнули мальчишки хором, и я чуть с табуретки не свалилась. Значит, дело серьёзное.

— Та-а-ак... Ну-ка рассказывайте. А то точно достану!

У близнецов, казалось, даже веснушки потускнели от расстройства. И взгляды жалобные-жалобные... Формата «прости, мы больше не будем».

— Мы просто разогнались...

— Сильно...

— Ага... А там машина...

Я похолодела.

— Где?!

— В парке... Грузовик... С ветками обрезанными...

— Мы его не заметили...

— Дядя Лёва заметил, побежал и нас схватил...

— Ага...

— А потом орал долго...

Я бы тоже поорала, но голос куда-то потерялся, как только мальчишки упомянули про грузовик.

— Это когда было-то?

— На прошлой неделе, — ответили хором рыжие Шумахеры, а потом Фред продолжил: — В общем, дядя Лёва — лев, мы это поняли...

— Он сказал, чтобы мы тебя не расстраивали, не говорили, — продолжил Джордж. — И не ездили так больше, и по сторонам смотрели. А то он у нас скутеры отберёт и вообще... по

жопам даст, вот.

— Мы больше не будем, мам, честно! — Фред умоляюще сложил ладошки, а Джордж закивал. — Честно-честно! Мы дяде Лёве обещали!

Рыжие демонята. Дяде Лёве они обещали. А родной матери не обещали, что ли?!

— Всё, — выдохнула я категорично, — никаких больше скутеров. Я у вас их забираю. Хватит!

— Но ма-а-ам... — заныли мои детки. — Не на-а-а-до-о-о-о!

— Мы правда больше не будем!

— Никогда!

— Мы же с тех пор осторожно катаемся! Ты разве не заметила?!

Заметила. Ещё удивлялась, с чем это может быть связано. А это, оказывается, сосед близнецам мозги промыл.

— Компромисс, — выдохнула я со всей суровостью. — На скутерах будете кататься только в присутствии Льва Игоревича. А если рядом мы с мамой, максимум экстрима — велики!

— Ла-а-адно...

— Договорили-и-ись...

Вот действительно — отлупить бы их, но рука не поднимается.

А мои долги перед Шляпником растут в геометрической прогрессии...

На следующий день, в четверг, соседа с утра в парке не оказалось, о чём он накануне предупреждал маму и близнецов — ему нужно было отлучиться по каким-то делам, поэтому Рем был выведен на прогулку ещё в семь утра, и мама отправилась гулять с мальчишками в одиночестве.

Часа через два, когда я изнывала от жары на очередном экзамене, мой телефон нервно завибрировал. Звонила мама, и я сразу поняла: что-то случилось. Она никогда не звонит мне на работу, если всё в порядке, знает, что я чаще всего не могу ответить.

Пришлось выходить из кабинета и перезванивать.

— Алён, — в мамином голосе была паника, — Фред и Джордж пропали!

Я схватилась за сердце, резко дёрнувшееся в груди.

— Как... куда?! Вы же в парке гуляете?!

— Откуда я знаю, куда они пропали?! — мама всхлипнула. — Уехали от меня на своих великах — и нету их! Я кричу, звоню — ничего! Ни так, ни по телефону!

— Ясно. — От напряжённости мыслей даже голова заболела. — Сколько времени их нет?

— Полчаса уже, Алён. Я сначала думала, вот-вот вернутся, они ведь много раз так уезжали...

— Сядь. Сядь на лавочку. Ещё не хватает, чтобы ты сама от переживаний... Я сейчас позвоню в поисковый отряд, оставлю заявку на поиск. И сама с работы отпрошусь и приеду. Постарайся не волноваться, пожалуйста!

Мама ещё раз всхлипнула и отключилась, а я, загрузив интернет, принялась искать необходимые телефоны. Позвонила, всё рассказала дрожащим голосом, пытаюсь не хлопнуться в обморок, потом сбегала к директору, ещё раз всё рассказала, быстро собралась и поехала домой.

Автобус долго не подходил, и я почти прыгала по остановке, безумно нервничая и

поминутно косясь на экран телефона. Мама не писала и не звонила. Волонтёры обещали приехать как можно скорее, но они ведь тоже люди, а не волшебники, телепортироваться не умеют.

Я уже подъезжала к нашему дому, когда телефон зазвонил. Мама.

— Да?!

— Нашли, нашли! — Она рыдала. — Лёва их нашёл!

— Лёва?.. — переспросила я тупо, от шока не понимая, о ком речь. — Какой Лёва?

— Да Лев! Сосед наш!

Я резко и с облегчением выдохнула. Нашлись! Господи, спасибо...

— Как они?

— В порядке. А ты где?

— Я сейчас буду выходить из автобуса на нашей остановке. Вы в парке?

— Да. Но не надо сюда идти, мы домой... Подожди нас возле подъезда, Алён, мы сейчас...

— Хорошо.

Пока я стояла возле дома и ждала маму с близнецами, вместо волнения ко мне пришла злость. Вот что они на этот раз учудили? Зачем уехали, почему не находились? И как Лев умудрился их найти настолько быстро?

Да, кстати, надо же отменить заявку на поиск.

Я позвонила волонтёрам, извинилась за беспокойство, сообщила, что детей мы нашли, и как раз когда положила трубку, из парка вышли те, кого я так ждала. Уставшая, расстроенная и слегка бледная мама, заплаканные и виноватые мальчишки, и Лев. Без шляпы и не спокойный, как обычно, а розовый от раздражения. Рядом с ним гордо вышагивал Рем.

— Мама, прости-и-и! — заныли Фред и Джордж ещё издалека.

— Мы не нарочно-о-о-о!

— Мы случайно-о-о-о!

— Сами знаете, что бывает за «случайно», — пробормотала я, оглядывая своих детей. Они были совершенно целыми — ни царапинки. — Пойдёмте домой, дома всё расскажете. Мне надо сесть, и бабушке вашей тоже.

— Алёна, — вмешался сосед под синхронное шмыганье носом моих бандитов. — Я вам ещё нужен? Или я могу идти?

Я посмотрела на Шляпника — и меня вдруг накрыло. Накрыло такой волной чувственного смущения, что я неожиданно поняла — смешное прозвище Шляпник совершенно не подходит этому человеку.

— Идите, Лев Игоревич, — сказала я, отводя взгляд — боялась, что он всё поймёт. — Дальше будут наши семейные разборки. Спасибо вам.

— Не за что, — ответил он вежливо, вновь превращаясь в спокойного себя.

Рассказ близнецов, наверное, поразил бы кого-то другого, не свыкнувшегося с вечными проказами, но только не меня. Подумаешь, уехали далеко, увидели ручей в овраге и решили проверить, есть ли в наших отечественных ручьях золото на дне, как в Америке. Долго искали подходящую палку, потом шли по течению, ковыряя грязь, ил и камни, в итоге опомнились, когда уже отошли приличное расстояние от велосипедов. Рванули назад и долго не могли найти велики, а когда нашли, из кустов выбежал счастливый Рем, а следом за ним — злой Лев и полумёртвая бабушка.

— Он только сказал своему псу «ищи, ищи мальчишек, где мальчишки?» — и Рем сразу побежал, — вмешалась родительница. — И мы за ним. Лев собаку-то притормаживал, но не слишком сильно, и меня практически на себе тащил. Отблагодарить бы его как-то, Алён...

— Угу, — буркнула я, не сопротивляясь. Сейчас игнорировать помощь соседа было бы слишком непорядочно. — Не переживай, отблагодарю. А вы, черти мои... Неделю без сладкого, скутеров, великов и прочих средств неблагонадёжного передвижения. Ходим ногами!

К моему удивлению, Фред и Джордж даже спорить не стали.

— Ладно, мама... — вздохнули хором, опустив виноватые рыжие макушки.

После обеда я принялась за вишнёвый пирог, рассудив, что Лев, раз любит вишнёвое варенье, должен любить и вишнёвый пирог. А мама между тем делилась впечатлениями.

— Всю дорогу до выхода из парка он близнецов чихвостил, — говорила она, наконец начав улыбаться. — И не просто бурчал, а целую лекцию им прочёл. О мозгах, которые даны, чтобы действия свои просчитывать, об ответственности, о том, что нервы близких беречь надо. И они, знаешь, слушали.

— Толку-то, — хмыкнула я. — Они и меня слушают.

— Плохо они тебя слушают, — припечатала мама, и я даже слегка обиделась. — Не потому что ты плохо умеешь их воспитывать, нет. Им просто нужна мужская рука и мужской голос. Они же мальчишки. И как раз входят в подростковый период. С тех пор, как Фред и Джордж стали общаться со Львом, они действительно ведут себя лучше, неужели ты не заметила?

— Заметила.

— Это он так на них влияет, Алён.

— Мама... ну не заводи ты свою старую песню о главном, я тебя умоляю...

Родительница фыркнула.

— Да с тобой бесполезно разговаривать, что я, не знаю? Надеюсь, Льву хватит терпения, чтобы тебя окучить.

— Я не картошка, чтобы меня окучивать.

— Не картошка, — кивнула мама. — Ты хуже.

Я только глаза закатила.

Близнецы бросали вожделенные взгляды на испечённый пирог, но не просили ни кусочка, помня о моём запрете на сладкое в течение недели. Только поинтересовались, зачем я его испекла, и, получив в ответ краткое «Льву Игоревичу в знак благодарности», синхронно посветлели лицами.

Я отправилась к соседу сразу после ужина, выпив для храбрости пустырника. Пирог ещё не до конца остыл, и его благоухание меня немного смущало. Конечно, это правильный поступок, но я не могла отделаться от ощущения, будто предлагаю мужчине себя. Практически несую на блюде...

А ещё я опасалась, что Лев окажется не один. В конце концов, он молодой и свободный, сейчас в отпуске, почему бы и не... Вдруг у него женщина? А я припрусь со своим пирогом.

«Ладно, будь что будет», — подумала я и, одернув одной рукой жёлтую домашнюю футболку с изображением сыра и надписью «cheeeeeese», решительно позвонила в дверь квартиры соседа.

Громкий лай Рема, тихий щелчок замка, распахнувшаяся дверь — и удивлённое лицо Льва в проёме. Его рыжие волосы были взъерошены, на щеке след от подушки, глаза сонные — спал он, что ли?..

— Я вас разбудила? — спросила я виновато, пока мужчина рассматривал пирог, который я выставила перед собой, словно щит. — Извините...

— Ничего, — ответил Лев хрипло, и я слегка вздрогнула — эта хрипотца будто пощекотала мне нервы. — Давно пора подняться. Я просто сегодня рано встал, а потом переволновался, когда Фреда и Джорджа искал. Вот и отрубился. Проходите, Алёна.

Он посторонился, и я вошла в квартиру. На этот раз настолько темно здесь не было — на улице хоть и смеркалось, но небо было чистым, ясным, и света оказалось достаточно.

— Это вам, — произнесла я, ощущая себя безумно глупо, и почти ткнула в Льва тарелкой с пирогом. — Спасибо большое за помощь.

Он криво улыбнулся, не выказав особой радости.

— Я правильно понимаю, что вас бесполезно просить выпить со мной чаю? — сказал практически без вопросительной интонации — не спрашивая, а утверждая истину. И мне от спокойной простоты такого утверждения стало ещё более неловко, чем было до этого. Неловко и мерзко. Если бы не Лев, мы с мамой наверняка провозились бы полдня, разыскивая наших бандитов, а благодаря соседу они нашлись очень быстро.

— Ну почему... — пробормотала я, опуская голову. — Давайте выпьем... чаю...

Сосед замер, будто не ожидал такого ответа, а потом радостно и светло улыбнулся.

— Замечательно. Спасибо, Алёна. Это будет для меня лучшей благодарностью с вашей стороны.

Кажется, после этих слов я катастрофически покраснела.

Пока Лев ставил чайник, я рассматривала его кружку. Ту самую, которую в прошлый раз чуть не расколотила. Там оказался нарисован большой квадратный корень, а под ним было написано забавным шрифтом: «В корне ошибаются чаще всего математики».

Я улыбнулась и вернула кружку на место.

— Люблю такие выражения с двойными смыслами, — сказала я негромко, испытывая желание немедленно что-нибудь сказать — только бы разбить чересчур чувственную тишину, что окружала меня сейчас. Интересно, у Льва такие же ощущения, или я одна вязну в гормональном болоте? — Я даже давала своим ребятам домашнее задание придумать что-то подобное, обещала пятёрку тем, кто справится.

— Неужели справились? — Сосед приблизился к столу и начал разливать кипяток из чайника в чашки. — Я бы точно ничего подобного не смог придумать, не те мозги.

— Справились всего несколько человек из класса, гордились потом с неделю, сияли начищенными самоварами. Моё любимое: «Руководитель обязан быть классным».

Лев хмыкнул и чуть дрогнул, но чайник всё же удержал. И хорошо — ожоги мне точно больше не нужны.

— Это Федя Клочков придумал. Троечник, но очень талантливый парень и тонко чувствующий. По математике звёзд не хватает, так что вы его там не обижайте, если вдруг возьмёте моих ребят вместо Гали Новицкой.

— Не буду обижать, — сосед улыбнулся, поставил передо мной тарелку и сел наконец, сжимая в ладони нож. — Вы, я надеюсь, тоже будете свой пирог?

— Буду, — кивнула я, подумав, что лучше жевать, чем говорить, а дожидаясь, поскорее

уйти.

А через минуту Лев смутил меня ещё сильнее, начав нахваливать мою незатейливуюстряпню. Я понимала, что он искренне, но от этого было даже более неловко.

— Ладно вам, ладно, — проговорила я, опуская голову, чтобы не смотреть на воодушевлённое лицо мужчины. — Оно, конечно, вкусно, но ничего особенного. Я и не умею особенное, с моими обормотами времени нет ни на что особенное. Главное, что сыты...

— Вкусы у всех разные, я в целом не любитель особенного. — М-да, опущенная голова меня не спасает от его воодушевлённого голоса. Что ж такое... — Мне больше по душе обычные пироги, картофельное пюре, котлеты, макароны. Обычная еда, без изысков. А вкуснее всего, пожалуй, малосольные огурцы. Вы делаете?

— Делаю, — ответила я, всё ещё не поднимая головы, и ковырнула ложкой песочное тесто. Да, хорошее получилось, рассыпчатое. — Наверное, в ближайшие выходные как раз сделаю.

Лев молчал, и я не выдержала — посмотрела на него. И вздрогнула, осознав, что он вновь что-то решает у себя в уме на мой счёт.

— Вам... отсыпать? — спросила я, чуть нервничая. — Раз... вы любите...

— Это не обязательно, — сказал он спокойно, отодвигая опустевшую тарелку, и, покосившись на мою почти полную, добавил: — Алёна, не надо насиловать себя ради благодарности. Я, конечно, очень рад, что вы решились на это чаепитие, но я всё же не садист. Я вижу, что вам не по себе. Идите, я не обижусь. И помогать вам не перестану, мне действительно нравятся ваши мальчишки.

— Я... — начала я, понятия не имея, что хочу объяснить, но Лев меня перебил.

— И вы мне нравитесь.

Я застыла на табуретке, как бандерлог перед Каа, сжав колени и ощущая, как бешено стучит сердце в груди.

У нас с Антоном всё было совсем иначе, медленно и естественно, поэтому сейчас я не представляла, как должна себя вести. После смерти мужа со мной ничего подобного не случалось. За мной никто не ухаживал, кроме маминых протезе, но те делали это неискренне и из-под палки.

Лев же был искренним. И когда пирог нахваливал, и сейчас. И в глазах его я видела немой вопрос, просьбу дать ему разрешение, позволить продолжать действия. Я видела... но не могла сказать «да». Я вообще не могла говорить — горло перехватило, и всё, на что я оказалась способна — это молча сидеть и смотреть на соседа.

Он тоже молчал, словно понимал — если он скажет ещё хоть слово, я убегу. И он молчал. Только чуть наклонился, беззвучно протянул руку и коснулся кончиками пальцев моей ладони, что лежала на колене.

Наверное, я должна была отдёргнуть руку и немедленно встать. Но мысли текли вязко, задыхаясь в каком-то страстном тумане, и я не пошевелилась. Не пошевелилась я и дальше, когда Лев положил свою ладонь поверх моей и, придвинувшись ещё ближе, ласково погладил большим пальцем запястье.

В меня будто молния попала. И мысли неожиданно перестали быть вязкими, очистились, и я вскочила на ноги и сделала шаг в сторону, но неудачно — наткнулась на ножку табуретки и стала заваливаться назад.

Лев придержал меня за талию, тоже резко встав, и усмехнулся, когда я попыталась

оттолкнуть его.

— Не нервничай так, а то действительно упадёшь и расшибёшься, — произнёс он спокойно, серьёзно глядя мне в глаза. — И чем скорее ты перестанешь дёргаться, тем быстрее я тебя отпущу.

— Зачем?.. — выдохнула я, наслаждаясь ощущением его рук на своей спине. Большие и тёплые ладони, жёсткие, но ласковые. — Зачем... на «ты»?

— А я уж подумал, зачем мне тебя отпускать, — он фыркнул, по-прежнему не отрывая взгляда от моего лица. — Этот вопрос понравился бы мне больше. А «ты» просто вырвалось. Хочешь обратно?

— Да, — буркнула я, застывая. Сказал же, что отпустит, когда перестану дёргаться. — Не надо мне... ничего. Пусти... те.

Лев покачал головой.

— Я и не держу тебя. Просто не хочу, чтобы ты упала из-за своих переживаний. Я ведь ничего особенного не делаю, а ты так реагируешь. Тебе не кажется, что это странно?

— Нет.

— Ладно. — Сосед разжал руки и отошёл от меня. — Всё, больше не держу. Иди.

Мне очень хотелось остаться. Поэтому я как можно скорее развернулась и вышла с кухни, а потом и из квартиры тоже.

Оставшуюся часть вечера я провела, ругая себя последними словами.

Я прекрасно понимала, что именно со мной творится. Конечно, мне тридцать с небольшим, мужчины у меня не было уже больше десяти лет, гормоны играют. А тут Лев, похожий на Антона, по которому я всегда сходила с ума. Поэтому меня к соседу и тянет — гормоны плюс эта похожесть действуют на психику, и я рядом с ним плохо соображаю и начинаю растекаться растаявшим желе.

И что теперь? Я не могу изменять Антону и не хочу этого делать. Плевать на гормоны — я хочу остаться верной своему мужу. Да, он умер. Но я люблю его. Я не хочу предавать любимого из-за дурацкого зова плоти.

Справлюсь. Справлюсь и с этим. В конце концов, это точно не сложнее, чем первый год жизни без Антона, когда у меня на руках были грудные Фред и Джордж, и нужно было их кормить, а мне хотелось только одного — последовать за мужем в мир иной.

По сути, дети меня и спасли. Я привыкла жить — нет, существовать, — ради них, забыв о себе. Да и не хотела я думать о себе — это было слишком больно.

Вот и сейчас мне было больно.

Чёрт бы побрал этого Шляпника. Зачем он переехал именно в наш дом? Одинокий мужчина в трёхкомнатной квартире! Не мог купить поменьше и подальше от нас? От меня? От моего сердца, которое продолжает отчаянно биться в груди, несмотря на то, что человек, которому оно принадлежит, уже десять лет находится в могиле?

Оно слишком хорошо помнит, что это такое — потерять любимого, и больше не собирается испытывать ничего подобного.

Следующие две недели прошли относительно спокойно. Льва я практически не видела — только по выходным во время утренних прогулок в парке, и то пару раз он к нам не присоединился из-за дел. Как рассказали близнецы, ездил к брату на день рождения. Видимо, для того, чтобы обсудить детали праздника, к соседу и приезжала жена брата. Так или иначе, но пару раз мы гуляли без него, и я вынуждена была признать, что меня по-прежнему разрывает от противоречий. С одной стороны, я испытывала облегчение, что он продолжает не навязываться, а с другой — мне хотелось видеть его, слышать, общаться с ним. Меня тянуло к Льву, как кошку к валерьянке, если не сказать хуже, и я не хотела, чтобы это было так. И в то же время — хотела. И ощущала себя предательницей по отношению к Антону.

Наверное, кто-то другой сказал бы, что это глупо — помнить и хранить верность человеку, которого десять лет нет на свете. Но этот кто-то точно никогда не любил так, как я. Никогда не чувствовал себя плотью от плоти, кровью от крови, частью другого человека и в то же время — единым целым с ним. Такое невозможно забыть, невозможно пережить, и больше всего на свете я не желала бы получить какой-то суррогат вместо настоящей любви.

Да и мальчишки... Разве они будут нужны чужому мужчине? Это Лев сейчас хорохорится: решил сорвать запретный плод, используя моих детей. А как сорвёт, так и перестанет интересоваться жизнью Фреда и Джорджа. Они ведь ему чужие, да и сорванцы такие, что с ума можно сойти.

Эти самые сорванцы выдержали две недели нормального поведения — а потом их опять поманили увлекательные приключения. Да ещё какие!

Это был день последнего экзамена, и я уже начинала тихо радоваться тому, что скоро будет чуть легче, а там и отпуск не за горами. И Фред с Джорджем в последнее время вели себя тише воды — но, как это обычно бывает с водой, она не может быть спокойной вечно. То буря на море, то гниль в болоте. И у меня впереди была буря.

Началось всё со звонка мамы. Сердце сразу рухнуло в пятки — неужели опять?! Оказалось — не опять, а снова, и даже хуже.

— Алёна, Фред и Джордж пропали! — выдохнула мама, как только я сняла трубку.

— Как, куда?!

— Не знаю! Я на кухне разогревала обед, заглянула к ним в комнату, чтобы позвать к столу — а их нигде нет! Я сначала решила, спрятались, ты же помнишь, как они так однажды в шкаф на верхнюю полку залезли и подушками прикрывались? Но нет их нигде!

— А входная дверь?

— Вот это самое странное. Она закрыта изнутри.

— Значит, они должны быть в квартире, мам. Ты их сколько времени ищешь?

— Да минут двадцать уже.

— Поищи ещё, раз дверь изнутри закрыта.

— Может, они наловчились её как-то закрывать...

— Мама...

— А что? С Фредом и Джорджем чего угодно можно ожидать. Ты когда домой?

— Через полчаса смогу, если не отпрашиваться. Ищи пока. Видимо, нашли новое место для схрона...

Услышав про закрытую дверь, я действительно немного успокоилась — а зря! И через пятнадцать минут ощутила весь ужас сложившейся ситуации в полной мере, когда мама в панике почти провизжала мне в трубку:

— Алёна, они в люльке за окном!!!

Я мотнула головой, ощущая, как в груди от страха холодеет.

— Что?!

— В люльке! Она висит между нашим этажом и этажом Льва! И они там!

— Как они там... — Я резко замолчала, осознав, что вопрос не имеет смысла. — Живы и целы?

— Да. Я Лёву попросила помочь, он побежал искать ремонтников, чтобы люльку вниз спустили, а сама слежу тут наверху, чтобы Фред с Джорджем не попытались залезть обратно или ещё хуже — попасть в соседние квартиры.

— Ты с ними говорила? — Я потёрла лоб. Голова неожиданно заболела, в висках будто молотки застучали. — Говорила?

— Да, но я пока не упоминала, что убью их, как только они окажутся на земле, а не в воздухе...

В воздухе.

И тут меня накрыло.

Господи! Мои дети висят в люльке! На уровне одиннадцатого этажа! А я тут! Да надо скорее бежать!!!

Примерно то же самое я сразу сказала маме, бросила трубку и помчалась на выход, по пути сделав короткий звонок завучу и объяснив ситуацию.

Такого кошмара со мной ещё не случалось...

Когда я прилетела к нашему дому на крыльях паники и злости, люлька уже находилась внизу и возле неё суетились рабочие. Мама написала мне минут десять назад, что Фреда и Джорджа спустили, и теперь и она, и близнецы, и Лев находились в нашей квартире.

Я ломанулась наверх, не дождавшись лифта — цифры на табло показывали, что и пассажирский, и грузовой находятся на десятом и одиннадцатом этаже соответственно, а ждать я была не в состоянии. Так что побежала пешком. Я бегала так раньше, и даже много раз, когда отключали электричество — не привыкать.

Запыхавшись, я достигла площадки нашего этажа. С бешено колотящимся сердцем распахнула входную дверь — она была не заперта, — быстрым шагом вошла в квартиру и сразу направилась в комнату близнецов.

Ещё одна распахнутая дверь — и я наконец увидела лица своих детей. Красные, зарёванные.

— Мама! — воскликнули Фред и Джордж дрожащими голосами, и я, всхлипнув, потеряла сознание.

Очнулась я от ощущения прохлады на лбу и жуткой вони под носом. Закашлялась и замахала руками, пытаюсь отогнать от себя отвратительный запах, и в итоге заехала кому-то по лицу.

— Ай! — сказал кто-то голосом Льва. — Алёна, не размахивайте так руками, а то я останусь без глаз.

Я поморщилась и сглотнула — немного тошнило.

— Что... случилось?

— Вы упали в обморок, — продолжал сосед. — Ваша мама решила, что это на нервной почве и скорая не нужна, вывела близнецов и оставила меня вас будить. Вы тоже думаете, что скорая не нужна?

Боже, даже в такой ситуации мама не забыла про свой план выдать меня замуж.

— Не нужна, — пробормотала я, всё-таки открывая глаза — и они сразу же заслезились от света. — Я в обмороки никогда не падала, это просто... переволновалась. Пройдёт.

— Ну как знаете. — Силуэт Льва вдруг наклонился надо мной, и не успела я спросить, в чём дело, как мужчина осторожно вытер платком влагу с моих щёк. — Лежите тогда пока, а я поговорю с вашими мальчишками. Я как раз объяснял им, что к чему, когда вы пришли.

— Зачем, я сама... — Я слабо дёрнулась, но он тут же придержал меня, положив ладонь на мои руки, сцепленные поверх живота.

— Ни в коем случае. Хотите ещё раз упасть в обморок? Ксения Михайловна сказала, что принесёт морс и крекеров. Вот попьёте, поедите, перестанете быть бледно-зелёной — тогда и встанете. А пока лежите.

Лев погладил мои пальцы, и я от неожиданности распахнула глаза, вглядываясь в его лицо.

Спокойное и волевое лицо мужчины, который знает, чего хочет. И, поставив цель, будет идти к ней без лишних телодвижений, переживаний и ненужных слов.

Глаза его были полны ласкового тепла — такого нежного и ненастойчивого, что я непроизвольно ответила, погладив его ладонь в ответ. Лев едва заметно улыбнулся и наклонился ниже, опустив взгляд на мои губы. Их защекотало, и я провела по ним языком, прикусила нижнюю губу, внезапно подумав: как же давно я не...

Я не успела додумать. Лев подался вперёд, захватывая мои губы своими в требовательном поцелуе, от которого у меня вновь закружилась голова и сладко заныло в груди.

Я не успела ни возмутиться, ни запротестовать — он сам отпустил меня через несколько секунд. Резко выпрямился, встал и, не сказав ни слова, вышел из комнаты.

А я осталась лежать на кровати: растерянная, дезориентированная и очень, очень возбуждённая.

Мама пришла с морсом и крекерами через пару минут, когда я ещё чувствовала себя человеком, заблудившимся в собственных чувствах. Слава богу, мою рассеянность, а иногда даже откровенную тупость, можно было списать на обморок.

— Жаль, ты не слышала, как Лев мальчишек ругал, — произнесла мама негромко, когда я выпила целый стакан морса и заела его крекером. — Я сама заслушалась. Знаешь, он эмоционально так, но... очень по-научному, я даже сказала бы, по-математически. Раз, два, три. Причина и следствие.

— Толку от этих разговоров, — пробурчала я, старательно не глядя на маму. Боялась, что покраснею и выдам себя. — Они вон чего натворили, ни в какие ворота уже не лезет. Драть надо обоих.

— Неужели ты будешь не только угрожать, но и лупить собираешься? — Мама фыркнула. — Не верю. И вообще это непедагогично.

— А я сейчас и не педагог, а доведённая до белого каления женщина.

— Я понимаю. Но это не выход, Алён. Да и Фред с Джорджем, мне кажется, всё

осознали.

— Это вряд ли, — я усмехнулась и потянулась за второй порцией морса. — Они осознали, что не надо лазить по люлькам. Но они ещё что-нибудь потом придумают, не менее экстремальное.

— Лев их сильно пропесочил.

— Ерунда. — Я махнула рукой. — Близнецов ничего не возьмёт. Без тормозов мальчишки...

— Возьмёт, если ты выйдешь замуж, Алён.

Опять.

— Мам, мы уже это обсуждали.

— Толку от этих обсуждений, — передразнила меня мама и вышла из комнаты.

Я всё доела и допила, полежала ещё минут десять — не потому что голова кружилась, а потому что было боязно, — но после всё же встала и отправилась на кухню, откуда доносились негромкие голоса моих детей и Льва, смолкнувшие, как только я подошла ближе.

Когда я вошла на кухню, Фред, Джордж и мама сидели за столом, а сосед стоял возле окна, прислонившись к подоконнику. И все разом посмотрели на меня.

— Мама! — воскликнули близнецы. — Как ты себя чувствуешь?

Я мрачно поглядела на своих демонят, ощущая, как нервно дёргается глаз. Нет, выпороть их, как хотела, я не смогу, но наказать всё равно нужно.

— Домашний арест, — произнесла я вместо ответа на поставленный вопрос. — На пять дней. Никаких сладостей. И никаких скутеров. Никогда.

— Мама-а-а... — провыли Фред с Джорджем, блестя заплаканными глазами, но на меня сейчас не подействовал бы даже ядерный взрыв.

— Я с вами не разговариваю, — отчеканила я, развернулась и пошла в свою комнату.

Меня до сих пор трясло от злости, разочарования и усталости. А ещё совсем немного — от смущения и неловкости перед Львом. Хотя он сам был инициатором поцелуя, но я не оттолкнула, не сопротивлялась, даже наоборот — наслаждалась.

Предательница.

Но все мышцы в теле ныли, когда я вспоминала, как он целовал меня полчаса назад. Хотя я старалась не вспоминать, но не получалось. И сердце колотилось сильно и гулко, словно мне не тридцать с лишним, а тринадцать лет, и я впервые поцеловалась.

До этого дня я целовалась в губы только с Антоном. И полагала, что никогда в жизни больше не почувствую такого трепета, но... почувствовала. Хотя со Львом всё было не совсем так, как с мужем. Острее, больнее, непримиримее.

Я стояла у окна, вновь предаваясь разрывающим меня пополам эмоциям, когда в дверь постучали. Я молчала пару секунд, пытаюсь собраться с мыслями — пока за дверью не сказали тихо и спокойно:

— Алёна, это я, Лев. Хочу поговорить с вами.

Приглашать к себе и говорить не хотелось. Но я уже слишком обязана соседу, чтобы капризничать.

— Заходите, — произнесла я, поворачиваясь лицом к двери.

Через секунду Лев уже заходил в комнату. Быстро огляделся, не задержавшись взглядом ни на чём, в том числе и на кровати, шагая вперёд, и остановился в полуметре от меня.

— Я хотел сказать, что поговорил с Фредом и Джорджем. — Голос Льва был

невозмутимым, как и выражение его лица. — Насчёт их проступка. Всё объяснил. Они поняли, Алёна. И вы закрепили результат, упав в обморок.

— Что? — Я удивилась. Как на результат мог повлиять мой обморок?

— Я сказал близнецам, что они, видимо, хотят остаться без мамы, а возможно, и без бабушки тоже. Они не понимают до конца, что это значит, поэтому я объяснил. А потом вы упали в обморок, и мальчишки испугались. Они постараются не хулиганить.

— Это на пару дней, — хмыкнула я, скрещивая руки на груди. Эта самая грудь вдруг резко стала безумно чувствительной, словно я долго тёрла соски мочалкой. — А потом они опять превратятся в бандитов.

— Не думаю, что прям-таки в бандитов, — мягко улыбнулся сосед. — Но шkodить точно будут. Главное, чтобы без риска для жизни. Своей или окружающих.

— Типа бомбочек, которые Фред и Джордж когда-то скидывали на вас с Ремом? — Я не выдержала и чуть улыбнулась в ответ, когда Лев кивнул.

— Примерно. Я действительно думаю, что они всё более-менее осознали, Алёна. Идеально ничего быть не может, но лучше точно будет.

— Вы оптимист.

Он покачал головой.

— Я реалист. И насчёт скутеров... Не горячитесь. Если пару недель близнецы будут вести себя хорошо, позвольте им кататься под моим присмотром.

Мне хотелось воскликнуть, как госпоже Белладонне: «Не позволю! Не прощу!», но я промолчала. Какой смысл? Фред и Джордж всё равно не станут паиньками. Скорее уж у них действительно вырастут рога и хвосты.

— Что ж, я пойду, — говорил между тем Лев, внимательно глядя на меня и вновь что-то решая в уме. Подойти ближе он и не пытался. — Отдыхайте.

Сосед сказал «пойду», но никуда не пошёл — замолчав, продолжил смотреть на меня, словно чего-то ждал. Я понятия не имела, чего, но на всякий случай сильнее сжала скрещенные на груди руки, и Лев опустил взгляд на них. Уголки его губ чуть дрогнули, будто моя робкая попытка отгородиться казалась ему забавной, а после он всё же развернулся и направился к выходу из комнаты, не сказав больше ни слова.

— Спасибо, — произнесла я быстро, вновь ощущая жгучий стыд за собственное поведение. — За помощь.

— Не за что, — ответил Лев, не оборачиваясь, и вышел в коридор.

Оставшуюся часть дня Фред и Джордж строили из себя ангелов небесных. Ходили стопочкой, заглядывали в глаза, ухаживали и за мной, и за бабушкой. Родительница была сурова, как зимние морозы, но с близнецами разговаривала, в отличие от меня. Я же продолжала молчать, желая, чтобы мои черти как можно лучше запомнили откат от случившегося и не пытались повторить.

В результате дети усилили подхалимаж, пытаюсь подлизаться ко мне особенно активно и всячески провоцируя на диалог. Но меня на жалость не возьмёшь, поэтому Фред и Джордж решили использовать тяжёлую артиллерию. Притопали ко мне в комнату перед сном, состроили святые лица и хором запели — да так громко, что я едва не подпрыгнула:

— Мама, мама, мамочка,

Мы больше не будем!

Будем оба лапочки,

Урока не забудем!
Дядя Лёва всё сказал,
Мы всё уяснили!
Он поджопники нам дал,
Чтобы не бузили!
Мама, мама, мамочка,
Просим мы прощенья!
Это не для галочки,
А для отпущенья!

Для отпущенья, значит... Точно бабушка сочинять помогала. Сами бы не додумались.

— Дядя Лёва? — не выдержала я, когда близнецы перестали петь. — Только дядя Лёва с вами общался, а я никогда и ничего вам не объясняла?

Фред и Джордж, конечно, обрадовались, что я заговорила, но и струхнули тоже изрядно.

— Объясняла...

— Прости...

— Мы виноваты...

— Вы могли умереть, — отчеканила я, глядя на собственных детей с неодобрением. — Расшибиться. Показать вам, как выглядят люди, упавшие с такой высоты на асфальт? Переломанные кости и размазанные мозги.

Близнецы побледнели и сглотнули, замотав головами.

— Ах, не показывать? А мне вы, значит, желали подобного. Представьте, что бы было со мной и бабушкой, если бы мы вас в таком виде нашли?

— Мама-а-а! — заныли мальчишки, и я указала им на дверь.

— Ведите себя нормально, а не как два дебила, тогда и будет вам прощенье с отпущеньем. А то я так вас прощу, а вы завтра ещё что-нибудь придумаете, чтобы вдребезги разбиться.

— Не придумаем...

— Ну ма-а-ма-а-а...

— Идите-идите.

Они повздохали ещё пару секунд, но всё же, повесив головы, вышли из моей комнаты.

Пять дней домашнего ареста... Надеюсь, мама это выдержит, потому что близнецы, лишённые шкодить на улице, наверняка попытаются устроить себе увлекательные приключения в квартире. И бомбочки будут самым безобидным их развлечением.

Увы, но я совершенно не верила в благие намерения Фреда и Джорджа. Плавали — знаем. Недельку продержатся, а потом опять.

Только бы без рисков для их жизней обошлось. Остальное я как-нибудь переживу.

Удивительно, но я ошиблась, и моих детей после случившегося и правда будто подменили. Вот только меня это не слишком радовало. Мне, привыкшей к подлянкам, казалось, что они сейчас отойдут, наберутся сил, а потом полетят клочки по закоулочкам, как и было в прошлый раз, перед увлекательным путешествием в оставленную горе-ремонтниками люльку.

Близнецы сидели под домашним арестом, никуда не вылезая за пределы квартиры, но гостей принимать я разрешила. Правда, желающих было немного — одноклассники и друзья разъехались, так что к Фреду с Джорджем приходил только Лев. Обычно утром, сразу после прогулки с Ремом, и мама, рассказывая про визиты соседа, каждый день многозначительно на меня поглядывала. И на четвёртые сутки не выдержала, заявив:

— Алёна, ты же понимаешь — раз Лёва охотно общается с твоими детьми, у него серьёзные намерения?

Я в это время мыла посуду и сразу почувствовала острое желание спрятаться от этого разговора в сливе раковины.

Конечно, я понимала всё. Но меня это понимание, в отличие от мамы, не радовало, а, скорее, обескураживало. И пугало.

— Угу. Наверное.

— Не наверное, а точно серьёзные. Может, — мама вздохнула, — ты хотя бы попробуешь? Не верю, что тебе не хочется. Будь я на двадцать лет моложе...

— Мне не хочется, — ответила я полуправду. — Пусть Лев общается с близнецами, раз он им нравится. А с остальным перестань ты уже меня заморачивать.

Мама недовольно засопела, а потом и вовсе выдала:

— Фреду с Джорджем не обязательно было вызывать пиковую даму, она и так в нашей квартире живёт на постоянной основе. Ты, Алёна, пиковая дама и есть.

— Вот именно. — Я так устала от этих разговоров, что даже не обиделась. — Пиковая дама и пиковая мама. Всё, отстань.

Она послушалась, но я прекрасно понимала, что это ненадолго.

А на следующий день, в пятницу, я вновь увидела жену брата нашего соседа. Они стояли возле подъезда втроём — она, Лев и ещё один мужчина, но не рыжий, а светловолосый, — и разговаривали.

— Алёна! — воскликнул сосед, когда я уже собиралась прошмыгнуть мимо них к входной двери. — Подойдите, я вас познакомлю.

Я подошла ближе, и Лев продолжил:

— Алёна, это мой младший брат Виталий и его жена Наташа. А это моя соседка снизу Алёна, у которой...

— А-а-а! — перебила его девушка, улыбнувшись. — Это вы — мама Фреда и Джорджа, да?

— К сожалению, да, — не стала скрывать я, и она засмеялась.

— Да ладно вам, отличные мальчишки, а шkodность они перерастут! Лёва, по рассказам свекрови, тоже был тем ещё вождём краснокожих и Томом Сойером в одном лице.

Я удивленно покосилась на соседа. Представить спокойного Льва в роли сорванца Тома

или маленького демонёнка из рассказа О'Генри было сложно. Но как только я повернула голову, все внятные мысли разом из неё улетучились.

Сосед, мягко улыбаясь, смотрел на Наташу с такой нежностью, что я на мгновение растерялась. Это был взгляд человека, влюблённого по самую макушку.

— Да, всё верно. Я, в отличие от Виталика, был жутким хулиганом, — кивнул Лев, продолжая ласково смотреть на Наташу, и меня на секунду кольнуло чем-то гадким, неприятным и острым. Я отвернулась и пробормотала:

— Надеюсь, что действительно перерастут, а не убьются раньше.

— Лёва рассказывал, как ваши мальчишки залезли в люльку, — произнёс Виталий и аккуратно взял жену под локоток. Интересно, он тоже заметил взгляды брата на собственную супругу? — Это, конечно, чудовищно, но они здорово получили за свой проступок, больше не полезут.

— Туда, скорее всего, не полезут. — Я пожала плечами. — А вот в какое-нибудь другое место...

— Вы герой, — сказала вдруг Наташа пылко, и я посмотрела на неё. — У нас с Виталиком дочка, и она спокойная, тихая. Мне кажется, я бы не выдержала, не тот характер.

«А ведь она добрая», — подумала я внезапно, разглядывая девушку. При первой встрече я видела её издалека — красный сарафан, светлые волосы, журчащий голосок... Эдакая Барби-гёрл. Но сейчас, вблизи, Наташа вовсе не казалась мне похожей на куклу. У неё было живое лицо с приятными и правильными чертами, улыбчивый рот, трогательные ямочки на щеках и искрящиеся радостью голубые глаза. Если бы Наташа была героиней романа, то исключительно положительной — из тех, которые всегда поступают правильно, потому что неправильно просто не умеют.

— Характер вырабатывается в определённых жизненных обстоятельствах, — ответила я, и она вздохнула, чуть помрачнев.

— Да... Мы с Виталиком вам очень соболезнуем. — Она вновь вздохнула, но тут же посветлела лицом. — Приходите как-нибудь в гости вместе с близнецами и Лёвой! Мы будем рады! Да, Виталь?

— Конечно, — подтвердил мужчина, и я, поблагодарив, поспешила уйти, сославшись на дела, пока Наташа не назначила дату. Ходить в гости с соседом к его родственникам — это всё же слишком... интимно. Слишком пахнет созданием новой ячейки общества.

Нет уж. Пиковая дама так пиковая дама...

Хуже всего — когда мама и близнецы объединяются и начинают авантюричить по взаимному согласию. Так и случилось в субботу, после того как я с утра объявила Фреду и Джорджу, что домашний арест закончен, но это не значит, что они могут теперь носиться сломя голову и сшибая с ног прохожих. Правило «никаких скутеров, великов и прочих опасных движущихся объектов» по-прежнему действовало. И мальчишки его даже не оспаривали. Подозрительно.

Сразу после завтрака я сказала, что быстро приму душ, а потом уже пойдём гулять.

— Ну ма-а-ама-а-а... — заныли рыжие бандиты, и я сразу поняла, почему — надеялись поскорее выйти из дома и встретить в парке соседа.

— Пятнадцать минут подождёте, — махнула я рукой и отправилась в ванную. Быстренько помылась, наслаждаясь недолгим одиночеством, накинула халат на голое влажное тело и вышла в коридор.

И чуть не упала, обнаружив там Льва.

Сосед, в светлых льняных брюках и белой футболке с черной черепашкой и надписью под ней «быть или не быть?», стоял посреди коридора и смотрел на меня так, будто не понимал, что я здесь делаю.

— Лев? — выдохнула я, забыв про собственное решение называть его и по отчеству тоже. — Вы... тут... зачем?

Зато я резко вспомнила, что халат на мне летний, короткий, до середины бедра. Ноги у меня, конечно, стройные и бритые, но всё равно как-то... Тем более, что под халатом вообще ничего нет, даже трусов. Я никогда не брала с собой бельё в ванную, переодевалась потом в комнате — благо, идти до неё всего пять шагов.

— Хотел бы я понимать, что я тут и зачем, — произнёс сосед, разглядывая меня. Голос его был спокойным, а вот взгляд... пожалуй, нет. — Ваша мама, Алёна, попросила подняться, сказала, что есть одна проблема и вы мне всё объясните. Запустила меня в квартиру, а сама сразу вышла и дверь закрыла на ключ. Снаружи.

Я едва не застонала. Ну, мама! И близнецы небось в сговоре, увела их из квартиры, чтобы не мешать нам со Львом «разговаривать». Убью!

— У вас есть ключи? — продолжал между тем мужчина. — Надеюсь, что да, потому что я ещё не выгуливал Рема. Он, конечно, может и потерпеть, но не стоит издеваться над животным.

Я отмерла. Ну, мама! Совсем свихнулась! Живодёрство какое-то...

— Отойдите, — попросила я как могла невозмутимо. — Мне надо пройти к своей сумке. Она там, возле входной двери.

Лев посторонился, и я прошла мимо, едва не задев его плечом. Я сразу почувствовала его запах — свежий и ненавязчивый запах мужчины, — и внизу живота заныло, затянуло требовательно, и жарко стало так, словно я не из душа, а из бани вышла.

В сумке, стоящей на комодике возле выхода, предсказуемо не было ключей. Я на всякий случай заглянула в сам комод — там хранились две пары запасных — тоже пусто.

— Всё забрали, — выдохнула я и поморщилась. — Авантюристы.

— Я, конечно, не учитель русского языка и литературы, — фыркнул Лев сзади и так близко от меня, что я от неожиданности застыла испуганной мышью. — Но я бы использовал другое слово.

Он замолчал, и это молчание показалось мне настолько чувственным, что я поспешила спросить:

— Какое?

— Сводники. Не сердитесь на них, Алёна. Они желают вам добра.

— Всё самое плохое происходит под таким девизом, — пробормотала я, сжимая кулаки от напряжения. Только не оборачиваться. Обернусь — пропаду. — Насильное добро — это зло по большому счёту.

— Значит, я — зло? — спросил Лев тихо, и я вдруг ощутила его ладонь на своей поясице. — Ужасный Кощей Бессмертный, Саурон и Волан-де-Морт в одном флаконе. Так?

— Нет, конечно. Просто... — Я задохнулась, не в силах продолжать, потому что Лев переместил руку со спины на талию, и сразу после этого прижал меня к себе.

— Я слушаю, — шепнул он, склоняясь, и его дыхание коснулось моей шеи, пощекотав кожу за ухом. — Что «просто»?

Я чувствовала себя беспомощной. Я хотела оттолкнуть его, но не имела на это ни

моральных, ни физических сил. Слишком приятно... и слишком давно, как же давно, боже мой...

Горячие губы прижались к ямке в основании шеи, и я не сдержала стон, который показался мне умоляющим. Наверное, Лев тоже так подумал, начав осыпать поцелуями мою шею, тогда как руки, смело взявшись за пояс халата, развязали его, и я не успела даже охнуть, как ладони мужчины проникли под ткань, лаская тело.

Я вновь застонала, испытывая невероятные по силе эмоции. Я чувствовала себя девочкой-подростком, у которой всё впервые, и поэтому настолько остро. Я дрожала и всхлипывала, наслаждаясь движениями рук Льва, его поцелуями, то краткими, то долгими и глубокими, и никаких мыслей в голове больше не было.

Нежные пальцы сжимали грудь, гладили живот, спускаясь с каждым разом всё ниже и ниже... И когда Лев наконец коснулся меня там, внизу, я едва удержалась на ногах. Там уже давно словно костёр горел, и начал разгораться сильнее, как только Лев стал ласкать меня — нежно, но откровенно.

Сосед молчал. И если бы он сказал хоть слово, я, наверное, очнулась бы раньше... но Лев молчал, настойчиво доводя меня до края, и я не заметила сама, как откинулась на него, выгибаясь, и подставляя под жаждущие ладони мужчины всю себя. Одной рукой он продолжал сжимать грудь, вторая же ласкала меня внизу, всё наращивая и наращивая темп — и в конце концов по телу прошла чувственная дрожь, и я громко, протяжно застонала, едва не осев на пол.

Лев не дал мне упасть, придерживав обеими руками. Одна из них была до безобразия влажной... Он тяжело дышал, будто только что бежал по лестнице, и прижимался ко мне всем корпусом. Я чувствовала, что он сильно возбуждён, да я и сама до сих пор была на пределе, несмотря на испытанный только что оргазм.

— Я взорвусь сейчас, — прошептал Лев хрипло, и его ладони вновь сжали мою грудь. — Пойдём к тебе, Алёна.

Я разжала пересохшие от постоянных стонов губы, намереваясь ответить «да», когда сосед вдруг сказал, зарываясь носом в мои ещё немного мокрые после душа волосы:

— Аля, милая...

«Нет!»

Я резко вырвалась из его объятий, отшатнулась в сторону, запахивая халат и холодея сразу вся. Будто прыгнула в ледяную воду...

— Не называй меня так! — воскликнула я, ощущая, как глаза наполняются слезами. — Никогда... никогда!

Лев нахмурился, изучая моё лицо.

— Хорошо, — кивнул он спокойно, не делая попыток подойти. — Не буду.

Он замолчал, и я тоже молчала, не зная, что ещё сказать. Особенно теперь, после всего случившегося.

— Я сейчас напишу твоей маме в ватсап, — продолжал Лев, достав из кармана мобильный телефон. — Пожалуюсь, что Рем там мучается. Думаю, они с близнецами сразу придут и откроют.

— Да, — произнесла я глухо и почти безжизненно. — Это хорошая идея.

Сосед уже наклонил голову и погрузился в телефон, когда я прошептала:

— Извини.

— Это ты меня извини, — тут же откликнулся Лев с тем же типичным для себя

спокойствием. — Я не удержался и поторопился. — Он серьёзно посмотрел на меня и чуть улыбнулся. — Больше не буду.

Я ему совершенно не верила, но всё же кивнула, осознавая, что нет никакого смысла выяснять отношения и что-либо объяснять. Раз меня не понимает даже собственная мать, то Лев не поймёт в любом случае. Скажет то же самое — что я свободная женщина, муж давно умер и я не обязана хоронить себя вместе с ним, имею право на удовольствия.

Конечно, имею, но дело ведь не в этом. Любовь никуда не исчезает, не растворяется после смерти человека... и как можно спать с одним, любя другого?

Я не хочу так.

Мама, Фред и Джордж действительно быстро прибежали, как только Лев упомянул про мучения Рема, которому нужно сходить в туалет.

Я была не в силах их ругать, сказала только, что обо всём поговорим вечером. Я к тому времени уже оделась, и мы сразу пошли в парк, захватив с собой соседского пса.

Лев вёл себя безукоризненно вежливо, он даже вернулся к прежнему «вы», этим, кажется, изрядно расстроив маму. Она очевидно надеялась, что, заперев нас наедине, поможет сближению. Не стоило её просвещать на тему того, что она действительно «помогла». Пусть думает, будто всё осталось на том же уровне. Я, глядя на невозмутимое лицо Льва, даже начинала в это верить.

И только вечером, оставшись одна в своей комнате, я по-настоящему предалась самобичеванию — до этого было некогда. Я ругала себя за то, что не выдержала и дала соседу ложную надежду. Наверное, надо бы объяснить Льву, что я вижу в нём Антона, поэтому и... Но как о таком разговаривать? Это же оскорбительно для любого человека. Лев не сделал мне ничего плохого, зачем же его унижать подобными рассуждениями?

Лучше просто подождать. Через неделю у меня начнётся отпуск, мы уедем на море на двадцать один день — авось, за это время сосед кого-нибудь себе найдёт, он мужчина видный, свободный, с квартирой. Завидный жених, можно сказать.

И далась ему я? Мазохист, наверное. Иначе как объяснить его стремление общаться с моими шkodными детьми и со мной, вдовой с кучей заморочек? С его приятной внешностью и характером мог бы найти себе объект попроще.

В наличие безумных чувств ко мне у Льва я не верила. Скорее уж он меня пожалел. И мальчишек тоже, что растут без отца. Но жалость — ещё не повод жениться.

В общем, я решила просто жить дальше и ждать. В конце концов Лев встретит другую женщину и переключится. Иначе и быть не может.

На следующей неделе я завершала свои рабочие дела, а заодно потихоньку начала готовиться к отъезду на море. Три недели — срок большой, нужно было хорошенько продумать, что мы будем брать с собой, и не только. Необходимо было пристроить Фиму.

Обычно нашего кота на время всех отъездов брали ближайшие соседи — сами животных не заводили, чтобы от них не зависеть, но за Фимой следили, — но в этом году они тоже собирались в августе на море. Вот и пришлось мне усиленно думать, как быть.

Вариантов было несколько. Первый состоял в обходе оставшихся соседей со слёзными просьбами и предложением взятки. Наверное, я бы даже добилась успеха в этом случае, но... подобные вещи не для меня.

Второй вариант — гостиница для животных. Я поначалу склонялась к нему, но потом посчитала цену за три недели и поняла, что дешевле будет забрать Фиму с собой.

Ну и третий вариант был более лёгкой версией первого. Попросить кого-нибудь из соседей приходить раз в день: убирать лоток, менять воду и кормить. Несложно и недолго, и я даже знала, кого могу попросить о такой услуге — Олю Вяземскую, соседку с пятого этажа. Тётя Оля — святой человек, она точно не откажет, и даже денег не возьмёт.

Но план накрылся медным тазом, точнее, шляпой Льва, потому что близнецы во время прогулки с соседом в понедельник сообщили ему о нашей проблеме. И Лев попросил Фреда и Джорджа передать мне, что он может взять Фиму на три недели, если я соглашусь.

Сияющие мальчишки сказали мне об этом за ужином, и я от неожиданности оторопела.

— Это же отлично! — почти крикнул Фред.

— Фиме у дяди Лёвы будет веселее! — вторил брату Джордж, и я, услышав это утверждение, отмерла.

— У дяди... тьфу, то есть, у соседа есть собака. Я не уверена, что Фима будет в восторге от таких перспектив. Это же стресс.

— Рем до-о-обрый, — протянул Фред.

— Он котов не обижает, — закивал Джордж. — Дядя Лёва сказал, что всё пройдёт хорошо. И что он умеет знакомить котов с собаками. Ну ма-а-ама!

— Иначе Фима три недели будет сидеть здесь один! — ужаснулся второй рыжий бандит. — Мама, это... кошмар! Ему же одиноко!

Я посмотрела на собственную родительницу, которая сидела тут же, за кухонным столом, и коварно усмехалась в чашку с чаем. Нет, мало я их всех ругала после того случая с запираанием себя и Льва наедине, мало! Никак не угомонятся.

Если бы речь шла не об этом конкретном соседе, мама никогда в жизни не поддержала бы идею отдать Фиму в дом, где есть собака. Да, хорошая и мирная. Но собака ведь!

— Ты поговори со Львом, Алёнушка, — произнесла мама хитро и вкрадчиво. Ни дать ни взять Баба-яга, заманивающая Иванушку-дурачка в печь. — Обсуди с ним всё, а потом решишь. Не торопись. В любой ситуации и плюсы, и минусы можно найти.

— И какие же здесь есть плюсы? — съязвила я. — Сводничество, что ли?

— Ну почему сразу сводничество? — улыбка мамы стала ещё более коварной. — Три недели в квартире одному — то ещё живодёрство. Тем более, что Фима у нас любит компанию. А у Льва тоже три комнаты, он Рема может с временным гостем и не знакомить. Зато наш котик от одиночества не свихнётся.

Вот это было уже разумнее, но... я прекрасно понимала, что движет мамой в первую очередь. Не уверена насчёт близнецов, они просто хотели пристроить Фиму получше, а вот мама... Мама мечтает о свадьбе.

Но Фиму я любила всё же больше, чем свои страхи и предрассудки, поэтому ответила, чуть подумав:

— Ладно. Я поговорю со Львом на эту тему. А там посмотрим.

И чуть не оглохла от радостного вопля «ура-а-а!», исторгнутого собственными детьми.

Говорить со Львом я, правда, трусила, и малодушно решила отложить это всё на завтра, а может, и на послезавтра, полагая, что за это время успею набраться смелости. После того, что случилось между нами в субботу, мне было очень неловко находиться рядом с ним. Как девочка-подросток, ей-богу... Но как иначе, если всё настолько сложно?

Однако сосед не дал мне шанса отсидеться дома. Во вторник, возвращаясь с работы, я столкнулась со Львом на первом этаже, и мужчина, увидев меня и поздоровавшись, тут же поинтересовался:

— Алёна, вы подумали насчёт моего предложения? Ребята сказали, что передали вам всё вчера. Вы что-то решили?

Лев спокойно и серьёзно смотрел на меня, сверкая светло-голубыми глазами из-под ковбойской шляпы.

— Пока нет, — ответила я честно, глядя на него. Почему-то не могла отвернуться. Он был слегка небрит, на щеках и подбородке виднелась короткая рыжая щетина, и мне вдруг захотелось потрогать её. — Я не уверена, что Фима нормально воспримет соседство Рема.

— Я поселил бы его в отдельной комнате, — Лев чуть улыбнулся, и я неожиданно заметила: когда он улыбается, на левой щеке появляется смешная ямочка. — Целая большая комната — и ему одному. По-моему, неплохие условия. И сетки на окнах у меня есть.

Да, сетки на окнах — это важно.

— А у вас когда-нибудь были кошки, Лев... Игоревич?

Его улыбка померкла, и мне стало неудобно. Да, я решила придерживаться такого обращения, но не ожидала, что оно его настолько заденет.

— Вы можете не использовать отчество, когда обращаетесь ко мне, — произнёс он невозмутимо, но без улыбки. — Это вас ни к чему не обязывает.

Если бы Лев был кем-то другим — да, разумеется. Но... с ним я не хотела сближаться, а обращение только по имени — это шаг к сближению.

Хотя глупо, конечно. Мы с ним в субботу друг с другом чуть не переспали, а я тут строю из себя скромную ромашку.

— Насчёт кошек, — продолжал сосед, пока я раздумывала, что ответить. — Конечно, были. У нас с братом и сестрой кого только не было — и попугайчики, и черепашки, и коты с собаками. Не волнуйтесь, я умею обращаться с животными.

— Я понимаю, что вы умеете, — проговорила я тихо и, не выдержав, всё же сказала: — Но я не понимаю, зачем вам... этот геморрой.

Произнося это, я имела в виду не только Фиму — себя тоже. Но я была не уверена, что Лев поймёт.

Он понял. Молчал несколько секунд, вновь глядя на меня так, будто решал уравнение, а потом произнёс со своей типичной невозмутимостью:

— Я не считаю это геморроем.

— Ну конечно, — я желчно усмехнулась. — Ухаживать за чужим котом три недели, общаться с мальчишками, у которых характер ходячих катастроф, и... — Я запнулась: слова куда-то потерялись, потому что Лев подошёл ближе и коснулся ладонью моего запястья.

— Я люблю животных. И мальчишки у вас отличные, я ведь уже говорил. Им только отец нужен.

От его серьёзного тона голоса я вспыхнула зажжённой свечкой — это всё прозвучало как предложение руки и сердца.

— Я не могу, — я сделала шаг назад, отходя от Льва, и покачала головой. — Не могу и не хочу.

— Не хотите? — переспросил мужчина иронично. — Да, это особенно чувствовалось в субботу.

От смущения за те события мне захотелось его ударить.

— Это физиология, — произнесла я, отворачиваясь. — А я говорю про другое.

— Я понимаю. — Теперь ирония из его голоса вновь исчезла. — Вы сильно любили мужа — это, скажем так, первый множитель. А второй — тот факт, что я на него похож. Вам это, с одной стороны, по душе, а с другой — вам это мешает.

Конечно, я понимала, что Лев должен был догадаться. Но одно дело — понимать, а другое — слышать собственными ушами, которые теперь горели, как два факела.

— Я не могу ничего поделать со своей внешностью, Алёна, — продолжал между тем сосед, вновь шагая вперёд, ко мне. — Но вы можете изменить своё отношение к ней. Это всего лишь внешность, ничего более. Совсем не она составляет суть человека.

— Я знаю. — Я выставила вперёд руку, не дав мужчине подойти ближе. Ладонь упёрлась в твёрдые мышцы на груди, и у меня даже в глазах помутнело от резкой вспышки желаний. Желания потрогать, и не поверх футболки, а голую кожу... Господи, да я десять лет не трогала мужчину вот так. — Я всё понимаю, но ничего не могу с собой поделать. Пожалуйста, не надо настаивать, найдите себе... другой объект.

Лев усмехнулся и ничего не ответил на всё это, кроме:

— Отдашь мне Фиму на три недели или нет?

Я пару секунд молчала, собираясь с мыслями, разбегавшимися, как тараканы.

— Алёна, поступи разумно. Ему будет гораздо комфортнее провести это время у меня в отдельной комнате, общаясь со мной и редкими гостями, чем три недели просидеть в одиночестве в вашей опустевшей квартире. Тут и человек свихнуться может, думаешь, котам сходить с ума несвойственно?

Я вздохнула.

— Хорошо, я отдам тебе... вам Фиму.

Лев кивнул, ничуть не удивившись.

— Отлично.

И мама, и близнецы, узнав о моём решении, сияли, как натёртые маслом сковородки, только мама ещё и улыбалась коварно. Прямо Малефисента, заколдовавшая Спящую красавицу.

Но всё коварство родительницы в полной мере проявилось только на следующий день, когда мне, пришедшей после работы домой, был всучен прямо у порога большой и ароматный пирог с капустой.

— Вот! — возвестила мама, гордо подбоченившись. — Отнеси-ка Лёве. Он любит, я

спрашивала.

От такой наглости я на мгновение потеряла дар речи и способность здраво мыслить.

— А-а-а...

— Бэ-э, — передразнила меня мама. — Поблагодарить надо хорошего человека. Он за содержание Фимы и денег не взял, и от корма отказался — сам, говорит, куплю. Тебе жалко для него пирог?

Вот же... сводница!

— Пирог мне не жалко. Но ты же не ради этого меня ко Льву отправляешь.

— Приворотное зелье я в начинку не подливала, — фыркнула эта нахалка. — Не придумывай.

Я ещё и придумываю. Прекрасно!

— Мам, отнеси сама.

— От меня он не настолько будет рад получить этот пирог, — возразила родительница и силой повернула меня лицом к входной двери. — Всё. Иди! Благословляю.

Я вздохнула, испытывая острое желание заорать. Конечно, Льва надо отблагодарить, и не только за это, он нам много всего хорошего сделал. Но...

— Давай я лучше Фреда с Джорджем отправлю.

— Алёна! — огрызнулась мама, но тут же смягчила голос: — Иди-иди, Лёве будет приятно. Не веди себя, как упрямый подросток.

Да уж, точно, я — подросток. Подросток, подверженный гормональным взрывам...

Лев открыл дверь под радостный лай Рема, который чуть не сбил меня с ног, встав на задние лапы и попытавшись понюхать мамин кулинарный шедевр.

— Рем, нет, — сказал Лев кратко, и пёс тут же послушался, плюхнувшись на попу и виляя хвостом, как бешеный.

В этот раз мне опять не повезло — сосед был полностью одет, и выглядел так, словно собирается куда-то идти в ближайшее время.

— Я не помешаю? — спросила я, опуская голову и изучая крепкие ноги в светлых брюках. Да, скорее всего, мой вывод верен и я застала Льва на пороге — он был не в тапочках, а в уличных сандалиях.

— Нет, конечно. Заходите, — сказал мужчина, отходя в сторону, и улыбнулся, когда я шагнула в прихожую. — И что же вы мне такое вкусное принесли?

— Пирог с капустой.

— Я так и думал, — он хмыкнул, продолжая улыбаться, но смотрел при этом не на пирог, а на меня. — Ксения Михайловна интересовалась утром, с чем я предпочитаю. Она сама пекла или вы?

— Пекла мама, но она печёт не хуже. — Я протянула соседу тарелку с пирогом. — Спасибо вам большое за помощь, с Фимой в том числе. Я пойду, а то вы, как я вижу, куда-то собирались идти...

— Прогуляться с Ремом хотел, — ответил Лев, принимая подарок, и сразу примостил тарелку на высокий шкаф-обувницу, стоявший рядом с ним. — Пойдёте с нами, Алёна?

Это ужасно, но мне вдруг захотелось пойти. И желательно, без близнецов...

— Нет, спасибо. Я только с работы, мне надо к детям.

— И чаю со мной не попьёте. — Он не спрашивал, а утверждал, улыбаясь, и я в очередной раз ощутила себя неблагодарной идиоткой.

— Вы же собирались идти гулять?

— Можем задержаться на двадцать минут. — Сосед пожал плечами. — Но это не обязательно, Алёна.

Да, разумеется. Но мне хотелось остаться. И даже не потому что я была благодарна Льву за помощь, а просто...

Рядом с ним я чувствовала себя живой. И живой не ради близнецов, а... сама по себе.

Эта мысль словно ударила меня, и так захотелось продлить это ощущение... нормальности. Как будто бы я — обычная живая женщина, а не ходячий труп, не мама-робот с кучей функций формата подай-принеси-вытри-приготовь.

— Давайте и правда попьем чаю, — вздохнула я, сдаваясь. — Честно говоря, мне самой хочется кусочек пирога съесть. У мамы тесто получается лучше, чем у меня.

— Отлично, — Лев довольно кивнул. — Сейчас и продегустируем.

Наверное, я просто очень устала. От всего сразу — от выходов близнецов, особенно от истории с люлькой, от школьных проблем, от сводничества мамы, от подавления собственных желаний... Надоело. В конце концов, если я просто посижу со Львом полчаса, попью чай и съем кусок пирога, ничего же в целом не изменится. Это меня ни к чему не обязывает.

Я хотела расслабиться. Поэтому постаралась ни о чём не думать, пока Лев ставил чайник, доставал кружки и резал пирог. И потом тоже старалась не рассуждать.

— Знаете, мне сложно судить, — сказал он полушутливо-полусерьёзно, съев половину куска. — В прошлый раз было песочное тесто, сейчас дрожжевое. Всё вкусно. Но если испечёте мне когда-нибудь свой пирог с капустой, я сравню с пирогом вашей мамы.

— Испеку, — фыркнула я, перенимая шутливый тон. — Если за три недели с Фимой ничего не случится, я вам даже торт могу испечь.

— Торт не надо, я не любитель. Если только медовик.

Я оживилась.

— Так это же у меня коронное блюдо!

— Да? — засмеялся Лев. — Значит, Фиму надо холить и лелеять. Учту.

Разговаривать с соседом было легко и приятно, как и прежде. Мы обсуждали в основном нашу общую работу, с которой Льву ещё предстояло познакомиться, я рассказывала о характерах коллег, особенно об Ольге Петровне — с ней ему предстоит общаться особенно много, она не оставит в покое второго учителя математики. Галю Новицкую «Олег Петрович» тоже доставала до печёнок, если не сказать глубже.

— Переживём, — Лев беспечно махнул рукой. — На моём прежнем месте работы тоже были такие кадры. У вас хотя бы завуч без психических отклонений, если я правильно понял.

— Да, Шустрова адекват, — подтвердила я.

— Это главное.

Мы просидели на кухне чуть дольше, чем я планировала — около сорока минут, — и Лев за это время слопал три больших куска пирога, не оставив от него почти ничего. Мне стало любопытно, готовит ли он себе или покупает еду, но я постеснялась спрашивать.

И ушла я от соседа в хорошем, светлом настроении, почти счастливая оттого, что мне удалось расслабиться и просто общаться, не думая ни о каких проблемах.

Когда я вернулась домой, вид у мамы был настолько торжественный, словно мне

шестнадцать лет и я вернулась с первого свидания. Хотя я её понимала — всё же я примчалась не через пять и не через десять минут, теряя тапки, а спустя почти целый час. Прогресс в сводничестве!

— А ведь он тебе тоже нравится, — заключила родительница со вселенским ехидством, глядя на меня хитро прищуренными глазами. — Я же вижу.

Наверное, если бы у меня в жизни были отношения хоть с кем-то ещё, кроме Антона, я бы знала, что полагается отвечать в таких случаях. Но их у меня не было, поэтому придумать что-то, из-за чего мама перестала бы так откровенно радоваться, я не смогла.

— Лев хороший человек, с чего бы он мне не понравился? — постаралась я ответить как можно спокойнее. — Конечно, нравится.

— Ну да, ну да, — мама хмыкнула. — И поэтому ты на него порой пялишься, как влюблённая школьница. Наверное, думаешь, что это незаметно.

— Не выдумывай, — я махнула рукой, отворачиваясь к плите — нужно было готовить ужин. Заодно спрячу покрасневшие щёки. — Он, конечно, красивый мужчина, но...

— Он тебе нравится, — перебила меня мама. — И, Алёна, я давно хотела сказать — не так уж и сильно Лев похож на Антона, как тебе кажется. Да, у них внешность одного типа, но характеры совсем разные. Хотя Антон был очень молод, когда погиб, и не совсем справедливо сравнивать их со Львом, разница в возрасте-то целых пятнадцать лет, но...

— Ма-ма, — произнесла я по слогам. Жар с щёк давно схлынул, и теперь я ощущала себя вылепленной из снега Снегурочкой. — Не на-до об этом.

— Надо. Антон был хорошим парнем, но порой слишком уж беспечным. И его гибель...

— Мама! — Я развернулась и процедила, глядя ей в глаза: — Хватит! Я не желаю обсуждать своего мужа. Идеальных людей на свете не бывает, и я не хочу, чтобы ты очерняла его в моих глазах в угоду Льву и его безупречному характеру.

— Я не собиралась делать ничего подобного, дочка, — мама печально вздохнула. — Я просто хотела сказать, что тебе нужно перестать видеть в нашем соседе Антона. Иначе ты не сможешь построить с ним нормальные отношения.

— Я не буду ничего строить.

— Поживём — увидим, — ответила мама философски и вышла с кухни, оставив меня наконец в гордом одиночестве.

Этим разговором она изрядно испортила мне настроение, которое было немного приподнятым после визита ко Льву, но теперь вновь опустилось ниже фундамента.

Зачем она это всё мне говорила? «Тебе нужно перестать видеть в нашем соседе Антона». Можно подумать, я специально. Это само собой получается. Но я же не сумасшедшая, чтобы путать их или даже считать одним и тем же человеком. И не бесчестная, чтобы начинать отношения с мужчиной, который нравится мне по причине похожести на мужа. Да, Лев, прекрасный человек, но эта физиология — она ведь оттуда растёт. И от моих гормональных всплесков. Десять лет без секса мне на пользу явно не пошли.

Но заводить себе любовника только ради «пользы»... Это всё-таки человек, а не собачка.

Последние дни на работе я вертелась ужом на раскалённой сковородке, доделывая дела перед отпуском, и вечером просто падала от усталости, засыпая ещё на подлёте к подушке. Видимо, я выглядела настолько уставшей, что мама решила временно отстать от меня и

перестала заводить разговоры на тему соседа.

Хотя Фред и Джордж мне по-прежнему рассказывали про Льва. Они стабильно гуляли с ним и Ремом в парке каждое утро пару часов, страшно страдая от отсутствия скутеров, и вечером сверкали на меня жалобными глазами ангелочков, но я была непреклонна.

— Нет уж. Пока не научитесь вести себя прилично — никаких движущихся поверхностей.

— Мы умеем вести себя прилично!

— Умеем, да!

— Я другого мнения, — отрезала я, поставив точку в вопросе передвижения не на своих двоих.

Так что близнецам приходилось ходить пешком или бегать, что, конечно, было безопаснее, но всё же не уберегло их от разбитых коленок в последний день перед отъездом. Причём упал только Фред, но Джордж не смог остаться в стороне и грохнулся специально. А как же иначе? Они ведь во всём должны быть одинаковыми! А тут получается — у Фреда есть разбитые коленки, а у него нет. Непорядок!

И даже ссадины у них каким-то мистическим образом оказались похожи. Уму непостижимо...

— На улице свалились? И как вы умудрились? — поинтересовалась я, обнаружив их зелёные коленки. — За белками скакали, споткнулись и упали? А может, от пиратов пытались убежать?

— Это пираты от них убежать должны, — пробормотала мама, пока близнецы дулись на меня за насмешливый стишок. — И прятаться поглубже в какой-нибудь трюм.

— Мы с Ремом бегали! — не выдержал Фред.

— Наперегонки! — добавил Джордж.

— До конца аллеи и обратно! Дядя Лёва разрешил!

— Там просто ямка на асфальте!

— Я её не заметил и упал!

И тут они запнулись, потому что Джорджу надо было сказать что-то вроде «а я упал за компанию», но он постеснялся. Скромный чертёнок.

— Хорошо, что не сломали себе ничего, — заключила я со смирением великомученицы. — А то было бы весело — нам завтра улетать, а вы со сломанными конечностями. Всё! Сидим дома до самолёта.

— Ла-а-адно...

Рано утром на следующий день я отнесла Фиму Льву, и сосед, приняв из моих рук переноску с котом, сразу сказал:

— Давайте-ка я провожу вас в аэропорт.

Я на мгновение растерялась.

— Да мы на такси...

— Я бы не доверил нашим таксистам даже Рема, не то, что женщин и детей. Так что лучше я сам вас отвезу. Да и от стоянки до регистрации тоже идти надо, а у вас наверняка с собой много вещей. Так что не спорьте.

Лев был прав — у нас в наличии были три тяжёлых чемодана, и это не считая ручной клади — рюкзаков близнецов и наших с мамой сумок через плечо. Так что помощь нам пригодилась бы, но... сколько можно его эксплуатировать?

— Мы сами справимся, да и вам с Ремом ещё гулять, а нам выходить через пятнадцать минут, — попыталась возразить я, но тщетно — Лев лишь рукой махнул.

— Я уже с ним погулял, встал просто пораньше. — Господи, куда уж раньше, и так полседьмого! — Значит, через пятнадцать минут? Отлично, подойду тогда к вам, и поедем.

Видимо, на моём лице было написано желание как-то отговорить соседа, потому что он, тепло мне улыбнувшись, произнёс:

— Кац предлагает сдаться. [\[3\]](#)

— Русские не сдаются, — вздохнула я, и он фыркнул.

Чуть позже я, убедившись, что мы вроде бы взяли всё включённое в список, торжественно вывела своих рыжих демонят и маму на лестничную площадку и закрыла квартиру. Лев уже ждал нас и, увидев чемоданы, поднял брови и кивнул.

— Солидно.

— Мама даже скейты не разрешила взять-я-ять, — протянули близнецы, и у меня от такой наглости возникло жуткое желание дать им синхронные подзатыльники. Или даже поджопники.

— Вам только скейтов на море и не хватает, — отреагировала бабушка прежде, чем я успела выдать гневную тираду. — Чтобы вы на них со скалы вниз и в воду.

Судя по лицам моих бандитов — они такой перспективой заинтересовались.

— Я уже говорила — никаких движущихся поверхностей. — В этот момент открылись двери лифта. — Всё, марш. Нас самолёт ждёт.

— Самолёт — это тоже движущаяся поверхность, — пробурчал Фред, и я назидательно ответила:

— Главное — не само движение, а кто управляет этим движением. За рулём не вы будете сидеть.

— Я думаю, ребята, — произнёс сосед с мягким терпением, как только мы все разместились в лифте, включая чемоданы, — если вы будете хорошо себя вести эти три недели, мама по возвращению, возможно, разрешит вам покататься на чём-нибудь.

— Мама?! — И столько надежды в глазах.

— Я подумаю, — хмыкнула я, и мальчишки переглянулись.

Отлично. Теперь три недели в моём распоряжении вновь будут Федя и Дима, а не Фред и Джордж. Ура!

Мои охламоны начали строить из себя пай-мальчиков ещё в аэропорту, но долго не продержались — в конце концов, лето, каникулы, впереди море, южные фрукты, молочные коктейли и мороженое. Близнецов ещё в машине захватила эйфория, когда они договаривались со Львом, что он будет каждый день посылать им в ватсап отчёты по содержанию и состоянию Фимы, и сосед с серьёзным видом поклялся, что каждый день будет устраивать нашему коту фотосессию.

— Да ладно вам Льва Игоревича напрягать, — пробормотала я, дико смущаясь, а всё потому что мама, Фред и Джордж сделали всё, чтобы я оказалась рядом со Львом на переднем сиденье. Вроде бы ерунда, но и такая близость меня волновала. Хуже подростка, ей-богу! — Будет вполне достаточно звонить раз...

«В пару дней» я произнести не успела.

— А присылайте маме Фиму! — перебил меня Фред, так взмахнув рукой, что чуть не выбил Джорджу глаз. — Маме, а не нам!

— Да! — энергично закивал второй бандит. — Мама у нас главная!

И пока я, онемев, пыталась переварить вот это «мама главная», а родительница откровенно хохотала, хрюкая в рукав платья, Лев совершенно серьёзно, спокойно и невозмутимо заявил:

— Конечно, я буду отчитываться перед вашей мамой, парни. Она главная — это вы правильно сказали.

— Ещё бы они это всегда помнили, — съязвила я. — Сказать-то всякий может, а помнить — вот беда! И совесть не тревожит, она у них чиста. Как чистый лист бумажный, который что стыдить? Ему всегда неважно, что станут говорить.

Лев в очередной раз обалдел, глядя на меня с таким удивлённым восхищением, что я смутилась ещё больше, а мальчишки откровенно надулись.

— Мама, ты нас не ценишь! — Фред.

— Не ценишь, да! — Джордж.

— Мы ничего просто так не обещаем!

— А если уж обещали...

— Почему же, я вас очень даже ценю, — фыркнула я. — Если бы я вас не ценила, я бы не поехала с вами на юг. Отправилась бы одна развлекаться и отдыхать. И скутеры бы ваши с собой забрала!

Лев мелко затрясся от смеха, и я тоже невольно улыбнулась.

— А скутеры зачем? — спросили хором мои рыжие кошмары. — Ты же не умеешь на них кататься!

— Вот заодно бы и научилась.

Когда в аэропорту сосед нас покинул, я вздохнула с облегчением. Момент прощания, правда, тоже был испытанием на прочность, ибо оставаться каменной глыбой и соляным столпом, когда Льва обнимают собственные дети и собственная мама — что вообще ни в какие ворота не лезло! — то ещё удовольствие. Я давно не чувствовала себя настолько неловко. Обстановка была абсолютно неформальная, и поведение близких настраивало на такое же с моей стороны, и я была уверена, что по крайней мере родительница именно на

это и рассчитывала, приобнимая Льва. Вроде как — Алёна, ты же видишь, как мы все себя ведём, вот и ты следуй нашему примеру. А вот фигли! Я была сурова, как атомная война, и так же, как она, не щадила никого — ни родных, ни Льва, ни тем более себя.

Мне на самом деле хотелось его обнять. Немного. Совсем чуть-чуть. Но я сдержалась, сложив руки на груди, улыбнулась и кивнула на прощание.

Он кивнул в ответ, и его улыбка, как и всегда, была спокойной, уверенной и понимающей.

И да, после того, как Лев скрылся из виду, мои рыжие сорванцы некоторое время искренне пытались быть пай-мальчиками. Но восторг от того, что скоро будет самолёт, море, пляж, вкусная еда и вообще каникулы, играл у них в попе весёлые мотивы, поэтому минут через пятнадцать хождений по струночке близнецы застыли возле торговой палатки с разными леденцами, мармеладками и тянучками, посмотрели сначала друг на друга, потом на бабушку, после — на меня, и хором запели:

— Ма-а-ам, а купи-и-и...

— Начинается, — пробормотала родительница, закатывая глаза.

— Почувствуй себя грушей, — хмыкнула я.

Близнецы, на мгновение замолчав, синхронно нахмурились.

— Почему грушей? — уточнил Фред.

— А вот догадаетесь, куплю, — заявила я и с трудом удержалась от желания показать сыновьям язык. — Всё, что хотите, в пределах тысячи рублей. А не догадаетесь — не куплю!

Вместо того, чтобы начать сильнее канючить, мои бандиты замерли и задумались, и я даже ощутила гордость за них. Фред и Джордж, конечно, те ещё вожди краснокожих, но в недостатке интеллекта упрекнуть своих ребят я бы никогда не смогла.

— Висит груша, нельзя скушать, — пробормотал Джордж, а Фред решительно помотал головой.

— Не то! Это вообще про лампочку, а не про маму!

И пока близнецы возбуждённо обсуждали проблемы мам, груш и лампочек, бабушка с восхищением протянула:

— Как ты хорошо придумала-то. Иначе они бы до самого отлёта от нас не отстали, а я ещё жить хочу. И в туалет.

— Иди, — кивнула я и чуть не подпрыгнула — Фред дёрнул меня за рукав.

— Мам, мам, а интернетом пользоваться можно?

— Можно, — великодушно разрешила я, зная: чтобы пользоваться интернетом, надо ещё понимать, что конкретно следует у него спросить. — Пользуйтесь.

И воодушевлённые дети дружно достали мобильники из карманов.

Они всё-таки догадались! И минут через двадцать синхронного пыхтения над мобильниками, перешёптывания и переглядывания, выдали мне правильный ответ про «трясти, как грушу». Просияли, когда я похвалила их за сообразительность, а потом долго, обстоятельно и серьёзно выбирали леденцы и мармеладки.

В общем, предполётное время и сам полёт, на мой взгляд, прошли в режиме «Федя и Дима», а вот что будет дальше — большой вопрос.

Сразу после приземления, как только мы вышли из самолёта и я включила телефон, мне в ватсап пришло сообщение от Льва. Вопрос «как добрались?» и фотография довольного Фимы, развалившегося поперёк кровати пузом кверху.

— Вот это да, — восхитилась мама, заглянув мне через плечо. Я думала, она сейчас скажет что-то в стиле «ну и наглая у Фемистокла морда», но родительница была, как обычно, в своём репертуаре. — Какой заботливый мужчина! Не успел сам доехать, тут же интересуется, как мы.

Я вздохнула. Говорят, горбатого могила исправит, да? Врут. Мою маму не исправит ничего.

— Ты лучше на физиономию Фимы посмотри.

— А чего я там не видела? — пожалала плечами наша бабушка, и тут загалдели близнецы.

— Где Фима, где? Где?

— Вот, — я ткнула пальцем в экран.

— О-о-о! Какой дово-о-ольный! — протянули мои бандиты, а потом Джордж добавил: — Наверное, дядя Лёва его накормил чем-нибудь вкусненьким!

Я тоже так думала, но ответить предпочла другое.

— Вряд ли. Думаю, Фима просто счастлив, что целых три недели его никто не будет умывать по утрам, красить зелёнкой, пытаться постричь когти или обмотать простыней так, чтобы получился симпатичный комбинезончик.

Близнецы надули щёки и сложили руки на груди.

— Мы уже давно не красили Фиму зелёнкой!

— И даже не представляете, как мы с вашей бабушкой счастливы по этому поводу! — хмыкнула я.

Я быстро ответила Льву «всё хорошо, спасибо, а Фима прелесть!» — и засунула телефон обратно в сумку. Нечего его баловать, да и вообще краткость — сестра таланта.

Весь день я ждала, когда мои рыжики из ангелов небесных переквалифицируются обратно в чертей преисподней. Конечно, надеялась, что этого так и не случится, всё же им очень хотелось, чтобы я разрешила вновь кататься на скутерах хотя бы «при дяде Лёве» (о ужас), но особо не рассчитывала на идеальное поведение. Одно дело — вести себя идеально в привычных и скучных домашних условиях, где из искушений только конфеты в кухонном шкафчике и «Нутелла» в холодильнике, и совсем другое — быть пай-мальчиками на отдыхе во время каникул. И если у Царевны-лебедь звезда горела во лбу, то у моих бандитов по звезде было в каждом глазу. По путеводной звезде, ведущей к вершинам увлекательных приключений.

В результате этого конфликта интересов с характерами к вечеру я была вынуждена признать, что Фред и Джордж смогли достичь компромисса — что называется, и рыбку съели, и в лужу не сели. То есть, и вели себя более-менее нормально, и пошкодить тоже умудрились, но без фанатизма. А главное, что бездоказательно, то есть я их и упрекнуть ни в чём не могла — не пойман, не вор, как говорится. Наверное, если бы я настояла и задавала дополнительные вопросы, близнецы сознались бы — они в принципе не умеют долго отпираться, да и врать не любят, — но я решила не портить карму ни себе, ни своим бандитам. Будем считать, что аккуратно разложенные в пустые бокалы и чашки оливки во время шведского стола — это такие местные креативные официанты нам попались. Решили, так сказать, разнообразить меню, состоящее из соков, компотов, чая и кофе. В конце концов, кофе с оливками — почему бы и нет? И я решила промолчать и сделать вид, будто я ничего не заметила и вообще бессловесный веник.

А перед сном, после того, как мы с бабушкой, счастливые и благодушные,

расположились на балконе гостиничного номера с кружками, полными чая, в руках, близнецы пришли каяться насчёт этих оливок. С честными-пречестными глазами.

— Что это вы решили признаться? — спросила я с подозрением, по привычке подозревая сразу самое худшее, но Фред и Джордж опасений не оправдали.

— Хотим вернуть скутеры, — заявили мальчишки под ехидное бабушкино фырканье.

— Это правильно. — Я подняла вверх указательный палец. — Одобряю и благословляю. Только не перестарайтесь.

Близнецы недоуменно нахмурились.

— Перестарайтесь? — Джордж.

— Как это? — Фред.

— Очень просто, — я пожала плечами. — Привыкнете быть ангелочками, крылышки вырастут, а ангелочкам с крылышками скутеры без надобности.

И опять у них, как у Антона в важной для него ситуации, отказало чувство юмора.

— А-а-а...

— Ты шутишь, мам...

— В любой шутке есть доля правды, — сказала я голосом пророка. — А теперь марш спать в мягкую уютную кровать, и до утра ни звука, а то придёт к вам злой и страшный Барабука.

Парни засмеялись и действительно послушно разбрелись по кроватям, а мама, проводив их взглядом, отпила из чашки и неожиданно заметила:

— А между прочим, Лев умеет их различать.

Я даже закашлялась.

— Что?..

— Лев умеет их различать, — повторила родительница с видом победителя. — Недавно научился.

— Это каким же образом? — помимо воли заинтересовалась я. Игнорировать подобные предьявы оказалось сложно, я ведь прекрасно знала, что близнецов путала даже родная бабушка, а тут вдруг чужой мужик разобрался! — Ты научила или они сами?

— Никто его не учил, — ответила мама гордо. — А каким образом, спроси лучше у него, пусть расскажет. А я не знаю, не спрашивала. Заметила только, что различает.

Я поскрипела зубами, пытаюсь заодно и прожечь собеседницу взглядом, но у мамы к подобным приёмам давно был иммунитет.

— Врёшь небось.

— Вот ещё, — фыркнула она насмешливо. — Зачем мне тебе врать? Мне как раз выгодно, чтобы ты мучилась от любопытства, поэтому я и не стала спрашивать, иначе ты бы всё у меня выпытала. А теперь живи с этим, как хочешь. А не хочешь — поинтересуйся у Льва сама.

Клянусь, даже к нашим отечественным кусачим комарам я в этот момент испытывала большую симпатию, чем к родной матери.

— И не смотри на меня, как на врага. Лев не кусается.

Я невольно покраснела, вспомнив, как он один раз легко укусил меня за шею, когда мы... И от этого воспоминания резко стало жарко и больно.

— Хм... — пробормотала мама, задумчиво глядя на моё вспыхнувшее лицо. — Алёна?..

— Пойду я тоже спать, — перебила я её, поспешно поставила кружку на столик и убежала в номер — только пятки засверкали.

Я вертелась в кровати, как уж на сковородке, ещё примерно полчаса. Слава богу, мама всё это время что-то читала на балконе, а близнецы давно сопели в четыре дырочки, и никто не наблюдал моих мучений и сомнений.

Нет, мне было безумно, просто не-че-ло-ве-чес-ки интересно, как Лев смог научиться различать Фреда и Джорджа, и я не верила, что мои бандиты ему в этом не помогли.

В общем, через полчаса я таки не выдержала, встала, взяла сумку, достала оттуда телефон, ушла обратно в кровать, спряталась под одеялом, укутавшись хорошенько, чтобы ничего не было видно, и написала Льву в ватсап краткое сообщение:

«Мама сказала, вы научились различать Фреда и Джорджа. Как?»

Минут пять телефон молчал, сообщение оставалось непрочитанным, и я искусала себе все пальцы в нетерпении. Может, Лев уже лёг спать? Или у него свидание с какой-нибудь женщиной, а я в самый ответственный момент лезу с дурацкими вопросами...

И вот, наконец телефон завибрировал.

«Научился».

И всё, что ли?!

Нет, печатает...

«Это непросто, но чем больше с ними общаешься, тем сильнее понимаешь, что самое главное отличие лежит на поверхности, и оно не во внешности. Фред — ведущий, Джордж — ведомый».

Лев почти убил меня этим ответом. И не только своей абсолютной грамотностью — каюсь, грешна, люблю грамотных, — но и очевидной простотой выводов. Действительно, зачем искать разность в родинках на руках, если можно приглядеться к характерам. И подобный вывод много сказал мне и о характере самого Льва.

Я не удержалась от ответа.

«Да, вы абсолютно правы. Не ожидала, что вы так быстро и легко догадаетесь».

«Они мне нравятся».

Я закусила губу, стораю от жары — летом, да ещё и под одеялом... Хотя... кого я обманываю? Жара тут была ни при чём. Я просто вспомнила, как Лев сказал: «И вы мне нравитесь».

«Впрочем, я уже это говорил. Помните, Алёна?»

Я с силой сжала телефон. Он пытается флиртовать, или мне кажется?

Я запыхтела, не зная, отвечать ли, и если отвечать, то что. В итоге набрала:

«Помню».

И с замирающим сердцем ждала следующего сообщения... чтобы сразу разочарованно застонать.

«Спокойной ночи, Алёна».

Ну... вот... Впрочем, к лучшему, наверное...

«И вам».

И без Льва обойдёмся.

Утро следующего дня началось для меня с сообщения в ватсапе. Сообщение содержало пожелание доброго утра, хорошей погоды и как бонус — фотографию довольной Фиминой морды. Глядя на неё, я ни на секунду не усомнилась в том, что коту у Льва действительно хорошо, зато начала сомневаться, стоит ли потом забирать его обратно. Судя по всему, Рем

для Фимы не так страшен, как Фред с Джорджем.

А близнецы, и не ведая о моих коварных замыслах, развлекались на всю катушку, но в хорошем смысле слова. Наедались за завтраком круассанов с шоколадом, купались в тёплом море, загорали, хохотали и пытались разыгрывать окружающих, пользуясь своей неразличимой внешностью. Схема была проста, как пять копеек: сначала к «жертве» подходил Фред и спрашивал что-нибудь в стиле «где купить мороженое», уходил в посылаемую сторону. Через пять минут с противоположной стороны появлялся Джордж, спрашивал то же самое — и у жертвы отваливалась челюсть. Обычно при этом жертва уточняла: «Ты ведь только что тут был, спросил и вон туда ушёл!», на что получала невозмутимый ответ: «Что вы, тётя/дяденька, вам показалось!»

Мы с мамой не сразу сообразили, что происходит, а когда осознали, конечно, пресекли безобразие, напомнив близнецам про скутеры. Мальчишки надулись — они-то считали, что не делают ничего особенного — и с горя решили вырыть в песке на пляже большой бассейн, куда напускать выловленных из моря медуз и накидать ракушек. Этим они и занимались почти до самого обеда, оставив наконец в покое и нас с бабушкой, и отдыхающих.

А после обеда мы все, слегка пережаренные, залегли в номере под кондиционер, и стали лопать мороженое. Фред и Джордж, утомлённые солнцем и ямокопанием, наелись и уснули, бабушка вскоре к ним присоединилась, а я...

Я переписывалась со Львом под невнятное бормотание собственной совести. Но игнорировать совесть, когда соседа по соседству нет, оказалось гораздо проще, чем когда он рядом. И... в конце концов, у меня отпуск! Почему бы и не поговорить с приятным человеком об этом самом отпуске?

А началось всё с вопроса Льва, как у нас дела, чем занимаются близнецы и не достали ли они меня. И поначалу, отвечая, я уговаривала себя, что просто проявляю вежливость. Конечно, я не могу проигнорировать человека, который мне — нам! — всегда и во всём помогал...

Ага-ага. Самообман — страшная сила.

«Близнецы в своём репертуаре, — ответила я и послала фотографию, на которой мои бандиты занимаются раскопками. — Пока терпимо».

«Это что же они делают? Клад ищут?»

Я вспомнила, как Фред с Джорджем пытались найти золото в ручье и хмыкнула. Ну да, а что, вариант неплохой... Дней через пять ребята могут и до него додуматься. По крайней мере янтарь в песке они уже пытались отыскать, несмотря на наши с мамой рассказы о том, что янтарь водится совсем не в этом море.

«Нет, просто копают яму, точнее, это бассейн. Для содержания медуз».

«Ловили и запускали?»

«Конечно, — я вздохнула и поделилась воспоминанием: — Это ещё ничего. Когда Фреду и Джоржду было по три года, они их ловили и на палки нанизывали, как шашлык. Хорошо, что жгучие не попадались».

Мне в ответ пришёл ржущий смайлик и краткое «экспериментаторы», и я уже напряглась, думая — неужели всё? — когда увидела наверху надпись «печатает», и сразу накатило облегчение.

Алёна... что за странная зависимость?

«Помнится, мы с братом и сестрой на море пытались ловить рапанов и потом жарить их».

Я фыркнула.

«И как — получилось?»

«Ловить — да, жарить — нет. В теории всё звучало отлично, но на практике сестра начала их жалеть, расплакалась, и мы передумали. Причём я ещё, помню, радовался, что расплакалась именно Марина, а то мне и самому хотелось. Тоже жалко было».

«Вы не вегетарианец, случайно?»

«Нет. Мне живых жалко, а мёртвых уже нет».

Я подняла голову и покосилась на гудящий кондиционер, вздохнула и на мгновение прикрыла глаза, ощущая странную дрожь в пальцах.

С Антоном мы так никогда не переписывались. Мы ведь и не расставались надолго... А теперь расставание всё длится и длится, и нет ему конца.

Интересно, а он бы смог вот так, как Лев, разобраться в характерах Фреда и Джорджа, если бы они были чужими детьми? Удивительно, но я не была уверена в этом. Впрочем... Лев всё-таки намного старше моего мужа. В двадцать с небольшим Антон не смог бы так, но кто знает...

Телефон завибрировал.

«Пришлите мне фотографию с пляжа?»

Я нахмурилась, не понимая.

«Я только что вроде бы прислала».

«Там Фред с Джорджем. А я хочу увидеть вас».

Несмотря на то, что слово «хочу» не было написано капслоком, мне почудилось, что было. И точно так же, как мне обычно по голове ударяют подобные выделения в тексте, сейчас бабахнуло это слово, взорвав мне мозги, заставив закусить губу и сжать ноги, ощутив жар между ними.

Гормоны... гормоны, чёрт бы их подрал!

А Лев опять флиртует. И как я должна отвечать, если я не умею? Да и не хочу я флиртовать с ним!

Самообман, опять самообман...

«Ничего интересного, поверьте».

«Не верю. Слишком хорошо помню. У вас шикарные ноги, Алёна».

Между этих самых ног стало ещё жарче.

«Спасибо», — еле набрала я подрагивающими пальцами и напряжённо замолчала. Лев ответил спокойное «не за что» и больше не писал до самого вечера — словно понял, в каком напряжении я нахожусь, и решил отступить.

Хотя, возможно, действительно понял. Я давно убедилась в том, что сосед нам достался до крайности понимающий.

Похожим образом прошла неделя. Близнецы почти не шкодили, а если шкодили, то мало и аккуратно, и мы с мамой их почти не ругали. Я периодически перебрасывалась со Львом парой вполне дружелюбных и ничего не значащих фраз, испытывая одновременно и облегчение, и разочарование оттого, что он больше не пытается флиртовать. Лев действительно был сама вежливость и тактичность, задавал вопросы только про погоду и Фреда с Джорджем, ну и присылал фотографии Фимы.

А на седьмой день нашего пребывания на море, когда все мы уже покрылись тонкой патиной загара, пришло...

— Ха! — хором сказали мальчишки, увидев присланную фотографию. — Мы так и знали!

Я молчала, обалдев, да и бабушка от меня не отставала. А всё потому что на фотографии был Фима, спящий в кресле в обнимку с Ремом.

— Какой мужчина, — выдохнула в конце концов мама, и я была уверена, что это не о Реме и не о Фиме. И покосилась на меня многозначительно. — И умный, и добрый, и хозяйственный, и животных знакомить умеет...

— Они подружились! — ликовали Фред и Джордж, дёргая мой телефон так, что я всерьёз начала за него опасаться. — Ура, ура, ура!

— Стоп машина! — Я силой выдрала у близнецов из рук свой смартфон, вздохнула и произнесла как можно спокойнее: — Новость, конечно, замечательная, но давайте не сходить с ума?

— Мама! — Они меня будто не слышали. — А дядя Лёва молодец, да?

Вот... и что я должна говорить? Ещё и глядя в такие дышащие надеждой лица. Господи, как Лев вообще умудрился приворожить моих бандитов за такой короткий срок? Или дело только в том, что Фреду и Джорджу не хватает отца?

Нет, конечно, не только в этом.

— Молодец, — признала я неохотно. — Я бы так не смогла, побоялась бы.

— А он тебе нравится? — Фред хлопнул рыжими ресницами и молитвенно сложил руки. Джордж тут же сделал то же самое. — Нравится, мам?

— Рем? — уточнила я предательски дрожащим голосом. — А то! Прекрасный пёс. Вон и Фима это признал.

Бабушка фыркнула, близнецы запыхтели.

— Не Ре-е-ем...

— Дядя Лёва!

— Нравится?

— Это вопрос? — я сурово нахмурилась, но мальчишек это не смутило.

— Да! — заявили они нагло, и я на мгновение растерялась.

— Так, всё! — сказала через секунду, мотнув головой. — Никаких вопросов, иначе останетесь без мороженого. Бегом, марш — руки мыть! И идём обедать.

Я думала, мама что-нибудь съехидничает, когда Фред и Джордж скроются из глаз, но она промолчала, даже без многозначительных взглядов обошлась.

Но я всё равно при этом почему-то ощущала себя полной дурой...

Вечером, когда близнецы и бабушка легли спать, я забралась под одеяло, накрылась с головой, заткнув все возможные дырки, и написала:

«Как вам удалось их познакомить?»

Я опасалась, что усну скорее, чем Лев ответит, но он быстро начал печатать.

«Вам интересна методика?»

«Да. Я никогда не знакомила кошек с собаками. И не представляю, как это делается».

«Зависит от характеров животных. Рем спокойный пёс, ваш Фима тоже давно познал дзен, так что это было несложно. Поначалу Фима несколько дней сидел в отдельной комнате, потом я стал выпускать его погулять, Рема закрывал в ванной. Когда ваш кот привык и перестал бояться, я показал ему Рема издалека. Ну и постепенно всё ближе и ближе... А как только они друг друга понюхали, то сразу подружились. Теперь даже спят

вместе».

С ума сойти. Наш кот спит с собакой! Я не выдержала и написала:

«Вы волшебник».

Мне в ответ пришёл улыбающийся смайлик и цитата: «Я только учусь».

Я тоже не удержалась от улыбки. Что-то было во всём этом... такое тёплое и домашнее, настоящее, счастливое... Я зажмурилась, ощущая приятное тепло в груди, и почти тут же нахлынул ледяной стыд.

Как я могу так радоваться из-за простой переписки с женщиной? С *другим* женщиной. Не с Антоном.

Наверное, нельзя так думать, я ведь живая, а не мёртвая. Но как же не хочется, чтобы рядом был другой человек... Переписываться, флиртовать — это одно, а совместная жизнь — совсем другое. И в этой совместной жизни я не могла представить рядом никого, кроме Антона.

Я вздохнула и напечатала: «Привезём вам сувенир».

«Главное — приезжайте сами. Рем и Фима соскучились».

Несколько ударов сердца — и краткое:

«И я тоже».

Я предпочла промолчать.

На следующий день Фред и Джордж оказались посрамлены, и это их настолько впечатлило, что до самого вечера мои бандиты толком и двух слов связать не могли.

Впрочем, по порядку.

За пару дней до этого близнецы нашли себе новое развлечение и заодно розыгрыш остальных обитателей пляжа. Шли купаться, ныряли поглубже и, плавая у дна, хватали за пятки прочих купающихся, не обращая внимания ни на пол, ни на возраст. Причём что примечательно: ни разу их никто не поймал! Только мы с мамой догадались, что вскрикивающие, удивлённо охающие и пламенно визжащие люди — дело загребущих ручек Фреда и Джорджа. Ну а чьих ещё?

С обличием я решила подождать и посмотреть, что будет. Мне очень хотелось, чтобы близнецов поймали с поличным — это был бы им хороший урок. Не поймали, но выяснилось, что о причастности Фреда и Джорджа к вскрикиваниям в воде догадались не только мы с бабушкой.

Накануне на море был шторм, и волнами песок передвинуло ближе к берегу, а в одном месте даже получилась коса, по которой можно было пройти пешком, за ней — солёное «озеро», вытянутое, как Лох-Несс, а затем ещё одна коса. Плыть до этого места было всего ничего, потом полминуты пройти — и временная местная достопримечательность готова к осмотру. Фред и Джордж были в восторге, они такого раньше не видели.

Бабушка осталась на берегу загорать и сторожить вещи — и к лучшему, — а мы с близнецами поплыли к косе, затем перешли её и направились в «озеро». Дно быстро отдалялось, и я предупредила мальчишек, чтобы не увлекались и не отходили далеко от меня.

Вчерашний шторм побеспокоил не только песок — он поднял и водоросли со дна, и они теперь в большом количестве плавали здесь, концентрируясь в центре. Пахло пока ещё нормально, но если песок не вернётся на место, скоро здесь будет стоять весьма специфический аромат...

— Простите, — сказал вдруг какой-то мужчина, подплывая к нам с Фредом и Джорджем. — Вы не видели здесь рыбу?

— Какую рыбу? — удивилась я, а мои бандиты заинтересованно направили уши.

— Большую, — ответил мужчина, и я вдруг почувствовала, как у меня задёргался глаз. — На дельфина похожа, но точно не дельфин. Её, видимо, штормом сюда принесло, а теперь выбраться не может.

Конечно, акулы в этом море водились, и я даже слышала парочку страшных историй на этот счёт, но не настолько же близко к берегу...

— А-а-а! — вдруг завопил Джордж, подпрыгивая высоко в воздух, и замолотил руками, окатив нас тучей брызг. — Что-то дотронулось до моей ноги! Х-х-хол-лодное!!! Беж-ж-жим, а-а-а-а!!!

— А-а-а-а!! — следом заорал и Фред, тоже подпрыгивая. — И до меня дотронулось! Беж-ж-жим!!!

Я и отреагировать не успела, как мои черти помчались в сторону оставшейся на берегу бабушки, подхватив под локти и меня. Впрочем, я не возражала — оставаться рядом с теоретической акулой точно не предел моих мечтаний.

А чуть позже, когда близнецы рассказывали эту историю оторопевшей бабушке, а я задумчиво вытиралась полотенцем и пыталась понять, что это вообще такое было, к нам вновь подошёл тот мужчина, поглядел на Фреда и Джорджа с ехидцей и назидательно сказал:

— Вот будете знать, как мою внучку в воде за ноги хватать!

И ушёл.

А мы остались. Бабушка секунд через десять зафыркала, уткнувшись лицом в ладони, я же громко засмеялась, наблюдая за тем, как разочарованно вытягиваются мордашки моих сыновей.

— А-а-а... — протянул Фред.

— Это что же... — пробормотал Джордж.

— Никакой акулы не было?!

— Не было акулы?!

И хором:

— МАМА?!

— А что мама? — я пожала плечами. — У вас нет монополии на розыгрыши, так что ловите ответку. И привыкайте! Не всегда ваши шалости будут оставаться безнаказанными. Другие люди тоже умеют и шалить, и шутить! И мстить.

В общем, близнецы были очень разочарованы.

Вечером я, не выдержав, рассказала об этой ситуации Льву, и он прислал в ответ кучу ржущих смайликов — а мне, когда я их увидела, неожиданно захотелось услышать его голос. И увидеть улыбку. И вообще появилось почти забытое ощущение родного человека, которому пишешь просто так, чтобы поделиться впечатлениями, да и не можешь не делиться.

Вот и я... не могла не поделиться со Львом, и уже почти не ужасалась этому.

«Я, кстати, хотел покаяться», — вдруг написал сосед, и я удивлённо подняла брови.

«В чём? Что-то с Фимой?»

«Нет, с ним всё в порядке. Я хотел признаться, что все эти дни близнецы присылали мне ваши фотографии с пляжа и не только. Честно, это была их инициатива, но я не сопротивлялся».

Сказать, что я обалдела — ничего не сказать. Если бы мы со Львом не переписывались, а разговаривали, я бы точно потеряла дар речи. Но так оставалось только хлопать глазами и пытаться сохранять невозмутимое выражение лица — я в этот момент сидела вместе с мамой на балконе, пока мальчишки играли в настольную игру на кровати Фреда.

«Могли бы и не признаваться».

«Я честный человек. И потом, мне хотелось сказать, что вы прекрасны».

Я сглотнула, ощущая жаркую тяжесть в груди.

«Вы уже говорили это».

«Я говорил только про ноги. Всё остальное тоже выше всяких похвал».

Я не знаю, почему, клянусь, не знаю... Но я напечатала:

«А что вам больше нравится?»

Судя по непродолжительному молчанию, Лев всё-таки завис от подобного вопроса. Впрочем, я тоже. Но в моём случае дело обстояло хуже: зависнуть от собственноручно написанного — это сильно.

«Последний раз я так себя чувствовал, когда мне в институте попала задача с

опечаткой, и я не мог её решить».

Я тихо фыркнула, пряча лицо от бдительной мамы.

«Удивились, что такие задачи существуют на свете?»

«Скорее, не мог поверить в это. И сейчас сложно... Алёна, вы мне вся нравитесь. Но если рассматривать этот вопрос в контексте части тела, которую больше всего хочется потрогать, то начал бы я, пожалуй, с нижней».

Господи, он же описал это абсолютно не эротично... Но почему я так завелась-то?..

«Контексты — это моя епархия, Лев Игоревич».

«Согласен. Тогда так: в вашей дробе интересно всё, но начать раскладывать её я хочу со знаменателя. Это уже моя епархия, верно?»

Раскладывать... Я совершенно не помнила, что значить «разложить дробь» в контексте именно дроби, но здесь явно был другой контекст, от которого у меня горели не только щёки, но и остальное тело.

А ещё я совершенно не представляла, что ответить. Даже с учётом того, что я не хотела прекращать эту странную фривольную переписку, я не могла придумать, как её продолжить в том же тоне. В моей жизни раньше не было ничего подобного.

«Верно», — написала я в конце концов и замолчала.

Пару минут Лев тоже молчал, а затем вновь начал печатать.

«Вы не обиделись?»

«Нет».

«Я обещаю, что не буду торопиться».

Я почти увидела обеспокоенное лицо Льва и грустно улыбнулась. Обращается со мной как с хрустальной вазой... Ну почему он не нашёл себе женщину попроще? Такой мужчина, как сказала бы мама.

«Это правильно. Прежде, чем раскладывать дроби и решать задачи, надо хорошенько подумать».

«Тут вы абсолютно правы».

«А если вы хорошенько подумаете, то поймёте, что вам нафиг не нужна эта дробь, — напечатала я, не сомневаясь, что так оно и будет. — Слишком замороченная. Есть проще».

И кто бы мне объяснил, почему, когда пришёл ответ Льва, я едва не застонала от облегчения?..

«Я всегда любил сложные задачи».

Наш отдых постепенно подходил к концу, и с каждым прошедшим днём близнецы становились всё грустнее и грустнее, чувствуя приближающуюся перспективу похода в школу. Первый раз в пятый класс! А как от этого грустили мы с бабушкой — словами не передать.

Но меня наполняла не только печаль при мысли о будущем начале трудовыебудней, но и нетерпение от желания увидеть Льва. За отпуск мы с соседом наболтали, наверное, половину первого тома «Войны и мира», и у меня даже появилась некоторая зависимость от этих разговоров. Когда Фред и Джордж днём что-нибудь чудили, я сразу думала, какими словами буду описывать случившееся Льву вечером. Я предпочитала не рассуждать о том, что всё это значит, и просто наслаждаться. Разговорами, шутками, лёгким флиртом... Лев позволял его себе редко, но когда позволял, мне было и приятно, и стыдно. И постепенно «приятно» становилось больше, чем стыдно... И мне казалось, что я почти сдалась, позволив себе

поверить, что всё возможно, и у нас действительно может что-то получиться.

Но...

Вечером накануне нашего возвращения я долго стояла на балконе и смотрела на южный ночной город, освещаемый только тусклым мерцанием звёзд, да ярко-белой луной. Когда я узнала о смерти Антона, то несколько дней не могла спать, и тоже стояла так возле окна, ожидая, пока вновь проснутся близнецы, и ни о чём не думала. Я тогда и сама себе казалась мёртвой, бесчувственной, замороженной... Десять лет я и была такой, меняясь только в присутствии своих детей.

Но с появлением Льва в нашей жизни что-то изменилось. И как ему это удалось? Неужели только из-за похожести на моего мужа?..

Телефон завибрировал, и я взглянула на экран.

«Алёна, я хотел спросить».

Интересно...

«О чём?»

«Ваша мама дала мне ключ от квартиры. Я могу вернуть Фиму на место сам, а могу оставить у себя. Тогда вам нужно будет зайти ко мне и забрать его».

Фиму, значит... Что ж, я отлично понимала: на самом деле Лев «хочет спросить» совсем не про Фиму.

Мне было немного стыдно, но я всё же ответила:

«Я найду».

В конце концов, я уже не маленькая девочка, глупо отрицать очевидное...

«Я рад».

Я не знала, рада или нет — слишком много чувств смешалось в душе. Но то, что мне необходимо... быть ко Льву чуть ближе, знала наверняка. Ещё не факт, что мы дойдём до того, о чём оба сейчас думаем, но хотя бы поговорим друг с другом по-настоящему, а не на экране телефона.

И дольше века длится день... Да, Пастернак был прав, но мне всегда казалось, что в то же время он ошибается, потому что дольше века обычно длится что-то неприятное, а вот приятные события пролетают быстро. Отпуск пролетел моментально, убежал от меня, как убегает застигнутый врасплох таракан, но последний день, когда мы с утра складывали оставшиеся вещи, добирались до аэропорта, ждали рейс, потом летели, проходили регистрацию... да, он длился и длился, и мне чудилось, что этот кошмар никогда не закончится. Близнецы так устали, что и не шкодили, вели себя идеально, и к моему удивлению даже не напоминали про обещанные за хорошее поведение скутеры. Впрочем, я не сомневалась: ещё напомнят. Скорее всего, мои рыжие лисы ждут подходящего случая, когда я буду сытая, благодушная, а желательнее ещё и выспавшаяся, и салон самолёта под эти критерии никак не подходил.

Лев встретил нас в зале ожидания, как и договаривались, и я чуть ли не впервые в жизни обрадовалась общему уровню шума, производимому Фредом и Джорджем: так мои растерянность и взволнованность были не столь заметны. Мальчишки галдели, вопили и прыгали вокруг спокойного улыбающегося соседа, незыблемого, как скала посреди бушующего океана, и отвлекали внимание окружающих на себя. Впрочем, мне вполне хватило пары быстрых взглядов Льва, украдкой брошенных на меня — в них разгоралось

нетерпение, коснувшееся меня ласковым теплом и тоской занывшее в сердце.

Всю дорогу Фред, Джордж и мама наперебой рассказывали о поездке — они-то не знали, что Лев по большому счёту был в курсе каждой нашей вылазки, каждого приключения, и делились впечатлениями и переживаниями, а сосед кивал и задавал вопросы, делая вид, что слышит обо всём впервые. И так у него это искренне получалось, что я даже сама почти поверила. Только один раз, поймав его лукавый взгляд искоса, осознала, что он делает это специально, дабы не подставлять неприступную меня, и смутилась. Глупо как-то... подумаешь, переписывалась... Но ведь если я признаюсь, близнецы и мама решат, что я чуть ли не завтра замуж за Льва выхожу! А я к таким «жертвам» не готова.

Мы доехали до дома, выгрузились из машины, и всей толпой направились к подъезду. Сосед катил чемоданы, на один из которых положил большую спортивную сумку Фреда и Джорджа, мальчишки тащили рюкзаки, а мы с мамой шли налегке, как две королевы.

А в лифте ребята вспомнили про Фиму...

— Дядя Лёва, а Фима уже там? — звонкий голос Джорджа прошёлся по моим нервам, как пилочка по ногтям.

— Да! — вторил ему Фред. — А то мы соскучились!

— И собираетесь начать мучить его прям с порога, я понял, — засмеялся сосед, и мы с мамой зафыркали, глядя на то, как близнецы нарочито пытаются обиженно надуть щёки, но у них не получается — лица то и дело расплываются в одинаково шkodных улыбках.

— Мы не будем мучить...

— Не будем, да...

— Конечно, не будете, — кивнула я. — Обниманья — не мученья, если даже нет дыханья — то не мука всё равно! Ах, вам, кажется, смешно? Задушить бы вас, любя — так бы поняли меня!

Лев настолько восхищённо улыбался, когда я играючи выдала это рифмоплётство, что мне даже неловко стало. Ну в самом деле, чего он? Подумаешь...

А бандиты мои откровенно ржали на пару с бабушкой.

— Мама, ну ты даёшь... гы-гы-гы...

— Фима ещё у Льва, — произнесла я назидательно, стараясь держать лицо кирпичом и хвост пистолетом, но судя по ощущению жара на щеках, не покраснеть мне всё же не удалось. — Как вещи разберём и успокоитесь, заберём. Но не вздумайте мучить! Иначе обратно отдам.

Ребята смотрели на меня с такой радостью и таким торжеством, что я даже испугалась. Не могли же они понять, зачем я собираюсь спускаться в квартиру Льва?.. Они, конечно, мальчишки сообразительные, но не до такой же степени!

— Мама-а-а... — вдруг почти простонали оба и полезли обниматься. Я растерянно похлопала обоим по спинам, подняла глаза, посмотрела на счастливую до звёзд в глазах бабушку, потом на улыбающегося Льва... и до меня всё равно не дошло, в чём дело.

«Потом объясню», — сказал он мне одними губами, и я кивнула. Всё равно уже приехали, пора выгружаться.

Как только мы вошли в квартиру, сосед быстро убежал, вежливо отказав маме в предложении выпить чаю, сославшись на то, что нам бы отдохнуть с дороги и разобрать вещи, а ему пора выгуливать Рема — часы к тому времени уже пробили восемь вечера. Мальчишки и бабушка разочарованно вздохнули, а Лев, пристально посмотрев на меня,

произнёс спокойно и значительно:

— Алёна, когда отдохнёте и освободитесь, приходите за Фимой. Ну или до завтра можно подождать, я не возражаю, а Фима тем более — они с Ремом очень подружились.

Господи, надеюсь, мама ничего не поняла... А то я со стыда сгорю.

— Хорошо, — кивнула я вежливо, кашлянула и обратилась к своим бандитам, чтобы скрыть замешательство: — Фред, Джордж, а вы что стоите? Марш рюкзаки разбирать!

Близнецы удалились в комнату, бурча что-то вроде: «Вот так всегда, нет в жизни справедливости», я закрыла дверь за Львом, а родительница, окинув меня взглядом, в котором притаилось всё ехидство мира, провозгласила:

— Пойду ужин приготовлю, — и направилась на кухню, гордая, как английская королева. Я же, попыхтев немного от неловкости, пошла разбирать чемоданы.

Домашние дела заняли у нас почти час, и ужинать мы сели около девяти. И почти сразу после поглощения макарон с котлетами и салата мои черти заныли:

— Ма-ма-а-а, а поши за Фи-и-имой... Ма-а-ма-м-ма...

И я уже открыла рот, чтобы ответить, когда бабушка с наставительной важностью произнесла:

— Мама сама справится, без вас. А вы сейчас посмотрите мультик, а потом мыться и спать!

Фред с Джорджем оживились.

— Мультик?

— Какой мультик?

Мама задумалась, и мои хитрецы тут же воспользовались ситуацией, самостоятельно и синхронно заявив:

— Зверополис! Хотим его!

Бабушка вопросительно посмотрела на меня, и я кивнула.

— Хорошо. Только чтобы спать легли не позже десяти часов, так что смотрим до середины.

— Ладно!

— Договорились!

— А ты, Алён, — вкрадчиво промурлыкала родительница, — иди за Фимой. А я пока посуду помою.

И почему мне кажется, что она всё прекрасно понимает, и сейчас практически толкает меня в объятия соседа?..

— Только слишком уж не задерживайся, а то мы волноваться будем.

— Мам-ма... — процедила я, но замолчала, осознав, что все мои возражения сейчас разобьются о железобетонную стену торжества родительницы. Поэтому просто встала, стараясь сохранять невозмутимое лицо, и направилась к входной двери.

Минуты три я стояла на лестничной площадке между этажами, собираясь с духом и пытаюсь понять, когда же меня успело настолько переключить. Вот что я сейчас делаю, зачем? На что надеюсь, чего хочу? Хотя, нет — чего хочу, предельно ясно, но дальше пробелы и пустота. Лев — заместительная терапия, дженерик, покупаемый в отсутствии оригинального лекарства. Он никогда не сможет заменить Антона, его невозможно заменить. Я любила своего мужа, а Лев... безусловно, он интересный человек и привлекает меня физически, но... этого мало. Господи, это всё равно что сравнивать свежесжатый

апельсиновый сок с восстановленным. Но может, и не нужно сравнивать? Просто взять то, что есть, не сомневаясь и не рассуждая, и жить дальше. В конце концов, Антон, наверное, был бы не против, если бы я нашла себе хотя бы любовника и стала чуть живее и капельку счастливее. И наверняка он сказал бы мне сейчас, в это мгновение, когда я стою перед дверью Льва и отчаянно сомневаюсь: «Аль, ты чересчур загоняешься. Расслабься!»

Расслабиться... Как давно я не расслаблялась? Не уверена, что вообще помню, что там надо делать с мужчиной...

Ох, ладно.

Вздыхнув и зачем-то пригладив волосы, я нажала кнопку дверного звонка. За стенкой сразу залаял Рем, через несколько секунд загредел дверной замок, и мне тут же стало безумно жарко, а ещё срочно захотелось развернуться и убежать, как девочке-подростку. Чему я могу научить своих детей, если сама от них сейчас по разумности и адекватности недалеко ушла?

— Заходите, Алёна, — сказал Лев, открывая дверь и отходя в сторону, чтобы пропустить меня. Я шагнула вперёд и замерла, не представляя, что делать дальше. Кроме того, в прихожей не было света, и из-за моментально окружившего меня со всех сторон полумрака смущение вновь окатило волной жара, скрутившись узлом внизу живота. — Включить свет?

Ответить я не успела — что-то мягкое метнулось под ноги и оглушительно громко замурчало, разом разрушив захватившее меня оцепенение. Я рассмеялась и села на корточки, чтобы погладить пушистую и довольную мордашу Фимы.

— Привет, привет, дружок, — хмыкнула я, почёсывая шею кота. — Хорошо тебе здесь живётся, правда? Эх, сейчас заберу тебя, и Фред с Джорджем вновь возьмутся за своё. Утренние умывания, зелёнка...

— Когда-нибудь это закончится, — произнёс Лев удивительно тёплым голосом, садясь рядом со мной. — Они повзрослеют.

— Это закончится, но начнётся что-нибудь другое, — я вздохнула, подставляя ладонь бодающемуся Фиме. — Страшно представить, что они будут вытворять лет в четырнадцать. Мне кажется, когда я об этом думаю, у меня заранее начинают сесть и вылезать волосы.

Лев рассмеялся, протянул руку — и коснулся пальцами моего запястья. Прикосновение было почти невесомым, но мне показалось, что он на мне клеймо поставил, и ожог достиг даже сердца.

— Алёна...

— Объясните, что в лифте произошло? — выпалила я, чтобы отвлечь и себя, и его. — А то я так и не поняла, почему мои бандиты вдруг настолько обрадовались. И бабушка...

— Вы назвали меня по имени, — сказал Лев, продолжая улыбаться. — Не по имени-отчеству, как раньше, а просто по имени. Это хороший шаг вперёд.

Да... лучше бы я не спрашивала.

— Мне хочется провалиться сквозь пол, — призналась я негромко и зажмурилась, когда Лев крепче обхватил моё запястье. — Или нет... В общем, я, как и все женщины, соткана из противоречий...

Я не договорила, потому что Лев, опустившись на пол, потянул меня к себе на колени, и когда я с негромким вздохом оказалась на них, поцеловал, одной рукой сжимая мою талию, а другой ласково касаясь щеки.

В книгах поцелуй часто сравнивают с молниями, но наш поцелуй был больше похож на внезапный прыжок в воду — тёплую, бурлящую, стремительную в своём зове... И

беспощадную, как любая стихия.

От Льва пахло свежестью и страстью, и тело его было горячим и твёрдым, как нагретый на солнце камень. Этот запах, его руки, ласковые, но настойчивые, жёсткие и влажные губы, чуть покалывающая щетина на подбородке — от всего закружилась голова, мысли запутались и растерялись, остались лишь острые и пронзительные чувства. Я обнимала в ответ, целовала, раскрывая губы и сплетаясь языками, выгибалась, подставляя грудь под требовательные ладони, и вся была чистейшим удовольствием, наслаждением, заполнившим меня целиком, как вода сосуд.

— Алён, Алёна... — Голос Льва с трудом прорвался сквозь захвативший меня туман страсти. — Нам всё-таки не надо настолько торопиться. Я хочу, конечно, но... Тебя дома ждут.

Дома... Да, точно, дома...

— Да и ты потом терзаться начнёшь, закроешься от меня.

Закроюсь... Да, возможно.

Я вздохнула, прижимаясь к Льву крепче. Уходить не хотелось просто ужасно — в его объятиях было уютно, тепло и так... по-родному. Я давно не чувствовала себя настолько хорошо.

Он тоже обнял меня, коснулся губами щеки, потом переместился на шею, и я ощутила себя не человеком, а мороженым, которое поставили на солнце. На очень жаркое рыжее солнце...

— Боже, какая ты... Алён... Нет, ну надо прекращать...

Прекращать? Я вдруг вспомнила, как в детстве пыталась прекратить есть конфеты. Весьма сложная задача, когда так сладко и приятно...

Но Лев всё же поднялся с пола и поставил меня на подгибающиеся ноги. Правда, потом сразу поцеловал, и это вновь чуть было не закончилось падением на землю.

— Тебе... переноску дать? — спросил он негромким хриловатым голосом, почти не отрываясь от моих губ, и этот вопрос пощекотал их лёгким дыханием.

— А?... — Если бы я ещё могла вспомнить, о чём он спрашивает...

— Переноску. Для Фимы.

— М-м-м-м... — Мысли с трудом возникали в голове. — Я его вроде приносила в нашей переноске...

— Да? Точно. Я забыл.

... Я ушла от Льва минут через десять, нацеловавшись и наобнимавшись так, что болели губы и руки, и чувствовала себя пьяной от пережитого.

Пьяной — и живой. По-настоящему живой, живой самой для себя, а не только для сыновей и мамы, и немного растерянной.

Потому что — а дальше-то что?..

Дома я постаралась юркнуть в свою комнату и больше не отвечать — опасалась вопросов со стороны мамы или близнецов и не была уверена, что смогу удержать невозмутимое лицо. Всё же эта ситуация была для меня слишком... слишком во всех отношениях. Я чувствовала себя человеком, с которого живьём содрали омертвевшую кожу, и то, что осталось под ней, настолько чувствительно, что страшно даже дышать.

Полночи я не спала, сидела на кровати и вспоминала. Нет, не то, что случилось этим вечером между мной и Львом — вспоминать это было чревато, я всерьёз опасалась не выдержать и побежать к соседу в квартиру, дабы закончить начатое.

Поэтому я думала про Антона. Удивительно, но чем больше проходило времени, тем меньше Лев ассоциировался у меня с мужем. Я по-прежнему понимала, что они мужчины одного типа внешности, и именно поэтому Лев привлекателен для меня физически, но, глядя на соседа, теперь не видела Антона. Наверное, потому что с ним всё было иначе. Всё-всё, начиная с манеры общения, заканчивая чувствами.

Десять лет назад мы были до безобразия молоды, и нашу с Антоном жизнь составлял по-молодёжному проводимый досуг — мы ходили в кино, подолгу гуляли, встречались с друзьями, гоняли на мотоцикле. Мы наслаждались жизнью и пьянящими ощущениями от единения душ и тел. Во время общения с мужем мне казалось, что моя кровь бурлит, словно шампанское, играет радостными пузырьками, вскипает смехом на губах. И секс с ним был таким же — сладким и счастливым, словно самый лучший праздник.

Общение со Львом тоже доставляло мне радость, но она была другой. Эта радость горчила, как лекарство, и у каждой улыбки, адресованной ему, был солёно-горький вкус, словно у слёз, случайно попавших в рот. О подобной радости — со слезами на глазах — поют в День Победы.

Но такой, как прежде — молодой, чистой и искренней, никогда не переживавшей потерю любимого человека, — я всё равно никогда не стану. Из пепла возрождаются лишь фениксы, а я, увы... если и птица, то какая-то другая.

И наверное, стоит перестать ворошить прошлое, стараться не сравнивать, но как же это сложно...

Я встала около шести утра. Почти неслышно умылась, оделась, погладила Фиму — и вышла из квартиры. Мне хотелось поговорить со Львом нормально и откровенно, но сделать это можно было только утром, пока мама и близнецы не проснулись. А может, и не только поговорить, но я старалась не думать об этом, чтобы не тревожить понапрасну гормональный фон. Он всё равно взорвётся, когда Льва увижу.

Но так получилось, что утром в этот день я соседа не увидела, зато услышала прекрасно.

Как только я закрыла квартиру, этажом ниже с грохотом открылись двери лифта, затем послышались глухие тяжёлые шаги. Я застыла на лестничной площадке, ожидая, пока неизвестный человек уйдёт — показываться кому-либо не хотелось. Но он всё не уходил, видимо, звонил в дверь, и явно курил — до меня донёсся отвратительный запах сигаретного дыма.

Щёлкнул отпираемый замок, в котором я с удивлением узнала замок двери Льва, а потом послышался негромкий удивлённый голос:

— Виталь?..

— А ты кого ждал? — голос отвечающего был полон язвительности, а ещё показался мне нетрезвым. — Неужели Деда Мороза?

Секундное молчание.

— Когда ты вернулся?

— Да вот, сегодня ночью. И угадай, о чём я услышал от Наташи в первую очередь? — теперь к язвительности добавилась ненависть, и я оторопела. Виталий — это ведь младший брат Льва. Что там у них такое случилось с женой, что он прискакал сюда с утра пораньше, да ещё и пьяным?

— Что бы ты ни услышал, это не причина садиться за руль в подобном состоянии, — подтвердил мои догадки Лев, как всегда, невозмутимым тоном. — Ты себя в зеркало видел?

— Видел, — процедил Виталий. — И не волнуйся, я сообразил заказать такси. Представляешь, у меня хватило на это мозгов!

— Поздравляю. От меня что ты сейчас хочешь?

Во время десятисекундной тишины я всерьёз опасалась, что собеседник бросится на Льва с кулаками, но обошлось.

— Ну во-первых, было бы неплохо зайти в помещение. Или ты так и продержишь меня на лестничной площадке?

— Судя по твоему настрою, разговор вряд ли будет спокойным, а я сейчас не один, поэтому давай лучше останемся здесь.

Не один?.. Как это?..

— О-о-о! — протянул Виталий с интонацией человека, который только что обнаружил в компьютере старшего брата папку с детской порнухой. — Неужели ты завалил эту свою красотку-соседку? Или речь о другой бабе?

Лев громко вздохнул, а у меня появилось желание откашляться от отвращения и тошноты. Не знаю, меня имел в виду брат соседа или не меня, но прозвучало это всё очень пакостно.

— Не твоё дело. Но в квартиру не пойдём. Да и тебе дымить здесь будет удобнее, ты же знаешь, я не люблю, когда ты делаешь это на моей кухне.

— Знаю, — фыркнул Виталий. — Хорошо, здесь так здесь. Тогда объясняй мне здесь, какого хрена ты вновь подбиваешь клинья к моей жене? Я уехал в командировку всего на полторы недели, но как только вернулся, всё, что я слышу от Наташи — Лёва то, Лёва это, Лёва сказал, Лёва сделал!

— Надеюсь, ты хотя бы ей не предъявлял претензий? — В голосе Льва чувствовалось беспокойство, и меня совершенно иррационально кольнуло ревностью. Да, дожили — стою на площадке, подслушиваю чужой приватный разговор, и ревную сразу к двум бабам, причём имени второй — которая осталась в квартире Льва — я даже не знаю, а первая — жена его брата. Абсурд!

— Не совсем, — пробурчал Виталий. — Мы слегка поссорились, а потом я уехал.

— Б... — выругался Лев со злостью. — Ты соображаешь вообще? Она на третьем месяце беременности, а ты ей нервы мотаешь!

— А что я должен...

— Ты должен молчать и не отсвечивать своей идиотской ревностью, — Лев всё сильнее распалялся и переставал быть похожим на свой обычный невозмутимый образ, становясь львом на самом деле — в голосе даже рычащие нотки появились. — Хочется тебе поскандалить, ругайся со мной, но Наташу хоть не трогай! Она с тобой поделилась, что я на

узи её возил, да? А упомянула, почему?

— Так...

— Идиот! — рявкнул Лев. — Кровотечение у неё было. Небольшое, но и этого достаточно, знаешь ли. И да, я сорвался с ней к врачу среди ночи, а не должен был? Надо было спать дальше, а Наташа пусть на такси едет, и Сашку одну в квартире бросит, да? Мы сначала Сашу к бабушке завезли, потом только в клинику, и Наташа очень просила тебе ничего не говорить, чтобы не волновать. А я думаю — может, зря? Ты весь на ревность изошёл, вместо того чтобы о здоровье жены и ребёнка думать!

— А у меня нет повода? — К моему удивлению, вместо того, чтобы заткнуться и задуматься, Виталий развопился. — Ты на Наташу всю жизнь заглядываешься, слюни пускаешь, как Рем на свой корм!

— При чём здесь это... — Лев даже не попытался отпираться, из-за чего я моментально поняла: правда в этих предьявах всё-таки имеется. И сосед подтвердил мою мысль, сказав уже гораздо спокойнее: — Я давно отошёл в сторону. Вы счастливы, у вас есть Саша, скоро будет ещё малыш. Что ты хочешь от меня? Я не мог отказать твоей жене в помощи.

— Да ты и не хотел! — фыркнул Виталий. У меня появилось ощущение, что он толком не слышит брата, а только лелеет свою выдуманную обиду. — Так и крутишься возле неё, особенно когда я уезжаю! Я уж обрадовался, когда соседку твою увидел — всё-таки хороший способ отвлечь тебя от Наташи, а тут опять! Шкаф книжный зачем чинил? Я сам бы всё сделал, как только вернулся!

— Виталь, ты в жизни шкафов не чинил, не выдумывай.

— Я бы мастера нанял!

— Зачем? Мне было не сложно.

— Тебе всегда не сложно, когда дело касается моей жены!

— Хватит, — вновь рявкнул Лев. — Я устал и от этого разговора, и от тебя. Езжай домой, попроси у Наташи прощения и прекращай мотать ей нервы. А продолжишь — я её матери пожалуюсь.

— Вот! — Ух, сколько ненависти в голосе. — Ты к Наташе ещё и за счёт моей тёщи пытаешься подобраться, пользуясь тем, что тебя она любит, а меня — нет!

— Ты в этом сам виноват, — коротко ответил Лев, и этажом ниже повисло молчание. Интересно...

— Ладно, — буркнул в конце концов Виталий. — Я поеду.

— Это правильное решение.

Они разошлись как-то быстро и не прощаясь, а я ещё несколько минут стояла на лестничной площадке и пыталась пережить всё услышанное.

Видеть Льва мне больше не хотелось, как и говорить с ним. Да и вообще... внутри, где-то в лёгких — возможно, рядом с сердцем, — жглась безумная обида. Нет, я не считала его виновным в чём-либо, просто мне оказалось тяжело осознавать, что я для него — такая же замена любимого человека, который не может быть рядом, как и он для меня. Удивительно, но это... противно. Видимо, поэтому сосед и начал общаться со всех сторон замороченной мной и моими проблемными мальчишками, что мы отвлекали его от собственной беды — безответной влюблённости. Впрочем... безответной ли? Вполне возможно, что Наташа, прожив ещё пару лет с Виталием, поймёт, кто из братьев лучше — увереннее в себе, спокойнее, надёжнее, в конце концов. Не зря ведь её мама на стороне Льва — мамы плохого не посоветуют. Хотя... Я вспомнила собственную родительницу и её попытки выдать меня

замуж и усмехнулась.

Зря я сделала шаг навстречу Льву. Не стоило. Может, ему и не мешает то, что он всего лишь заменитель настоящего человека, но мне не хочется им быть. С мальчишками пусть общается, им на пользу, а я обойдусь.

Приняв подобное решение и вновь превратившись в глыбу льда, я вернулась в квартиру. Настроение было отвратным, близнецы и мама спали — то есть, портить его кому-то ещё было невозможно, — поэтому я отправилась на кухню печь блины. Вообще блины — хорошее средство от отвратного настроения, а заодно способ эффективно избавиться от всего лишнего в холодильнике, начиная с прокисшего молока, заканчивая прошлогодним вареньем. И я напекла уже целую гору, прежде чем на кухню, позёвывая, выползла мама в одном халате и с причёской «я упала с самосвала, тормозила головой».

— Господи, Алёна, — проворчала она, оглядывая одетую и причёсанную меня с кулинарной лопаткой наперевес. — Что тебе не спится? Вчера с дороги, устали все. Можно было бы на завтрак омлет или яичницу сделать, быстрее же...

— А мне вот блинов захотелось, — ответила я нарочито бодрым голосом, и сама едва не поморщилась — актриса из меня как из Николая Валуева балерина. — Жирненьких, со сметанкой. Или со сгущёнкой...

Мама смерила меня скептическим взглядом голубых глаз.

— Ага, ага. — Подошла к столу, села в угол на табуретку и, ещё раз оглядев старательно улыбающуюся меня, поинтересовалась: — Случилось что-то, Алён?

Ну да, так я и рассказала. Хотя казалось бы — чего тут такого? Обычная история. Но в горле стоял комок, и я покачала головой.

— Да всё в порядке, мам.

— Не верю, — родительница состроила из себя Станиславского. — Ты вчера ко Льву уходила вся возбуждённо-предвкушённая...

— Мама!

— Что — мама? Тебе, в конце концов, не двенадцать лет, а мне тем более. Или ты думаешь, я не понимаю, чем вы наедине заниматься можете?

— Мама... — простонала я, испытывая дикое желание немедленно зажать уши и залезть под стол. А ещё лучше — выпрыгнуть в окно. Я в принципе не хотела обсуждать Льва, а уж обсуждать его в таком ключе — тем более! Да, я взрослая женщина с двумя детьми, но кто сказал, что я при этом не могу быть стеснительной!

— Ну и вот, — продолжала родительница, игнорируя мой страдальческий вид. — Не знаю уж, было у вас или не было, но ты чем-то расстроена, и вряд ли это неудавшийся секс. Для тебя мелковатая причина, нужно что-то глобальнее. Лев сказал или сделал что-то не то?

— Да всё то, — я вздохнула и выключила плиту, пока не начала испепелять блины вместо того, чтобы жарить их. — И перестань меня пытаться, в конце концов. Ты бы ещё паяльник притащила!

— А что, — мама прищурилась, — хорошая идея. Хотя с тобой не паяльник нужен, а что-то расслабляющее, лекарство какое-то от головы, чтобы ты перестала заморачиваться.

— Я знаю такое лекарство от головы. Называется топор.

Мама фыркнула.

— Принято. — Она вдруг перестала улыбаться, посмотрела на меня серьёзно и изрекла: — Алён, ты, может, думаешь, я не понимаю ничего, но всё я понимаю. Лев, конечно, прекрасен, но он всё-таки живой человек, а не робот с кучей настроек. Ты думала, он так и

будет вести себя идеально всегда и каждую секунду? Даже если сказал что-то не то — да прости ты его. Разве мало он тебе — нам — сделал хорошего?

— Дело не в этом, — перебила я её и не выдержала: — Скажи мне, любительница сопливых любовных романов, зачем такому мужчине может понадобиться вдова с двумя проблемными мальчишками-десятилетками? Только не надо мне про любовь.

— А чего это не надо? Думаешь...

— Думаю, — огрызнулась я, — что жизнь — не сказка, и если в сказках герои частенько выбирают какие-то хитрожопые пути, то в жизни мы все предпочитаем самые короткие и простые дороги. Наша семья, мам — путь хитрожопый. Зачем он Льву?

— Спроси у него, — ответила мама очевидное, и я усмехнулась, вспомнив утреннюю попытку поговорить по душам, закончившуюся полнейшим разочарованием. Удивительно, но мне, при всей моей разбитости, тоже хочется быть любимой. А заменой любимой женщине быть не хочется совсем.

— Спрошу, — я пожала плечами и покосилась на часы. — Пожалуй, пойду я близнецов будить. А то у них сейчас будет переспун, и потом они нам покоя не дадут.

— Они и так не дадут... — пробурчала мама, но, к моему облегчению, тема Льва была закрыта. Впрочем, я не сомневалась, что временно.

Фред и Джордж блины на завтрак восприняли, как соплеменники Моисея манну небесную — с искренним восторгом. Мазали поочерёдно то сметаной, то вареньем, то сгущёнкой, и остановились только когда бабушка, ворча, убрала тарелку с горкой оставшихся блинов подальше и заявила:

— Всё! И так уже лоснитесь, как два оладушка. Хватит!

Близнецы издали синхронный сыто-довольный вздох, потом хитро покосились на меня и изрекли:

— Мам, а давай дядю Лёву угостим!

Ну, это было предсказуемо, поэтому я не удивилась. И сопротивляться тоже не стала — бессмысленно, всё равно ведь приведут и угостят. Но главная причина всё же была в том, что Лев действительно сделал нам много хорошего, и отказывать ему в блинах из-за подслушанного разговора будет не совсем порядочно.

— Угощайте, — милостиво разрешила я, и мальчишки переглянулись. Нет, не друг с другом. С бабушкой! М-да, в нашей семье против меня уже сложилась какая-то прям антигитлеровская коалиция...

— Мы его в гости пригласим, — Фред.

— Ага! На сегодняшней обед, — Джордж.

— То есть, обедать вы предлагаете блинами? — хмыкнула я, и лица моих бандитов обескураженно вытянулись.

И тут в партию вступила бабушка.

— Зачем же блинами? Нормальным обедом. А блины — на десерт. Только ты, Алёнушка, лучше новых напеки. Там же молоко осталось? Блины лучше свежие есть.

Я красноречиво поглядела на высоченную горку оставшихся блинов на тарелке, но мама искренне прикинулась ветошью, хлопав глазами и мило улыбнувшись.

— А эти мы Льву с собой дадим. Он мужчина взрослый, всю тарелку быстро слопает.

— Да! — радостно согласились Фред и Джордж, поразив меня этим до крайности. Чтобы мои черти — и согласились отдать целую гору вкусняшек кому-то ещё?! А Лев знатно пролез к ним в души и сердца, и будет больно, когда он перестанет с нами общаться. А он

перестанет. У него, вон, и баба уже какая-то нарисовалась... Меня выставил, а сам!..

Я скрипнула зубами и повернулась к раковине — страдания страданиями, а мытьё посуды никто не отменял.

После завтрака мы решили отправиться на прогулку, благо погода была хорошая, а до официального начала рабочих будней мне оставалось ещё два дня. Учебный год должен начаться через неделю, но учителя начинают работать не первого сентября, а пораньше, поэтому мне следовало прийти в школу в ближайший понедельник. И я подозревала, что Льву тоже.

И конечно, по закону подлости — хотя близнецы наверняка не согласились бы со мной, — мы столкнулись в парке с выгуливающим Рема соседом. В компании какой-то привлекательной женщины сексуальной наружности.

— Дядя Лёва-а-а, дядя Лёва-а-а! — завопили мои бандиты, подпрыгивая и размахивая руками, как две рыжие ветряные мельницы. — Ре-э-э-эм!

Даже Рем, услышав этот усиленный двукратно вопль, слегка вздрогнул, а уж про Льва и его спутницу и говорить нечего.

Я пыталась её не рассматривать, но не получалось — было слишком интересно, каких женщин водит к себе сосед. А женщина была... похожа на меня. Также светловолосая, стройная, только грудь больше, и бёдра крупнее. Я всегда была по комплекции ближе скорее к Гвинет Пэлтроу, она же — явная Мэрилин Монро.

— Доброе утро, ребята, — улыбнулся Лев, поворачиваясь к бегущим к нему мальчишкам. — А я всё гадал, придёте вы гулять или нет. — Он поднял глаза и посмотрел прямо на меня, отчего у меня на мгновение ослабели ноги. — Доброе утро, Алёна, Ксения Михайловна.

Ответить мы с мамой, конечно, не успели.

— Как же мы могли не прийти, как же! — загалдели близнецы, вцепляясь в Льва с двух сторон, как два маленьких рыжих клеща. — Нам вас надо на обед пригласить!

Спутница соседа засмеялась, с умилением глядя на моих мальчишек. Наивная! Умилению — это последняя эмоция, которую можно испытывать в присутствии этих дьяволят.

— На обед? — Лев тоже улыбнулся и, к моему удивлению, подняв ладони, взъерошил волосы на макушках Фреда и Джорджа. — В честь возвращения?

— Да-да-да! — запрыгали мои бандиты. — Придёте?

Лев вопросительно посмотрел на меня, и я почувствовала, как щёки заливают жаром. Да уж, ситуация... А ведь он даже не подозревает, что я слышала его утренний разговор...

— Алёна?

— Мы вас приглашаем, — вмешалась родительница, не дав мне и рта открыть. — Мы все!

Лев вновь улыбнулся, продолжая смотреть на меня, и я внезапно поняла — он ждёт именно моего ответа.

— Да, конечно, — ответила я, кашлянув, и мне почудилось, что его улыбка стала чуть более расслабленной. — Приходите. Часам к двум.

Сосед кивнул и наконец отвёл взгляд, повернувшись к своей спутнице.

— Фред и Джордж меня слегка сбили с панталыку своим приглашением, — произнёс он, глядя на неё с такой мягкой нежностью, что у меня в глазах потемнело от ревности. Вот как, значит. Вчера меня целовал, а сегодня уже на другую женщину перекинулся. — Извини,

Марин. Ребята, Алёна, Ксения Михайловна, знакомьтесь — это моя младшая сестра Марина.

О-о-о...

Ох...

Боже, какая я клиническая идиотка. Они и похожи ...

От облегчения мне вдруг захотелось расхохотаться, а потом сесть на землю и хорошенько порыдать, выплакивая скопившееся напряжение. Господи, что это со мной? Подумаешь... Даже если бы Марина на самом деле была любовницей Льва, это не причина так переживать.

— Очень приятно! — между тем радостно подпрыгивали мальчишки. — А вы тоже приходите к нам на обед!

И пока мы с бабушкой обалдевали от подобных предложений, сестра соседа, расхохотавшись, ответила:

— Спасибо, ребята, но мне скоро уезжать. Я и так здорово стеснила Лёву, приехав вчера поздно ночью, чтобы переночевать. Сейчас прогуляюсь с вами полчаса, а потом домой. Кстати, — она хитро прищурилась, — братец рассказывал, что вы классно гоняете на скутерах. И где же они?

— Наказаны, — пояснил Лев, фыркнув.

— Скутеры? — не поняла Марина. Я посмотрела на две сосредоточенно-ждущие мордашки, обращённые сейчас ко мне, вздохнула и сказала:

— Нет, ребята, я пока не готова к таким жертвам. Начнём с великов. А скутеры — потом. И только в присутствии Льва. — Запнулась и добавила: — Игоревича.

Прозвучало это как-то слишком нарочито — Марина даже чуть нахмурилась, близнецы насупились, а бабушка закатила глаза к небу, будто пыталась направить туда свой отчаянный мысленный вопль: «за что?!»

Только Лев смотрел на меня спокойно и внимательно — своим фирменным взглядом человека, который пытается решить сложное жизненное уравнение.

— Резюмирую, ребята, — сказал он в конце концов, опустив голову и глядя на мальчишек, — бегом обратно домой за великами!

— О-о-о! — От этого вопля я чуть не оглохла. — Ма-а-а-ам?!

Я вздохнула.

— Ладно, ладно... — И орала уже в убегающие спины: — И шлемы с наколенниками и налокотниками не забудьте-е-е-е!!

Полтора часа мы гуляли в обществе сестры Льва, и я вынуждена была признать, что она очень милая девушка. Красивая, обходительная, остроумная, и неплохо ладит с детьми. В отличие от Виталия, своих у неё не было, да и в целом когда моя мама задавала вопросы касательно семьи и мужа, Марина странно напрягалась и уводила разговор в сторону, из-за чего я сделала вывод, что там не всё ладно. В принципе, логично — иначе с чего ей приезжать ночевать к брату?

А всё-таки забавно получается. Одна приезжает просить у Льва кров и защиту, а другой — предъявлять претензии, и всё это одновременно. Поэтому сосед и не пустил брата в квартиру, понимая, что Марина не сможет остаться в стороне. Любая другая девушка отсиделась бы в комнате, но сестра наверняка вмешалась бы. А ещё, возможно, Лев не хотел просвещать Виталия о семейных проблемах Марины.

Через полтора часа Марина сказала, что ей пора, мягко, но непреклонно отклонила предложение Льва подвезти её, и отправилась в сторону автобусной остановки. Мы же,

несмотря на громкие возражения близнецов, пошли домой. Впрочем, мои бандиты быстро заткнулись, когда бабушка громко и торжественно объявила:

— Пошли-пошли, а то мы Лёву на обед-то пригласили, а сам обед ещё не приготовлен. Так что — марш домой!

Это оказалось для мальчишек железным аргументом, и я невольно восхитилась — подумать только, мы знакомы с соседом меньше четырёх месяцев, а он уже может из Фреда и Джорджа вить рыжие верёвки. А ведь я когда-то думала, что он сбежит из этой квартиры, как только поймёт глубину попадалова. Однако Лев оказался более чем крепким орешком... Даже мне умудрился голову заморочить настолько, что я вздумала сегодня его ревновать. И ладно бы ещё был повод! Но ведь если рассуждать здраво — я просто услышала чужое предположение о наличии в квартире Льва посторонней женщины. С тем же успехом это могла бы быть не Марина, а какой-нибудь бывший коллега или однокурсник, остановившийся в нашем городе на ночь и попросившийся дать ему приют на это время. Но я о подобной возможности и не подумала, сразу начала злиться и ревновать. Глупые, бестолковые гормоны...

Но сколько бы я ни ругала себя, понимая, что так нельзя, это было бесполезно. Я всё равно испытывала жуткую досаду при мысли о том, что у Льва может быть какая-то другая женщина. Особенно — если это жена его собственного брата, в которую он, по-видимому, давно и прочно влюблён. Не хочу!

Дома я варила суп и готовила плов с настоящим фанатизмом, стараясь избавиться от наваждения, и у меня даже почти получилось. По крайней мере когда Лев пришёл к нам в гости, я уже могла смотреть на него, не чувствуя ни жаркого стыда, ни размягчающихся коленей. И даже улыбалась в ответ на шутки, но всё равно была напряжённой.

И нисколько не удивилась, когда в конце этого странного обеда, во время которого я больше молчала, а говорили близнецы и бабушка, Лев попросил:

— Алёна, вы не могли бы уделить мне минуту? У меня к вам разговор. — Он окинул серьёзным взглядом моих торжественных домашних — ну ей-богу, они как будто ждут, что сосед будет делать мне предложение руки и сердца! — и уточнил: — По делу.

— Конечно-конечно, — закивала бабушка, но с такой радостью, что мне стало смешно. — Фред, Джордж, пойдёте! Не будем мешать.

Мальчишки с родительницей наперевес удалились быстро и почти беззвучно, бросая на нас со Львом полные надежды взгляды, и как только кухонная дверь закрылась, я предложила:

— Ещё чаю будете?

— Не влезет. Я, честно говоря, объелся, — Лев тепло улыбнулся, и я опустила глаза — от его спокойствия, теплоты и мягкости у меня начинало сильнее биться сердце.

— А я себе налью, — сказала тихо, лишь бы что-нибудь сказать, и поднялась с табурета. На самом деле чай плескался у меня где-то на уровне горла, и ещё одна чашка явно будет лишней. Но нужно ведь чем-то занять руки...

Лев подождал, пока я вернусь за стол, поставлю перед собой до краёв наполненную горячим напитком чашку, и только потом продолжил:

— Я давно так вкусно не обедал, спасибо. Жаль, что медовика не было, — он вновь улыбнулся, пытаясь заглянуть мне в глаза, но я старательно их отводила. — Который коронное блюдо.

— Так ты... вы же объелись. — Я нервно облизнула пересохшие губы и замерла, когда

Лев внимательно посмотрел на них. — Какой уж тут медовик... В следующий раз, может...

— Ловлю на слове, — произнёс он быстро, пока я не успела сообразить, что именно сморозила. — Алёна... я хотел спросить...

— Что-нибудь насчёт школы? — перебила я соседа, сама от себя дурея. Но мне почему-то было страшно услышать вопрос Льва.

— Нет. Не по работе. — Он вдруг чуть наклонился, протянул руку и коснулся моей ладони, что лежала на столе рядом с чашкой. И кто бы мне объяснил, почему я её не отдернула?.. — Я хотел узнать, что происходит. Я чем-то обидел тебя?

— Нет, — пробормотала я, чувствуя, как горят щёки. — Конечно, нет.

— Тогда в чём дело? Ты напряжена и ведёшь себя странно. И я не могу понять... — Лев так внимательно и вдумчиво смотрел на меня, что я ощущала себя погружённой в аппарат для компьютерной томографии головного мозга. — Я не понимаю, что могло случиться меньше, чем за сутки.

О, я бы объяснила. Но говорить о том, что я подслушала — да, случайно, но подслушала же! — его разговор с братом, было выше моих сил.

— Ничего, — почти прошептала я в итоге, не глядя на Льва. — Честно. Всё в порядке.

Молчание.

— Ладно, — вздохнул сосед в конце концов. — Пожалуйста, помни, что я тебя не тороплю. — Он ласково погладил мои пальцы, а потом встал из-за стола. — Я пойду, хорошо?

— Да, — я кивнула. — Иди. — Помолчала и добавила, сама уже толком не понимая, отчего упорствую: — Те.

— Иду-те, — передразнил меня Лев иронично, а затем вышел с кухни.

Я смотрела ему вслед, кусая губы и второй раз за день ощущая отчётливое желание громко разрыдаться.

Перед сном близнецы зашли ко мне в комнату, одетые в одинаковые фиолетовые пижамы с Бэтменом, сели на кровать и, уставившись на меня, со святыми лицами протянули:

— А мо-о-ожно нам за-а-а-автра с дядей Лёвой погуля-я-ять? Со ску-у-утерами...

Я вздохнула, складывая руки на груди. Боже, дай мне терпения!

— А дядю Лёву... — запнулась на секунду, но потом мысленно махнула рукой — Лев не слышит, и ладно! — ... вы спросили?

— Да-да! — закивали мальчишки. — Конечно! В ватсап написали! Он сказал, что можно, если ты разрешишь!

— Ясненько, — я прищурилась, оглядывая Фреда и Джорджа со всей материнской строгостью, на которую была сейчас способна. — И с чего же вы решили, что вы это заслужили? Фред и Джордж — не молодцы, всех хватали за трусý!

— Мама! — Близнецы надулись от возмущения. — Неправда! Мы не хватали за трусý! Мы за ноги...

— Вот-вот, — я покивала, — за ноги! И не стыдно вам?

Бандиты, которым, естественно, не было стыдно, на всякий случай опустили головы, предъявив моему грозному взору бесстыжие рыжие макушки.

Я опять вздохнула. Вот что, что с ними делать?

Это ужасно, но мне неожиданно захотелось написать Льву и спросить его мнение, как лучше поступить. Дальше упорствовать в своём наказании, опасаясь, что со вручением

скутеров мальчишки опять ударятся во все тяжкие, а ещё обязательно упадут и выбьют из своих черепушек последние мозги. Или поверить, что всё будет иначе, да и вообще — им же надо как-то энергию выплёскивать. И всё равно скоро слякоть и грязь, а потом вообще зима, особо не погоняешь...

— Я подумаю, — наконец, ответила я. — И сообщу вам решение утром.

— Но, мам! — протянули Фред и Джордж, вновь вскидывая на меня полные надежды глаза. — Надо же заранее предупредить дядю Лёву!

Дядю Лёву... с дядей Лёвой я и сама поговорить могу.

— Они ещё спорят, — хмыкнула я и кивнула на дверь. — Марш спать! А то передумаю и не буду думать до утра.

— Но, мам!

— Идите-идите. — Близнецы шмыгнули носами, и я чуть смилостивилась. — Не волнуйтесь, дяде Лёве я сама сообщу. Когда будет, что.

Фред и Джордж унесли из моей комнаты умыться и спать, а я, посидев минуту в полной тишине и поругав себя за слабость, всё-таки потянулась за телефоном.

Напечатала сначала «не спишь?», потом спохватилась, стёрла и исправила на «не спите?»

Ответа не было минут пять, и за это время я успела раз двадцать пожалеть, что написала, и ещё раз двадцать передумать. В конце концов, ничего такого я не делаю...

«Не сплю. Десять часов только. Собираюсь с Ремом прогуляться. Недолго, полчаса. Пойдёшь со мной?»

Клянусь, мои пальцы напечатали ответ быстрее, чем голова успела сообразить, что именно они делают.

«Да».

«Тогда буду ждать внизу, на улице у подъезда. Минут через пятнадцать».

Я отложила телефон, сглотнула и уставилась на собственные руки. Предатели! Надо немедленно отказаться. Надо, и всё тут!

Поругав себя ещё пару минут, я встала и направилась к шкафу — одеваться.

Лев и Рем стояли у подъезда, оба спокойные, как будто то, что я пришла гулять с ними на ночь глядя, было совершенно нормальным. Пёс повилял мне хвостом и облизал ладонь, а сосед просто улыбнулся. И даже не сказал ничего в стиле: «Не ожидал». Хотя я на его месте обязательно бы прошла по собственной неуверенности.

— Ты... — Я кашлянула. — Вы правда разрешили моим бандитам гулять завтра с вами вместе со скутером?

Улыбка Льва слегка поблекла, но всё ещё оставалась тёплой.

— Разрешил, — ответил мужчина и пошёл вниз по улице. Я пристроилась рядом, Рем бежал чуть впереди, периодически обнюхивая асфальт, деревья или газон. — Но я уточнил: если разрешит мама. Так что итоговое решение за тобой.

Вот упрямец! Нет бы тоже на «вы» переключиться. Нет, упорствует!

— Что посовету...ете? — М-да, а это, оказывается, заразно...

Лев усмехнулся и покосился на меня с иронией.

— А я имею право советовать?

Вот же!

— А почему нет? — Я, на манер собственной матери, прикинулась веником. — В конце концов, они же с то... с вами гулять собираются. Вам же следить, чтобы они со скутеров не

шваркнулись и ничего себе не разбили.

— Так вот в чём дело, — засмеялся Лев. — Что ж, если только в этом, то я уступлю тебе право решить всё самостоятельно. Как скажешь, так и будет. Ты же мама.

Я вздохнула и, погасив в себе желание заорать, призналась:

— Я хотела посоветоваться. Я не знаю, как лучше. Я обещала им скутеры за хорошее поведение, но... идеальным оно не было.

— Ну, Фред и Джордж и идеальное поведение — это утопия, ты и сама это понимаешь. Ты же рассказывала мне обо всех их шалостях на море. На мой взгляд, всё в пределах... ну, если не нормы, то допустимого. Да и обидятся они на тебя, если ты им сейчас не разрешишь покататься хотя бы немного. А обиженные близнецы — это страшно.

— Да, — признала я очевидное. — Ты прав. — Нет, ну это невозможно! Ладно, сделаю вид, что ничего не заметила. — Тогда я им утром скажу, что разрешила.

— А сейчас, значит, будешь партизанить? — Судя по улыбке, оговорку Лев заметил. — Не порадуешь на ночь глядя?

— Нет. Пусть спят спокойно, а то если скажу, они ещё час на ушах простоят от радости.

— Они могут, — согласился Лев и замолчал.

И мне сразу стало неловко. Из-за всего сразу — и что гулять так поздно вышла (как будто мне четырнадцать, и мама после десяти не разрешает из дома выходить), и что упорствую с этим «вы», хотя после того, как мы целовались, почти лёжа на полу у Льва дома, это в высшей степени глупо, и за подслушанный разговор, из-за которого я теперь веду себя ещё хуже, чем раньше, и за то, что не представляю, как быть дальше.

— А почему к тебе... — Ладно, плевать. — ... сестра ночевать приезжала? У неё что-то случилось? Если это не тайна, конечно.

Лев пожал плечами.

— Да нет. Просто Марина не очень удачно вышла замуж. Я говорил ей, но разве влюблённые и молодые слушают? Теперь вот пожинает плоды собственной ошибки. Её Костик периодически бухает в компании таких же упоротых, как он, друзей, а потом заваливается домой и ведёт себя безобразно. Не бьёт, нет, но пытается скандалить из-за всего подряд, заводит громкую музыку, из-за чего приезжает полиция, пару раз соседей затапливал — воду забывал выключить. И так с периодичностью примерно в три месяца.

— А разводиться она?..

— Теперь уже хочет, — хмыкнул сосед. — За три года Костик её достал. Но окончательно она не решила. Думаю, с год ещё промучается, а потом он её окончательно допечёт. Главное, чтобы детей они к этому моменту не нажили.

— Да уж, — буркнула я, не зная, как это всё комментировать. Мне всегда были непонятны фантастические истории о том, как женщины терпят от своих мужей пьянство и другие грехи. — Удивительно, что она к тебе приехала...

— В смысле? — Лев удивлённо посмотрел на меня. — А к кому должна была, к Виталику, что ли?

— Да нет. К подружке какой-нибудь.

— А-а-а. Ну, я ей намекал поначалу на такой вариант, но Марина заявила, что я лучше любой подружки, потому что не е... не компостирую ей мозги, не задаю дурацких вопросов, не пристаю с разговорами по душам и не пытаюсь давать советы.

— Да, — я даже засмеялась, особенно — от секундного замешательства Льва в попытке заменить матерное слово. — Действительно, лучше. И подружки, и мамы.

— Обращайся, — сказал сосед проникновенно и даже чуть поклонился, отчего я совсем расхохоталась.

Да уж, мамы... Хорошо, что родительница не заметила, как я выскользнула из квартиры, но кто знает, что ждёт меня по возвращении...

— Зайдёшь ко мне? — спросил Лев на обратном пути, когда мы подошли к подъезду. Словно услышал мои мысли.

Я сглотнула, заталкивая в себя подальше искушение ответить «да».

— Не сегодня.

Он молча кивнул и не стал настаивать.

Глава 13

На следующий день, пока близнецы гуляли с соседом, мы с бабушкой мыли квартиру, а ещё, чего греха таить, наслаждались временной тишиной. Тишина была нарушена, как только воодушевлённые Фред и Джордж вернулись с прогулки.

Нет, они были абсолютно целые и даже не особо запылившиеся (что удивительно, учитывая наличие скутеров и Рема под боком), но в глазах у них полыхал такой недюжинный энтузиазм, что я даже слегка струхнула. Что бы это могло значить?..

Но долго сомневаться мне не пришлось.

— Мама! — возвестили хором две вечные отравы моей жизни. — Дядя Лёва разрешил называть себя на «ты»!

Э-э-э...

Я зависла, как компьютер, в который попал вирус. Впрочем, не только я — бабушка тоже удивилась.

А близнецы продолжали вещать.

— Он сказал, что мы друзья! А друзья друг другу выкать не должны! — И уставились на меня святыми глазами ангелов небесных, ожидая, видимо, что я скажу нечто вроде: «Конечно, друзья!»

Но я в те мгновения вообще была не способна на какие-либо слова, только если на междометия. Поэтому заговорила бабушка.

— Это замечательно, ребята. Думаю, что Лёва будет не против, если и мы с вашей мамой будем называть его на «ты». Правда, Алёна?

И — хлоп на меня такими же, как у Фреда с Джорджем, святыми глазами. Предательница и сводница! Это ж надо так завернуть!

— Пойду-ка я лучше обед приготовлю, — пробормотала я, поворачиваясь лицом к кухне, а позади раздалось синхронное:

— Кстати, мам! Мы же дяде Лёве сувенир забыли отдать!

— Какой сувенир?

— Ну ка-а-ак! Мы же ему ракушку купили. Ты забыла?

— Забыла, да?

Чёрт, точно. Купили ещё в самом начале отдыха, засунули в чемодан близнецов и больше не вспоминали. Интересно, тот факт, что мальчишки мне об этом не напомнили — это очередная их диверсия, коварный план по вручению меня в руки Льва, или они действительно и сами забыли?

— Угу, — я вновь повернулась лицом к собственным детям и матери. — А что ж вы не напомнили?

И тут Фред с Джорджем выдали:

— Так будет повод сходить к дяде Лёве в гости!

Бабушка победно улыбалась, а я пыталась поймать ускользающую челюсть и собраться с мыслями.

Так, Алёна, очнись и начни уже исполнять свою основную функцию — быть матерью!

— Без приглашения? — выдавила из себя, сурово (ну, я надеюсь, что получилось сурово) сводя брови.

— А дядя Лёва нас пригласил! — гаркнули близнецы и торжествующе вздёрнули

веснушчатые носы. — Сказал, чтобы мы заходили в любое время, он нам всегда рад! И тебе рад! Так и сказал!

Я вздохнула, чувствуя себя побеждённой. Меня не просто взяли в осаду, как средневековый замок, меня уже расстреляли картечью, а потом и из пушек добавили.

— И когда вы намереваетесь пойти в гости к... дяде Лёве и отдать ему ракушку?

Мои демонята задумались. Потом Джордж неуверенно предложил:

— Сегодня?

Я покачала головой.

— Сегодня у нас домашних дел полно. В общем, так! — Надо брать инициативу в свои руки, пока этот мчащийся на меня состав из близнецов и бабушки ещё не сошёл с рельсов. — Я вечером поговорю со Львом, выясню всё, а после расскажу, что мы решили. Иначе получится невежливо. Он и так тратит на нас очень много времени, не надо лишний раз навязываться.

Фред и Джордж кивнули, но, судя по их сияющим лицам, несколько не огорчились из-за этой отповеди, словно не сомневались — Лев проводит с ними время по доброй воле, собственному желанию и с большим удовольствием.

А я вот не была в этом уверена.

Вечером я, накормив близнецов и отправив их в детскую вместе с бабушкой играть в настольные игры перед сном, почти упала на кровать и застыла, глядя в одну точку.

После отпуска всегда тяжело возвращаться к домашним делам, а сейчас тяжело было вдвойне, потому что к усталости добавилось непривычное ощущение... неотвратимости жизни, наверное. Раньше все мои мысли занимали близнецы и работа, теперь же у меня вдруг появился ещё один объект для дум, и это было необычно. И в то же время так по-человечески просто и обыкновенно, что выбивало из привычной и протоптанной колеи.

Я медленно взяла в руки телефон и покосилась пока ещё на чёрный экран. Да, я обещала близнецам спросить у Льва насчёт гостей, но... мне и самой хотелось ему написАть. Странное и почти забытое чувство — когда тебе по какой-то причине хочется с кем-то поговорить, — было ещё удивительнее, потому что этот «кто-то» был мужчиной.

«Фред и Джордж сказали, что вы пригласили их в гости, — написала я в ватсап, испытывая некоторое смущение из-за того, что напечатать «ты» не получилось. И, подумав пару секунд, добавила: — Да?»

Сосед ответил быстро, словно ждал, что я напишу.

«Верно. Только не «их», а всех вас. Я ведь у вас был, теперь ваша очередь».

Я закусила губу.

«Послезавтра начнутся трудо выебудни».

Я не видела Льва, но почему-то почувствовала, что он улыбается.

«Именно поэтому приходите завтра».

Ещё месяц назад я непременно отказалась бы, но...

«Во сколько?»

«К трём».

Что я делаю, что?.. Фред и Джордж будут счастливы, разумеется, а о маме и говорить нечего.

«Хорошо, мы придём».

«Буду ждать. Погуляешь со мной сейчас?»

Я покосилась на часы. Ну да, накануне Лев гулял примерно в то же время. И так

хотелось согласиться, но по правде говоря, я с трудом представляла, как буду умываться перед сном, а на прогулке с Ремом надо активно двигаться.

«Не сегодня, — ответила я и добавила зачем-то: — Очень устала, хочу поскорее лечь спать».

Лев прислал мне огорчённый смайлик, пожелал спокойной ночи, а чуть позже, когда я уже приняла душ и переодевалась перед сном, прислал смешную фотку Рема, который с перекошенной от счастья физиономией грыз какую-то палку. Я хихикнула и пошла уговаривать близнецов тоже поскорее лечь спать, отчего-то ощущая себя маленькой девочкой, которой добрый Дед Мороз подарил большой и вкусный кулёк конфет.

С большим трудом уgomонив Фреда и Джорджа накануне, я и проснулась оттого, что мои бандиты залезли ко мне на кровать, обняли с двух сторон и тут же засопели мне в оба уха, лишив возможности хорошенько выспаться в воскресенье. Я, подождав пару минут, аккуратно вылезла из-под одеяла и, позёвывая, отправилась на кухню, решив, раз уж спать мне не дают то собственные мысли, то собственные дети, замутить сырники. И отвлекусь, и вкусный завтрак — любимый у близнецов, между прочим, — приготовлю.

И как раз когда я сделала тесто для сырников и разогрела сковородку, на кухню вошла возмутительно бодрая для столь раннего часа бабушка.

— Чего не спишь, Алён? — спросила она вместо приветствия, заглядывая в миску с тестом. — Сегодня вроде никаких особенных дел нет, могла поваляться хотя бы до девяти.

— Близнецы пришли подлизываться, — фыркнула я, отнимая у матери будущие сырники. — Легли с двух сторон и давай дуть мне в уши. Видимо, очень хотят в гости ко Льву, раз решили соорудить из себя маленьких мальчиков. Сама знаешь, они так делают, когда хотят что-нибудь с меня стрясти.

— Ну не только, — возразила родительница, опускаясь на табуретку. — Им не хватает внимания и ласки, Алён. Они, вон, и на Льва с двух сторон вешаются. Он вообще двойной соблазн — и привлекает их, и мужчина.

Прозвучало это всё толстым намёком на тонкие обстоятельства, и я даже открыла рот, намереваясь высказаться, но потом закрыла его, решив, что молчание в этой ситуации будет предпочтительнее.

— Кстати, что ты решила насчёт гостей?

— Не я, а мы. Договорились вчера, что придём все вместе сегодня к трём.

— О! — мама так оживилась, словно я сообщила, что начало учебного года на недельку откладывается. — Отлично! Тогда надо Льву что-нибудь испечь.

От неожиданности я чуть не уронила сырник мимо сковороды.

— Э-э-э...

— А что ты застыла? Не придём же мы в гости с пустыми руками! Сейчас позавтракаем, я займу мальчишек, а ты что-нибудь сделай к чаю. Кексик или пирожок.

Кексик-дурнепсик... Я вспомнила, как Лев просил медовик, поглядела на часы — нет, не успею. И тут же чуть за голову не схватилась — боже, до чего я дожила, если всерьёз рассматриваю возможность печь торт соседу!

Но вообще мама права, с пустыми руками приходиться нехорошо. Вот только сильно заморачиваться тоже не надо... Пусть будет шарлотка. Просто и сердито. Правда, надо за яблоками сходить, а то их дома нет, а без яблок шарлотки не получится.

— Ладно, сделаю.

— О! — повторила мама своё восклицание. — Что я слышу! Неужели?

На этот раз я не смутилась. В конце концов, сколько можно бить в одну точку? У меня там уже мозоль вырос.

— Лев за нашим Фимой три недели бесплатно присматривал. Так что да, испечь надо.

— Да-да, — родительница многозначительно покивала. — Присматривал-присматривал. И с мальчишками много раз гулял. И вообще молодец. Да, Алёнушка?

Я вздохнула.

— Тебе разряд надо дать.

— В смысле? — Мама озадаченно на меня посмотрела, сбившись с пути истинного тролля.

— Разряд, говорю. По сводничеству. Сводник первого разряда — звучит же! Хотя лучше сразу «высшего», а то я никогда не понимала, с какой стороны эти разряды правильно считать. С конца или с начала?

— Спроси у Льва, — хмыкнула бабушка, хитро прищурившись. — Он точно должен знать, с какого конца и что считается. Вон, как тебя правильно просчитал. Просто умница, а не мужчина!

— Мама... Ты так говоришь, как будто я...

Выговорить «уже за него замуж выхожу» я не смогла.

— Поживём — увидим, — подвела итог родительница, и я вновь предпочла промолчать.

После сытного и плотного завтрака, во время которого я сообщила близнецам о том, что мы всё же пойдём ко Льву в гости, я оставила мальчишек бабушке, а сама поспешила в магазин за яблоками и ещё кое-какими мелочами. Закрыла дверь и привычно потопала вниз по лестнице, не сразу сообразив, что слышу какие-то странные звуки... а когда сообразила, было уже поздно. И я с изумлением уставилась на Льва, который, стоя перед собственной квартирой с открытой дверью, обнимал жену брата, ласково поглаживая её по спине. Я проводила этот жест недоумевающим взглядом вытаращенных глаз, потом посмотрела на Льва — лицо его было белым, как молоко, — и только тут заметила, что Наташа плачет. Открыла рот, чтобы спросить о случившемся, когда Лев вдруг махнул мне рукой за спиной девушки, явно намекая — иди, мол, отсюда, не мешай. Я кивнула и тихо прошла дальше, и шла ещё пролёта два, прежде чем меня наконец не накрыло такой жуткой обидой, что я немедленно остановилась и задрала голову вверх — будто мечтала увидеть, что происходит там, двумя этажами выше.

Обида жглась в груди и горчила на языке. Совершенно иррациональная, абсолютно сумасшедшая, безумно глупая обида. Ведь обижаться надо — хотя «надо» тут неподходящее слово, но какое слово необходимо, я сейчас не могла сообразить, — на какие-либо недостойные поступки. Лев же не сделал ничего недостойного, он просто утешал другую женщину на моих глазах. Однако мне всё равно было обидно — то ли за то, что я, пусть случайно, но увидела подтверждение его равнодушия к Наташе, то ли за то, что он утешал не меня. Господи, как же это... неразумно. Если не сказать — тупо! Но я ничего не могла с собой поделать.

Удивительно, но я, любя Антона, не обижалась на него настолько сильно ни разу в жизни. Как так может быть?..

Додумать эту мысль я не успела — телефон в кармане завибрировал, я вытащила его и оторопело уставилась на сообщение Льва в ватсапе.

«На сегодня всё отменяется».

Блин. Я думала, мне было обидно? Ни фиги! Обидно мне стало после этого сообщения.

Так обидно, что захотелось немедленно вернуться и высказать Льву всё, что я думаю по поводу его замороченности чужой женой!

Я даже отвечать не стала. Просто со злостью засунула телефон обратно в карман, чуть не порвав при этом джинсы, и пошла обратно на свой этаж.

Чтобы я! Ещё раз! Ему что-то собиралась печь! Да никогда в жизни!!!

Фред и Джордж безумно расстроились. Как будто я им не об отмене похода ко Льву в гости сообщила, а об отмене школьных каникул. Они настолько сникли, что даже ни разу не нашкодили до самого вечера.

Лев так больше и не написал ни слова. Ни «извини», ни чего-либо другого вроде вопроса о том, не огорчились ли ребята. Нет, он хранил молчание, и с каждой прошедшей секундой из-за этого молчания у меня на душе становилось всё горше и горше.

Даже мама расстроилась, только глядела на меня сочувственно — будто понимала, что я чувствую. Но ничего не говорила и не спрашивала, и хорошо — я, опасаясь, что могу сорваться в истерику, тоже предпочитала в этот день отмалчиваться.

А вечером ко мне в комнату вновь пришли Фред и Джордж. Сели с двух сторон, обняли и, попрыгав, протянули виновато:

— Мама-а-а, не обижайся-я-я на на-а-ас...

У меня не было сил даже испугаться, поэтому я просто спокойно поинтересовалась:

— И чего вы учудили?

Они вздохнули и хором признались:

— Дяде Лёве позвонили...

Ещё и в рифму. Я и без рифмы обалдела, а уж с рифмой это вообще полный пи...ц.

— Та-а-ак... — Я отодвинулась и строго посмотрела на обоих чертей. — Дальше рассказывайте.

— А нечего рассказывать... — Фред.

— Он трубку не взял... — Джордж.

Впервые за сегодняшний день я обрадовалась.

— Ребята... дядя Лёва не стал бы отменять всё без причины. Он занят. Потом поговорите.

Несчастные мальчишки шмыгнули носами. Блин, убью этого рыжего гада! Очаровал мне сыновей, а сам в кусты.

— Ты на нас не сердись?

— Нет, — я помотала головой. — Давайте лучше с вами в настолку поиграем. Или мульт посмотрим. Что выбираете?

Близнецы задумались только на мгновение.

— Мульт!

Вот же два лентяя! Впрочем, ладно. Пока каникулы, можно и мультфильмы в больших количествах смотреть.

Вечером, после того как я уложила Фреда и Джорджа спать, приняла душ и вернулась в комнату, меня накрыло жутким и почти невыносимым желанием немедленно написать Льву и всё выяснить. Я не идиотка, и прекрасно понимала, что он не мог отменить сегодняшнюю встречу без веской причины — значит, у Наташи что-то случилось. Вот только Наташа ему не жена, она замужем за его братом, и по идее, её проблемы должен решать кто угодно, но не Лев. Её муж, родители, другие родственники, в конце концов! А она вешается на Льва,

как шарик на ёлку! Разве это нормально?

Однако написать соседу мне мешала... наверное, гордость. Не знаю даже, как назвать это безумное чувство, граничащее с обидой, от которого в груди всё болезненно сжималось, но я не могла просто взять и написать Льву, навязывая ему свои вопросы. Он ведь не соизволил объяснить, что произошло, отфутболил нас, как ненужный груз, и молчал весь день. А мне вообще завтра на работу, нужно выспаться, а я вместо этого тут сижу, злюсь и нервничаю!..

Телефон завибрировал, и я от неожиданности подпрыгнула на кровати.

«Алёна, не спишь?»

Удивительно, но я почувствовала облегчение. Что написал, не забыл... Или — не удивительно?

«Нет».

Лев долго печатал. Так долго, что у меня появилось желание начать грызть ногти, как в раннем детстве.

«Извини, что так получилось. Наташа сильно поссорилась с Виталей, пока Саша — это моя племянница, их дочка, — была у бабушки. Свою маму Наташа тревожить не захотела, поехала ко мне за утешением и советом. Я сразу понял, что это надолго, поэтому решил всё отменить, пока ты не начала что-нибудь готовить и было не так обидно. Прости».

Я молчала, не зная, что ответить. До прощения я была далека, даже наоборот — стало так горько, словно я одуванчиков наелась.

Секунд через тридцать Лев написал вновь.

«Наташа беременна, у неё на нервной почве началось кровотечение, я отвёз в больницу. Потом ездил разговаривал с братом и вещи ей отвёз. Ещё к маме её заехал, помог кое-чем, а то Сашу должны были сегодня забрать, а не получилось. Только недавно вернулся».

Я вздохнула, стиснула зубы и всё-таки ответила:

«Не надо оправдываться. Речь идёт о твоей семье, а мы тебе никто. Я поняла, что у тебя какие-то дела, этого достаточно».

Десять секунд тишины, во время которых мне казалось, что я умру, а потом Лев всё же начал печатать.

«Я не хотел, чтобы ты обиделась. Но ты всё-таки обиделась. Тогда поговорим завтра».

Я чуть не написала: «Не собираюсь ничего обсуждать», но это был бы детский сад, и я сдержалась. Вместо этого ответила краткое «ок» и добавила, чтобы не было искушений:

«Доброй ночи».

«Доброй, Алёна».

На следующий день я шла на работу в состоянии крайней разбитости. Мало того, что день накануне был наполнен огорчениями, так ещё я и ночью плохо спала, и с утра вставать пришлось раньше, чем обычно — я хотела убежать в школу до того, как туда пойдёт Лев, чтобы ни в коем случае не столкнуться с ним где-нибудь во дворе. Но то ли я такая предсказуемая, то ли сосед нам попался слишком умный, но как только я спустилась на лифте вниз и вышла из подъезда, то обнаружила Льва сидящим на лавочке под зонтиком — на улице моросил дождь.

От неожиданности я застыла, не раскрыв собственный зонт, а сосед между тем, улыбаясь, поднимался с лавочки.

— Доброе утро, Алён.

Я кашлянула.

— Д-доброе. А ты... здесь...

— Тебя жду, — он шагнул вперёд и протянул мне согнутую в локте руку. — Цепляйся, не надо мокнуть.

Отказываться было неловко, и я подошла ближе, послушно принимая подставленный локоть. Лев удовлетворённо кивнул и повёл меня к автобусной остановке. Он молчал, и я начинала нервничать. Мало того, что караулил меня у подъезда, так ещё и молчит теперь...

— Ты хоть Рема-то вывел? — выпалила я первую же пришедшую на ум глупость и, покосившись на Льва, заметила, что он улыбается.

— Конечно, а как же. Не волнуйся, мне не привыкать рано вставать, это удел всех собачников. А собаки у меня всю жизнь были, с детства, и у нас в семье уход за ними обычно на мои плечи ложился.

— А у меня никогда не было собак, — пробормотала я и зачем-то призналась: — Мы с мужем хотели завести, но во время моей беременности не решались, а потом уж...

Я запнулась, подумав: с чего вдруг я решила заговорить об Антоне? Ещё и со Львом. Мне вот неприятно, когда он про Наташу говорит или пишет, и ему тоже наверняка неприятно слышать про моего мужа.

— Алён... — сказал Лев тихо, замерев возле стеклянной стенки автобусной остановки и разворачивая меня лицом к себе. — Я не хотел тебя обидеть вчера. И близнецов огорчать тоже не хотел. Я с ними ещё поговорю сегодня вечером обязательно, чтобы не дулись.

Он говорил серьёзно, смотрел мне прямо в глаза, и если бы не тот подслушанный разговор с братом, я бы, наверное, растаяла. От Льва пахло чем-то свежим, терпким, и в этом запахе было столько мужского, что мои гормоны невольно взбесились, отплясывая канкан на моих нервах.

— Это не обязательно, — я отвела взгляд, не в силах смотреть на Льва. Безумно хотелось вообще ни о чём не думать, не рассуждать, а просто поцеловать его уже наконец. — Я всё им объяснила ещё вчера. Они не...

Я не договорила, потому что Лев резко наклонился и поцеловал меня сам, да так рьяно, что я от неожиданно вцепилась в его плечи, а потом и вовсе обвила руками шею, пылко отвечая и совершенно забыв о том, что мы вообще-то стоим рядом с остановкой и нас может увидеть кто угодно — от остальных соседей до учащихся школы, где мы оба работаем.

Мне было слишком приятно. Губы горели, языки сплетались, грудь тёрлась о грудь, пальцы зарылись в мягкие волосы на затылке, и я даже застонала от удовольствия, чувствуя крепость и жар тела Льва, его уверенную ладонь на своей талии, которая медленно сползала всё ниже и ниже...

Это безумие разрушил какой-то резкий звук, в котором я не сразу опознала автомобильный гудок, но его хватило, чтобы мы оба опомнились и отстранились, глядя друг на друга ошалевшими от испытанных эмоций глазами.

— Алён...

— Поехали лучше на работу, — я первой опустила голову. — А это... потом.

— Потом ты опять сбежишь, — прошептал он и, наклонившись, прошёлся губами по моей шее, отчего я сладко задрожала. — М-м-м...

— Лёва... Не надо, не дай бог увидит кто... — пробормотала я тихо и сама застыла от удивления, осознав, что впервые сократила его имя, и это оказалось до безумия приятно. И так... интимно. Словно я имею на это право.

— Ты права, — он выпрямился и улыбнулся, по-прежнему глядя мне в глаза.

Удивительно... Вроде бы голубые, как у Антона. Но совершенно другие, как будто даже цвет — и тот иной. — Поехали. Вон и автобус наш.

Я кивнула, Лев закрыл зонт, и мы запрыгнули в салон. И до конца поездки больше не разговаривали. Только я иногда чувствовала, как мужчина ласково и осторожно гладит мою ладонь своей. Словно приручает глупую и пугливую кошку...

Так уж получилось, что вышли из дома мы заранее, но приехали совсем даже не заранее, а я бы сказала, вовремя. Слишком уж медленно шли к остановке под зонтом, потом ещё немного постояли в утренней пробке — и вуаля, двадцати лишних минут как не бывало.

Наша завуч, по своему обыкновению, решила начать первый рабочий день с краткого совещания. Все учителя о нём знали заранее, поэтому, как только мы со Львом вошли в школу, сразу направились на пятый этаж, в актовЫй зал — Шустрова любые общие собрания проводила всегда только там.

На Льва смотрели много, и с огромным интересом. Причём у части нашего женского коллектива — преимущественно замужней и возрастной — интерес был платоническим, но у второй части... пожалуй, я бы охарактеризовала его как сексуально-гастрономический. Как-то так смотрят на торт, который хотят, но не могут слопать.

Хорошо, что подобных взглядов было всего три, иначе я всерьёз бы посоветовала Льву срочно жениться (хотя не факт, что это бы спасло). Преподаватель физкультуры — только что окончившая вуз молодая девчонка с лихой короткой стрижкой и фигурой плоской, как доска, — изучала Льва исподлобья, украдкой, но взгляд был горячим, словно пирожок из печки. Однако я прекрасно помнила, что у Маши вроде как имеется жених, поэтому надеялась, что на амбразуру отсутствующей грудью она не бросится.

А вот два других взгляда были более откровенными, и я заранее посочувствовала Льву. А заодно и себе, потому что вдруг оказалось — мне это неприятно. Хотелось рывкнуть, чтобы не смотрели и даже думать забыли об этом мужчине. Господи, Алёна, что за собственнические замашки...

— Доброе утро, — промурлыкала Эльвира Викторовна, преподаватель географии — высокая и чуть полноватая крашеная брюнетка лет сорока-сорока пяти. Да, старше Льва, но её это явно не смущало. Она встала с кресла и шагнула ему навстречу. — Вы вместо Галочки? Очень приятно, я Эльвира. Можно просто Эля.

— Лев Игоревич, — кивнул сосед серьёзно, игнорируя белозубую улыбку. — Лучше по имени-отчеству.

Эльвира Викторовна, кажется, оторопела, а я усмехнулась и обвела глазами актовЫй зал. Здесь собрались пока не все коллеги, но уже больше половины, и смотрели они на нас. Тогда же я заметила и интерес Маши, и оценивающий, граничащий с неприличным взгляд Татьяны Александровны Соболевской — преподавателя информатики. Она была на пару лет младше меня, недавно развелась с мужем, детей не имела, зато имела шикарные кудрявые волосы, выкрашенные в ярко-медный цвет, большие голубые глаза, грудь размера эдак пятого, и длинные стройные ноги, которые она обычно демонстрировала всем, надевая тесные брюки. Сейчас, поскольку учебный год ещё не начался, Татьяна была в белой юбке до колен и жёлтой блузке с коротким рукавом. Я бы не назвала её красивой, но наглости и упорства ей было не занимать. А ещё, в отличие от меня, у неё совершенно не было комплексов.

— Доброе утро, Лев Игоревич, Алёна Леонидовна, — прервала мои размышления Шустрова, махнув рукой с первого ряда. — Присаживайтесь пока, скоро начнём. И познакомим, и познакомимся...

— Не все же ещё пришли, Марина Владимировна, — заметил сидящий рядом с завучем преподаватель физики и химии Боровой. — Ольги Петровны нет...

Я невольно покосилась на Льва и, встретив его лукавый понимающий взгляд, слегка смутилась. Да, я рассказывала соседу о том, что Владимир Петрович и Ольга Петровна терпеть друг друга не могут и воюют уже несколько десятков лет, поэтому сейчас не было ничего удивительного, что Боровой сразу заметил отсутствие своего любимого врага.

— Ольга Петровна у меня отпросилась, она завтра придёт, не волнуйтесь, Владимир Петрович, — ответила Шустрова невозмутимо. — Не пропустит она ничего сверхважного. Итак, все сели? — Завуч, наоборот, встала. — Нет Ольги Петровны, Ираиды, Рогова... ну, всё в порядке, они предупреждали. Тогда действительно начнём. Лев Игоревич, вы тоже встаньте, пожалуйста. И идите сюда, ко мне.

Сосед поднялся с кресла в третьем ряду, куда мы с ним сели, протиснулся мимо меня и приблизился к Шустровой.

— Итак, прошу любить и жаловать — Лев Игоревич Рыжов, — сразу после объявления фамилии кое-кто из моих коллег заулыбался, — наш новый учитель алгебры и геометрии. И кстати — особенно актуально это будет для вас, Алёна Леонидовна, — он возьмёт в классное руководство пятый «А» класс.

У меня естественно упала челюсть. В пятом «А» классе должны учиться мои мальчишки! И Лев ничего мне не сказал!

Клянусь, я не зарычала только потому что потеряла дар речи. Посмотрела на Льва в полнейшем шоке — он виновато улыбнулся, и я с трудом подавила в себе желание показать ему кулак.

— Пятый «Б», соответственно, на вас, Дарья Ивановна, пятый «В» — у Ольги Петровны. Показывать кулак Льву резко расхотелось. Ну да, Олег Петрович же в прошлом году выпустила одиннадцатиклассников, а она без классного руководства жить не может. Уж лучше пусть будет Лев! Да и близнецы обрадуются...

Представление всех остальных соседу длилось ещё несколько минут, потом Шустрова кратенько обрисовала наши цели и задачи, рассказала о нововведениях, в том числе централизованного характера, и минут через сорок отпустила всех гонять чай и разбираться в кабинетах после лета.

Гонять чай я не пошла, хотя мне активно предлагали: не хотела отвечать на многочисленные вопросы о Льве. Кто-то уже разболтал, что мы с ним соседи, да и в актовом зале мы вместе явились, так что допроса было не избежать. И когда я представляла, как коллеги рассядутся вокруг меня и будут, прожигая любопытными взглядами, задавать всякие каверзные вопросы, у меня начинало выть в пустом желудке. Поэтому я сбежала в свой кабинет, закрыла дверь и принялась наводить порядок: перебрала бумаги, разобралась в шкафах и даже протёрла стол. Часа через два я признала своё поражение перед двумя врагами — голодом и желанием сходить в туалет, — и вышла в коридор, намереваясь сделать и то, и другое.

Кабинет Льва находился в другом конце коридора, и я, невольно покосившись туда, замерла, уставившись на прекрасную картину — распахнутую дверь, в проёме которой торчали несколько моих коллег, слышался громкие голоса и смех. Правда, ни голоса Льва, ни его смеха я в этой канонаде не разобрала.

— Спокойствие, Алёна, только спокойствие, — пробормотала я, заставила себя развернуться в другую сторону и направиться в туалет, игнорируя настойчивые призывы организма узнать, как там сосед, а заодно и разогнать этих... охотниц за мужчинами. И на

какое-то время мне этот игнор даже удался, но как только я вышла из туалета и передо мной встал выбор — идти в собственный кабинет за бутербродами или попытаться узнать, как там Лев, — я однозначно выбрала новую информацию.

В дверном проёме стояли два тела, что не могло не радовать — пару минут назад было три. Соболевской среди них не имелось, и это тоже не могло не радовать. Да и разговор оказался нейтральным — обычные приветствия и пожелания удачно обосноваться на новом рабочем месте.

— О, Алёна! — воскликнула Валентина Игоревна, преподаватель биологии, очень милостивая брюнетка пятидесяти лет, к счастью, давно и прочно замужняя, и даже успевшая стать бабушкой. — Наконец-то мы вас видим, а то закрылись у себя, как улитка в раковине! А Лев Игоревич, между прочим, за тортиками сходил! В учительской стоят, будете? Ягодный и шоколадный!

За тортиками, значит... Нет, ну всё понятно — проставился, полагается так. Я бы тоже на его месте тортики принесла, надо же как-то в коллектив вливаться. Но отчего-то было тошно.

— Шоколадный очень вкусный, — заявила Мария Семёновна, обучавшая наших школьников ИЗО и МХК. Она уж года два как вышла на пенсию. — Моя дочка похожий на Новый год печёт. Всё время забываю, как называется. То ли «Париж», то ли «Полтава»...

— Прага, может? — предположила я, не удивляясь — Мария Семёновна всегда была слегка блаженной. Зато как рисовала и играла на пианино!

— Точно, — закивала коллега, а затем в проёме показался уже Лев. Приветливо улыбнулся мне и произнёс:

— Алёна... — запнулся, но добавил: — Леонидовна, вы не могли бы зайти на минуточку? Хотел кое-что обсудить. Насчёт классного руководства.

— Да, кстати! — оживилась Валентина Игоревна. Она у нас тот ещё живчик, впрочем, для человека, который умеет рассказывать ребятам про пестики и тычинки с серьёзным лицом, это не удивительно. — Вы же взяли шефство над Алёнкиными мальчишками! Они у неё знаете, какие... хм... забавные ребята!

Да уж, забавные — обхохочешься.

— Вот об этом я как раз и хотел поговорить, — кивнул Лев, продолжая вежливо улыбаться. — Прошу извинить нас, дамы... — И махнул рукой, намекая: мол, приватный разговор.

— Да-да, уже идём, — согласились «дамы», ещё раз поблагодарили соседа за тортики и милую беседу, и ушли. Лев за руку утянул меня в кабинет, закрыл дверь, и не успела я даже оглянуться, как он прижал меня спиной к стене возле косяка и жарко, горячо поцеловал, почти силой разомкнув мои губы и сжав ладони на бёдрах. Но поцелуй продолжался всего несколько секунд — затем Лев отстранился и, проведя пальцем по моей щеке, тихо сказал:

— Извини, я соскучился. И слегка сдурел за эти часы, отвечая на вопросы и всячески любезничая. Мне хотелось разобраться в кабинете, посмотреть учебные планы, в конце концов, банально посидеть в тишине хотя бы пять минут, но... И ты ещё так быстро убежала к себе. Зачем, Алён?

После поцелуя мысли путались, но я тем не менее нашлась с ответом.

— Мне хотелось сделать то же самое. И не смотреть, как коллеги из обычного рабочего дня устраивают шоу «Холостяк».

Лев засмеялся, и я замерла, глядя в его искрящиеся весельем глаза. Они так радостно

блестели, словно были по-настоящему рады меня видеть. Но я же знаю, что на самом деле это вовсе не так.

— Да, насели здорово, но это было ожидаемо. И не в первый раз, на прошлой работе было поначалу то же самое, но быстро рассосалось, и здесь рассосётся. Хотя эта... Татьяна Александровна вроде? Очень навязчивая особа. — Я хотела ответить, но не успела — Лев продолжал: — Ты будешь обедать? У меня с собой бутерброды. Будешь?

И в это мгновение меня пронзила внезапная и очень большая мысль.

Если бы я не знала точно, что Фред и Джордж — дети Антона, я бы подумала, что они — дети Льва. Они же безумно похожи на него! По крайней мере в том, что касается давления на меня — точно. И так же, как с Фредом и Джорджем, я и со Львом иногда испытывала ощущение, будто на меня мчится скорый поезд.

Вот как сейчас.

— Лёва... — Какое же у него приятное имя. Как объятие. — Да, я хотела пообедать, и у меня тоже есть бутерброды, но я их не взяла с собой...

— Не страшно. У меня и своих много.

Лев наконец отошёл, и мне сразу стало холодно. Он приблизился к столу, достал из своей сумки свёрток и термос, кивнул мне.

— Иди сюда, Алён. Тут целых четыре бутерброда и чай. Нам хватит. А! Только кабинет надо закрыть.

Клянусь, я честно пыталась не покраснеть, но фиг у меня получилось...

Было безумно уютно вот так стоять за учительским столом и, разложив на нём бутерброды, лопать их, запивая чаем из одного термоса — чашек или стаканчиков у Льва не было, а идти за ними в учительскую мы не рискнули, дабы не попасться и не быть утянутыми в общее чаепитие. Причём бутерброды на вкус оказались совершенно фантастическими, хотя это скорее были сэндвичи — два куса хлеба и начинка из отварной курицы, солёного сыра, свежего огурца, зелени и какого-то вкусного соуса. Я очень впечатлилась — у меня-то с собой были просто два ломтя хлеба с докторской колбасой. Это близнецам я могла вкусноту вертеть, а для себя обычно не заморачивалась — лень и времени жалко.

— Как вкусно-то, — пробормотала я, откусывая очередной кусок сэндвича. — Может, зря я тебе готовила всякое, ты и сам прекрасно справляешься...

— Я справляюсь с бутербродами, яичницей, жареными пельменями и прочим холостяцким набором, — хмыкнул Лев, глядя на меня с таким лукавством, что я сразу поняла — слегка привирает. Или не слегка. — А ты мне кулинарные шедевры носила.

— Так уж и шедевры?

— Конечно. — Сосед отхлебнул чаю из термоса и сказал уже серьезнее: — Алён, насчёт классного руководства... Извини, что не предупредил, совершенно вылетело из головы. Шустрова поинтересовалась буквально неделю назад, я подумал и согласился. Тем более — Фред и Джордж. Пусть порадуются.

— Только не давай им садиться тебе на шею, — предупредила я строго. — А то они разбалованы неформальными отношениями, прогулками с Ремом, а в школе будет совсем другой колленкор.

— Не волнуйся, — ответил Лев мягко, и я невольно смутилась от ощущения, что мы с ним обсуждаем наших общих детей. Вот уж не повезло отпрыскам: и дома родители, и в

школе родители в роли учителей. Боже, о чём это я? Не надо так думать. — Всё будет нормально. Кстати, хотел спросить насчёт этой... что же у меня всё из головы сегодня вылетает... Татьяны Алексеевны.

— Александровны, — поправила я, поневоле подумав: неужели заинтересовала? А что, она женщина видная, с грудью. — Соболевская Татьяна Александровна, информатику преподаёт.

— Ни за что бы не догадался, что информатику, — покачал головой Лев, усмехаясь. — У неё вид типичной бухгалтерши, которая потеряется в компьютере, если ярлыки на рабочем столе местами переставить.

Я от подобной характеристики даже обалдела.

— Ну, от истины ты не далёк, — призналась, вспомнив, как однажды ругал Соболевскую Федя Ключков — мой компьютерный гений. — Как специалист она так себе, знает только то, что входит в программу, а шаг влево или вправо — блуждает, как овца в тумане. Но ты же не об этом хотел узнать, наверное?

— Да, не об этом. Скажи, она не замужем, или мне особенно повезло?

Точно, заинтересовался... Иначе зачем спрашивает, не замужем ли?

— В разводе, — ответила я через силу, стараясь держать лицо. — И детей не имеет. Так что...

— Я вот почему спрашиваю, — Лев подошёл ближе ко мне и сел рядом, на парту, улыбаясь и глядя на меня с такой теплотой, что я совсем потерялась в собственных выводах. — Я когда только после института работать начал, клеилась ко мне так же одна женщина лет на десять старше. И вот она была замужем. Я старался повода не давать, избегал её как мог, но до мужа всё равно слухи доползли, и он однажды вечером подкараулил меня возле школы с друзьями своими, чтобы морду набить.

Я открыла рот.

— И ты?..

— Алён, — Лев по-прежнему улыбался, — это же жизнь, а не фильм про супермена. Я неплохо дерусь, но против троих здоровенных мужиков выстоять сложновато. Без потерь они, конечно, не обошлись, но и я был бит. И только потом виновник сего действия решил поговорить, разговорился, и как-то так слово за слово... в общем, закончился вечер совместной пьянкой, во время которой мы, можно сказать, подружились. Он мне жаловался на жену-гулёну, я слушал, кивал, а протрезвев, через пару дней написал заявление об уходе и перешёл работать в другую школу, чуть дальше от дома. С тех пор замужних женщин я опасуюсь. Один раз мне повезло, но повезёт ли второй — большой вопрос, дураков у нас много.

— В этом плане можешь не волноваться, — сказала я, не зная, радоваться мне или огорчаться. — Соболевская не...

— ... не нужна мне, — перебил меня Лев. — И вообще не в моём вкусе.

Я хотела спросить: «А Наташа — в твоём?», но это было бы слишком глупо. Впрочем, у меня вырвалось не менее глупое:

— А я — в твоём?

Лев засмеялся, протянул руки и, положив ладони мне на талию, придвинул к себе, практически заключив в объятия. И это было так... интимно. Он ведь при этом сидел на столе, и я, получается, стояла между его раздвинутых бёдер.

— Безусловно, — руки поползли ниже и сжали ягодицы, отчего перед глазами у меня

сразу всё поплыло. И между ног стало горячо и затянуло так, что я едва не застонала. — Не сердись на меня больше, Алён? — шепнул Лев, серьёзно глядя на меня, но в глазах его при этом словно пламя бушевало. Я не знаю, каким образом, ведь он не говорил этого, но я поняла — Лев сейчас безумно меня хочет и с трудом сдерживается. Да я и сама с трудом сдерживалась... Может, потому и поняла, что его чувства были отражением моих.

— Не сержусь, — соврала и всхлипнула, когда Лев вновь сжал и разжал пальцы. Господи, кошмар... Ничего особенного не делает, а у меня сейчас словно оргазм случится.

— Хорошо, — прошептал мужчина, кажется, собираясь меня целовать, и я выпалила, пока ещё хоть что-то соображалось, пытаюсь прийти в себя:

— Как там Наташа?

Лев ощутимо напрягся, убрал руки, вздохнул — и я заметила, как из его глаз постепенно исчезает туман страсти. Значит, тоже вспомнил, где мы сейчас находимся, и решил, что место для таких дел неподходящее.

— В больнице. Пока вроде всё хорошо, кровотечение остановили, но сказали, что неделю как минимум продержат, капельницы поставят, понаблюдают. Ей это только к лучшему, меньше будет нервничать.

— А они с Виталием... — начала я осторожно, но Лев всё равно поморщился.

— Не знаю. И знать не хочу, честно говоря. Знаешь, чего я не понимаю, Алён? — хмыкнул он, касаясь ладонью лба, словно голова болела. — Я всю жизнь знаю если не всё о личной жизни брата и сестры, то очень многое, а они обо мне — практически ничего. Как-то так у нас повелось, что они ко мне всё время приходят или приезжают, рассказывают, просят помочь. А я никогда так не делаю, не могу просто. Почему они могут, а я нет?

— По-моему, это очевидно, — я пожала плечами. — Ты для них взрослый, а они для тебя — дети.

Лев даже замер, будто сражённый этим выводом. Потом усмехнулся, кивая.

— Да, пожалуй, так. В общем, не знаю я, помирились они или нет, но полагаю, скоро узнаю — мама Наташи наверняка позвонит и расскажет последние новости.

Мама жены брата... Да-а-а, сильно.

— Слушай, — Лев вдруг сменил тему, — а ты всё сделала, что планировала? А то я бы домой пошёл, честно говоря. Что-то мне сегодня не работается, лучше завтра подольше посижу.

Я подумала и согласилась.

— Да, хорошая идея.

Сбежать из школы оказалось нелегко — во-первых, Льва норовили остановить все встречные-поперечные, а во-вторых, тот факт, что мы пробирались к выходу вдвоём, незамеченным не остался, и провожали нас такими заинтересованными взглядами, что я всерьёз начала опасаться какого-нибудь сглаза или порчи. Хорошо хоть Соболевская на пути не попала, а то точно пришлось бы плевать через левое плечо. Или что там надо делать от сглаза?..

Однако Лев упорно шёл вперёд, я — за ним, и на волю мы всё же вырвались.

Дождя на улице уже не было, и мы направились к остановке не под зонтом, а просто шагали рядом и разговаривали. О нейтральном — я рассказывала Льву о своём первом классном руководстве, он — о своём. Было легко и приятно — до тех пор, пока у соседа не зазвонил мобильный телефон.

Это случилось уже возле остановки, и Лев, чертыхнувшись, засунул трубку обратно в карман ветровки.

— Потом перезвоню, — пояснил он в ответ на мой вопросительный взгляд. — Как я и говорил — мама Наташи.

— Может, что-нибудь срочное? — спросила я неуверенно, и Лев криво усмехнулся.

— Наверняка, Алён. Но... нет, я всё понимаю, но это уже чересчур. Я и так вещи в больницу Наташе возил вместо Виталика, и за покупками вместо него ездил, и с Сашей сидел, пока Елизавета Андреевна по делам уезжала. Ну сколько можно?

Лев говорил без раздражения — скорее, устало, как обычно говорят люди, которые часто помогают родственникам в ущерб себе, но отказать в помощи не могут.

— А почему она... — Я запнулась, не уверенная, что можно спрашивать, но всё же продолжила: — Почему она вообще к тебе обращается? У неё плохие отношения с твоим братом?

Лев отвёл глаза и как-то замялся, и я поняла, что во всём этом, по-видимому, есть какая-то тайна.

— Да, не очень отношения. У Елизаветы Андреевны есть причина, и я бы сказал, что она уважительная. Однако она достаточно мудрая женщина, чтобы не капать никому на мозги и не настраивать Наташу против Витали.

— Ничего не поняла, — призналась я с улыбкой, и Лев виновато улыбнулся в ответ.

— Я не уверен, что могу тебе рассказать эту историю. Хотя... ладно. Пойдём, вон наш автобус.

Пока мы садились в салон и пробивали билеты, я всё думала, что там за история. И как только Лев сел рядом со мной, уже готовилась просить поведать мне её, когда он неожиданно произнёс:

— Алён, только обещай, что ничего не скажешь Наташе. Ни при каких обстоятельствах. Это важно.

— Конечно, не скажу. Да и где я её увижу-то, мы ведь...

— Увидишь ещё, — Лев махнул рукой, словно ни капли в этом не сомневался. А я вот сомневалась. Как-то не горю я желанием общаться с женщиной, в которую он до сих пор влюблён. Я же не мазохист! — Так вот... Когда Наташа и Виталья готовились к свадьбе, братец мой закрутил роман с другой девушкой, и об этом стало известно Елизавете Андреевне.

Клянусь, если бы я не сидела, я бы упала. Такого я не ожидала совсем!

— Э-э-э...

Лев понимающе кивнул, глядя на моё ошеломлённое лицо.

— Да, неприятная история. Наташа на тот момент уже была беременна, и вообще она очень сильно любит Виталю, так что... Елизавета Андреевна тогда просила у меня совета. Она изначально ко мне хорошо относилась, да и понимала, что только я ничего никому не разболтаю. Я поговорил с Виталей, он бросил ту девчонку, мы договорились сохранить эту историю в тайне, но Елизавета Андреевна, естественно, с тех пор брата моего недолюбливает.

— Да как она вообще... — пробормотала я. — Я бы убила его! Собственными руками задушила бы!

— Мне тогда тоже этого хотелось. — Лев сжал зубы, и в глазах его мелькнула боль. — А я и вмазать ему толком не мог — свадьба ведь через пару недель, ни к чему с фингалами на

ней появляться, да и как бы я потом это Наташе объяснил? Поговорил просто.

— И что? — я скептически подняла брови. — Он с тех пор не...

— Не знаю, — сосед пожал плечами. — Я Виталю не спрашивал. Надеюсь, нет.

Я подумала и честно призналась:

— Мне очень жаль Наташу.

— Мне тоже, — сказал Лев негромко, вновь отводя глаза.

Несмотря на этот тяжёлый разговор, в лифте нашего дома сосед подошёл ко мне вплотную, обнял и, склонившись к губам, прошептал:

— Погуляешь сегодня со мной и Ремом?

Честно, отвечать, стоя вот так, когда его губы настолько близко — та ещё пытка...

— Не знаю, — шепнула я. — Если смогу.

— Приводи мальчишек. Я всё равно хотел поговорить с ними, чтобы не обижались.

— Думаю, они уже не...

Я не договорила — Лев поцеловал меня, и так жарко, что я моментально забыла, о чём собиралась сказать. Приподнялась на цыпочках, обвила руками шею — и погрузилась в поцелуй, как в омут.

Очнулись мы оба оттого, что с лязгом не раскрылись, а закрылись двери лифта. И свет остался гореть.

— Хм, — Лев кашлянул, оглядываясь с таким видом, словно вообще не понимал, где оказался. — Кажется, приехали.

— Да, — ответила я невпопад, тараща на его губы — влажные и зацелованные. Он вновь посмотрел на меня, вздохнул — и руки переместились ниже, сжав ягодицы, как чуть ранее, в классе.

— Чёрт... Алён, пойдём ко мне... — горячо зашептал Лев, жадно целуя меня в шею. — Пожалуйста, Алён...

И я бы согласилась, обязательно согласилась бы, потому что в тот миг я была полна единственным желанием — поскорее получить этого мужчину — и рассуждать на другие темы была не способна. Но у нас со Львом одновременно и настойчиво зазвонили телефоны, и звук наполнил окружающее пространство, отдаваясь от стен лифта, и был таким громким, что мы оба вздрогнули и моментально прекратили целоваться.

— Не сегодня, — проговорила я севшим от страсти голосом. — Позже.

— Ты меня так с ума сведёшь, — выдохнул Лев, но всё-таки выпустил меня из объятий.

Я смущённо улыбнулась, чувствуя себя почти двадцатилетней девчонкой, испытывающей колоссальное удовольствие от соблазнения парня. Если бы не горечь в сердце от понимания, что парень-то любит другую...

А может, я ошибаюсь, и всё совсем не так? Лев ведь ничего мне не говорил.

Ладно. Подумаю об этом чуть позже...

Дома меня встретили все члены семьи: радостные и неутомимые близнецы, очумевшая и безумно уставшая от них бабушка и спокойный, как сфинкс, Фима.

— Мама, мама, а мы тебе ужин приготовили! — загалдели мальчишки, и я хмыкнула, надевая тапочки.

— Мне уже начинать бояться? Что-нибудь сгорело?

Фред и Джордж надулись, поэтому ответила бабушка, действительно выглядевшая так, словно весь день занималась тяжёлой атлетикой.

— Нет, но посуды грязной там полная раковина. Не успела помыть.

— Мы помоем!

Ага, ну да, помогут они. Последний раз попытка помыть посуду превратилась в урок по жонглированию тарелками, во время которого на нашем кухонном полу доблестно скончались чашка и три блюда.

— Правда, помоем, мам!

Я скептически прищурилась.

— А что приготовили-то?

Ребята гордо приосанились.

— Омлет!

О-о-о, неплохо. Раньше они не уходили дальше макарон с сыром или бутербродов. Я имею в виду готовые блюда, ибо недоделки близнецы выдавали нам с бабушкой с завидной регулярностью.

— С яблоками и грибами!

В последнюю секунду я удержала в себе вырывающееся «фу!», мило улыбнулась и заявила:

— Ну сейчас попробуем, что вы там наготовили. Сами-то пробовали?

— Нет!

— Конечно, нет!

— Это тебе!

Ох, ну кто бы сомневался...

Я всё-таки заставила близнецов попробовать омлет, мотивировав мальчишек высказыванием: «Хорошая хозяйка всегда пробует то, что приготовила». Быть хорошими хозяйками ребята хотели, поэтому вкусили страшное вместе со мной. И синхронно поперхнулись — мало того, что вкус у омлета был, мягко говоря, специфический, так ещё и с солью мои бандиты переборщили.

— Фу! — скривился Фред

— Буэ! — зажал рот Джордж. — Мама, как ты это ешь?!

— Вы же это сами приготовили, — хмыкнула я, пока бабушка хихикала в кулак, и продекламовала: — Чтобы нам не поправляться, надо нам не объедаться! Будем мы готовить гадость — будет ужин нам не в радость. Но зато стройна фигура! Вот такая конъюнктура.

Близнецы задумались, почесали затылки.

— А что такое кон...юн... — спросили одновременно и захлопали любопытными глазищами.

— Ну это вроде как сложившаяся ситуация, — объяснила я, ковыряя вилкой в омлете. Эх, яблочки антоновские, вкусненькие... Лучше бы я из них шарлотку испекла. Не Льву, нет. Хотя... кого я обманываю? — Мам, а нормального покушать ничего нет?

Родительница развела руками.

— Прости, Алён. Вон те бандиты все мои котлеты слопали. Картошки только чуть осталось, будешь?

— Мы не бандиты!

— Вы благородные пираты, — отмахнулась я, встала и подошла к холодильнику. — Давай картошку, а я сейчас себе настругаю салат из огурцов и... хм... и огурцов. Напомни

завтра доставку заказать, а то дома из овощей одни огурцы.

— Напомню, если сама не забуду.

— Мам, а мам... — заныли вдруг Фред и Джордж. — А дядя Лёва?..

Я замерла и насторожилась. Лев вроде как обещал поговорить с моими детьми, но кто знает, как у него получится. И почему ему вообще звонила мама жены брата?

Мама жены брата... Господи, это даже звучит бредово.

— Что — дядя Лёва?

— Ну-у-у... — протянули близнецы, переглянулись заговорщицки — ну прям два Штирлица, я даже умилилась — и выдали: — Он же сегодня с тобой на работу ходил, да? А в гости к нему мы когда пойдём теперь?

— Слушайте, — я вздохнула и зарылась поглубже в холодильник, — у вас совесть есть, а? Я только десять минут назад домой пришла, ещё не ела толком, если не считать вашего омлета, а вы мне уже допрос устраиваете. Пожалейте мать!

Фред и Джордж промолчали, только носами шмыгнули. И я, не выдержав, всё же написала Льву сразу после ужина краткое сообщение в ватсап:

«Позвони мальчишкам, когда сможешь. Переживают».

Он прочёл, но не ответил, и я даже успела немного расстроиться и поругать себя за навязчивость — во время мытья посуды это как-то особенно хорошо получается — когда у Фреда в комнате наконец зазвонил телефон.

— Дядя Лёва, дядя Лёва! — услышала я ликующие крики и, облегчённо выдохнув, прислонилась лбом к прохладной стене.

Этот мужчина умудрился пролезть в нашу семью, не успев жениться на мне. Что же будет дальше?..

А дальше Лев поговорил с Фредом и Джорджем, и ребята пришли на кухню сияющие, как две лампочки. Сосед всего лишь объяснил им, что у него появились неожиданные дела, и пообещал, что будет ждать нас в гости в ближайшие выходные — а мои бандиты уже расцвели, словно две рыжие розочки, и прибежали сообщать мне радостные вести.

Потом, когда близнецы ушли умываться, а я опустила на кровать в своей комнате, намереваясь чуть побездельничать и почитать перед сном книгу, телефон зазвонил уже у меня. Я посмотрела на экран и закусила губу — Лев. Сердце заполошно застучало в груди, руки похолодели от волнения, и я несколько секунд не брала трубку, выравнивая сбившееся дыхание.

— Алло...

— Алён? Ты можешь сейчас говорить?

Голос Льва показался мне уставшим.

— Да. Что-то случилось?..

Почему-то, задавая этот вопрос, я уже не сомневалась, что так оно и есть.

— У Наташи был выкидыш, — ответил Лев мрачно, и я от шока даже дышать перестала. — У неё истерика, у матери её истерика, у Виталика истерика... В общем, я хотел сказать, что завтра меня не будет в школе, Шустрову я предупредил. Мне нужно как-то это всё разрулить и всех успокоить. Не представляю, правда, как.

— Бедная, — прошептала я, зажмуриваясь — глаза кололо от слёз. — Это ужасно.

Лев помолчал несколько секунд, потом сказал ещё мрачнее:

— Наташа сейчас ужасно обижена на Виталика, говорит, что из-за него всё. Я не знаю, я же не врач, но думаю, доля истины в этом есть — он последнее время ей здорово нервы

трепал. Возвращаться домой она не хочет, но к Сашке и бабушке ей тоже нельзя в таком состоянии. Не представляю, как это всё разрулить, — повторил сосед, вздыхая. — Алён... через полчаса я пойду гулять с Ремом, пойдёшь со мной?

Если бы не вся эта ситуация, я бы, наверное, отказалась — устала просто ужасно, как всегда бывало после первого рабочего дня. Но мне хотелось поддержать Льва. Не знаю, любит он Наташу до сих пор или нет, но то, что он до сих пор решает проблемы семьи брата, и ему это не доставляет удовольствия, очевидно.

— Да, пойду.

Через полчаса, уложив близнецов и убедившись, что мама засела в своей комнате за просмотр какого-то сериала про любовь миллионера и простой девушки, я вышла из дома, спустилась вниз — и улыбнулась стоящему возле подъезда Льву. Он был в шляпе, но я всё равно заметила, что глаза у него кажутся уставшими и больными.

— Привет, — сказала я, наклонившись, и потрепала Рема по голове. — Как ты?

— Ты меня спрашиваешь или его? — Лев бледно улыбнулся.

— Тебя, конечно. Рем же не умеет разговаривать.

— Знаешь, иногда я жалею об этом. Думаю, он мог бы рассказать мне что-нибудь интересное. Что же касается меня... терпимо, Алён.

Мы медленно пошли вниз по улице, ко входу в парк.

И несмотря на то, что настроение у обоих было не очень, я всё равно наслаждалась прекрасной вечерней погодой. Небо было чистым, светло-голубым вверху и сиреневым внизу, а на закате горело бордовым — как след от зашедшего солнца. И воздух, невесомый и лёгкий после дождя, наполнял лёгкие, и с каждым вдохом дышать становилось всё легче, уходила накопившаяся за день усталость.

— Нехорошо так говорить, — вдруг произнёс Лев негромко, — но я думаю, это к лучшему. Витале и Наташе надо бы друг с другом разобраться, а не детей сейчас рожать.

— Некоторые рожают детей в надежде разобраться друг с другом, — пробормотала я, вспоминая парочку таких знакомых, и сосед скептически фыркнул.

— Всё равно что делить на ноль — бесполезно.

Математик...

— Впрочем, когда-то я этого не понимал, — вдруг признался Лев и остановился, ожидая, пока Рем пометит дерево. — Думал: как жена забеременеет, у нас всё наладится. Хорошо, что этого так и не случилось.

— Не забеременела?

— Она не хотела детей, — объяснил мужчина и пошёл дальше. Я шагала рядом и внимательно смотрела на его серьёзное лицо. — Может, ты встречала таких девушек? Её волновали собственная карьера, путешествия и приключения, друзья и тусовки, а дети — нет. «Когда-нибудь, после сорока», — так она мне говорила. Я пытался повлиять, надеялся, но... — Лев пожал плечами. — И хорошо, что не смог изменить её мнение, она бы потом пожалела, и все бы страдали — и я, и она, и тем более ребёнок.

— Лет в двадцать я бы не поняла даже, как можно не хотеть детей, — пробормотала я и подняла голову, косясь на наш дом. Верхние этажи виднелись за деревьями: в окне близнецов свет не горел. Надеюсь, они действительно спят. — А сейчас очень даже понимаю... Таких детей, как мои, вообще странно хотеть.

Лев рассмеялся и посмотрел на меня с лукавством.

— Ладно тебе, я уже говорил — хорошие мальчишки. А сейчас они лучше себя ведут, правда?

— Правда. Но вот сегодня...

И я принялась рассказывать Льву про прекрасный пересоленный омлет с грибами и яблоками. Он ещё больше повеселел, и домой мы возвращались почти в радостном настроении.

И долго целовались в лифте, а потом и на лестничной площадке.

Но домой к нему я всё же не пошла.

Весь следующий день был заполнен переживаниями. Во-первых, я беспокоилась за Льва — как он там справляется с истериками родственников? — во-вторых, раздражалась на коллег, которые засыпали меня вопросами о нём и пытались выведать, что случилось, чуть ли не силой. В-третьих, Фред и Джордж предсказуемо засопливились, как всегда после возвращения с моря — акклиматизация, и я волновалась ещё и за них. Обычно у мальчишек всё заканчивалось соплями и небольшой температурой, но мало ли...

До вечера от Льва не было ни сообщений, ни звонков, и чем больше проходило времени, тем сильнее я сомневалась, стоит ли мне самой звонить или писать. Мало ли, может, ему не до меня? Да и вообще я ему никто, так, соседка.

Терзалась подобным образом я до девяти вечера — в девять Лев написал сам.

«Я дома, только приехал. Как у тебя прошёл день?»

От облегчения, что он всё-таки вспомнил обо мне, я едва не свалилась с кровати. И тут же, сжав телефон в руке с такой силой, что он едва не затрещал, призналась самой себе — нет, так дальше не может продолжаться. Нам со Львом надо поговорить нормально, по душам, и прояснить, что мы хотим от этих отношений. Возможно, если бы я не подслушала тот его разговор с братом, то и не заморачивалась бы, но что было, то было. И я не могла понять, зачем я Льву, если существует женщина, в которую он влюблён, и у которой, по-видимому, рушится брак. Не лучше ли бросить все силы на её завоевание, а не тратить время на меня и моих детей?

Кроме того, мне очень не хотелось, чтобы Лев, хорошенько очаровав Фреда и Джорджа, через пару-тройку месяцев бросил и меня, и их. Сейчас ещё не поздно дать задний ход, ребята, конечно, будут переживать, но я объясню. Они не маленькие, поймут. Но ещё немного — и для них это окажется слишком сильной травмой.

«Прошёл почти как вчера, в рутине. А как твои дела?»

Я и не надеялась, что Лев ответит больше двух слов. Но сосед удивил.

«Так и не расскажешь. Может, ты спустишься, Алён? Сейчас или через час, когда я пойду выводить Рема».

Я посмотрела на часы в углу экрана. Девять часов пятнадцать минут. Около десяти близнецы отправятся по кроватям, мама — смотреть телевизор, как всегда, а значит...

«Через час».

Ровно через час я, как и обещала, спустилась вниз — и вся моя решимость поговорить откровенно едва не растворилась в окружающем пространстве, когда я заметила, каким замученным выглядит Лев. Настолько замученного человека я последний раз видела лет пять назад, когда маме удаляли желчный пузырь — её лечащий врач всю ночь и утро оперировал, а потом пошёл разговаривать с родственниками пациентов, среди которых была и я. С землисто-серым лицом и красными от недосыпа глазами, тот хирург напомнил мне вампира, как и Лев сейчас.

— Как тебя укатали, — пробормотала я, подходя ближе. Погладила ткнувшуюся в ладонь мордочку Рема, потом посмотрела на Льва — и замерла, не зная, что делать дальше. Обнимать его, нет?..

Он решил за меня. Шагнул вперёд, приобнял и коснулся губ почти невесомым поцелуем, разом разбудившим во мне мечты о большем.

— Ты верно сказала — я себя чувствую укатанным, словно асфальт, — произнёс Лев тихо, потеревшись носом о мою щёку каким-то родным и абсолютно естественным жестом — так, словно мы уже тысячу лет женаты и я встречаю его после тяжёлого дня. — Думал, не выдержу, пошлю всех на... — Он вздохнул. — Чёрт, даже эвфемизм не могу придумать, дожили.

— Ого, ты знаешь это слово? — отшутилась я, аккуратно отстраняясь. От этого абсолютного чувства единения, родства и нужности было неловко, как в гинекологическом кресле. Странно сидеть в подобной позе с раздвинутыми ногами перед чужим человеком — и странно ощущать подобное к мужчине, с которым знакома четыре месяца.

— Конечно. Ты же знаешь слово «интеграл», почему я не могу знать слово «эвфемизм»?

— Слово-то я знаю, но совершенно не помню, что оно означает.

Лев улыбнулся, и мы двинулись к парку. Сегодняшний вечер казался более прохладным, чем вчерашний, но погода всё равно была ещё по-летнему тёплой, только в воздухе уже начинало сладко пахнуть увядающими листьями.

В уставшем, но уютном молчании мы шли несколько минут. Рем делал свои дела, нюхал всё подряд, пару раз нюхался с проходящими мимо собаками, и всё время оглядывался на нас — словно боялся потерять. А я смотрела на него и никак не могла решиться...

Может, не надо? Лев и так устал, а тут ещё я со своими разговорами.

— Расскажешь? — спросила я в конце концов, когда мы вошли в парк и пошли по ближайшей аллее. Несмотря на относительно ранний час — всего-то десять — она была абсолютно пустой.

— Ничего интересного на самом деле, Алён, — вздохнул Лев, поправляя свою вездесущую шляпу. — Сначала я ездил к Елизавете Андреевне, разговаривал с ней. Она дико злится на Виталика, видеть его не хочет, но Саше, само собой, на мозги не капает. Племяшка скучает по папе, но поскольку мой брат частенько ездит по командировкам, всё это пока терпимо. Я помог Елизавете Андреевне с кое-какими покупками, починил им заедающий дверной замок, а потом помчался к Виталику. — Лев замолчал, и я, поглядев на него, заметила, что на скулах у мужчины ходят желваки. — Этот идиот надрался в хлам с горя, хотя я накануне просил его держать себя в руках. Винился, рыдал, чуть ли не головой об стену стучал, говорил, что уедет куда подальше, чтобы Наташе глаза не мозолить.

— Ну, он хотя бы чувствует себя виноватым... — пробормотала я, испытывая невольную неприязнь — после рассказа Льва о случившемся перед свадьбой брата я не могла нормально относиться к Виталию.

— Чувствует, а толку? — ответил Лев чуть раздражённо, но я поняла, что раздражён он не на меня. — Всё уже случилось, слезами, а тем более пьянкой, горю не поможешь. Ему сейчас надо перед Наташей грехи замаливать, на руках её носить, а он в сопли ударился. И эти заявления — уеду... Если он уедет, то обратно уже не вернётся. Какая женщина простит, что её бросили в подобной ситуации?

Я не стала озвучивать собственные мысли о том, что для Наташи, возможно, подобное поведение Виталика — к лучшему. Она красивая, молодая, а на нём свет клином не сошёлся...

— Она любит его, — сказал Лев, будто бы отвечая на эти мои мысли. — Ей другой мужчина не нужен. Но, конечно, если Виталик сейчас оплошает...

— Ты к ней в больницу тоже ездил? — спросила я, сглотнув. Было почему-то очень страшно.

— Нет. Хотел, но она сказала, не нужно. Вещи у неё все есть, а видеть она никого сейчас не хочет.

— Даже тебя? — вырвалось невольно, и Лев покосился на меня с удивлением.

— Конечно. У нас хорошие отношения, но я всё-таки Наташе не родственник.

Я нерешительно молчала, не понимая, стоит ли начинать. Лев устал, я тоже... может, отложить? При этом я осознавала, что на самом деле все мои отговорки подчинены одной-единственной причине — я отчаянно боялась услышать от Льва подтверждение слов Виталия.

— Я хотела рассказать тебе кое о чём... — почти прошептала я, всё же решившись. Задрала голову, уставившись в небо, сглотнула, пытаюсь прогнать комок в горле. Лев молчал, шагая рядом, в метре от меня, и в его походке мне слышалось спокойствие. — В тот день, когда у тебя ночевала Марина, я утром хотела прийти, чтобы поговорить. Вышла из квартиры, и тут... В общем, к тебе приехал брат, и я слышала ваш... диалог.

Лев по-прежнему молчал, а я боялась на него смотреть, поэтому не знаю, каким было выражение его лица.

— Но я хотела спросить даже не о том, правда это или нет, а... — Вздохнула. И даже воздух в то мгновение казался мне горьким. — Я хотела узнать... Зачем тебе я? И мальчишки. Ты же понимаешь...

— Я всё понимаю. — Лев говорил спокойно. Он словно не удивился ни моему признанию, ни вопросу. — Алён, это очевидно. Ты мне понравилась. Если бы мои намерения не были серьёзными, я бы не начал общаться ни с тобой, ни тем более с твоими детьми, чтобы не тревожить ваш устоявшийся уклад. Но так получилось, что несколько раз жизнь нас сталкивала, я смотрел на тебя, на них, и думал, что хотел бы иметь и такую жену, и таких сыновей.

Меня бросило в жар, а Лев вдруг остановился и взял меня за руку, заглядывая в глаза. Он снял шляпу, будто собирался в церковь, и держал её во второй руке, вместе с поводком Рема.

— Я не собираюсь играть или обманывать, — сказал он серьёзно. — Ни тебя, ни мальчишек. Я говорил тебе, что не тороплю, но не думал, что ты не понимаешь: я хочу от тебя не только секса. Я хочу создать семью.

Мне стало ещё жарче. Но всё же — кое-что было не так.

— Ты меня любишь? — спросила я тихо, чувствуя себя человеком, который собирается прыгать в пропасть вниз головой. — Любишь?

Он молчал, чуть хмурясь, но не отводя взгляда. И это молчание уже дало мне ответ...

— Алён... я не буду обманывать, как и обещал. Ты мне очень нравишься, меня к тебе тянет, я уважаю тебя и восхищаюсь тобой — твоей стойкостью, чувством юмора, жизнелюбием и отношениями с мамой и близнецами. Я хочу создать с тобой семью. Но любовь ли это, я не знаю. В конце концов, это просто слово, Алён.

Просто слово... Я криво усмехнулась, глядя в спокойное, как и всегда, лицо Льва. Что ж, теперь всё понятно. У него не получилось создать семью с бывшей женой, Наташа для него недостижима, я ему понравилась — и вот...

И ведь он не обманывает. Действительно, не обманывает. Но отчего так больно-то?

— Что у тебя было с Наташей?

Лев качнул головой. Он по-прежнему не отводил взгляда.

— Ничего, — ответил искренне, и я сразу поняла: правда. — Виталия привёл её к нам домой, когда они уже серьёзно встречались, и я не стал вмешиваться. Влюбился, как

мальчишка, да. И плохо мне было. Об этом знают все, кроме неё. Я и женился в пику этой ситуации, надеялся, что семья отвлечёт, но ничего не вышло.

— И ты её до сих пор любишь.

Он чуть поморщился.

— Алён, Наташа — жена моего брата.

— Они, может, разведутся, — я пожала плечами. — Послушай... По-моему, ты совершаешь ошибку. Тебе надо обратить внимание на женщину, которую ты не можешь забыть, проблемы которой ты до сих пор решаешь, как свои, а ты вместо этого наступаешь на те же грабли. Один брак у тебя уже не получился, второй неудачный хочешь? Я непростой человек, Фред и Джордж вообще стихийное бедствие. Отвлекаем от всего мы, разумеется, хорошо, но это единственный плюс. Остальное — минусы.

— Алён...

— Давай не будем, — перебила я Льва, отпуская его руку и делая шаг назад. — С мальчишками общайся, им полезно, но не привечай слишком уж сильно. А со мной... не надо. Понимаешь, — я всхлипнула, пытаюсь не расплакаться, — я уже была замужем. По любви, Лёва, по той самой, о которой пишут книги и слагают поэмы. А ты мне предлагаешь какой-то суррогат. Я не могу так, прости. Я ценю твою честность, но...

— Я понял, — сказал он так же спокойно, но его голос меня не обманул — в глазах Льва словно ураган бушевал. Но я не могла определить, какие чувства там были... разочарование — да, а что ещё? — Тебе тоже спасибо за честность. Пойдём домой?

— Да. Пойдём.

На этот раз в лифте мы не целовались. И даже не попрощались, просто разошлись по квартирам.

А ночью я долго плакала в подушку, и никак не могла остановиться...

В школу на следующий день я пошла с дикой головной болью, но в этом не было ничего удивительного — полночи я прорыдала, а вторые полночи простояла у окна, вдыхая свежий и уже почти осенний воздух и пытаюсь успокоиться. С неба на меня светили большая ярко-жёлтая луна и мерцающие, холодно-белые звёзды, спокойно и невозмутимо смотрящие на то, что происходит на земле. Точно так же они смотрели на меня, когда я стояла у окна в роддоме после того, как узнала, что Антона больше нет, а Фред и Джордж позади сладко сопели в своих кроватках. Совсем другая ситуация... но чувства почему-то оказались похожи. Сейчас я тоже ощущала себя так, словно у меня вдруг умер близкий человек.

Странно. Ведь Лев не умер, да и разве он был мне близок, как Антон? Нет. Просто я, кажется, надеялась... На что? На жизнь. Обычную, счастливую. Хотела быть любимой и... да, любить сама.

Следовало это признать уже давно, но мне хватило духу только теперь — я влюбилась. Когда именно это произошло, в какой момент, я не знала, но понимала, что не ошибаюсь. Вообще глупо было объяснять все свои реакции на Льва как исключительно игру гормонов — не такой я человек, чтобы на одной только физиологии ревновать, скучать, желать увидеть и прикоснуться. Просто Лев умудрился пролезть в душу и сердце не только близнецам, но и мне.

Что с этим делать, я не имела ни малейшего понятия. Даже если бы не было этих чувств, я всё равно не захотела бы того, что предлагал Лев — взаимовыгодное партнёрство, а не брак. Ещё бы договор предложил составить... А учитывая мои чувства к соседу, я не

хотела ничего подобного в двойной степени, или как там это правильно говорить, чтобы по-математически...

В общем, утром я шла на работу в состоянии полнейшей разбитости и вздохнула с облегчением, не встретив по пути Льва. Кольнуло беспокойством — может, у него опять что-то произошло? — но быстро отпустило. Что бы ни произошло, это наверняка связано не с ним самим, а с его родственниками, а это уже не так страшно.

В школе я быстро спряталась в своём кабинете и постаралась носа оттуда не высовывать до самого обеда. Ко мне иногда забегали коллеги, спрашивали что-нибудь, шутили, рассказывали про свои закончившиеся отпуска, я кивала и улыбалась, а сама мыслями была где-то далеко. И очень боялась, что в один прекрасный момент вместо очередного коллеги-преподавателя в мой класс заглянет сам Лев и предложит пообедать, но теперь уже моими бутербродами. Я опасалась видеть и слышать его в подобном нервном состоянии, а ещё — не взяла утром с собой никаких бутербродов. И теперь была вынуждена терзаться не только от любви, но и от голода.

В конце концов я позвонила маме, сообщила, что скоро приду домой, закончила с очередной архиважной бумажкой для завуча и вышла из кабинета. Покосилась на другой конец коридора — дверь класса Льва была закрыта и никто не толпился рядом. Я точно знала, что сосед был сегодня на работе, об этом сообщали забегающие, но как давно он ушёл?

Я спустилась по лестнице, кивнула охраннику, пересекла школьный двор, вышла за калитку... и буквально нос к носу столкнулась с явно ожидающим меня Львом. От неожиданности остолбеневав, я ощутила, как у меня немеют ноги, а к щекам приливает краска.

— Привет, — сказал Лев, наклоняя голову. Шляпы на нём не было, и я имела удовольствие любоваться на словно охваченную жарким огнём макушку. — Я могу проводить тебя?

Ещё несколько секунд я стояла, просто глядя на соседа, и недоумеваю, как он умудрился тут очутиться. Ну не караулил же несколько часов!

— Привет, — пробормотала наконец, зачем-то нервно стискивая в руках сумочку через плечо. — А ты... тут...

— Мне позвонила твоя мама, — объяснил Лев, и всё сразу стало ясно-понятно. Ну конечно, родительница по-прежнему не оставляет мечты выдать меня замуж. Как там было в сказке «Морозко»? «Хочу жениха! Хочу богатства! Хочу-хочу-хочу!». — Сообщила, что ты собираешься домой, интересовалась, не желаю ли я прийти к вам на ужин.

Нет, она не родительница, она — вредительница! И как в таких условиях выполнять мой план и держаться подальше от Льва?

— И ты?..

— Я сказал, что сегодня занят, — ответил сосед, едва уловимо улыбнувшись. Но глаза у него были серьёзными. — Решил, что не стоит мозолить тебе глаза. Но, Алён, во-первых, я надеюсь, что ты...

— погоди, — перебила я Льва, оглядываясь — меня вдруг осенило, где мы вообще-то сейчас находимся. — Давай отойдём. А то сейчас из школы ещё кто-нибудь выйдет, увидит нас, услышит что-нибудь лишнего и...

— Хорошо, — кивнул Лев. — Позже. Пойдём к остановке. Автобус по расписанию через пять минут.

И я, конечно, пошла. А что мне ещё оставалось?

В автобусе мы хранили молчание, но как только выбрались из него на ближайшей к нашему дому остановке, я всё-таки поинтересовалась:

— Так что ты хотел сказать? Там, возле школы.

— Ничего особенного, — с готовностью ответил мужчина. — Во-первых, я надеялся, что ты позволишь мне себя проводить, а во-вторых — что ты не станешь избегать меня после вчерашнего разговора. Мне кажется, ты уже давно должна была убедиться, что я понимающий человек. И я тебя понял. И принял к сведению. Мы можем просто общаться, как хорошие знакомые, вместе гулять с близнецами. Можем ведь?

Мне хотелось ответить: «Нет, не можем», но тогда пришлось бы объяснять, почему, поэтому я, стараясь казаться невозмутимой, произнесла:

— Конечно.

— Вот и славно. — Голос Льва сразу стал теплее. — Тогда скажи мальчишкам, что я приглашаю вас в гости в субботу вечером.

— О! — я хлопнула глазами. — Да? Они будут рады.

— Я тоже, — заверил меня Лев, и я дипломатично промолчала.

Близнецы не просто были рады — они буквально возликовали, даже несмотря на сопливые носы, чуть слезящиеся глаза и небольшую температуру. Впрочем, состояние их всё равно было уже гораздо лучше, чем утром, поэтому я сказала:

— Однако помните, что к субботе вы должны быть как два рыжих огурца! Иначе ни в какие гости мы не пойдём, само собой.

Фред и Джордж укоризненно посмотрели на меня красноватыми глазками.

— Мама, но мы же не заразные...

— Это же просто климатизация...

«Ак» они каждый раз пропускали, как лишнюю деталь. И действительно, зачем она нужна?

— Неважно. Дяде Лёве всё равно не доставит удовольствия на ваши сопли смотреть. Так что сначала — здоровье, а уже потом — торт!

По-моему, от радости у них даже сопли внезапно прошли.

— То-о-орт?!

— А будет то-о-орт?!

Вот зря я, наверное, это сказала. Но в конце концов, я медовик детям печь собираюсь, а Лев так, сбоку припёка. А у них будет дополнительный стимул выздороветь!

— Да. Если поправитесь.

Мальчишки радостно заулыбались.

— Поправимся. Обещаем, мам!

— Да-да, обещаем!

Чуть позже, когда мы с моей собственной родительницей убрали со стола, я поинтересовалась у неё, стараясь, чтобы голос звучал нейтрально:

— И зачем ты сегодня позвонила Льву?

Мама посмотрела на меня, как на козу, которой бесполезно объяснять значение букв алфавита — всё равно интеллект не позволит научиться читать.

— Лев сам мне позвонил с утра, спрашивал, ушла ты уже на работу или нет. И я сразу поняла, что вы опять поссорились — ну, раз ты от него бегаешь. Ещё и обед с собой не взяла! Совсем сдурела девка.

— А откуда ты...

— Что я, по-твоему, не помню, сколько хлеба у нас оставалось вечером? Утром смотрю — то же самое. И колбаса на том же месте, и сыр. Тут, знаешь ли, и идиот сложит два и два.

Я тяжело вздохнула. Нет, у меня не мама, а какой-то Шерлок Холмс. Это ж надо, ещё и колбасу с хлебом проверила!

— Но раз Лев нас в гости пригласил, вы если и не помирились, то на пути к примирению, а значит, я довольна, — заключила родительница торжественно, и я решила промолчать и не разочаровывать её. Мы ведь с соседом и не ссорились... Просто для него возможны отношения и брак без любви, а для меня — нет. Как говорится, элементарно, Ватсон.

А на следующий день в школу начали стекаться мои одиннадцатиклассники — получать учебники, общаться, прибираться в классе. Почти все загорелые, отдохнувшие, красивые, с опустевшими после лета головами. Я смотрела на них — и не могла представить, что на будущий год они сюда не придут. Всё же эти ребята — мой первый опыт классного руководства. Я взяла их сразу, как вышла на работу. Фред и Джордж тогда были совсем крошками, но я была вынуждена оставить их с бабушкой — нам требовались деньги. Впрочем, не только деньги — мне было необходимо как-то отвлечься, дома я погружалась в депрессию больше, чем могла себе позволить. Поэтому я вышла на работу, а чтобы мне было совсем весело, взяла в классное руководство пятиклассников.

Почти семь лет прошло... страшное дело.

На фоне загорелых после лета одноклассников наша главная отличница Наташа Иванова в этот раз выглядела слишком бледной — явно никуда не ездила. Я бы промолчала, но ребята её затормошили вопросами, что да как, и лишь влюблённый в Наташу по уши Федя Клочков ничего не говорил, смотрел только искоса. Близко он не подходил — главным образом потому что рядом с Наташей, как всегда, стоял Серёжка Савинков — мальчик из параллельного класса, с которым она встречалась. До сих пор не понимаю, как её угораздило — Серёжка, на мой взгляд, ей совершенно не подходил, но любовь-то зла, особенно в семнадцать лет.

— Да, мы с родителями в этом году в Москве торчали, — говорила она, улыбаясь, но улыбка казалась мне какой-то бледной. — Так получилось.

Наташа всегда была живой и радостной девочкой, к тому же, очень симпатичной — тёмные волосы, ярко-голубые глаза, фарфоровая кожа, правильные черты лица и хорошая фигура. Она нравилась не только Феде, но до глубины души влюблён был он один, даже Серёжа... нет, не до такой степени.

Но сегодня в Наташе не было ни живости, ни радости, ни тем более яркости — она словно пришла в школу после затяжной и тяжёлой болезни. Впрочем, может, так и есть? Кто знает, вдруг они всей семьёй перенесли лютый грипп, поэтому и на море не поехали.

Чуть позже, когда ребята, наговорившись всласть, забрали учебники и отправились по домам, Федя, оставшийся, чтобы помочь мне помыть парты и расставить стулья, спросил, чуть хмурясь:

— Алёна Леонидовна, а вам не показалось, что Наташа плохо себя чувствует?

Я посмотрела на его обеспокоенное лицо и на мгновение задумалась — как лучше ответить? В нашей работе правильно ответить не по учёбе, пожалуй, ещё важнее, чем по теме урока.

— Показалось. Но, Федя, это её личное дело. Если она предпочитает ничего не

рассказывать, не стоит спрашивать.

Клочков нахмурился сильнее. Он был вполне симпатичным мальчишкой, но до Серёжи Савинкова не дотягивал — тот вообще ходячая фотомодель, высокий и светловолосый, красивый, как с картинки. Федя когда-то дал ему прозвище «Голливуд», и я была согласна с ним на все сто процентов.

Хотя Клочкову, разумеется, наверняка кажется, будто он сам — тот ещё уродец. В семнадцать так кажется почти всем, а уж если ты ещё и лопоухий... Это вообще непростительный недостаток. Потом, я надеюсь, Федя вырастет и поймёт, что не в ушах счастье, а пока прикрывает их длинноватыми волосами, которые ему совсем не идут.

— Да толку её спрашивать, — пробормотал он, возя мокрой тряпкой по столу так остервенело, словно надеялся, что вырезанная ножом надпись «Валя + Коля = сердечко», которая красовалась на этой парте столько лет, сколько она стояла на этом месте, вдруг сотрётся. — Она и не ответит. Не нравлюсь я ей совсем. Думает, что я дурак.

— Понимаешь, Федя, — сказала я серьёзно, — все люди разные. У Наташи математический склад ума. Плюс она ещё молоденькая, — я улыбнулась. Мне нравилось, с какой вдумчивостью Клочков всегда меня слушал. У него были неважные отношения с матерью — хронической алкоголичкой, и он, по-видимому, нашёл во мне её замену. По крайней мере ту часть, что касалась жизненных советов. — Как и ты, впрочем. Но у тебя нет математического склада ума. Так вот, Наташа думает, что если человек учится на тройки — значит, он не слишком умный, и в принципе так себе, средненький. Как и его отметки. Она не замечает твою личность, потому что не смотрит глубже твоих оценок в дневнике.

— Но это же неправильно, — пробормотал Федя оторопело. — Многие известные люди вообще плохо учились в школе! Уинстон Черчилль, например! А Эйнштейна вообще исключили за неуспеваемость!

— Федя, — я погрозила мальчишке пальцем, — это не оправдание твоим тройкам. Давай, подтягивайся. Я же знаю, на что ты способен. Особенно по математике — не расстраивай нового учителя.

— Нам наверняка дадут Олега Петровича, — покачал головой Клочков, и только тут я вспомнила, что хотела поговорить на эту тему с Шустровой, но забыла. — Не может нам так повезти, чтобы дали не её.

— Может, — возразила я. — Лев Игоревич перенял учебный план Новицкой, по нему вы были у неё, значит, скорее всего, там и останетесь. Но я спрошу у завуча, скажу тебе тогда.

Федя кивнул, а потом спросил с любопытством, причём кончики ушей, торчащих из-под причёски, у него забавно покраснели:

— А правду говорят, что Лев Игоревич — ваш сосед по дому?

О, и до моих сплетня долетела. И когда успела только? Первый день в школу пришли на пару часов, а уже в курсе.

— Правда.

— Здорово! — восхитился Федя, но больше ничего, к моему облегчению, уточнять не стал.

И вновь после работы Лев взялся меня провожать. Я не возражала — всё равно бесполезно, так чего зря слова тратить? Не понятно, зачем ему это надо, особенно если учитывать тот наш разговор, но если хочет — пусть. Я заодно ещё и в магазин забежала, а

потом он сумки у меня забрал, и я шла до дома налегке. Красота! Всё-таки мужик — полезная вещь в хозяйстве.

Пятница пролетела незаметно и принесла с собой главную новость — Фред и Джордж полностью выздоровели и всю готовились к завтрашнему походу в гости. Подготовка их главным образом состояла из доведения до белого каления родных бабушки и мамы всевозможными требованиями, основным из которых было требование поскорее испечь торт. Очень они переживали, что я не успею.

— Тортом я буду заниматься, когда вы ляжете спать, — объясняла я им раз, наверное, в двадцатый. — К завтрашнему вечеру он как раз пропитается, и всё будет отлично.

— Ну-ма-ма-а-вдруг-ты-не-ус-пеешь... — ныли близнецы. — И-мы-ха-тим-пас-мат-реть...

Посмотреть ни хотят, угу. Да если на меня смотреть во время того, как я заварной крем делаю, он точно свернётся. Проверено многими годами практики.

— Нет, — отрезала я безапелляционно. — Никаких «посмотреть» сегодня. Завтра и посмотрите, и поедите.

Пришлось моим охламонам смириться со своим будущим. А мне пришлось попотеть — торт я готовила почти до полуночи, и когда наконец он был готов и погружён в холодильник до завтра, мне уже ничего не хотелось, кроме как принять горизонтальное положение и отрубиться до утра. А лучше — до обеда завтрашнего дня.

До обеда, конечно, не получилось. Утром оказалось, что продуктовые запасы изрядно поедены за неделю, да и зубная паста кончилась. Можно было заказать доставку, но мне хотелось хоть немного пройтись в одиночестве — в моём положении это совершенная роскошь, — поэтому я оставила Фреда и Джорджа на полчаса под охраной бабушки, а сама выбежала в магазин.

И остолбенела.

Возле подъезда остановилось такси, оттуда выпорхнула сначала незнакомая мне пожилая женщина — высокая, статная, с короткой стрижкой и решительным лицом. Чем-то она напомнила мне Мерил Стрип в фильме «Дьявол носит Прада» — даже цвет волос похож, какой-то серебристо-белый, словно элегантная седина. А после этой Мерил Стрип из машины медленно и будто бы нехотя выбралась Наташа — жена брата Льва. Несмотря на то, что я видела её всего пару раз, я сразу её узнала. Хотя сейчас это сделать было не так просто — раньше она была весёлой и цветущей, а сейчас... уставшая, поникшая и словно безразличная ко всему женщина.

Она меня тоже заметила и будто бы сразу встрепенулась — выпрямила спину, чуть улыбнулась бледной улыбкой, махнула рукой.

— Алёна!

Я кивнула и подошла ближе, несмотря на то, что делать этого не хотелось, но убежать было бы невежливо.

Наташина мама — ну а кто ещё это может быть? — обернулась и смерила меня с ног до головы ледяным взглядом. В нём не было неприязни — впрочем, приязни тоже, — просто холод и безразличие.

— Мам, это соседка Лёвы, — объяснила Наташа, по-прежнему улыбаясь мне. — У которой близнецы. Алёна. Помнишь, мы рассказывали?

Вот теперь во взгляде пожилой женщины появилась настороженность. Словно я была врагом, от которого не знаешь, чего ожидать.

— Помню, — ответила она с достоинством королевы. — Очень приятно. Елизавета Андреевна.

— Алёна, — повторила я, опустив отчество — всё же мы не в школе. — Мне тоже. — Вру, но что делать? — Вы ко Льву?

Услышав этот вопрос, Наташа тяжело вздохнула, а её мама поджала губы и укоризненно поглядела на дочь.

— Да, — ответила Елизавета Андреевна. — Наташ, пойдём.

— Не пойду я, — девушка покачала головой и сделала шаг ко мне, отходя от матери подальше, будто боялась, что та сейчас схватит её за руку и потащит за собой. — Иди одна, ты и без меня прекрасно справишься.

— Наташа...

— Иди-иди, — ещё шаг, и она взялась за мой локоть, удивив этим до крайности, кажется, не только меня, но и собственную мать. — А мы тут с Алёной поболтаем. На качелях, вон, покачаемся.

Я думала сказать, что мне особо некогда качаться, надо бежать сначала в магазин, потом домой, но почему-то промолчала. Наверное, в глубине души я хотела поговорить с Наташей. Что Лев к ней чувствует, я уже поняла, но что чувствует она к нему? Мне было интересно.

— Ладно, — произнесла Елизавета Андреевна со спокойной холодностью, но во взгляде её явно читалось недовольство непослушной дочерью. — Тогда я пойду, а ты жди меня, никуда не уходи. Если понадобится помощь, я позвоню.

Она развернулась и зашагала к подъезду. Прямая, как палка, уверенная в себе женщина в деловом синем костюме и таких же тёмно-синих туфлях на каблуках. Словно на работу приехала устраиваться, а не в выходной день с утра пораньше решила навестить брата мужа дочери.

Брат мужа дочери... Нет, я никогда не перестану этому удивляться.

— Простите, Алёна, — сказала Наташа, когда её мама скрылась за входной дверью, — я воспользовалась вами, чтобы не идти к Лёве.

— А почему вам так не хочется к нему идти? — поинтересовалась я с удивлением и добавила, улыбнувшись: — Он же не кусается.

— Да, — девушка вздохнула, опуская голову, отчего тени у неё под глазами стали глубже. Сразу подумалось, что она в последнее время много плачет. — Лёва замечательный. Но... пойдёмте, сядем на скамейку на детской площадке, я вам расскажу.

И несмотря на то, что мне было любопытно, я тем не менее пробормотала:

— Вы уверены?..

— Да. Мне нужно поделиться. Пожалуйста!

Подделиться... Это я понимала, хотя сама, если честно, всегда была из тех людей, которые предпочитают разговорам молчание. Я даже с мамой толком не обсуждала самое главное событие в своей жизни — смерть Антона. Да и не могла обсуждать. Стоило мне открыть рот и вспомнить об этом, как у меня пропадал голос.

Мы сели на скамейку рядом с песочницей, которая была сейчас пуста, и Наташа какое-то время молчала, нервно перебирая пальцами кофточку. Вот такая — в джинсах и тонкой хлопковой вязаной кофте — она казалась мне похожей на школьницу. Я даже невольно вспомнила другую Наташу, которую видела накануне и которая тоже была бледной, уставшей и замученной.

— Я знаю, Лёва рассказал вам, — почти прошептала она и дёрнула кофточку вниз, будто хотела оторвать кусок ткани. — Про моего ребёнка.

— Рассказал, — подтвердила я, протянула руку и заставила Наташу выпустить одежду из кулака. — Я вам очень соболезную. Правда, очень.

— Да, — ответила она невпопад, чуть побледнев. — Знаете, когда это всё случилось, я думала о вас. У меня нет таких знакомых, у которых умирали бы мужья или дети.

— Это хорошо. Такое ни к чему.

— Да. Просто... мысли о вас помогли мне. — Она вздохнула и потерла глаза ладонью. — Это ужасно, наверное — когда чужое горе помогает пережить собственное.

— Нет, — возразила я, испытывая жуткое желание взять Наташу за руку и как следует пожалеть. — Это хорошо. Значит, вы способны на сочувствие. Даже в такой ситуации, как ваша — вы можете думать о бедах других людей, не замыкаться в себе. Это правильно.

— Наверное... Но я хотела рассказать не об этом. Перед тем, как... у меня был выкидыш, мы с мужем сильно поссорились. Не один раз даже, а несколько. И теперь мне не хочется его видеть. Было бы правильно поехать к маме, тем более, что там сейчас Саша — моя дочь. Но...

— О, — я даже улыбнулась, — понимаю. Я же видела только что вашу маму. Я бы тоже поостереглась отправляться к ней.

Наташа бледно улыбнулась в ответ.

— Ох, это ещё не всё. Моя мама... ей всегда нравился Лёва. Это не удивительно, конечно, кому он не понравится... Но сейчас она хочет уговорить его приютить меня на несколько дней, а сама говорит, что мне за это время надо воспользоваться ситуацией и... ну, вы понимаете.

Вот так Елизавета Андреевна! Стратег и полководец. В принципе, логично — она наверняка понимает, что Лев влюблён в Наташу, а тут дочь в беде, её брак рушится, надо этим воспользоваться и быстренько подложить девочку под мальчика. И если бы речь шла не о моём Льве, я бы даже, возможно, одобрила такое коварство. Потому что кому от такого будет плохо? Если только Виталию, но он, извините, сам виноват.

О моём Льве... Господи, до чего я дожила...

— Понимаю, — пробормотала я через силу. Хотелось встать, подойти к ближайшему дереву и постучаться об него лбом. — А вы что думаете?

— Ничего, — чуть слышно сказала Наташа, вновь потеряв ладонью слезящиеся глаза. — Я сейчас почти не способна думать. Но я не хочу участвовать в разговоре со Львом, пусть мама сама... И ещё... соблазнительница из меня неважная, особенно теперь. Да и... это же Лёва... — Она всхлипнула. — Он мне как брат, а мама такую фигню городит...

И тут всё встало на свои места. И чувства Льва, и чувства Наташи — всё предельно ясно. Однако... чувства имеют свойство меняться. Возможно, Наташе просто нужно время. Подумать, разглядеть, сделать выводы... Тогда она поймёт, что не стоит заикливаться на Виталии, который предал её ещё до свадьбы, а стоит обратить внимание на более достойных мужчин.

— Вы хотите помириться с мужем? — поинтересовалась я осторожно и всё-таки взяла Наташу за руку. Она вцепилась в мою ладонь, как клещами. — Хотите вернуться к нему?

— Пока нет, — она качнула головой, шмыгнув носом. — Потом... не знаю.

— А почему не знаете? Что смущает?

Психолог из меня фиговый, да и я в этой ситуации — лицо заинтересованное, но

оставить Наташу совсем без эмоциональной помощи я не могла.

— Ссоры наши на почве его ревности, — девушка поморщилась. — Причём ревность в основном к Лёве. Глупо как-то. Я говорила Витале, что это всё какая-то ерунда, но он периодически срывается, особенно если Лёва мне чем-то помогает. Но как иначе-то? Виталья постоянно в командировках, а мне помощь бывает нужна. Это же лучше, чем к чужим людям обращаться, которые и денег потребуют, и ещё неизвестно, насколько хорошо всё сделают. Да Лёва и сам предлагает... и вообще он ни разу не вёл себя двусмысленно, его не в чем упрекнуть, а Виталья... постоянно так говорит, как будто у нас с его братом роман за его спиной. — Голос Наташи задрожал от негодования. — И мне это ужасно надоело.

— Может, вам тогда постараться не общаться со Львом? — Да, я всё-таки страшная какашка. — Вам обоим.

— Я думала об этом, но мне кажется, Виталик тогда найдёт другой объект для ревности, и это, возможно, будет ещё хуже. Лёву он боится трогать, а к другому мужчине уже, наверное, с кулаками бы полез.

Уточнять, что Виталий ревнует, потому что знает о чувствах Льва, я, естественно, не стала.

— Я думаю, Наташа, вам нужно время, чтобы принять решение, — ответила я дипломатично и сжала руку девушки. — Поэтому в целом поддерживаю стремление пожить отдельно от мужа. Это будет полезно.

Она уныло кивнула, и я рискнула осторожно уточнить:

— А у Лёвы вам жить не хочется?

— Хочется, — Наташа кивнула, и у меня заныло в сердце. — С ним рядом хорошо, спокойно. Но я же буду его стеснять и вообще это всё как-то... неправильно.

Согласна, абсолютно неправильно.

Ответить я ничего не успела — дверь подъезда стремительно раскрылась, а затем оттуда выскочила раздражённая Елизавета Андреевна. И я с трудом сдержала ликующий крик, осознав, что Лев, по-видимому, ей отказал.

Вот и чему я, спрашивается, радуюсь? Ему-то было бы лучше, если бы Наташа пожила у него несколько дней.

Елизавета Андреевна махнула рукой, и мы поднялись с лавочки, а когда подошли ближе, она уткнулась в свой смартфон и процедила:

— Я вызываю такси. Едем за Сашей, а потом ко мне.

Наташа переступила с ноги на ногу, помялась, но уточнила:

— Лёва?..

— Забудь, — махнула рукой Елизавета Андреевна, а я, поняв, что ловить мне тут всё равно нечего — ну не станет эта женщина рассказывать подробности при постороннем человеке — извинилась, ещё раз выразила Наташе соболезнования и побежала в магазин.

И казалось мне, что за спиной у меня выросли крылья...

В домашних хлопотах пролетел день, и несмотря на то, что мысленно я постоянно возвращалась к увиденному и особенно услышанному утром, я всё же нигде не оплошала. Умудрилась успеть и убрать, и сварить суп, и погладить себе одежду на понедельник, и накормить близнецов, и помыть посуду. И когда около шести вечера мы отправились ко Льву в гости, я была полностью довольна собственным поведением. И внешним видом, разумеется. Для этой встречи я выбрала голубое однотонное платье из тонкой вискозы, не мнущееся и не открытое, с юбкой до колен и рукавами-фонариками. В нём я выглядела

мило, но не более. Мне не хотелось надевать что-то более откровенное, но и пренебрегать внешним видом и являться ко Льву в джинсах и какой-нибудь блузке я тоже не желала. И даже чуть накрутилась — так, совсем немного, чтобы подчеркнуть глаза и губы и выровнять цвет лица. Но мама меня, тем не менее, похвалила, а близнецы вообще засияли и заявили, что я самая-самая красивая в мире.

— Ты молодец, — тихо сказала родительница, когда мы вышли из квартиры и отправились вниз по лестнице. Фред и Джордж напросились торжественно нести торт, и я сбагрила им свой шедевр, заявив, что они будут отвечать за его сохранность своими рыжими шевелюрами. — Отлично оделась. Соблазнительно, но в то же время...

Хм. Видимо, я далека от маминого понятия соблазна. Как по мне, так я выглядела хорошо, но не соблазнительно.

— И что же во мне соблазнительного? — не удержалась от скептической усмешки. — Всё очень скромно.

— Ох, Алёна, — мама фыркнула, — ты у меня совсем ничего не понимаешь в соблазнении. Впрочем, Льву это, похоже, нравится. Ну и хорошо.

Я бы непременно спросила, что значат все эти заявления, но в этот момент мальчишки позвонили в дверь соседа, залаял Рем — и через секунду дверь открылась, явив нам улыбающегося Льва в тёмных брюках и светлой льняной рубашке с закатанными рукавами, удачно подчёркивающей и его бицепсы, и фигурный торс. Мне даже облизнуться захотелось.

— Дядь Лёва, дядь Лёва! — сразу загалдели близнецы, и Лев засмеялся. Его смех словно пощекотал мне шею — и губы сами разъехались в ответной улыбке, и в груди стало горячо и сладко. — Это тебе, тебе! От нас!

Сосед принял коробку с тортом, кратко сказал: «Рем, назад», и отошёл в сторону, выпуская нас в свою квартиру. Близнецы сразу принялись с интересом оглядываться — они-то здесь ещё не были, — а я просто застыла рядом со Львом, глядя ему в глаза и не прекращая улыбаться, чувствуя себя ребёнком, который точно знает — сегодня 31 декабря и завтра он найдёт под ёлкой подарки.

Взгляд Льва был тёплым, он будто целовал мои щёки, и хотелось вечно стоять так и смотреть, смотреть...

— Алён, — шепнул Лев под возбуждённый галдеж моих сыновей и мамы, которая пыталась им что-то объяснить, — тапочки рядом с тобой. Переобувайся и проходи.

Да, точно.

Я будто очнулась после долгого и приятного сна. Быстро сняла босоножки, вставила ноги в гостевые тапки и поинтересовалась:

— А куда проходить?

— В гостиную, — ответил Лев, кивнув в сторону большой комнаты. — Я там стол накрыл, а то на кухню мы все с трудом влезаем.

Я кивнула и повела радостных близнецов вглубь квартиры.

Медовик мне, как всегда, удался на славу. На такую невероятную славу, что мы впятером за полчаса умяли почти весь торт — остался крошечный кусочек, и то его бабушка практически вырвала из лап мальчишек, заявив: «Это дяде Лёве на завтра». И Фред с Джорджем согласно промолчали! Их дружба со Львом перевесила искреннюю любовь к вкусным тортикам, особенно к медовику.

После чаепития мы наконец презентовали соседу привезённую ракушку, а затем ещё

часа два все вместе играли в настолку, и в конце вечера, когда я строго сказала, что нам пора домой, Лев вдруг заявил:

— Ксения Михайловна, Фред, Джордж, вы идите, а я вашу маму немножко задержу. Буквально на полчаса. Нам надо кое-что обсудить по работе.

Я от такой наглости аж онемела, и главное — как искренне соврал-то, и голос какой чистый, не дрожащий. У меня бы, пожалуй, не получилось бы настолько незамутнённо солгать, я бы непременно дрогнула где-нибудь на последнем слове.

— Конечно-конечно, — просияла бабушка, и я, глядя на её цветущий и довольный вид, почувствовала, что непроизвольно начинаю краснеть. — Сколько угодно! Мы с ребятами сами справимся. Фред, Джордж, пойдёте, — родительница встала и потащила за собой мальчишек, — а мама пусть... обсудит рабочие моменты.

Обалдевшая я не знала, что сказать, поэтому просто поднялась, чтобы проводить своих домашних до двери, кивнула, когда все трое махнули мне ладошками и заявили: «Можешь не торопиться!», а потом, когда Лев закрыл за ними дверь и оглянулся на меня, вопросительно уставилась на него, подняв брови и сложив руки на груди в защитном жесте. Так, на всякий случай.

— У тебя такой вид, словно ты ждёшь нападения, — дружелюбно засмеялся Лев, поднимая вверх ладони. — Я с мирными намерениями, честно. Пойдём в комнату?

Ну уж нет. Я там диван симпатичный видела... И что-то мне подсказывает, что нас со Львом туда притянет, как магнитом.

— Давай лучше на кухню.

Я, кстати, во время встречи всячески избегала как-либо называть Льва, но когда приходилось, всё же придерживалась формы «ты». Мне казалось, «выкатать» ему теперь будет в высшей степени глупо, а ещё это раздражит моих охламонов, которые, во-первых, расстроятся, а во-вторых, могут придумать какой-нибудь очередной план по нашему сближению, после которого я не выживу.

Я села за стол, Лев молча достал чашки, чайные пакетики, включил чайник. Я хотела бы сказать, что больше не могу ни есть, ни пить до завтрашнего утра, но тоже почему-то промолчала.

В конце концов это молчание всё-таки подействовало на меня не хуже прикосновения, и я выпалила первое, что пришло в голову:

— А зачем тебе трёшка?

— В смысле? — не понял Лев, опустился на табуретку и протянул мне чашку. — Держи. Вряд ли ты, конечно, ещё что-то осилишь, но я, как радушный хозяин, обязан поухаживать.

Я постаралась не обращать внимания на это «поухаживать», чтобы не смущаться двусмысленностью выражения, и быстро продолжила:

— Ну ты купил эту квартиру. Трёхкомнатную. Зачем? Ты же один.

— Почему один? С Ремом.

Лев дружелюбно улыбался, и я не удержалась от ответной улыбки.

— И всё-таки?..

— Алён, представь обстановку, в которой я рос, — мужчина сделал глоток из чашки и откинулся на табуретке, как на диване, уткнувшись спиной в кухонную стену. — Мы жили в крошечной двушке — родители, трое детей и наша бабушка по маминой линии — у неё периодически случались провалы в памяти, поэтому мама после смерти своего отца забрала

её к нам. Так вот, я всю жизнь делил одну комнату с братом, бабушка и родители теснились в гостиной, а Марина... сестра вообще жила в кладовке.

— Где? — я вытаращилась на Льва, надеясь, что это он так пошутил.

— В кладовке, — повторил сосед, смеясь. — На кухне не было места, а в кладовке папа приладил кушетку, и Маринка там спала. Не знаю, как она обошлась без клаустрофобии.

— Ужас какой.

— Да ладно, у меня было счастливое детство, — пожал плечами Лев. — Но с тех пор мы все любим пространство. Побольше комнат, высокие потолки, балкон. Я бы четырёхкомнатную квартиру купил, если бы денег хватило.

— А как ты вообще накопил с зарплатой учителя?

— Я накопил только половину стоимости. Понимаешь... — Лев озадаченно и со смущённой улыбкой почесал в затылке. — Я очень хорошо умею экономить и копить деньги. Такая вот у меня особенность. Плюс я же оставил бывшей жене квартиру, которую мы покупали вместе, но мы договорились, что она вернёт мне половину уже выплаченной стоимости. У Тани проблем с деньгами нет, и она с лёгкостью выполнила это условие.

Умеет экономить и копить деньги... Да, очень полезное качество. Особенно для моего мужа.

Нет, нельзя о подобном думать. Нельзя-нельзя!

— Вообще я не об этом хотел поговорить. В твоём классе учится девочка, Наташа Иванова.

Услышав знакомое имя, я встрепенулась, насторожилась, и все неположенные мысли сразу покинули голову.

— Да, учится.

— Я знаю её отца, как оказалось. Я даже не подозревал о том, что Женькина дочь учится в твоём классе, но он вчера мне позвонил и попросил поговорить с тобой. Сказал, что сам не может, правда, я не понял причину, но это не так важно. В общем, Алён, девочка болеет, и её папа просит нас, учителей, не нагружать Наташу слишком сильно. Она раньше была, как я понял, отличницей — вот сейчас она это звание не потянет. Он так сказал.

Я сидела, словно оглушённая, и пыталась осмыслить полученную информацию.

Отца Наташи я прекрасно помнила — он каждый год исправно приходил на родительские субботники, да и первого сентября обязательно провожал дочь в школу. Кроме Наташи у него ещё был сын, тот в прошлом году закончил шестой класс.

— Тогда надо поговорить с остальными учителями. А чем болеет? И с физкультурой что тогда?

— Чем болеет, не уточнил, и вообще избегал обсуждать эту тему. По физкультуре справку принесёт.

Избегал обсуждать... ох, не нравится мне всё это. Тут два варианта — либо девочка попала в какую-то беду, либо действительно болеет, и болеет серьёзно. Даже не знаю, какой вариант лучше...

— Ладно, я поняла, — кивнула я в конце концов. Сначала надо предупредить коллег, а остальное решу потом. — Разберёмся.

И тут Лев сменил тему, да так, что я даже вздрогнула.

— Наташа сказала, что общалась с тобой утром. Ты видела их с Елизаветой Андреевной.

Поначалу я не поняла, как Наташа Иванова могла общаться со мной утром, потом осознала, что речь идёт о другой Наташе.

— Ты бы сказал «жена брата», — пробормотала я с неловкостью, нервно хватаясь за чашку. — А то я запуталась в Наташах.

Лев усмехнулся. Взгляд его был внимательным и казался мне острым, как бритва. Он будто хотел разрезать меня, изучить мозг и понять, что я думаю обо всей этой ситуации.

— Знаешь, меньше всего на свете я желал впутывать тебя в эту историю, — произнёс Лев спокойно. — А так получилось, что ты сначала услышала нас с Виталей, теперь ещё и с Наташей пообщалась. И что думаешь?

— Думаю, что ты дурак.

Лев поднял брови. Оскорблённым он не выглядел, а вот весёлым — пожалуй, да.

— Почему это?

— Потому что у тебя была возможность наладить отношения с девушкой, в которую ты влюблён, — объяснила я, испытывая невероятное по силе желание треснуть Льва по лбу кружкой. Нет! Сначала облить его этим чаем, который в меня уже всё равно не лез, а потом треснуть. — Наташа находится в сложной ситуации, ты мог бы проявить себя благородным рыцарем, и она упала бы к тебе в объятия.

— Благородным рыцарем... — Лев, усмехаясь, покачал головой. — Как по мне, так благородство имеет мало отношения к соблазнению жены брата.

— Наташа...

— Она всё ещё жена Витали, — отрезал Лев бескомпромиссно, и я сразу поняла: что-то в подобном ключе он говорил и Елизавете Андреевне. — И это непорядочно, Алён. Да, я считаю, что Виталик не прав, что он виноват. Но соблазнять его жену — такая история не про меня.

Я молчала. Конечно, я понимала Льва... Но мне всё равно было больно. Потому что он не сказал: «Я её больше не люблю», он сказал... вот это.

— Есть ещё кое-что. Не факт, что у меня может что-то получиться с Наташей, это всего лишь желание Елизаветы Андреевны. Но то, что я навсегда потеряю брата — факт. Я к подобному не готов.

— Ты считаешь...

Я хотела спросить: «Ты считаешь, что до сих пор его не потерял?», но не успела — Лев понял и ответил:

— О, нет, Алён. У меня близкие отношения и с Виталиком, и с Мариной. Да, он ревновал, ругался со мной, но я — его друг, как и он — мой. По этой же самой причине я не стал ничего предпринимать, когда Виталик привёл Наташу в дом и познакомил с нами. Это было бы предательством.

— Я понимаю, — я кивнула, стараясь держать лицо. — Ну... я пойду, хорошо?

— Ты обиделась? — Лев нахмурился, рассматривая меня. — Вижу, переживаешь из-за чего-то. Я что-то сказал не так?

О-о-о, всё так. Просто я — дура.

— Тебе кажется, — я быстро вскочила с табуретки. — Ладно, я побежала, а то...

Я даже не успела сделать шаг, как Лев тоже встал и осторожно обнял меня, сжав тёплыми ладонями талию, и склонился к лицу, явно намереваясь...

— Нет, — я упёрлась кулаками в его грудь и протестующе мотнула головой, но поцеловать меня Лев пока не пытался. — Не надо.

— Почему, Алён? — спросил он спокойно и серьёзно. Впрочем, как и всегда. Удивительно, насколько они не похожи с импульсивным Виталиком... — Меня очень тянет

к тебе, и тебя ко мне тоже. Почему ты не хочешь немного... задержаться?

Да хочу я, хочу... Как же это всё сложно...

— Потому что ты так и не сказал одну вещь, — почти прошептала я, не глядя на Льва — опасалась, что если слишком долго буду смотреть в его глаза, не выдержу и плюну на собственные принципы.

— Какую?

Тихий хрипловатый голос возле уха, горячее дыхание. И бешено стучащее сердце рядом с моей грудью. Своё или чужое? Я так и не поняла.

— Ты не сказал, что не любишь другую, — произнесла я, стараясь, чтобы голос звучал ровно, но он, естественно, дрогнул. — Я не могу так. Ты испытываешь к Наташе чувства, а я просто нравлюсь, физически привлекаю. Это...

— Алён, посмотри на меня.

Я всё же подняла глаза. Лев изучал моё лицо с таким выражением, будто чего-то ждал.

— Ты тоже не сказала.

Я нахмурилась.

— Не сказала, что не любишь своего мужа.

Я вздрогнула, сжала плечи и зажмурилась — показалось, что Лев меня ударил. Но, конечно, он хлестнул этой словесной плетью не тело, а душу и сердце, которые до сих пор исходили кровью при мысли об Антоне.

— Я не могу...

— Вот и я не могу. — Такой невозмутимый голос. А я почти ненавидела сейчас Льва за эту невозмутимость. — Зачем же мне лгать, Алён? Но твой муж умер, а с Наташей я быть не могу и не собираюсь, пойми. Я могу обещать и поклясться, если это поможет. Я давно уже смирился, что она — не моя женщина, и даже если она разведётся с Виталиком, это ничего не изменит. Отношения с братом мне дороже. Так что мы с тобой находимся примерно в одинаковых ситуациях.

— Она жива... — прошелестела я, чувствуя себя растерянно.

— Это не имеет значения.

Лев молчал, по-прежнему не выпуская меня из объятий, и я всё-таки открыла глаза.

Сосед был немного бледен, но всё равно имел решительный и серьёзный вид — как солдат перед боем. С кем только биться собрался, со мной? Боюсь, не выйдет...

— Лёва, — сказала я тихо, — ну не могу я так. Прости. Я всё понимаю, но... Это не для меня. Наташа не для тебя, а ты — не для меня.

— А кто для тебя, Алён? — Лев нервно дёрнул губой. Я уже знала его, поэтому легко поняла — он начал сердиться. — Кто? Или ты так и собираешься всю жизнь прожить в одиночестве?

— Я не одна. У меня...

Я не договорила — Лев наклонился и впился в мои губы горячим и глубоким поцелуем, от которого в голове сразу стало пусто, как на чердаке нежилого дома. Прижал меня к себе теснее, всем корпусом, бёдра к бёдрам — и я вспыхнула, ощутив силу его желания.

Это был запрещённый приём, и думаю, Лев понимал всё даже лучше, чем я. Он не оставлял в покое мои губы, терзая их так яростно, что они уже начали гореть — не хотел, чтобы я опомнилась и начала говорить, — а затем подхватил на руки и понёс в комнату. Положил на какую-то поверхность — гораздо позже я поняла, что это была его собственная кровать, — и, не прекращая целовать, задрал мне юбку платья и спустил вниз бельё.

В тот момент меня пронзила первая мысль о неправильности происходящего, но её целиком затмила нахлынувшая страсть. Тем более, что снятыми трусиками Лев не ограничился, начав откровенно и немного агрессивно ласкать меня.

Но длилось это недолго. Впрочем, долго было и не надо — я и сама прекрасно чувствовала, что давно готова, но всё равно вскрикнула Льву в настойчивые губы, ощутив, как он резко входит в меня. Он замедлился, напрягся, поняв, что сделал мне больно, ласково погладил по животу, но ещё через мгновение, простонав мне в рот что-то невнятное, задвигался.

И тут я совсем потеряла связь с реальностью. С каждым движением Льва у меня внутри будто что-то вспыхивало, согревая вышедшим теплом каждую клеточку тела, и приятно было так, что я, кажется, даже всхлипывала, сжимая плечи мужчины, выгибаясь под ним и что-то настойчиво выпрашивая. Наверное, это было «ещё».

А потом я почувствовала себя целиком и полностью расплавившейся, как мороженое на солнце, и от испытанного и давно забытого удовольствия вдруг расплакалась. Лев, закончивший двигаться пару мгновений назад, погладил меня по щеке и произнёс жутко хриплым и вообще не похожим на свой голосом:

— Алёнка...

И тут я очнулась. Распахнула глаза, посмотрела на настороженного и напряжённого Льва, и выдохнула:

— Господи...

— Ну хоть не матом, — пробормотал мужчина, стирая слёзы с моей щеки. — Алён...

— Ой, не надо, — я поморщилась и дёрнулась, пытаюсь освободиться, но куда там! — Я лучше пойду.

— Послушай...

— Нет-нет-нет, — я задёргалась, и Лев всё же слез с меня. Я покосилась вниз: слава небесам, он был в презервативе. — Не надо, пожалуйста, мне ничего больше доказывать. Ты мне только что всё доказал, и было очень убедительно, правда. Но это ничего не меняет! И больше ничего не будет.

Лев мрачно усмехнулся и встал с кровати, дав возможность встать и мне. Было неловко: он стоял передо мной без штанов, в одной рубашке, я же... по-прежнему в платье, но без трусов. Наклонилась, подняла их с пола, надела, испытывая желание немедленно телепортироваться отсюда — настолько мне было не по себе. Пожалуй, так неудобно я себя не ощущала даже после нашего с Антоном первого раза, когда я залила кровью весь диван в его квартире.

— Опять убегаешь, — Лев говорил спокойно, словно прогноз погоды зачитывал. — Ладно, убегай. Тебе же нравится отрицать очевидное.

— Я ничего не отрицаю, — огрызнулась я, отворачиваясь. Спорить с мужчиной без штанов — то ещё занятие. — Да, ты мне тоже нравишься, да, физически привлекаешь. И да, только что было классно. Но Лёва, не могу я так! Не способна я отношения строить только на всём этом. Пожалуйста, не дави на меня!

— Я не давлю.

— Да? А это сейчас что было?

— Секс. Который тебя ни к чему не обязывает. Иди, Алён, если хочешь идти — иди. Я не держу.

— Спасибо, — съязвила я и, напоследок мазнув по серьёзному и задумчивому лицу Льва

взглядом, направилась прочь из его квартиры.

В зеркало я посмотрелась чуть позже, когда вошла в наш коридор. И едва не застонала, заметив и чересчур растрёпанные волосы, и смазанный макияж, и лихорадочно блестящие глаза. Близнецы, конечно, ничего не поймут, а вот мама — поймёт сразу.

Я тут же метнулась в ванную, которая оказалась не занята, стащила с себя платье, приняла душ, смыв остатки краски, вымыла голову — и вышла наружу в халате. Однако конспирация была напрасной — мальчишки уже легли спать, а бабушка оккупировала телевизор в своей комнате. Правда, промелькнула у меня мысль, что мама в кои-то веки решила меня не смущать... но быстро угасла. Голова была занята другим.

Сказать, что я ругала себя, на чём свет стоит — значит, здорово приуменьшить собственные мысли и чувства. Я была готова себя прибить, понимая, что осложнила отношения со Львом ещё сильнее — хотя, казалось бы, куда уж сильнее?.. Но несмотря на то, что я осознавала всю глупость недавнего поступка, мне до одури хотелось вернуться и продолжить. Так же безумно хочется утащить вторую конфету из коробки, когда ты уже съел одну, и тебе до ужаса понравилось.

Я не могла думать о случившемся спокойно и отстранённо, безэмоционально анализируя ситуацию. Всё время вспоминала вкус губ Льва, тяжесть его тела, жар плоти, уверенность движений, и непроизвольно сжимала ноги — между ними будто начинало биться сердце, так всё пульсировало, и влажно было настолько, что хоть иди назад в душ. Я думала о том, что хотела бы попробовать быть сверху, и кусала губы от моментально вспыхнувшей страсти. Не знаю, о чём в этот момент думал Лев, но мне хотелось бы, чтобы о том же самом. Не только мне ведь мучиться!

В общем, на тему, как вести себя с соседом дальше, я рассуждать совершенно не могла. Лев не просто разбудил мою долго спавшую чувственность — он подлил ей виа-гры, и всё, чего она теперь желала — это наслаждаться сексом. Хорошо, что кроме инстинктов у меня ещё и мозги имеются, поэтому я продолжала сидеть, а потом и лежать на месте и пыталась успокоиться.

К сожалению, получилось у меня это сделать только к утру, когда я почти измочалила себя отсутствием сна, и то — я прекрасно понимала, что всё вернётся, как только я вновь увижу Льва.

Я даже начала глупо злиться на него за эту настойчивость. Ну в самом деле, чего ему стоило просто оставить меня в покое?.. Не хочет связываться с Наташей — пусть найдёт себе другую женщину, благо их вокруг навалом, та же Соболевская. Что он ко мне-то привязался?..

Однако одновременно с этим рассуждением во мне сразу вспыхивала ревность. «Какая ещё Соболевская! — вопило подсознание. — Никаких других баб! Не позволю! Не прощу!»

И в этот момент я просто хваталась за голову, понимая, что втюрилась по полной программе. Любовь к Антону была со мной всю жизнь, она росла вместе с нами обоими, и её проявления были взаимными и естественными, здесь же... меня накрыло, как девчонку в подростковом возрасте.

Оставалось только надеяться, что Лев не догадается об истинной природе моих чувств, иначе... Я просто умру от неловкости и смятения. Не хочу я быть суррогатной заменой любимой женщине! Я хочу, чтобы он тоже горел, как я. Тоже любил.

На меньшее я не согласна.

Забывшись тревожным сном только под утро, я вновь проснулась около семи, тяжело поднялась с кровати и пошла в ванную — пытаться привести себя в порядок. Ощущения были такими, словно меня переехал поезд. Да, не в том я возрасте, чтобы не спать ночами, не в том...

Готовить что-то у меня не было сил, поэтому я просто сварила на всех пшённую кашу с тыквой — близнецы такую любят. И только собиралась отправляться в комнату мальчишек и будить их, как они прибежали на кухню сами. Рыжие, как та тыква, с сияющими глазами, и возмутительно выпавшиеся.

— Мам, мам, мама! — загалдели оба и полезли обниматься. Я чуть не прослезилась от умиления, но и насторожилась сразу — точно ведь подлизываются. — А мы сейчас дядю Лёву в окно видели, он с Ремом гулять пошёл. Давай с ним пойдём!

— Прямо вот не завтракая? — фыркнула я, взъерошивая обоим волосы на макушках. — Нет уж, бандиты. Сначала каша, потом всё остальное.

— Каша? — Фред и Джордж замерли, в глазах мелькнул ужас. — Не овсяная?

— Нет. Пшённая с тыквой.

— А-а-а! Тогда ладно. А вечером пойдём с дядей Лёвой гулять?

Я вздохнула и честно ответила:

— Не знаю. И вообще, ребята, дайте уже нашему соседу отдохнуть от своего общества. Он вас в школе скоро будет каждый день лицезреть постоянно, пожалейте человека!

Близнецы сначала надулись, а потом заулыбались одинаковыми шкодными улыбками.

— Мы та-а-ак ра-а-ады, что он наш кла-а-асный руководи-и-и-итель...

«Руководитель» в их синхронном исполнении прозвучал как «родитель», и я даже слегка дёрнулась. Вздохнула, выдохнула и тоже улыбнулась.

— Думаю, он тоже рад, просто не до конца ещё представляет, насколько.

После завтрака мальчишки всё же вытащили меня на прогулку, заявив, что глупо и безответственно оставаться дома в такую хорошую погоду, тем более перед первым сентября. Я от таких предьяв, особенно от слова «безответственно», впала в осадок и даже не придумала, что можно возразить. Впрочем, зачем возражать? Фред и Джордж были правы.

Мама осталась дома — убираться в квартире и готовить обед, а мы отправились на улицу. Скутеры я категорично отмела ещё на этапе одевания, велики тоже, сообщив, что не в настроении сейчас нервничать по поводу любых движущихся поверхностей, кроме своих двоих. Поэтому в качестве развлечения близнецы взяли только... нет, не скейты. Их у нас и нет. Они захватили цветные мелки и мыльные пузыри!

— Вы же уже большие, — пробормотала я, глядя на то, как Фред и Джордж запихивают свои сокровища в прогулочные рюкзаки — у обоих они были с Халком. Не знаю, почему близнецам нравится это зелёное чудовище, как по мне, то Шрек симпатичнее.

— Это спорный вопрос! — хмыкнули мальчишки, пока бабушка подло хихикала, стоя в дверях. — Вот ты нам недавно не дала фильм посмотреть...

Злопамятные черти, однако. Но «Американский пирог» — точно не тот фильм, что я хотела бы показывать детям, да и... не только детям. На мой невзыскательный вкус, эту откровенную дрянью вообще невозможно смотреть.

— Значит, вы решили мне так отомстить? — Я подняла брови. — Мелками и мыльными

пузырями?

— Ну велики же нельзя-я-я...

— Слушайте, ребята, — я даже заинтересовалась, — а чего вы больше хотите: гулять со скутерами или гулять с дядей Лёвой?

Фред и Джордж вытаращились на меня двумя глубоководными кальмарами.

— Мам-ма?..

— Это просто вопрос.

— Алёна... — Бабушка закатила глаза и демонстративно отправилась на кухню.

Мальчишки молчали, и я напонила:

— Ну, и что? Отвечать будем?

Ребята переглянулись, насупились, задрали носы...

— С дядей Лёвой!

И пока я пыталась переварить это заявление, бабушка закричала с кухни со всей возможной язвительностью:

— Алёна, это любовь!

Да уж...

Я наивно полагала, что после долгого завтрака и длительных сборов, когда мы с близнецами выйдем на улицу, то уже не увидим Льва с Ремом. В конце концов, прошло почти три часа! Разве можно гулять так долго?

Однако, как только мы вышли из подъезда, я сразу обнаружила соседа сидящим на лавочке и читающим что-то в своём телефоне. Рем сидел рядом и глядел на дверь, высунув язык. Увидел нас, встал и завилял хвостом.

Лев тоже встал, правда, ничем не завилял, только улыбнулся приветливо и мне, и мальчишкам. Лицо его выглядело уставшим, словно он тоже не спал всю ночь.

— Дядь Лёва, дядь Лёва! — запрыгали Фред и Джордж, бросаясь вперёд со скоростью двух сверхзвуковых рыжих ракет. — Как мы рады, что ты ещё не ушёл!

— Как же я мог уйти, — засмеялся сосед, похлопав по спинам моих мальчишек. — Я же обещал вам мороженое, парни. Алён, ты не против мороженого?

Он смотрел на меня, по-прежнему улыбаясь, и я на мгновение ощутила странное смятение и растерянность. Мне бы злиться — судя по всему, эта троица обо всём договорилась без моего ведома, — а я вместо этого радовалась, что вижу Льва. Что он по какой-то причине до сих пор заинтересован в этих встречах. А ещё я невольно вспомнила вчерашний вечер... невозможно было не вспомнить. И судя по выражению лица Льва, он тоже вспомнил.

Краска бросилась в лицо, оседая жаром на щеках, поэтому я постаралась ответить иронично.

— Дитям мороженое, бабе цветы?

— Отличный план, мне нравится, — кивнул Лев, перенимая мой ироничный тон. — Одобряете, ребята?

Фред и Джордж энергично закивали, наглаживая Рема, и я, вздохнув, подошла ближе. Пользуясь тем, что мои дети были временно заняты собакой, наклонилась и чуть слышно произнесла:

— Выглядишь уставшим. Ничего не случилось?

— Плохо спал, — ответил Лев так же негромко, скользнув взглядом ниже, к моей груди,

обтянутой обычной салатовой футболкой. Но смотрел он туда так, словно я надела платье с низким декольте. — А ты?

— А я — отлично, — соврала я, пожав плечами, и тут же дико покраснела.

— Верю, — хмыкнул Лев, естественно, последовав моему примеру. В том, что касается вранья, естественно — сам он ничуть не порозовел щеками.

К тому моменту, как мы дошли до парка, я уже успела забыть, что близнецы взяли с собой цветные мелки и мыльные пузыри. Зато бандиты мои не забыли, и как только вход остался позади, достали свои трофеи и принялись надувать переливающиеся разными цветами радуги мыльные шары, сводя этим Рема с ума. Мальчишки хохотали и смеялись, и даже на время забыли про нас со Львом, так что мы имели возможность поговорить, шагая чуть позади. Своего пса сосед отпустил с поводка, и он теперь бегал и за пузырями, и за близнецами, счастливый и ничем не скованный.

— Не боишься? — поинтересовалась я, кивнув на Рема. — Собаки, бывает, теряются.

— Бывает, — подтвердил Лев спокойно, ничуть не взволновавшись. — Если потеряется, будем искать. Хотя вряд ли это понадобится — Рем сможет найти дорогу до дома. Я его тренировал.

— Так же, как и искать людей? — Я вдруг вспомнила, как сосед помог нам, когда Фред и Джордж потерялись.

— Вроде того. — Он помедлил, но всё же сказал, и у меня появилось ощущение, будто Лев доверяет мне какую-то тайну: — Мне, несмотря ни на что, было не по себе после развода. Переживал, поэтому решил пойти на кинологические занятия, научить Рема дополнительным трюкам.

— Помогло?

— Нет. Помогло, когда я вас встретил.

Я едва не споткнулась от неожиданности — так просто, легко и безоговорочно он это произнёс, что у меня и мысли не возникло о лжи. Не лгут таким тоном и с таким лицом.

Я кашлянула, отвела глаза, перестав смотреть на серьёзного и невозмутимого соседа и вновь обратив внимание на близнецов, к игре которых присоединились ещё окружающие дети, и спросила:

— Как... твой брат? И...

— Ну... — Лев хмыкнул. — Там есть и хорошие новости, и плохие. Главная хорошая новость, пожалуй, в том, что Виталик перестал бухать. Не знаю, временно или постоянно, надеюсь, что он с этим завяжет, вроде никогда раньше не водилось за ним, первый раз такое. Вторая хорошая новость — рядом с дочкой Наташе стало легче, она даже сегодня утром приняла решение взять на работе отпуск и отправиться всем вместе на море. Больше хороших новостей, увы, нет. Виталика видеть она не хочет, да и он боится ей на глаза показываться, стыдно ему, понимаете ли. А Елизавета Андреевна брату вообще сказала — мол, я костыми лягу, но сделаю всё, чтобы вы развелись и моя дочь себе нормального мужика нашла.

— Её можно понять, — пробормотала я, испытывая двойственные чувства — с одной стороны, я была рада, что мысли округить Льва эта женщина, кажется, оставила, а с другой — было жаль, что сосед теряет шанс прожить жизнь с любимой, а не... с кем-то другим. Впрочем, я не сомневалась, что это отступление — временное, и впереди попытка номер два. На море Елизавета Андреевна промоет Наташе мозги, а потом вновь пойдёт в атаку. И я её понимала. В конце концов, зачем какой-то чужой незнакомый мужик, чёрт знает, чего от

него ожидать, когда рядом есть знакомый и родной Лев, к тому же, влюблённый по уши? — Кстати, а откуда ты обо всём этом знаешь? Елизавета Андреевна сама?..

— Нет, что ты. Виталик поделился. А Елизавета Андреевна на меня обиделась и теперь не разговаривает. Думаю, до конца поездки на море у неё этот режим продержится.

Обиделась... Я качнула головой, глядя на то, как близнецы, отложив в сторону мыльные пузыри, достают мелки и оживлённо обсуждают, что хотят нарисовать на многострадальном асфальте.

— Удивительная женщина.

— Да, — в голосе Льва ирония удивительным образом сочеталась с теплотой. — Но она хорошая, просто иногда без тормозов. Впрочем, я сам виноват — всегда отвечал согласием на любую просьбу, вот они и привыкли, что вертят мной, как хотят. И Наташа, и мама её. Но ничего бредового они у меня раньше не просили, поэтому я и не отказывался, если было не сложно помочь. Видимо, это породило ложный вывод о том, что я отвечу «да» в любом случае. Эй, ребята! — От неожиданности я даже вздрогнула. Лев так громко обратился к близнецам, а учитывая, что перед этим мы говорили тихо... — Что думаете рисовать?

— Не знаем... — Близнецы озадаченно почесали рыжие макушки и пожали плечами.

— Давайте-ка я вам помогу, что ли...

Через несколько минут к многочисленным талантам Льва добавился ещё один. К моему стыду, я совершенно не умела рисовать, а вот он, как оказалось, умел это отлично. Не знаю, как бы сосед рисовал что-то серьёзное, но большой карикатурный город-лабиринт, наполненный смешными разноцветными человечками, разными магазинчиками с дурацкими надписями типа «Футболки напрокат» и «Чайный таун», получился у него отлично. Я стояла рядом, открыв рот — Фред и Джордж, впрочем, тоже, — и смотрела, как Лев быстро рисует на асфальте город-лабиринт.

Возле нас стала собираться ещё детвора, потом подползли и другие родители, и с восхищённым свистом тоже начали наблюдать за Львом и его разноцветным творением.

— Эй, парни! — Он вдруг поднял голову и улыбнулся. Солнечный луч позолотил его рыжие волосы, сегодня отчего-то не скрытые шляпой, вспыхнул в ярко-голубых глазах, и мне вдруг захотелось сделать шаг вперёд и стереть с его подбородка следы зелёного мела. — А вы чего стоите-то, думаете, я один отдуваться буду? Пристраивайтесь по углам и рисуйте улицы дальше. Город можно рисовать бесконечно.

— Дядь Лёв, мы так не... — начал Джордж неуверенно, но тут рядом с нами заголосила какая-то малявка лет трёх:

— А мне мона, а мне мона, а мне?..

— И тебе можно, — кивнул Лев и махнул рукой. — Всем можно!

Малявка выхватила у смеющейся матери мел и тут же почти плюхнулась на асфальт, сразу начав рисовать какую-то кривую машинку. Фред и Джордж возмущённо засопели, переглянулись — и пристроились по бокам от неё, пытаясь хоть как-то выправить эту кривизну, но не преуспели — им самим было далеко до мастерства Льва. Кроме того, с других концов лабиринта присаживались ещё дети, и вскоре почти вся аллея была перекрыта маленькими фигурками и их родителями — да-да, рисовали даже взрослые.

А Лев, посмеиваясь, наконец поднялся с корточек.

— Ну ты даёшь, — вырвалось у меня. — И почему ты не стал учителем ИЗО?

— Да это так, ерунда, — он подошёл ближе и ласково коснулся ладонью моего локтя. — Я в школе, знаешь ли, очень скучал на уроках литературы, вот и придумал способ для

развлечения — рисовал в тетради такие лабиринты.

— Нахал, — я фыркнула. — И врун, к тому же.

— Это лексическая ошибка, Алён. Неверное употребление слова. Не врун, а фантазёр.

Вот же!

— Так, кто из нас учитель русского языка?!

— Ты, ты! — Сосед поднял руки, будто капитулируя, и я не выдержала — засмеялась. И в это мгновение, глядя на его улыбку и радостные глаза, я едва не поцеловала его — так безумно мне этого хотелось.

Но я всё-таки сдержалась.

Это была прекрасная прогулка. Настолько прекрасная, что возвращаться домой было мучительно больно, и если бы не режим и сообщение мамы: «Обед готов», я бы, наверное, могла гулять со Львом до самой ночи.

Кстати, о ночи...

— Ты правда не спал? — спросила я, стараясь не смотреть на соседа, когда мы уже шли домой. Фред и Джордж, выглядевшие абсолютно не уставшими, семенили впереди, по очереди передавая друг другу поводок Рема, которым с ними поделился Лев. И этим, естественно, в очередной раз покорила их маленькие сердечки.

— Правда, — судя по голосу, сосед улыбался. — Настолько возбуждённое состояние спокойному сну не способствует.

— Лёва... — пробормотала я, косясь на своих детей, но близнецам сейчас было не до нас. — Я...

— Не передумала.

Я не поняла, вопрос или утверждение, поэтому посмотрела на Льва. Хм... спокойный взгляд, чуть ироничная усмешка — похоже, не вопрос.

— Не переживай, я не стану уговаривать.

— Почему? — вырвалось у меня. Ну правда, если ему так сильно надо и хочется, почему бы не поугваривать?

— Уважаю твоё решение, — ответил Лев вежливо и дипломатично, однако в его взгляде было столько лукавства, что я не поверила.

— Мама, мама! — вдруг заголосили Фред и Джордж, да так, что я едва не подпрыгнула. — А дядя Лёва пойдёт с нами обедать?!

Чёрт, и по какой причине я удивляюсь? Давно должна была уже привыкнуть к подобному. И вообще наглость — второе счастье.

— Нет, парни, — ответил Лев вместо меня, пока я подбирала слова и пыталась лихорадочно сообразить, как отказать соседу в гостеприимстве и при этом никого не обидеть. — Сегодня вам придётся обойтись без меня. Но вы не скучайте, мы скоро увидимся, да и со вторника я — ваш классный руководитель.

Подсластил пилюлю — мальчишки сразу расцвели и дальше шли уже без всяких возражений и предложений.

— Честно говоря, я собираюсь лечь спать, — шепнул мне Лев почти у самого подъезда. — А то завтра на работу, а я чувствую себя солдатом, вернувшимся с вахты.

Я строго посмотрела на соседа.

— Пообедать всё равно надо.

Он улыбнулся.

— Не волнуйся. Я себя не обделю.

После того как мы с мальчишками вернулись домой, время до вечера пролетело, будто один миг. Укладывать близнецов спать было грустно — всё же завтра у меня последний рабочий день перед началом учебного года, педсовет, а послезавтра — первое сентября. И вновь учебный год... Нет, я люблю свою работу, но это не значит, что я не устаю от неё. Как-то особенно это чувствуется почему-то всегда во время новогодних каникул и отпуска.

Фред и Джордж уснули быстро — всё же, несмотря на свою браваду, они сегодня устали, да и впечатлений много было. Я сходила в душ, а когда вышла из ванной и вернулась в свою комнату, обнаружила в ватсапе сообщение от Льва.

«Открой входную дверь и посмотри на звонок».

Я с недоумением уставилась на это сообщение, думая — может, мне чудится? С чего вдруг подобные предложения?

Однако слова продолжали оставаться на экране, и я всё же вернулась в коридор, подошла к двери, заглянула в глазок... Никого. Очень странно. Может, телефон Льва кто-то взломал и теперь разыгрывает всех, кто у него в списках контактов? Нет, нелепость, тогда бы денег попросили.

Я открыла дверь, сделала шаг вперёд и посмотрела на звонок. И обомлела.

К стене рядом с кнопкой дверного звонка были аккуратно приклеены три алые розы, перевязанные золотой ленточкой, к которой степлером была прикреплена записка:

«Я же обещал дитям мороженое, а бабе — цветы. Но в парке цветов не продавали, так что...»

Я закрыла лицо руками и, хихикая, принялась отклеивать розы от стены, чувствуя себя по уши влюблённой школьницей.

Понедельник — день тяжёлый, а уж когда именно понедельник наша дорогая администрация выбирает для педсовета перед новым учебным годом, он и вовсе становится каторжным. Я и ощущала себя каторжником, когда мы всем дружным преподавательским составом выползли из актового зала после четырёх с половиной часов дурацких командных игр, выступления директора, трёх завучей и остальных учителей в порядке очереди. К концу этого идиотизма мне чудилось, что мой мозг превратился в желе, а желудок прилип к позвоночнику.

— Кошмар, — процедила Соболевская, промчавшись мимо нас со Львом со скоростью света, не обращая внимания на каблук, — я на маникюр опаздываю!

О, не она одна. Насколько я знала, каждая вторая наша коллега была записана на маникюр или стрижку в два-три часа дня, рассчитывая, что к обеду всё закончится и мы сможем разбежаться по домам. Фиг вам, называется! Наша директриса — существо вредное и стервозное, но если бы дело было только в этом. Она ещё и до ужаса многословна, и там, где можно обойтись парой-тройкой слов, Клавдия Ивановна растекается мыслью по древу на добрых пару-тройку часов. Мне порой даже кажется, что ей доставляет удовольствие видеть потные и замученные лица коллег.

— Вот так, — хмыкнул Лев, проводив Соболевскую ироничным взглядом. — Маникюр важнее всего. Пробежала мимо, меня проигнорировала. Не то, что на прошлой неделе. Каждый день бы так.

Я не выдержала и хихикнула, ощущая в груди приятное тепло. Что ни говори, а так радостно, что Лев на Татьяну Александровну не клюнул! Ещё бы о Наташе он мог говорить с таким же равнодушием... Знаю, плохо так думать, но я же не ангел, в конце концов.

— Ты сейчас домой, Алён? — поинтересовался Лев, когда мы спустились на четвёртый этаж, где находились наши с ним кабинеты.

Я кивнула.

— Вместе пойдём?

Я вновь кивнула.

— Тогда я за тобой зайду через пять минут.

Ожидая Льва, я села за свой стол и, уставившись в окно, вспоминала, как предупреждала остальных учителей о состоянии здоровья Наташи Ивановой. Почти все, кроме парочки отпетых вредин, согласились особо не нагружать девочку первый месяц, пока ситуация не прояснится. Вот это «пока ситуация не прояснится» не давало мне покоя, сердце сжималось от дурного предчувствия. Я опасалась, что дело может быть гораздо серьёзнее, чем мы предполагаем — не зря ведь Наташин папа просил побереечь ребёнка. Не об обычной же простуде идёт речь... По крайней мере, в прошлом году, когда Наташа переболела ангиной и тоже пришла в школу бледная и осунувшаяся, от него таких просьб не поступало.

— Готова? — спросил Лев, открывая дверь и просовывая голову в образовавшуюся щель. Я кивнула и поднялась со стула.

Уже на улице, когда мы шагали к остановке, я сказала, вспомнив вдруг, о чём ещё хотела поговорить с соседом.

— Насчёт Фреда и Джорджа... — произнесла я и не удержалась от улыбки, увидев

вопросительный взгляд Льва. — Ты не испытывай иллюзий — несмотря на то, что ребята с тобой подружились, они всё равно будут шкодить на уроках. В ближайшее же время жди какой-нибудь розыгрыш.

— Например? — спросил мужчина с искренним интересом. — Не верю, что они будут подкладывать кнопки на стулья. Это слишком примитивно и не интересно.

— Да, ты прав. Хотя иногда я думаю: уж лучше бы кнопки... Нет, они придумают что-то более извращённое. Мне даже предположить сложно, что именно.

— Не волнуйся, я и не жду от них какого-то особенного отношения в плане розыгрышей, — по-доброму улыбнулся Лев. — В конце концов, мальчишки это слишком любят, чтобы совсем отказываться. Вон, даже на море, несмотря на обещанные скутеры, не выдерживали и выдавали тебе что-нибудь.

— Там была лайт-версия, — вздохнула я, надеясь, что эта добрая улыбка Льва не исчезнет после того, как он начнёт преподавать у моих бандитов. Я ещё слишком хорошо помнила, как бывшая классный руководитель Фреда и Джорджа мечтала придушить близнецов после первого года обучения.

— Я справлюсь, Алён.

— Надеюсь...

Вечер тридцать первого был наполнен приготовлениями к школе, причём и моими, и мальчишек. На маникюр я не ходила — я вообще отношусь к редкой категории женщин, которые ничем подобным не занимаются — но приготовлений и без этого было достаточно. Сделать обед, помочь собрать портфели ребятам, погладить свою и их одежду, проверить наличие всевозможных канцтоваров — от тетрадей до ластиков, чтобы в первый же рабочий день не спохватиться и не бегать в поисках нужного.

Но, как бы я ни желала отсрочить неизбежное, этот день всё-таки настал. И мы большой дружной семьёй, включая бабушку, поехали в школу. И я ничуть не удивилась, когда почти возле подъезда нас догнал Лев. Естественно, без шляпы, зато в костюме с галстуком. Погода была хорошая, тёплая, поэтому мы все были без курток, но с зонтами — во второй половине дня обещали дождь.

На линейке мы стояли все вместе, а потом разошлись — близнецы отправились на первую встречу с классным руководителем, то есть, со Львом, а я должна была проводить классный час со своими выпускниками.

Наташа Иванова, как и обычно, сидела на первой парте в правом ряду (если смотреть от моего стола), вместе со своей подружкой — Олей Зиминой, пухленькой светловолосой хорошисткой. Лицо Оли, обычно всегда озарённое улыбкой, сейчас практически являлось отражением Наташиного — тоже бледноватое и грустное. Да что с ними обеими такое?!

Кстати, Оле, по законам жанра, нравился Федя Клочков, влюблённый в её подругу. Федя, естественно, Олю не замечал — ну, только как сопровождение Наташи, не более. И мне очень нравилось в этой девочке то, что она не унывала по этому поводу, не впадала в отчаяние и не злилась на подругу. На её месте именно так вели бы себя большинство девочек. Но Зиминая, кажется, была почти не способна на подобный негатив. Не знаю, что с ней будет в будущем, изменит её жизнь или нет, но сейчас этот ребёнок очень радовал меня своей незлобивостью.

Мои одиннадцатиклассники после лета и в предвкушении последнего года обучения были возбуждены и вели себя не идеально — постоянно что-нибудь громко говорили, ржали, мутузили друг друга учебниками, но в целом это всё вполне укладывалось в моё понятие

«нормальный рабочий день».

В конце классного часа я попросила Наташу задержаться, и когда последний ребёнок вышел, закрыла дверь и обратилась к девочке.

— Не волнуйся, я просто хотела обсудить с тобой кое-что, — сказала я мягко и спокойно, садясь перед Ивановой за первую парту на среднем ряду. — Ты знаешь, о чём твой папа просил меня и остальных учителей?

Наташа кивнула.

— Да, он говорил со мной об этом.

— Ты можешь рассказать, с чем связано подобное решение? Ты давно меня знаешь, я никому не скажу, если это необходимо.

Девочка закусила губу, глядя на меня с неуверенностью. Вид у неё был слегка затравленный.

— Родители просили пока не распространяться... — ответила она тихо и опустила голову. — Там ещё не всё понятно... Папа сказал, когда придёт ответ, он сам с вами поговорит...

— А откуда должен прийти ответ? — Это не нравилось мне всё больше и больше. Я уже начинала думать, что лучше бы это была обычная беременность. Неприятно, конечно — я не отношусь к людям, которые считают, что беременность в семнадцать-восемнадцать это нормально, — но хотя бы не смертельно.

— Из Германии, — вздохнула Наташа, и добавила то, из-за чего мне сразу захотелось срочно выпить что-нибудь, и желательно покрепче: — Папа с мамой надеются, что там меня вылечат...

Голова закружилась, и несколько секунд я молчала, пытаюсь справиться с эмоциями.

— Спроси у родителей, пожалуйста, когда они смогут принять меня у вас дома на этой неделе. Я подойду в любой день вечером и поговорю с ними.

— Ладно, — девочка удручённо кивнула.

Первое сентября — короткий день, но мне показалось, что он длился бесконечно. И когда я наконец смогла пойти домой — близнецов мама к тому времени уже увела и даже покормила обедом, — мне чудилось, что прошёл не один рабочий день, а как минимум дюжина.

Уходила из школы я со Львом. Удивительно, но с тех пор, как он стал здесь работать, я ни разу не уходила одна, и почему-то это было так естественно, что я уже ничему не удивлялась.

Про Наташу я ему рассказать не успела — Лев, как только мы вышли на улицу, смеясь, вдруг заявил:

— Твои мальчишки решили не откладывать розыгрыши в долгий ящик и надуть меня сразу же, не отходя от первого сентября.

— Да? — Я насторожилась. Ну, раз Лев улыбается, наверное, всё не так плохо.

— Ага. У меня после классного часа была математика с ними же. И вот, как только прозвенел звонок, эти два негодяя говорят: «Лев Игоревич, Лев Игоревич! — Сосед так забавно изобразил тонкие голосочки близнецов, что я не выдержала и фыркнула, улыбнувшись. — А помогите нам задачу решить! Мы её летом нашли, а решить не смогли!»

Что-то шевельнулось у меня в памяти, но я пока не поняла, что.

— Каюсь, я как-то не сразу подумал, что розыгрыш уже начался. Говорю — ну давайте вашу задачу. И Фред мне: «Три мальчика зашли в магазин, заплатили за шоколадку тридцать

рублей!» А следом Джордж: «Всего по десять рублей на каждого, значит! И ушли!». И опять Фред: «А кассир посмотрел — шоколадка стоит двадцать пять рублей!». И Джордж: «И кассир отправил к ним вдогонку другого мальчика, которому дал сдачу — пять рублей!». И Фред: «А мальчик решил подзаработать, поэтому отдал ребятам только три рубля, а два оставил себе!». И Джордж: «Значит, если ребята получили назад по одному рублю, каждый из них потратил не по десять рублей, а по девять! Правильно же, Лев Игоревич?»

— Правильно, — пробормотала я, хихикая. Теперь я вспомнила, откуда мои бандиты взяли эту задачу. Я видела её сама в киножурнале «Ералаш».

— Я говорю: «Ну допустим». А они мне: «Если каждый из них потратил девять рублей, то втроём они потратили двадцать семь! Плюс два рубля, который оставил себе тот мальчик. Получается двадцать девять! Где же ещё рубль, Лев Игоревич? Мы никак не можем понять!»

— Так-так, — я поглядела на улыбающегося Льва с иронией. Было дико интересно, не попал ли он впросак с этой задачей. Я вот долго не могла понять, как выпутаться из этой нелогичности. — И что же ты?

— И тут я понял, что меня пытаются разыграть, — сосед развёл руками. — И даже восхитился: и ведь не подкопаться, вопрос-то по математике. Но с такими задачками справится не каждый учитель, Алён, логика — это всё же отдельная дисциплина, не всем подвластная. Ну я и сказал — мол, ошибочное решение этой задачи изначально построено на неверном условии. Рассказывая условие, вас заставляют складывать то, что складывать не нужно: двадцать семь и два. Да, мальчики изначально потратили тридцать рублей, но не забывайте о том, что у кассира в итоге осталось не тридцать, а двадцать пять. То есть, нужно не девять умножить на три, а потом прибавлять два рубля, оставшиеся у четвёртого мальчика, а к двадцати пяти — стоимости шоколадки — прибавлять три, тогда будет не двадцать семь, а двадцать восемь. И всё становится на свои места.

— Здорово, — я вздохнула. — А я минут пять не могла сообразить, и близнецы меня замучили. Потом уже показали мне «Ералаш», откуда они эту задачу и стибрили. Кстати, они не были разочарованы, что ты так быстро всё понял и объяснил?

— Нет, наоборот — светились от счастья, особенно когда я это всё на доске начал расписывать. А потом ещё пообещал, что завтра всему классу похожую задачу дам, и кто решит за пять минут — получит пятёрку.

— Да? Это какую же задачу?

Лев засмеялся.

— Хочешь проверить свои силы?

— Ну, на особый успех я не надеюсь, — я пожалала плечами. — Просто интересно, насколько уже проржавели мои насквозь гуманитарные мозги.

— Тогда держи условие. Ракетка и мяч вместе стоят один рубль десять копеек, при этом ракетка на рубль дороже. Сколько стоит мяч?

Меня подмывало ответить «десять копеек», но я попой чуяла, что так просто быть не может. И точно ведь!

— Самый очевидный ответ «десять копеек» неверный, потому что в условии ракетка, которая дороже на рубль. Это значит, что если мяч стоит десять копеек, ракетка тогда должна стоить рубль десять, что уже противоречит условиям задачи.

— Правильно, — кивнул Лев, посмеиваясь. — Но это ещё не решение. Думай, Алёна, думай.

Я озадаченно потёрла лоб и сосредоточилась...

Задачу я, разумеется, решила, и к собственной радости быстро, но сосед задал ещё одну, над которой я думала аж до самого дома, но решила и её. И было так весело, интересно и хорошо — вот так ехать вместе со Львом, со смехом обсуждать задачки, искать решение, — что в квартиру я вошла в благодушном настроении. Правда, оно было чуть омрачено прощанием — Лев отпустил меня, поцеловав руку, как благородной даме из прошлого, но у меня всё равно затянуло между ног. Хотя дело было не только в поцелуе, но и во взгляде — жарком и приглашающем. Лев не сказал ни слова, но я понимала — он не сдался, просто затаился, чтобы в скором времени сделать следующий ход, попытаться вновь уговорить меня на более тесные отношения. И я очень боялась, что, уставшая от одиночества и по уши влюблённая, я капитулирую, невзирая на все свои рассуждения.

С этим и было связано моё чуть омрачённое настроение, когда я открыла входную дверь и вошла в коридор. Мне навстречу из своей комнаты выбежали близнецы — оба в зелёных домашних костюмах с надписью: «В школу как на праздник!»

Рыжие тролли! Специально же напялили, и наверняка бабушка помогала выбирать.

— Мама! — завопили хором прям с порога. — А дядя Лёва — самый умный!

Я застыла на пороге, хлопая глазами, а бабушка громко расхохоталась где-то на кухне.

— Это ещё почему? — поинтересовалась я, отмерев.

— А он сразу решил задачу, над которой ты пять минут думала! — заявил Фред.

— Прям вот ни минуты не сомневался! — кивнул Джордж.

Мне даже обидно не было. Если только совсем чуть-чуть.

— Ребята, дядя Лёва преподаёт математику. Ему полагается быть самым умным.

Дети замолчали, сражённые моей железобетонной логикой. Видимо, думали, я буду спорить. Щаз!

— А ты — русский и литературу!

— А я — русский и литературу, — подтвердила я, стягивая туфли. — И это значит что?

— Что?

— Что я много читаю. А считаю мало. А дядя Лёва — наоборот. И кстати! — Я обняла парней и усмехнулась, когда Фред и Джордж привычно ткнулись мне мордашками в живот. — Я буду совсем не против, если вы его предмет будете любить больше моего.

Близнецы переглянулись.

— Ну не-е-ет...

— Мы читать любим больше...

— Это сейчас. Посмотрим, что будет дальше.

Я пошла в ванную умыться с дороги и чертыхнулась, неожиданно вспомнив, что забыла рассказать Льву про Наташу Иванову.

Вечером, уложив близнецов, я долго сидела над телефоном и думала — написатъ соседу или нет? В итоге решила, что я слишком навязываюсь, и вообще раз уж решила не заводить отношений — надо соответствовать.

М-да... Забавно. Ещё в прошлом году, если бы мне кто-нибудь рассказал, что я буду желать посоветоваться по рабочим вопросам (да и не только) с каким-то чужим мужиком, я бы ни за что не поверила. А теперь вот — сижу, страдаю. Дура. И зачем влюбилась? Насколько было бы проще, если бы мне был нужен просто мужчина для постели, и Льву — женщина для проведения досуга. А он — семью создать...

Ох, Алёна, ну и кого ты обманываешь? Ты бы на такое никогда в жизни не решилась, не

тот характер. Да и у Льва не тот. Он же честный и прямой, как подоконник. И не из тех мужчин, которые заводят несерьёзные отношения. Вот поэтому он и обратил на меня внимание, что мы с ним в этом похожи.

Интересно, что бы сказала мама, если бы я поведала ей о том нашем откровенном разговоре? Скорее всего, мыла бы мне сейчас мозги, уговаривала, увещевала. Хорошо, что она ничего не знает, под таким давлением мне было бы вдвойне тяжело.

В общем, я всё же отложила телефон и легла спать. Поговорю со Львом завтра, в школе или уже после неё.

Утром следующего дня мы вновь отправились в школу все вместе, исключая маму — она осталась дома, отдыхать от близнецов и наводить порядок. И шли — мы со Львом на работу, а мальчишки на учёбу — почти как настоящая семья. Ребята от этого были в совершеннейшем восторге, а я... ну, меня разрывали пополам противоречивые эмоции. Я ведь прекрасно осознавала, что Лев решил таким образом меня «дожать» — задружиться с детьми, заухаживать, соблазнить ещё пару раз... Чтобы я в итоге согласилась и перестала грузить его рассуждениями про любовь. И я немного злилась на него за всё это, заранее злилась. Но при этом не могла не чувствовать удовольствие от нашей совместной прогулки до школы. Наверное, в глубине души я — мазохист...

В итоге про Наташу я вспомнила, когда мы уже разошлись — Лев пошёл на свой урок, я — на свой, а близнецы побежали на физкультуру. Тут-то ко мне и подошла Иванова, по-прежнему бледная и осунувшаяся. Я как-то сразу заметила, что она сильно похудела по сравнению с прошлым годом.

— Алёна Леонидовна... — прошелестел ребёнок, трогая меня за локоть, — я поговорила с родителями... Они сказали — приходите завтра, к семи вечера. Хорошо?

— Хорошо, — я кивнула и оглядела девочку с ног до головы. — Ты нормально себя чувствуешь? Может, тебе домой пойти?

— Нормально, — Наташа бледно улыбнулась. — Просто чуть тошнит, но у меня так часто бывает... Пройдёт через пару часов.

— Ладно, но если что — подходи и отпрашивайся, — велела я строго, и Иванова, пообещав, ушла на урок.

День промелькнул быстро. У Фреда и Джорджа занятия закончились в час, и мама отписалась мне, что забрала наших бандитов, покормила, и они уже сели делать первое домашнее задание. Я немного завидовала мальчишкам — самой безумно хотелось домой — но продолжала доблестно выполнять свой долг. Закончила я около четырёх часов дня, быстро проверила тетради, благо дома мне это сделать спокойно всё равно никто бы не дал, и вышла из кабинета. Я видела, что телефон требовательно мигает уже с полчаса как, но специально не смотрела на экран: мама позвонила бы, будь что-то срочное, а раз просто сообщение, то наверняка Лев. Хочет узнать, когда я закончу, и вновь проводить до дома. И надо было как-то это прекращать... ненавязчиво, но надо. Отделаться от соседа утром у меня точно не получится, главным образом из-за близнецов, но по вечерам стоит постараться возвращаться в одиночестве. Иначе я окончательно размягчею мозгом, и не только мозгом...

Впрочем, у меня всё равно ничего не вышло, и я вновь столкнулась со Львом, но на этот раз не у калитки, а на ближайшем повороте. Он стоял возле старого широкого дуба, уткнувшись в телефон, но как только я вынырнула из-за угла, отложил смартфон и

посмотрел на меня с понимающей улыбкой.

Я вздохнула. Кажется, избавиться от соседа можно исключительно если хорошенько ему нахамить и поставить жесткий ультиматум. Честно говоря, я этого делать и не умела, и не хотела по-настоящему. Ну какие ультиматумы, когда мои мальчишки так радуются ему, да и вести они себя стали с появлением в нашей жизни Льва гораздо лучше и спокойнее.

— Привет, — произнёс мужчина, как только я подошла. — Как день прошёл?

— Думаю, так же, как и у тебя, — пробормотала я, опуская взгляд — смотреть Льву в лицо почему-то было сложно. И стыдно. Наверняка это его сообщение до сих пор висит непрочитанным! — Прошёл, и слава богу.

Смотреть не в лицо тоже оказалось непросто: ниже была мощная шея и очень соблазнительный кадык, к которому мне хотелось прижаться губами. Я до сих пор помнила вкус кожи Льва...

Стоп. Я замерла, не дыша, неожиданно осознав: я не помню вкус кожи Антона. Помню голос, улыбку, силу рук, нежность и уютность объятий, а вкус кожи — нет. И от этой мысли меня будто вынесло в космос на ракете-носителе. Я даже резко перестала слышать, что говорит Лев.

Как так может быть?.. Я не помню?..

— Алён? Алёнка? — сосед тормозил меня за локоть и с тревогой заглядывал в глаза. — Ты что-то побледнела. Ты хорошо себя чувствуешь?

Я глубоко вздохнула и мотнула головой, пытаюсь улыбнуться. Почему-то было обидно. То ли на себя, то ли на Льва, то ли на саму жизнь... Не знаю даже. Просто обидно, что Антон не остался в моей памяти навечно.

— Нормально, — ответила, ощущая, что язык слегка онемел. — Устала просто. Пойдём домой? Кстати... — Я вдруг вспомнила про Наташу Иванову. — Хотела тебе рассказать...

Очень удачную я нашла тему для разговора: рабочую и абсолютно нейтральную. Она позволяла мне сохранить дистанцию, шагая рядом со Львом по дороге к остановке, а затем и в автобусе.

— Не накручивай себя заранее, — произнёс сосед мягко и успокаивающе, когда мы вышли из душного салона в вечернюю прохладу ранней осени. — Поговоришь с родителями девочки, а уж потом будешь делать выводы. Может, всё не так страшно.

— Она сказала: «Папа с мамой надеются, что меня вылечат в Германии». Значит, в России вылечить не могут, — возразила я, но Лев качнул головой.

— Ничего это не значит. Алёна, кто из нас учитель русского языка, в конце концов? — Он пытался меня растормозить этой шуткой, и, как ни странно, помогало. — Тебе ли не знать, как легко ошибиться, понять что-то не так? Наташа не говорила, что её нельзя вылечить, это ты домыслила.

— Нет, она...

— Алён, — Лев взял меня за руку, и мне сразу перехотелось спорить, — она не говорила такого. Сказала только про Германию. Возможно, её родители хотят попасть туда сразу, минуя наше здравоохранение. Я знаком с отцом девочки, он нашим врачам вообще не доверяет.

— Да, — ответила я, не отнимая ладонь. Было слишком уютно и вообще... спокойнее. Как-то действительно сразу стало казаться, что я зря так нервничаю. — Ты прав. Поговорю с родителями завтра, всё узнаю, тогда буду думать.

— Правильный подход.

Лев неожиданно остановился и, вопросительно заглядывая мне в глаза, поднял мою руку и поцеловал запястье. Сердце сразу подскочило куда-то в горло и забилося там, отдаваясь звоном в ушах.

Он не спросил «зайдёшь ко мне?», но взгляд подразумевал именно это. Горячий, требовательный, манящий... И губы, тёплые и сухие, скользили по коже, грея её и лоя в свой плен моё сердцебиение.

— Лёва... — Я с трудом выдохнула его имя, пытаюсь перевести всё в шутку. — Ты, между прочим, говорил, что не будешь уговаривать.

— Я разве уговариваю? — Он иронично улыбнулся, раскрыл губы и коснулся моего запястья языком, будто пробуя на вкус. — Я вообще молчу.

— Да-да, — фыркнула я и всё-таки отняла руку. — Чтобы уговаривать, не обязательно говорить. Это я тебе как учитель русского языка могу утверждать.

Лев рассмеялся, но промолчал.

Дома я, повозившись с близнецами и поужинав, села в своей комнате, открыла книгу, но читать так и не смогла. Всё сидела и думала, и не о Наташе Ивановой — хотя следовало бы, наверное, о ней, — а о том, что я сегодня вдруг осознала про свои воспоминания об Антоне.

Неужели он уходит из моей памяти? Я сидела и перебирала всё, что было связано с ним, разбирая по крупицам нашу дружбу, любовь и совместную жизнь. Воспоминаний было огромное количество — ярких и светлых, как солнце, грустных и пронзительных, как порез от бумаги на пальце — в общем, разных. И раньше мне казалось, что я помню всё... Но сегодня выяснилось: уже нет. Я действительно не могла вспомнить, какой была кожа Антона, когда я ласково трогала её языком, как Лев сегодня трогал мою. Соседа я помнила отлично, а мужа...

Наверное, это нормально — всё же прошло десять лет. Даже почти одиннадцать, близнецам-то в ноябре именно столько и стукнет. Но меня всё равно огорчало, что я не сохранила... не смогла. Будто предала Антона и свою любовь к нему.

Ох, представляю, что сказала бы на это мама... Конечно, посетовала бы на мою дурную голову и посоветовала сходить к психологу. Или сразу к психиатру — мама может. Поэтому я и не рассказывала ей такие вещи — осознавала, что понимания я у родительницы не отыщу, зато раздражения огребу с лихвой. Я знала, что мама не со зла, она ведь желает мне счастья в личной жизни, однако для такого счастья мне, по-видимому, потребуется забыть Антона окончательно и бесповоротно, а я не желала этого делать.

Интересно, а Лев... он смог бы понять? Понять, что в моей голове всегда будет жить другой мужчина, и не упрекать в этом?

Я усмехнулась. Ох, вряд ли... Я ведь не приняла Наташу в его голове. С чего бы ему принимать Антона в моей?

На следующий день Лев ушёл из школы без меня — я собиралась навестить в гости к Ивановой и решила не покидать школу — девочка жила в другой стороне и ездить туда-сюда с разницей в пару часов мне не хотелось. Лев предлагал пойти со мной, но я отказалась — приглашали-то только меня, и я не представляла, насколько затянется разговор. Зачем ему ждать на улице? Он, наверное, мог бы попроситься через отца Наташи, но по какой-то причине не стал этого делать. И на самом деле я была ему за это даже благодарна. Одной мне сейчас было спокойнее.

Хотя «спокойнее» всё же неверное слово. Спокойно мне не было, я дико нервничала. Мне было... в своей тарелке. Я ощущала себя нормальным профессионалом, хорошим классным руководителем, который пришёл к родителям своей девочки разобраться в ситуации, а не растерявшейся женщиной, которая боится смерти, потому что однажды уже сталкивалась с этой «дамой», и ей совсем не понравилось.

Я стряхнула с пиджака воображаемые пылинки, кашлянула в кулак, а затем позвонила в дверь. Открыли мне быстро, и я, увидев перед собой чуть бледноватых и явно взволнованных родителей Наташи, вежливо улыбнулась и поздоровалась.

— Проходите, Алёна Леонидовна... — прошелестела мама девочки. — Мы вас ждали...

— Чай или кофе будете? — спросил папа и почему-то внезапно из бледного стал розоватым. Настолько волнуется?

— Спасибо, я просто воды выпью, — я покачала головой, заходя в коридор и переобуваясь. — Ничего больше не хочется.

Они кивнули и пригласили меня не на кухню, а в гостиную, где усадили на диван перед большим обеденным столом, налили мне воды из кувшина в прозрачный стакан с синими узорами, а затем сели напротив и тягостно замолчали.

Удивительно, но молчание иногда имеет вес и будто бы давит им на сердце и душу, как толща воды на глубоководных рыб...

Я даже пожалела, что отказалась от чая или кофе. Распивать сейчас что-нибудь и молчать было бы гораздо комфортнее.

— Я хотела поговорить с вами о Наташе, — произнесла я осторожно, решив начать первой, уж больно напряжёнными выглядели родители. Напряжёнными, взволнованными и какими-то... отчаявшимися, что ли. — Думаю, вы понимаете, почему.

— Понимаем, — ответил Наташин папа как-то излишне резко, вздохнул, побагровел, потом снова побледнел и продолжил голосом куда более сдавленным: — Ну что ж... слушайте.

Я вышла из квартиры Ивановых примерно через час совершенно в разбитом состоянии. Добрела до остановки, села на автобус и только в этот момент вспомнила, что надо бы позвонить маме, предупредить, что я скоро приеду. Запустила руку в сумку, достала мобильник — смартфон мигал, предупреждая меня о чьём-то непрочитанном сообщении. Хотя почему — о чьём-то...

«Позвони или напиши, как закончишь, я тебя встречу».

Встретит... Да. В другой раз я бы отказалась. Но не сейчас. Только сначала — мама.

Я предупредила родительницу, что в течение часа буду, понадеявшись, что разговор со

Львом не займёт больше время, и только тогда позвонила соседу.

Лев встретил меня на остановке. И как только успел добежать? Не представляю. Неужели ждал моего звонка одетым? Иначе я никак не могла этого объяснить.

Он всё понял по моему лицу — сомневаюсь, что оно было очень радостным, а уж чувствовала я себя так, будто меня только что хорошенько вытошнило. Взял за руку, притягивая ближе, приобнял и шепнул тревожно:

— Расскажешь?

Я скривилась.

— Иначе я не стала бы звонить. Хотя, если честно, мне сейчас хочется не говорить, а пить. И желательно, что-нибудь покрепче.

— Всё так плохо?

Я отстранилась от соседа и пошла по направлению к нашему дому. На улице уже почти стемнело, поэтому я ясно видела, как светятся окна моей квартиры на верхних этажах. Там ждут близнецы и мама... а я даже не знаю, хочу ли я сейчас их видеть. При них надо держать лицо, а у меня это вряд ли может получиться.

Странно. Неужели при Льве ничего держать не надо?..

— Хуже некуда, — ответила я, сглотнув вязкую и неприятную слюну. Целый стакан воды выпила у Ивановых, но не помогло. — У Наташи опухоль мозга. Глиобластома. Неоперабельная.

Лев молчал несколько секунд. Я на него не смотрела, глядя куда-то вверх. То ли на наш дом, то ли так, в небо.

— А лучевая, химиотерапия?

Голос его был спокойным, деловым, собранным. Да... хотелось бы мне верить, что я говорила так же невозмутимо в присутствии родителей Наташи, но верилось с трудом. Я ощущала себя раздавленной и не могла говорить спокойно.

— Наши врачи говорят — бесполезно. Ну, то есть, как, бесполезно... Какое-то время это Наташе даст. Небольшое, до года. Поэтому её родители написали в Германию, да и не только туда, пытаются узнать — может, кто-то возьмётся за операцию. Без операции шансов точно нет.

Голос сел, и я замолчала. Почувствовала влагу на щеках, провела по ним ладонью — что, неужели дождь пошёл? Нет, не дождь. Просто я плачу, кажется...

Лев, не говоря больше ни слова, прижал меня к себе, и я уткнулась мокрым носом в его льняную рубашку. Всклипнула, обняла в ответ и почти простонала:

— Мне та-а-ак плохо-о-о-о-о!..

Я знала, что точно сейчас не похожа на строгого и сурового учителя, который знает ответы на все вопросы и может найти выход из любой ситуации, даже самой безвыходной. Но мне было плевать. И откуда-то я понимала, что Льву тоже плевать, и он меня не осуждает, и никогда никому не расскажет, как я рыдала у него на груди, не представляя, что теперь делать.

— Алён, послушай... — прошептал он мне на ухо, поглаживая меня по спине крепкими и уверенными движениями больших и тёплых ладоней. — Мы с тобой не врачи, и единственное, что мы можем — это облегчить девочке жизнь в школе, ей наверняка нелегко сейчас учиться, не только морально, но и физически. Мы способны поддержать её, и словом, и делом. Остальное — уже задача родителей и врачей.

— Я понимаю, — я мотнула головой, вцепляясь пальцами в рубашку на груди Льва. — Я

просто... Господи, за что?! Такая маленькая девочка!

— Да. Но умирают дети ещё меньше.

— Я знаю и не понимаю, почему!

— Никто не понимает. Алён... — Лев осторожно приподнял пальцами мой подбородок и, поймав мой взгляд, заплывший от слёз, негромко спросил: — На сколько лет был старше Наташи твой муж, когда погиб?

Я вздрогнула. В глазах защипало, перехватило дыхание... Дёрнулась из объятий Льва, но он держал крепко.

— Зачем ты...

— Просто ответь. Мне нужно это знать.

Наверное, ещё неделю назад после такого вопроса я начала бы царапаться и кусаться, но теперь... Что-то во мне будто бы сломалось. Или наконец начало смиряться с тем, что это правда, и Антон действительно умер?

Я ведь никогда не верила в это по-настоящему. Жила, говорила — да, умер, — но не верила.

— На пять лет. — Глаза Льва внимательно и серьёзно блестели, и я негромко продолжила: — Он погиб в день рождения Фреда и Джорджа. Ехал ко мне в роддом, спешил, чуть превысил скорость. Зима... занесло...

Я увидела, как дёрнулся кадык Льва, словно мужчина тяжело сглотнул.

— Алён... — произнёс сосед тихо, не отрывая напряжённого взгляда от моего лица. Я ожидала, что он скажет про Антона, но Лев заговорил о другом. — Насчёт Наташи... Это не твоя беда и не твоё горе. У тебя уже есть своё, не надо... ещё и погружаться в чужое. Мы поможем, но... не плачь так. Не нужно.

— Математик, — я беззлобно усмехнулась и вытерла глаза и щёки ладонями. — Своё, чужое... Разве чувства можно взять и выключить? Мне просто больно и обидно.

— Я понимаю, но постарайся справиться с этим, — ответил Лев серьёзно. — Это не конструктивно. Надо помочь, а плакать...

— Будем потом? — Усмешка стала горькой.

— А может, и вообще не придётся? — вдруг сказал сосед, подумав. — В конце концов, случаются же в мире и чудеса...

— Да? — Я показательно огляделась. — Где?

— Где-то. — Лев быстро наклонился и поцеловал меня в щёку — я даже не успела возразить. Да и не хотелось, по правде говоря.

До дома мы дошли в молчании. Не тягостном, скорее, уютном и понимающем, хоть и печальном. Тоска из моего сердца никуда не делась, но теперь по крайней мере мне больше не хотелось бесконтрольно рыдать и топтать ногами от злости и бессилия что-то изменить в этом несправедливом мире, где умирают дети, которым бы ещё жить и жить, узнавать новое, влюбляться и разочаровываться...

С этого дня мне резко стало не до превратностей наших со Львом отношений — нужно было решать проблему Наташи Ивановой. Родители девочки, поначалу не желавшие ни с кем разговаривать — ведь даже просьбу не нагружать ребёнка учёбой они предпочли передать через общего знакомого, а не пообщавшись с классным руководителем, — вдруг словно смирились с ситуацией и попросили меня серьёзно пообщаться с остальными учителями. У Наташи бывали головные боли, головокружения, случалась и потеря сознания, она быстро

уставала и по большому счёту учиться так же усиленно, как прежде, не могла. Но до моих коллег, особенно до стервочек типа Соболевской, ещё нужно было это донести. Я не испытывала иллюзий и понимала, что на этот раз простой просьбой на педсовете дело не ограничится — придётся подключать Шустрову и директора, иначе моё заявление вполне могут пропустить мимо ушей. Просто из вредности и по причине отсутствия какого-то внутреннего органа, который отвечает за сострадание.

Все эти проблемы занимали не только моё время, но и мысли, и я как-то постепенно почти перестала переживать из-за Льва. Даже если что-то такое приходило в голову, оно быстро улетучивалось оттуда, сражённое чувством вины — в конце концов, как можно думать о подобном, когда у меня в классе умирающая девочка? Разберёмся как-нибудь. И я спокойно воспринимала тот факт, что Лев по-прежнему провожал нас с мальчишками в школу, а вечером — шёл со мной из школы до дома. Он не делал намёков, разговаривал только на нейтральные темы, иногда смешил меня, особенно рассказами об очередных каверзах Фреда и Джорджа. Как-то незаметно оказалось, что Лев теперь знает о них чуть ли не больше, чем я — он ведь стал их классным руководителем, поэтому видел чаще, да и с проблемами другие учителя приходили к нему, а не ко мне. И мне даже обидно за это не было. Лев легко мог приструнить моих мальчишек, без проблем находил правильные слова, и поведение близнецов с каждым прошедшим днём становилось всё более идеальным. И не только в школе, но и дома.

Подобные изменения не могли не отразиться и на мне — я стала лучше и крепче спать, меньше нервничать, и уже не помнила, когда в последний раз испытывала желание надрать сыновьям задницы или оттащить за наглые уши. И если бы не эта ситуация с Наташей, я была бы почти счастлива...

Конечно, её одноклассники не могли не заметить перемен и в отношении учителей к Наташе, и в поведении самой девочки. Проблем это пока не вызывало, никто её не обижал, не задирали, и даже ни о чём не спрашивал. Среди моих детей идиотов не имелось — и они все, разумеется, примерно догадывались, с чем это связано, и тревожно молчали, порой переглядываясь и перешёптываясь. Несколько раз ко мне подходил Клочков, делился слухами и задавал вопросы о том, что знаю я, но ответить ему я могла лишь максимально размыто. Попросила только следить за тем, чтобы Наташу не задевали — ни учителя, ни одноклассники, — и если он вдруг что-то заметит, то сообщать мне. Впрочем, я могла бы и не просить — Федя, как истинно влюблённый рыцарь, делал это и так.

В конце сентября мне позвонил Наташин папа и радостно сообщил, что её возьмут на операцию в Германии. Операцию назначили на середину ноября, а прилететь надо было за неделю. Стоило это всё такое безумное количество денег, что я даже на мгновение потеряла дар речи, а потом поинтересовалась, не нужна ли помощь. Он отказался, объяснив, что всё оплатит фирма, в которой он работает.

После этого звонка Наташа будто бы стала лучше себя чувствовать, повеселела, начала делать почти прежние успехи в учёбе, больше шутить. Приободрились и Оля Зимина, и Клочков, несмотря на то, что он на самом деле ничего не знал. Мне и самой стало чуть легче дышать, хотя я понимала, что надежда эта почти призрачна, эфемерна, и нам всем следовало бы сказать самим себе: «Рано радуешься».

Но надежда — удивительное чувство. Оно рождается почти из ничего и никогда, никогда не умирает...

Был первый день октября, суббота. Раннее утро. Близнецы накануне мечтали о

сырниках, а творога дома не было, вот я и выскочила в магазин, пока мальчишки не проснулись — решила их порадовать. Они всю неделю вели себя прекрасно, получили несколько пятёрок и вообще были такие молодцы, что я даже расчувствовалась и обещала им две вещи. «СС», как выразилась мама — сырники и скутеры.

Я возвращалась домой из магазина и вдруг заметила знакомую машину, которую я уже видела однажды, когда ко Льву приезжала жена его брата. Кажется, тогда был май... И кстати, сосед ведь вчера упоминал, что накануне его племянница и Наташа с Елизаветой Андреевной вернулись с моря, но я даже внимания на эту новость не обратила — за этот месяц столько всего произошло, что я умудрилась как-то забыть о проблемах семьи брата Льва. А теперь вот вспомнила.

Из машины вылезла Наташа — загорелая и явно отдохнувшая, безумно красивая, не чета зелёной и уставшей мне, — и, не заметив меня, пошла к подъезду. Выглядела она весьма озабоченной, но окликать я её не стала — не было у меня настроения сейчас с ней разговаривать. Пусть Лев сам разбирается со своей возлюбленной. Может, без участия её мамы у них лучше получится?

Мысль была настолько злой и ревнивой, что я даже рассмеялась. Дожили! И чего ради я так ревную? Чему быть, того не миновать.

Я вернулась домой, сделала сырники, разбудила близнецов, позавтракала... а сама не переставала думать о том, как прошёл диалог Льва и Наташи. И не перешёл ли этот диалог постепенно в другую плоскость, как хотела Елизавета Андреевна? По крайней мере выглядела Наташа вполне себе так, как обычно выглядит женщина, которая идёт на свидание к мужчине. В изящном шерстяном пальто, довольно-таки коротком, чтобы было видно длинные ноги в высоких сапогах. Не знаю, что под этим пальто, но явно тоже что-то короткое и соблазнительное.

В общем, я чуть не задохнулась от ревности за прошедшие два часа, и когда Лев наконец позвонил и предложил пойти гулять — вместе с близнецами и скутерами — то чуть не разрыдалась от облегчения. Наверное, если бы у них с Наташей что-то сладилось, он бы не предложил? Или я ошибаюсь, и это никак не связано?

Во время прогулки я всё пыталась что-то прочесть в лице соседа, но мне это так и не удалось — Лев был спокоен, как и всегда, невозмутим и незыблем, словно скала, шутил и улыбался мальчишкам и мне, и об утреннем визите Наташи даже не упоминал. А я нервничала. Переживала безумно, поэтому в конце встречи поинтересовалась, могу ли вечером пройтись с ним и Ремом. Лев удивился — весь месяц я отказывалась гулять перед сном, слишком сильно уставала, — но согласился, и вроде бы даже охотно.

Около десяти часов он написал, что через пятнадцать минут выходит, я быстро собралась и выскочила из дома, предупредив только маму — Фред и Джордж уже спали. Родительница смерила меня понимающим взглядом с головы до ног и изрекла:

— До утра можешь не возвращаться.

Я только фыркнула в ответ.

Спускаясь по лестнице — ну не люблю я лифты — я думала о том, насколько мой внешний вид сейчас отличается от утреннего внешнего вида Наташи. Она в своём светлом шерстяном пальто и сапожках на каблуках выглядела изящной принцессой, я же — в синих джинсах и осенней жёлтой куртке с наполнителем из синтепона выглядела по-простецки, как обычная женщина. Мы рядом и не смотрелись бы даже. И почему Льву после Наташи понравилась я? Я совсем другая, начиная от характера, заканчивая внешним видом и

манерой одеваться.

Но сосед такими вопросами точно не задавался. Он улыбнулся, увидев меня, светло и радостно, подождал, пока я ещё раз поздороваюсь с Ремом, а потом подал мне локоть.

— В парк? Я сегодня ненадолго, обещали дождь через полчаса. Или можем погулять во дворах.

— Давай попробуем в парк. — Ходить кругами возле детских площадок мне не хотелось. — Если что, успеем добежать... наверное.

Лев засмеялся, и мы пошли.

Несколько минут мы молчали, что, впрочем, нам совсем не мешало. Я вообще давно заметила — молчать со Львом мне было нормально и вполне себе уютно. Я не думала каждую секунду, о чём бы поговорить, не тяготилась тишиной и могла идти, мысленно рассуждая о чём угодно — от школьных дел до планирования покупок, — и мне было хорошо и комфортно. словно я знала Льва не пять с небольшим месяцев, а много-много лет.

— Слушай, — я вдруг вспомнила, о чём ещё хотела спросить соседа. Про Наташу заговаривать пока не хотелось. — А как мои бандиты, не сбиваются на «дядя Лёва» на уроках?

В вечернем полумраке я плохо видела лицо Льва, освещаемое лишь тусклым светом фонарей, но точно знала — он улыбается. И его голос, когда он отвечал на вопрос, был тёплым.

— Как ни странно, нет. И вообще мне кажется, им доставляет удовольствие называть меня Лев Игоревич и знать, что за пределами школы они могут назвать меня дядя Лёва и на «ты». Это для них словно какой-то секрет, приятная тайна, недоступная окружающим.

Я фыркнула. Что ж, вполне похоже на моих мальчишек. И теперь я наконец решилась спросить о том, что тяготило весь день.

— Я утром Наташу видела. Издалека, не подходила к ней. Зачем она приезжала?

Да, вот так, Алёна, в лоб. Шок — это по-нашему.

Хотя Льва ещё попробуй, шокируй. Он ни капли не удивился, и шаг не сбился, и рука, сжимающая поводок Рема, не дрогнула.

— Она приезжала поговорить. Видишь ли, Елизавета Андреевна решила пойти ва-банк. — Я посмотрела на соседа и увидела, что он криво ухмыляется. — Я не ожидал от неё такой... подлости. Хотя я её понимаю, но не ожидал.

И тут я сразу осознала, что именно она сделала. Это было очевидно.

— Она рассказала Наташе о твоих чувствах?

Лев кивнул.

— Да, в конце их поездки, когда Наташа уже более-менее успокоилась и смирилась с потерей, Елизавета Андреевна решила открыть ей глаза. Я сам на эту тему ни с кем из них не разговаривал, только с Виталиком и Мариной обсуждал, но все догадывались, разумеется — взрослые же люди. Только Наташа — нет.

— А она...

— Нет, — решительно перебил меня Лев. — Она не замечала никогда. Алён, она из тех людей, которые могут увидеть чужие чувства к другим, а к себе не способны, просто потому что не рассматривают себя в качестве романтического объекта. Да ты и сама такая, мне кажется.

— Не знаю...

— Такая-такая, поверь. — Лев улыбнулся, и мне отчего-то стало неловко. — В общем,

Наташа приезжала спросить, правда ли всё это.

Он молчал, и молчал так долго, что я не выдержала:

— И?..

— И это было неприятно, — тихо вздохнул, и у меня замерло сердце. — Вообще всё неприятно: и что Елизавета Андреевна решилась на такие меры, и что Наташа... предложила попробовать.

Я в этот момент чуть не умерла.

— Что?!

— На неё надавила мать. — Лев словно оправдывал их обеих, и я разозлилась. — Расписала ей мои чувства почти под хохлому, промыла мозги, и Наташа с ней согласилась, что лучше действительно иметь рядом знакомого и родного человека, нежели искать кого-то нового. Тем более, у меня уже имеется любовь к ней, а она ко мне очень хорошо относится, и может, со временем...

И тут я взорвалась. Нет, ну это просто... возмутительно!

— Теперь понятно, почему ты был такой счастливый, когда мы гуляли с утра, — перебила я его язвительно. — Тебе наконец, как бездомной собаке, бросили вкусную косточку!

Лев остановился и схватил меня за плечи, вглядываясь в глаза. Серьёзный, спокойный... а меня просто трясло от злости. И страха. Страх, что я могу его потерять. Потерять, не имея...

— Алён, что за ерунду ты говоришь? Я всего лишь пересказываю тебе выводы Елизаветы Андреевны и Наташи, а не...

— Можно подумать, ты с ними не согласен!

— Нет.

— И не согласился попробовать?

— Нет.

— Да ладно, — я фыркнула. — Не верю! Ты же смотришь на неё, как влюблённый суслик. Одно дело, когда она не знает, но теперь-то она в курсе, ещё и сама предложила! Небось и целоваться полезла!

Лев на мгновение отвёл взгляд, и я поняла — действительно, полезла. Вот и ещё одна причина быть счастливым!

— Иди ты... — выругалась я и, отскочив в сторону, побежала обратно, к дому.

— Алёна! — крикнул Лев мне вслед, но я даже не оглянулась, продолжая пылать от злости, ревности, праведного гнева и обиды.

Я, значит... а он там... целуется!

Ненавижу!

Вечером и ночью телефон вибрировал, но я, понимая, что это наверняка Лев, не смотрела, что он пишет. Очень хотелось, но не заглядывала, так была зла и разочарована, и так боялась увидеть там... что-то. Не знаю, что, но такое, из-за чего я расстроюсь ещё сильнее, хотя иногда казалось, что сильнее уже некуда.

Любит ведь её, обожает, боготворит, и все эти отговорки — не согласен, не хочу, не буду, — временные. Если уж сама Наташа дошла до того, чтобы предлагать попробовать, то Лев не выдержит, сдастся. Разве можно долго упрямиться, если тебя уговаривает человек, которого ты давно и безнадежно любишь и хочешь? Конечно, ему надо максимально долго «держатъ лицо» — возможно, тогда получится сохранить отношения с братом. Хотя я в это не верила ни на грош. Ни Наташа не захочет общаться с бывшим мужем, ни Виталик — с братом, к которому ушла его жена.

А Лев, может, и будет уговаривать меня сейчас, что я всё не так поняла и вообще он не собирается крутить шашни с Наташей, но я в это не поверю. И не желаю, чтобы он потом ощущал себя неловко передо мной за эту ложь, в которую он по какой-то причине верит в настоящий момент. Поэтому я отбросила телефон в дальний угол и завалилась спать. Спала, разумеется, плохо, и встала безумно рано, и долго держала мигающий смартфон в руке, испытывая одновременно два желания — и прочитать всё, что он мне за ночь нацарапал, и разбить телефон об стену, чтобы не читать никогда. Выбрала нейтральный вариант и просто засунула аппарат в сумку. И не доставала его оттуда всё воскресенье.

Утром в понедельник сделать так, чтобы Лев не провожал нас с близнецами в школу у меня, естественно, не получилось, да я и не собиралась избегать его общества — слишком много вопросов это вызовет у мальчишек и мамы, кроме того, мы всё равно вместе работаем и рядом живём, так что это глупо — найдёт, если захочет. Поэтому на работу и учёбу мы шли вместе. Лев и я сохраняли невозмутимый вид, Фред и Джордж без умолку трещали, и всё было как обычно, если не считать того факта, что Лев не разговаривал со мной, а я — с ним. И я уже успела подумать, что так и будет дальше, что я его обидела своим суточным молчанием, но...

После четвёртого урока в этот день у меня было удобное окно, во время которого я обычно проверяла домашние задания, и начинала это делать я обычно ещё в перемену, но на сей раз мои планы были нарушены — как только прозвенел звонок и лихие девятиклассники покинули класс, в кабинет вошёл Лев. Под моим изумлённым и ошарашенным взглядом плотно прикрыл дверь, подошёл к моему столу и произнёс, протягивая руку:

— Дай ключ.

«Клю-ю-юч» — вспомнила я вдруг фразу суровых стражников из «Королевства кривых зеркал» и помотала головой.

— Зачем?

— Чтобы никто не мешал, — терпеливо ответил Лев, и я вновь мотнула головой.

— Нет. С ума сошёл? Потом ещё скажут, что мы с тобой наедине в кабинете запирались. Быстро говори и уходи!

У Льва дёрнулись губы. Сердится.

— Быстро, значит... Хорошо, пусть будет быстро. — Он подошёл ближе, под мой

протестующий писк поднял меня со стула и усадил на стол, прям поверх тетрадей, требовательно заглядывая в глаза.

— Сдурел?! Ты что делаешь?! — шипела я, пытаюсь брыкаться, но опасалась привлечь лишнее внимание, поэтому получалось не очень. — А если кто войдёт?! Забыл, где находишься?!

— Не забыл, — сказал Лев невозмутимо, и мне захотелось его укусить. — Просто ты сказала: быстро. Значит, в твоих интересах быстро ответить на мои вопросы, иначе кто-нибудь обязательно войдёт.

— Ах, ты...

— Я уже достаточно слушал твоё молчание. Теперь хочу услышать ответы. Итак, объясни, за что ты на меня обиделась?

Я сжала ладони в кулаки. Нет, это невыносимо — он посадил меня на мой же рабочий стол и теперь хочет, чтобы я говорила!

— Отпусти!

— Не отпущу, пока не ответишь.

Я едва не зарычала. Боже, представляю, какие слухи пойдут, если сейчас в кабинет кто-нибудь сунется и увидит нас в подобной позе!

— Я на тебя не обижалась! — протараторила я быстро. — Я просто решила не мешать тебе миловаться с Наташей!

Секундное молчание — и Лев, почему-то усмехнувшись, отпустил меня, позволив соскочить на пол и отойти в сторону. Наконец-то! Сразу стало легче — теперь, даже если кто войдёт, наш разговор не будет выглядеть эротической сценой.

— Что ты так смотришь? — спросила я с неловкостью, зачем-то поправляя блузку, хотя она не сбилась.

Смотрел Лев действительно странно — как-то... слишком радостно, что ли.

— Нормально я смотрю, — ответил, мягко и ласково улыбнувшись. — Ты можешь меня выслушать, Алён? Просто выслушать, и всё. Не обязательно обсуждать это, говорить, что не веришь, и так далее. Я и так понимаю, что ты не веришь, просто хочу, чтобы выслушала.

— Зачем? — Я сложила руки на груди, не зная, куда их ещё можно деть, и хмуро поглядела на Льва. — Если ты и так понимаешь, что я не верю, зачем говорить?

— Хочется. — Сосед по-прежнему улыбался, терпеливо и понимающе — словно действительно что-то осознал про меня. И это нервировало. — Выслушаешь?

— Ну допустим.

Лев кивнул, вздохнул и, на секунду прикрыв глаза, будто собираясь с мыслями, продолжил:

— Всё, что я тебе говорил вчера, относилось не ко мне и к моим чувствам и мыслям, а к Наташе и Елизавете Андреевне. Что касается меня, мы выяснили с тобой давно — я не собираюсь начинать отношения с женой своего брата, неважно, бывшей или нынешней. У меня нет такого намерения.

— Но есть чувства, — перебила я Льва.

— Есть, — ответил он спокойно, и сердце у меня заныло от обиды. — Но любовь, Алён — это не только чувства, но ещё и наш выбор. Мой выбор ты знаешь.

— Может, он неправильный.

Лев иронично усмехнулся и покачал головой.

— Я так не думаю. Всё, Алён, я пойду, не буду тебя больше отвлекать.

Он уже дошёл до двери, когда я вдруг выпалила, дивясь на себя и свою дурь:

— Как тебе целоваться-то с Наташей — понравилось?

Лев замер на мгновение, затем отпустил дверную ручку, за которую уже успел схватиться, развернулся, подошёл ко мне, схватил в охапку — и поцеловал в изумлённо распахнутые губы.

— Не ревнуй, — прошептал через мгновение, потерся носом о мою щёку и отпустил. — Не надо, Алёнка.

И ушёл, оставив меня в какой-то странной растерянности, вязкой и жаркой, как болото в пустыне.

Дома я прочитала все его сообщения, но ничего нового там не было — всё то же самое, о чём он мне уже говорил сегодня. Может, чуть с большими подробностями. И... это глупо, да. Но мне было приятно, что он меня уговаривает — вместо того, чтобы просто плюнуть и уйти к своей обожаемой Наташе.

А на следующий день мне вновь резко стало не до отношений со Львом.

У моих одиннадцатиклассников было шесть уроков, и около двух часов дня ребята покинули школу. Прошло буквально полчаса — я в это время уже вела урок русского языка у семиклассников — и мне позвонила Оля Зимина.

Сердце сразу тревожно замерло: быть может, что-то случилось с Наташей? Я видела её утром, всё было в порядке, но с её болезнью всё возможно.

— Алёна Леонидовна, — затараторила Оля, как только я сняла трубку, невзирая на урок: если что, директор и завуч поймут, — тут Клочков и Савинков дерутся! Из-за Наташки!

У меня дёрнулся глаз.

— Что? Где?

— Да во дворе, за школой! Возле дома номер четыре!

Дом номер четыре находился за воротами школы, там была детская площадка и даже небольшой уголок с тренажёрами.

— Что делать, Алёнлеонидовна? — задыхаясь, словно от быстрого бега, говорила Оля. На заднем плане была слышна какая-то возня, чьи-то крики. — Они так друг друга мутузят, Федька Савинкову уже всю рожу разбил!

Клочков... разумеется, он побеждает — с десяти лет боксом занимается. А Голливуд парень, конечно, симпатичный, но не спортивный совершенно.

— Передай Феде, только громко, Оля, кричи прям, что если он сейчас же не свернёт конфликт, я лично надеру ему задницу! — проговорила я под изумлённые взгляды семиклассников. — И больше никогда не стану читать его рассказы!

— А Клочков пишет рассказы?! — восхитилась Зимина, и я рывкнула:

— Оля! Быстрее! А потом ноги в руки и обратно в школу всей компанией!

Следующие минут пятнадцать я безумно нервничала, опасаясь, что всё пошло не так и в итоге не обойдётся без тяжких телесных повреждений и полиции. Конечно, мне и в таком случае ничего не грозило — драка-то произошла не в школе, но дело было вообще не в этом. Я переживала за своих ребят. Хотя, если уж быть честной, за Федю я переживала больше, чем за Савинкова.

Сердитая Оля, заплаканная Наташа и злой, взъерошенный Клочков пришли ко мне в кабинет сразу после седьмого урока. Он был у меня последним, поэтому я сразу впустила ребят в кабинет, усадила за парты и заявила, садясь не за стол, а тоже за парту, чтобы быть

чуть ближе к ним эмоционально:

— Ну, рассказывайте, что случилось и как вы умудрились.

— Это я виновата, — тут же выпалила Наташа, вытирая рукавом свитера мокрые бледные щёки. — Решила хотя бы Серёже объяснить, что со мной происходит... ну, про болезнь... Оля уговорила ещё Феде рассказать, сказала, что он добрый и вообще... — Клочков после этих слов залился краской и стал похож на лопухий помидорчик. — В общем, я ещё утром в школе всё рассказала, отозвала в сторону... А сейчас мы все вместе домой шли и...

— И этот гад, — перебил девочку Федя, — заявил, что им надо перестать встречаться, пока Наташа не будет здорова. Мол, ему больная не нужна и вообще он переживать, если что, не хочет, так что лучше расстаться заранее. Ну и я ему вмазал.

Наташа всхлипнула, Оля скривилась и бросилась её обнимать, Клочков побледнел и напряжённо выпрямился, глядя на меня так воинственно, словно я собиралась его арестовывать и сажать в тюрьму за хулиганство.

— Всё ясно, — я вздохнула и потёрла ладонью лоб. — Так, слушайте меня внимательно. Наташа, не плачь, не стоит он того, правда. Посмотри лучше вокруг, какие у тебя друзья замечательные — Оля, Федя, поддерживают тебя. А Серёжа... он мальчик статусный и никаких проблем не хочет. И хорошо, что это всё вскрылось сейчас, а не позже, когда ты уже успела бы выйти за него замуж и ребёнка родить.

— Я понимаю, — Наташа кивнула и отстранилась от Оли. Она всегда была умной девочкой, кроме того, спокойной и логичной, так что я не сомневалась: эта истерика быстро пройдёт, и она осознает, что подобный исход только к лучшему. — Просто... обидно...

— Плюнь, — буркнул Клочков, глядя на Наташу с таким отчаянием, что мне было больно и тошно. — Плюнь на него. Тебе сейчас о себе надо думать, а не об этом придурке.

— Вот точно! — воскликнула Оля, поглаживая подругу по вздрагивающей спине. — Согласна! Наташ, плюнь и разотри!

— Есть ещё кое-что, — сказала я, стараясь отвлечь ребят от того, что на самом деле не было сейчас настолько важно. — Серёжа наверняка молчать не будет. Обо всём — и о драке скажет, да его родители и сами увидят, и про тебя, Наташа, тоже всем разболтает. Он обижен и будет так мстить.

Ребята переглянулись.

— Да, скорее всего...

— Наверняка...

— Обязательно будет! — процедил Федя зло. — Голливуд только выглядит ангелочком, а нутро у него гнилое.

— Не надо так говорить, — поморщилась Наташа, и Клочков промолчал, щадя её чувства.

— В общем, — продолжила я, — я сейчас позвоню родителям Савинкова, поговорю, объясню ситуацию, может, удастся обойтись без претензий. Федь, ты его сильно побил?

— Нет, — фыркнул мальчик, — оба глаза только в фонарях, может, ещё где на теле синяки есть. Фигня.

Оба глаза в фонарях... Серёжину маму я видела пару раз — высокомерная особа, чем-то похожая на Елизавету Андреевну, только хуже. Она вполне способна заартачиться, заявить в полицию на Федю и втянуть его в неприятное разбирательство. Тем более Савинков мальчик обеспеченный, а Клочков из неблагополучной семьи — мать алкоголичка, отца нет, так что

«правосудие» точно будет не на его стороне.

— Сидите пока тут, — сказала я, вставая. — Я схожу к классной руководительнице Серёжи, возьму телефон мамы, потом буду звонить. А вы будьте тут. Займитесь пока домашним заданием.

Они кивнули, и я вышла из класса.

Следующие несколько часов я занималась разруливанием проблем, но не могу утверждать, что у меня всё получилось быстро и легко. Разговор с матерью Савинкова был крайне неприятным, долгим и мозговыносительным. Поначалу, узнав о драке и выяснив у сына, насколько он пострадал, она взвилась до потолка и ни в какую не желала слушать никаких объяснений. Пришлось подключать завуча с директором, и только втроём, хорошенько насев на женщину, мы смогли убедить её никаких заявлений никуда не подавать. Согласилась она, естественно, не ради Наташи или Феди, а ради сына — мы объяснили ей, что в подобной ситуации остальные ребята будут на стороне Ключкова, и в итоге Савинков станет изгоем в школе. Конечно, и учителя, и ученики будут поддерживать больную девочку и мальчика, её защищавшего, а не Серёжу-предателя.

Убедившись, что конфликт погашен и все участники его успокоились и мирно делают алгебру в тетрадках, я позволила ребятам наконец разойтись по домам. Им ещё нужно было морально подготовиться к тому, что завтра вся школа будет обсуждать и случившееся и, естественно, Наташину болезнь.

Как только Иванова, Ключков и Зимина вышли, я устало плюхнулась на стул, положила руки на стол, а сверху примостила голову, которая сейчас казалась мне чугунной. Разговор с Серёжиной мамой вымотал меня так, что не было сил даже домой идти, хотя время было позднее.

Раздался стук в дверь, затем она распахнулась и в кабинет кто-то вошёл.

— Алён? — Конечно, это был Лев. — Алён, что случилось? — повторил он встревоженно, и я приподнялась, села, как полагается, чтобы не пугать его.

— Нормально всё, устала просто. У нас тут... ты, наверное, не слышал?

— Думаю, что нет. — Лев подошёл ближе и сел за парту перед моим столом. — Я восемь уроков отмотал, потом ещё ребята на дополнительные занятия приходили, так что я ещё ничего не успел услышать. И давай лучше сейчас домой пойдём, по дороге расскажешь.

— Не уверена, что смогу встать.

— Тогда я тебя на руках понесу, — произнёс Лев настолько серьёзно, что я моментально поверила — действительно, он может, — и сразу вскочила на ноги.

— Нет уж, я сама.

Он усмехнулся, глядя на меня с иронией.

— Ну, моё дело — предложить.

Уличная осенняя прохлада освежила и кожу, моментально заставив её покрыться мурашками, и мысли, которые тут же начали двигаться быстрее, закрутившись в голове маленькими волчками, и я вывалила все эти мысли на Льва — и про Наташу, которой с завтрашнего дня предстоит серьёзное испытание в виде толпы сочувствующих и любопытствующих, и про Савинкова, который оказался даже хуже, чем я о нём думала, и про Федю, которого мы сегодня с трудом, но всё-таки отмазали от серьёзных проблем.

— Да-а-а, — протянул Лев, как только я закончила свой длинный монолог. — Не зря

мне с самого начала не понравился этот мальчик.

— Почему? — я слегка удивилась. — Серёжа хорошо учится, всегда вежливый, на конфликт никого не провоцирует, к учителям вообще подлизывается.

— Вот именно поэтому, Алён. Есть в подобном поведении что-то мерзкое. Можно ведь просто учиться, и всё. Как Клочков твой любимый.

— Он не любимый, — возразила я просто из принципа. Знаю, не должно быть у учителей любимчиков, не должно! Но... извините, сердцу не прикажешь. И лопухий троечник запал мне в душу ещё в пятом классе.

— Ну да, ну да, — засмеялся Лев. — Так вот, Федя просто учится, причём ему не интересны достижения — сами по себе отметки, грамоты, медальки. Ему интересен процесс и знания, которые он получает. А Серёже Савинкову интересен только его имидж. Оценки, красивая и умная девочка рядом, учителя, которые считают его молодцом. Так что ты зря переживаешь.

— В смысле? — не поняла я.

— В том смысле, что мама ему наверняка объяснит — то, что он сегодня устроил, его имиджу полезно не будет. И Серёжа не слухи распускать станет про Наташу, а пойдёт с ней мириться.

Я едва не застонала.

— Да, ты прав... Но это же ужасно! Это значит, что Клочков и Савинков завтра могут подраться прямо в школе! Тогда тем более я не зря переживаю!

— Хорошо, — согласился Лев, кивнул. — Не зря. Просто не о том.

Проблему я решила следующим образом: придя домой, сразу позвонила Феде и всё объяснила, выманив у него обещание в драку больше не лезть ни при каких условиях, даже если очень сильно захочется. Клочков всегда был умным малым, вот и в этот раз не подкачал — сразу всё понял и пообещал, что радовать Савинкова своей вспыльчивостью больше не будет. Хотя мне показалось, что согласился он ещё и из-за меня — не желал, чтобы у любимой классной руководительницы были проблемы.

Лев предположил верно почти всё — на следующий день Серёжа попытался поговорить с Наташей, которая накануне не отвечала на его звонки, но был остановлен ещё на подступах. Нет, не Федей — Олей Зиминой. Мелкая и пухленькая, но очень воинственная девчонка встала перед Савинковым, как лист перед травой, и заявила: «Ты не пройдёшь!». Ну или как-то так — сама я этого, конечно, не видела, ребята потом поделились.

Но кое в чём Лев ошибся. До того, как Серёжина мама объяснила сыну прописные истины дальнейшего поведения, он успел позвонить парочке своих друзей-одноклассников и рассказать о случившемся, а те, соответственно, понесли информацию дальше. И за пару дней новость о Наташиной болезни новостью быть перестала. Проблем это добавило — девочка стала сильнее нервничать, — но и на пользу тоже пошло. Во-первых, через неделю и ребята все уgomонились, прекратили обсуждать Иванову на каждом углу, а во-вторых, произошедшее здорово сблизило Наташу и Федю. И это отразилось на обоих. Клочков всюду ходил за ней, напоминая то ли верного рыцаря, то ли сторожевого пса, а Наташа воспряла духом и... да, пожалуй, влюбилась. И вовсе не так, как она была влюблена в Савинкова — в том чувстве было больше разума, чем самого чувства. На Федю Наташа смотрела с искренней теплотой и восхищением, кажется, совершенно забыв о том, какие у него оценки в четверти. И Оля Зиминая улыбалась, глядя на них, нисколько им не завидуя. Удивительная

девочка.

Так пролетел октябрь. Наташины родители усиленно готовились к отъезду в Германию, я выставляла четвертные оценки, и когда наконец это было сделано и все школьники отправились на осенние каникулы, вздохнула с облегчением.

Меня в этом году совершенно вымотала уже первая четверть и я с ужасом думала о том, что будет дальше.

Многие считают, что учителя на каникулах не работают, потому что дети не учатся. На самом деле это не так, хотя на каникулах лично мне чуть легче работается, несмотря на то, что в это время нас безумно любят мучить педсоветами, собраниями, заполнением разных документов или проведением дополнительных занятий для отстающих учеников. Всё равно — каникулы есть каникулы.

А в один из дней, когда мы со Львом привычно вместе возвращались домой, обсуждая всё подряд, он вдруг огорошил меня предложением:

— В субботу ко мне в гости приедут родители и Марина. Приходите и вы тоже, все вместе. Познакомлю.

Я сразу слегка напряглась.

Конечно, я давно привыкла к присутствию Льва в нашей жизни, более того — когда он один-единственный раз заболел и не провожал нас в школу, а потом меня домой, я чувствовала себя странно — у меня будто отрезали что-то важное и нужное. И по выходным сосед часто гулял с нами, и в гости, бывало, заходил пару раз. Да, я привыкла. Лев больше не пытался поговорить со мной о наших отношениях, не упоминал ни Виталика, ни Наташу — и я постепенно успокоилась. Хотя иногда во мне поднимала голову ревность, особенно если я видела, как он с вежливой улыбкой разговаривает с Соболевской — думала, быть может, Лев такой ненастойчивый, потому что уже нашёл себе другую? Или... пробует с Наташей, просто не рассказывает? Рассуждать о таком было тяжело, поэтому я старалась не рассуждать — расстраиваться только.

— А по какому поводу они приезжают? — поинтересовалась я осторожно. Обижать Льва не хотелось, но всё-таки подобный визит уж очень отдавал представлением невесты.

— У моей мамы день рождения. Они каждый год так делают — в её день рождения приезжают ко мне. Традиция такая, как баня на Новый год у Жени Лукашина.

— Ясно... — пробормотала я и, подумав, спросила: — А Виталик?..

— Он в командировке.

Я ещё немного подумала.

— Они с Наташей?..

— Пока нет, — качнул головой Лев. — Елизавета Андреевна там действительно настоящие военные действия организовала, не подпускает его к ней. Уговаривает Наташу на развод, но она пока сопротивляется. — Сосед кинул на меня быстрый и какой-то понимающий взгляд, улыбнулся, а затем добавил что-то совсем нелогичное: — Думаю, к Новому году Виталик и Наташа помирятся.

Если бы Лев в этот момент сказал мне, что в небе над нами висит летающая тарелка, я бы и то меньше удивилась.

— С чего ты взял? Тем более, Елизавета Андреевна его не подпускает.

— Ну, гаджеты она у Наташи ведь не отбирала, — засмеялся Лев. — Елизавета Андреевна — человек старой закалки и не представляет, как можно успешно ссориться и

мириться по интернету. Виталька за этот месяц наладил с Наташей диалог, они потихоньку переписываются, обсуждают случившееся. Им обоим сейчас легче.

— Почему?

— Потому что она узнала о моих чувствах и поняла, отчего он ревновал, — пояснил Лев спокойно, словно ему не было ни обидно, ни больно. — А Виталику теперь можно не скрывать этот факт — он всегда ужасно нервничал, что когда-нибудь проговорится, а ведь он обещал мне молчание. Так что им стало проще общаться. Виталик теперь уговаривает Наташу вместе пойти к семейному психологу.

— Виталик? — Я едва не споткнулась. — Наташу?..

— Да. — Лев улыбнулся и хмыкнул, глядя на мой обескураженный вид. — Ладно тебе, Алёнка! Ты плохо знаешь Виталию и слишком ужасно о нём думаешь. Но это я виноват, наверное.

— Ты? — Я удивлённо хлопнула глазами. — В чём?

— Я рассказывал тебе о нём только что-то не особенно приятное. Но я был зол на него тогда. Надеюсь, потом ты постепенно поменяешь своё мнение. Так что, — Лев внезапно сменил тему, вернувшись к тому, с чего начал, — придёте в субботу?

Я очень хотела отказаться от этого «представления невесты», но... как? Мы с мальчишками в субботу ничем не заняты, никто не болеет. Да и... мне всегда было сложно отказывать Льву. Он слишком редко о чём-то меня просил, а вот помогал нам часто.

Поэтому я согласилась.

Узнав о том, что в субботу мы вновь пойдём в гости к «любимому дяде Лёве», как выразилась мама, близнецы засияли двумя зажжёнными лампочками. А собственно бабушка, как только Фред и Джордж скрылись в своей комнате, изрекла:

— Прекрасно! Вот и познакомишься с родителями, большой шаг вперёд. Осталось только кольца купить, платье выбрать и дату назначить.

Я фыркнула.

— Ты так уверена, что Лев хочет на мне жениться?

— Ну-у-у, — протянула родительница, задумчиво-насмешливо глядя на меня. — Я бы на его месте не хотела, слишком уж много тараканов в твоей прекрасной головке. А Лёва вот хочет. Он мне сам говорил.

От изумления я где стояла, там и села. Хорошо, что рядом была табуретка.

— Что-о-о-о?..

— Ну а как иначе-то, — мама развела руками. — Ходит тут, тебя тревожит, с мальчишками отношения налаживает. Фиговой я была бы матерью, если бы не поинтересовалась, какого рожна ему нужно. А то, знаешь ли, меня мало устраивали бы временные отношения, и дело даже не в тебе — тебе-то как раз любовник пригодился бы, — а в близнецах. Им нужен постоянный папа, а не дядя, который просто хочет по...

— Мама... — простонала я, закрывая лицо руками. Боже! За что?! — И давно ты интересовалась планами Льва?

— Да не помню уже, — «обрадовала» меня родительница. — Кажется, ещё до нашего отпуска.

Круто. И я, конечно, узнаю обо всём последней.

— Так! Ну-ка, отставить страдание! — воскликнула мама, хлопнув меня ладонью по спине так, что зубы клацнули. — Тебе такой мужик попался! Умный, заботливый, с Фредом

и Джорджем поладил, тебя не торопит, семью создать хочет. А ты всё из-за чего-то маешься. Прекрати, Алёна!

Мгновение я хотела сказать: «Лев любит другую женщину», но промолчала. Стыдно было, наверное.

Волноваться я начала не в субботу, а ещё в пятницу вечером. Глупо до ужаса, но мне хотелось понравиться родителям Льва, про которых я толком ничего не знала — только то, что мама у него была учителем биологии, а отец — инженером-конструктором. Я в жизни не знакомилась вот так ни с чьими родителями — родители Антона не считаются, я их знала с детства. А тут вдруг...

А ещё голову не спешила покидать абсурдная, но от этого не менее жестокая мысль: а что, если родители Льва, как Елизавета Андреевна, мечтают женить его на Наташе? Я понимала, что это вряд ли — в конце концов, Виталий тоже их сын, — но всё равно сомневалась. Мало ли? Может, они считают, что Наташа больше подходит Льву? И теперь тоже склоняют его в ту сторону, а я — досадная помеха.

Наверное, в связи со всеми этими смятенными мыслями я и выбирала себе платье особенно тщательно. Мне по-настоящему хотелось быть красивой — чуть ли не впервые за последние почти одиннадцать лет, — но не вульгарной. И выбрала: глубокого тёмно-вишневого цвета, приталенное шерстяное платье с рядом медных пуговиц на груди и юбкой чуть ниже колен. Оно делало меня ярче и немного... менее уставшей, что ли. А когда я нарядилась, то стала вообще даже похожа на человека, а не на бледно-зелёную гусеницу.

Оказалось, что нервничала я зря — родители Льва были очень милыми людьми, особенно мама. С удовольствием общались и со мной, и с близнецами, и с нашей бабушкой, и я не замечала на себе никаких оценивающих взглядов, и намёков на наши отношения со Львом не было. Ни у родителей, ни у Марины. Хотя казалось бы — приглашать на день рождения мамы в гости соседку и её детей это... ну как минимум странно. Однако родственники Льва ничего такого не говорили и не спрашивали, и вопросы задавали исключительно нейтрального характера, так что где-то через полчаса после начала общения я наконец расслабилась и начала отвечать без всяких задних мыслей.

Лев ничего не готовил — заказал роллы, пиццу и десерт. Фред и Джордж, естественно, были в восторге, да и взрослые не жаловались — умяли почти всё. Парни мои вообще сегодня были на коне — все им вопросы задавали и слушали внимательно, так что они прям цвели и пахли. А Лев глядел на них с такой гордостью, что я поневоле чувствовала неловкость — как на собственных детей смотрит... Да и близнецы рядом с ним казались его маленькими копиями, и слушались беспрекословно. Непререкаемый авторитет. Даже я рядом не стояла!

И только в конце вечера, когда родители Льва и Марина уже уходили и стояли в дверях, прощаясь, я вдруг услышала, как его мама сказала ему очень тихо, но весомо и значительно: — Молодец, одобряю.

И я поняла, что это всё же были «смотрины». Но почему-то совсем не разозлилась — наверное, просто сил не было. Не разозлилась я и чуть позже, когда Лев попросил меня задержаться, а мальчишки и бабушка тут же подло и радостно слиняли.

— Ты опять с добрыми намерениями? — хмыкнула я, как только закрылась входная дверь. — Учти, я буду защищаться.

Лев понимающе улыбнулся и качнул головой.

— Я просто хотел узнать, как они тебе. Интересно, что скажешь.

— Хорошие люди. — Я пожалала плечами. — Ты больше на маму похож, да и рыжий в неё. А Марина и Виталик — на папу.

— Я вообще не его сын, — огорошил меня Лев, и я глупо открыла рот.

— Ка-а-ак?

Он улыбнулся.

— Пойдём на кухню, расскажу.

Вот же... гад рыжий. Специально мне эту информацию вбросил, чтобы заинтересовать — я ведь собиралась быстренько слинять, чтобы не поддаваться искушениям, как в прошлый раз.

— Только руки не распускать!

— Будешь кусаться? — фыркнул Лев и показательно спрятал ладони за спину. Я не удержалась от улыбки — так это было забавно.

— Может, и буду.

Спустя минуту я сидела на кухне и задумчиво рассматривала содержимое кружки с изображением волка и надписью: «Ты заходи, если чё» — чай в меня уже совершенно не лез, — а Лев рассказывал мне историю своей семьи. И я прекрасно понимала, зачем он это делает...

— У мамы был страстный роман с однокурсником, когда она училась в институте. Они собирались пожениться, она даже платье себе уже купила. Говорила, что не ходила тогда по земле, а летала — настолько влюблена была. И очень больно о землю ударилась, когда увидела этого своего мальчика страстно целующим другую девочку на улице. Я ещё потому так на Виталика рассердился перед их с Наташей свадьбой — напомнило очень... В общем, мама потребовала объяснений и выяснила, что да, есть у него ещё одна девушка, но та из неблагополучной семьи, а вот мама — из обеспеченной и вообще для брака более перспективна. Рассказал он это всё спокойно, не отпирался особо, даже обещал, что готов отказаться от той девчонки и хранить верность, но мама ему уже не поверила. А через месяц выяснилось, что она беременна.

— Ты хоть знаешь, как его зовут? — вырвалось у меня невольно. — Отца твоего?

— Моего отца зовут Игорь, — ответил Лев невозмутимо. — А того мальчишку звали Алексеем. И он о моём существовании даже не подозревает. Мама наотрез отказалась делать аборт — идеалистка была — и бабушка с дедушкой, чтобы прикрыть позор дочери, устроили её брак с сыном папиного лучшего друга. Мама его с детства знала и не воспринимала как парня вообще, да и он её.

— Это был...

— Наш отец, да, — улыбнулся Лев. — Видишь, до сих пор не развелись, хотя поначалу это подразумевалось — мол, пройдёт пара лет и оформите развод, а это всё так, чтобы народ не болтал всякого. И они жили... поначалу просто как друзья и товарищи, а потом уж... не знаю, что случилось, они толком не рассказывали. Я только знаю, что родители у меня очень любят друг друга. Но вырастил меня, получается, отчим.

Хитрый, хитрый Лев... Да я и так понимаю, что ты будешь хорошим отцом для моих мальчишек! И без этой истории понимаю. И всё же захотелось ему ложку дёгтя подлить...

— Это не совсем одно и то же, Лёва. Фреду и Джорджу скоро исполнится одиннадцать, а ты своего отца знал с младенчества. Сколько тебе было, когда тебе сказали?..

— Не помню. Лет десять, может.

— Переживал?

Он на мгновение задумался.

— Наверное... минут пять. Обидно было, что Маринка и Виталик — его, а я — нет. Но, понимаешь... у меня с отцом всегда были отличные отношения, и, если честно, я ему ближе, чем они. По духу, по характеру. Так вот получается. И никогда я не чувствовал, что не родной, наоборот даже. На самом деле ещё неизвестно, что важнее — кровь или другое что-то. Чувства, связи эмоциональные.

Я подняла глаза от кружки, посмотрела на спокойного Льва с хитрющими глазами, хмыкнула, подпёрла кулаком щёку и поинтересовалась:

— Ну и зачем ты мне всё это рассказал?

— Угадай. — И улыбается почти нахально.

Я покачала головой.

— Лёва, но ты ведь знаешь, что дело не в этом, я объясняла уже. То, что из тебя хороший отец получится, я...

— Так может, этого достаточно? — перебил он меня и, придвинувшись ближе, взял за руку. — Ты подумай о парнях, не о себе, Алён. Им нужен отец. Я справлюсь.

Он замолчал, серьёзно глядя мне в глаза, а я... мне хотелось его стукнуть.

Потому что я понимала: Лев прав. Он прав, а я — грёбаная эгоистка, хочу, видите ли, любви к себе. Но кто гарантирует, что человек, который полюбит меня, будет любить моих бандитов? Правильно — никто. А Лев вот уже любит.

— Пойду я, — пробормотала вместо ответа, медленно поднимаясь. — А то у меня там...

— Молоко убежало? — Он поднялся следом, по-прежнему держа мою ладонь в своей руке.

— Лёва... — я с трудом отняла ладонь и сделала шаг в сторону. Он пока не пытался меня задержать. — Хорошо, я подумаю, да...

— Подумай. — И снова этот серьёзный, внушительный голос. Слушая его, я вообще не могла представить, какие ещё возражения могу найти. Опутал меня паутиной со всех сторон!

А... знаю.

— До Нового года буду думать, — заявила я нагло и на всякий случай ещё дальше отошла. — И не торопи меня, пожалуйста!

— Ладно, — теперь в голосе появилась ирония. А, ну и пусть смеётся! Лучше пусть смеётся, чем жалеет безответно влюблённую в него женщину.

Возможно, после Нового года я сумею ему это объяснить. Наберусь смелости и...

Хотя сейчас даже думать об этом страшно.

Несмотря на то, что думать было страшно, думала я полночи. Сердилась, но и восхищалась попыткой Льва манипулировать мной.

Каков хитрец, а? И ведь в тот раз он ничего подобного не говорил, не стал давить на мои материнские чувства — понял, что иначе я его лесом пошлю. А вот теперь, по прошествии времени, решился. И хороший аргумент нашёл, превосходный даже. Конечно, он прав — мальчишки его уже полюбили, отец из него получится отличный, а я со своим желанием любви могу и обойтись. Любовь вообще не гарантирует счастья в браке, правильно же? Не хочется этого признавать, но правильно. Можно любить, но мучиться — от ревности, от измен мужа, в конце концов. Я точно знала, что со Львом ничего подобного не будет — он просто не такой человек. Если он принял решение, то не станет метаться, искать связей на стороне, обманывать. Да и уважает он меня — это чувствуется. А я вот так... с жиру бешусь. У некоторых и такого нет, а мне повезло, правильно мама говорит. Мужик отличный, Фреда и Джорджа любит, я нравлюсь. Чего ещё желать?

Блин... думаю об этом — и тошно. Тошно, потому что никогда я не была настолько меркантильной, не рассуждала подобным образом. Вышла замуж за Антона, потому что любила — и всё. И не думала, сколько он денег будет зарабатывать, станет ли хорошим отцом — не сомневалась в нём, в себе, в нас. А сейчас... как представляла, что всегда буду знать о чувствах Льва к Наташе, и она постоянно будет где-то рядом... И я буду замечать всё: его взгляды, ласковые и трепетные, ненавязчивые прикосновения, готовность помочь по любому поводу. Вот как представляла всё это, так сразу и начинало подташнивать. Нет, невозможно! Я не смогу. Буду постоянно ревновать, переживать, сравнивать себя и её... зачахну от огорчений. У меня испортится характер, начнётся депрессия, я поправлюсь на двадцать килограмм и Лев перестанет видеть во мне желанную женщину. И будет у нас брак только ради детей. Не хочу! Пусть лучше просто общается с мальчишками, ему же никто не мешает? Вот именно — никто!

Решив так, я перевернулась на другой бок, вздохнула и постаралась уснуть. Объясню это всё Льву после Нового года, как смогу. Не бином Ньютона, поймёт. Хотя... это я не помню, что такое этот бином, а Лев-то математик...

В итоге я всё-таки уснула.

Наташа Иванова улетела в Германию сразу после осенних каникул. Ей предстояла операция, затем химиотерапия — родители ещё даже не могли сказать точно, когда она вернётся, но то, что в этом году девочке не светят экзамены, было понятно уже сейчас. Да и думать о подобном было странно — никто не давал гарантий, что Наташа вообще вернётся.

Клочков очень переживал после её отъезда — это было заметно всем, не только мне. Осунулся, похудел — волновался. И успеваемость упала. Я позвала его после уроков в один из дней, чтобы поговорить — нужно было как-то настроить мальчика на учёбу и продолжение жизни, иначе он у меня так на второй год останется. Это в выпускном-то классе!

— Я понимаю, зачем вы меня позвали, Алёна Леонидовна, — вздохнул Федя, садясь за парту, и потёр лицо усталым жестом. — Я постараюсь исправить оценки, даю слово.

— Дело не только в оценках, — сказала я мягко. Бедняга... синяки под глазами. Спит плохо, видимо. Сильно влюблён... Или всё же — любит? Где эта грань, как определить... —

Ещё и в твоём настроении, Федя. Ты унываешь, оттого и оценки...

— Как тут не унывать, — пробормотал мальчик и поднял на меня какой-то потухший взгляд. — Вы же понимаете: шансы...

— Шанс есть всегда, — возразила я. — И врачи, бывает, ошибаются. Жди её, верь, поддерживай на расстоянии, как можешь. Но не забывай о себе: тебе необходимо нормально закончить школу и поступить в институт.

— Я понимаю. — Губы Ключкова дрогнули, будто он собирался заплакать. — Я поддерживаю. Наверное, поэтому я... На себя сил уже не остаётся. Каждый раз после разговоров с Наташей такое чувство, что я ей всю энергию отдал.

Вот как, значит...

— У Оли Зиминной то же самое, — продолжал Федя. — Чуть легче, может, потому что она всё же... — Он запнулся, покраснел и вдруг сменил тему, да так, что я на мгновение потеряла дар речи: — Наташа согласилась выйти за меня замуж, когда вернётся. Я ей кольцо подарил. Серебряное, конечно.

Боже... Хотя чему я удивляюсь? Федя давно влюблён, а Наташа смертельно больна, конечно, она согласилась. Ей сейчас кажется, что она его любит, но не факт, что это так, ой, не факт. Возможно, это просто влияние болезни и его поддержка. Но говорить о подобном Ключкову точно не стоило — только расстраивать. Жизнь всё расставит по своим местам... если она у Наташи вообще будет...

В середине ноября близнецам должно было исполниться одиннадцать лет, и чем ближе подходил этот срок, тем более сильное напряжение я чувствовала. Тот день был не только их днём рождения, но и днём смерти Антона, и каждый раз, поздравляя мальчишек, я ощущала себя погружённой в ледяную воду — так холодно мне было. Морозный зимний холод с тех пор ассоциировался у меня исключительно со смертью...

Фред и Джордж не знали, какого именно числа погиб Антон: мы с мамой решили не говорить им об этом. Расстроятся, потом не смогут нормально отмечать свой день рождения, как я с тех пор не могла расслабиться в этот день. Нет уж, пусть лучше не знают. Возможно, позже, когда они станут совсем большими и смогут воспринимать эту трагедию отдельно от своего дня рождения, я расскажу, но точно не сейчас.

А близнецы готовились. Как всегда, пребывали в эйфории, спрашивали у меня и бабушки, где и как будем отмечать, кого приглашать... Причём они предсказуемо хотели пригласить на празднование ещё и Льва — я еле отбрехала, но тут мне помогла, как ни странно, мама.

— Ребята, — вздохнула я, выслушав требования Фреда и Джорджа «обязательно позвать дядю Лёву», — понимаете, наш сосед только для вас вне школы — дядя Лёва, а для других он круглые сутки учитель математики Лев Игоревич. И если он придёт в кафе, ваши друзья просто не смогут расслабиться и нормально отпраздновать — они будут ощущать себя по-прежнему на уроке.

— Но ведь ты тоже учительница, — возразили мальчишки хором, и тут вмешалась бабушка:

— Ваша мама права, — сказала она, шутливо потрепав их по взъерошенным рыжим волосам. — К тому, что она не только учитель, но и ваша мама, все уже привыкли, а вот дядя Лёва пока только преподаватель. В его присутствии ваши друзья застесняются.

Фред и Джордж огорчённо переглянулись и надулись, как два воздушных шарика.

— Но что же делать...

— А мы дядю Лёву отдельно позовём в гости, — вкрадчиво произнесла родительница, покосившись на меня с иронией. Думала, возражать буду? Совсем дурочкой меня считает — если я сейчас воспротивлюсь, близнецы с меня живой не слезут, будут уговаривать до нервных судорог и головной боли. — И мама торт испечёт...

— Да-а-а?! — обернулись ко мне две воодушевлённые мордашки. — Мама, да-а-а?!

— Да, — согласилась я смиренно и покладисто. — Испеку. Но медовик мы недавно ели, может, «Прагу»?

— Чизкейк! — возразили мои бандиты хором. — Хотим чизкейк!

— И картошку фри? — фыркнула я. Современные дети... всё им подавай еду с иностранными названиями.

— Да! И гамбургер! Ты их так вкусно делаешь!

— Ладно, — опять согласилась я. — Будет вам гамбургер, картошка и чизкейк.

— Ура!

Накануне дня рождения близнецов у меня сильно упало настроение. Хотя оно в середине ноября обычно никогда не поднимается выше уровня плинтуса, но на этот раз совсем... Причина была нелепа — я, возвращаясь из магазина вечером в пятницу, куда я ходила за творожным сыром для чизкейка, издалека увидела, как Лев провожает Наташу до такси. И перед тем, как сесть в машину, она его поцеловала, но куда именно — в щёку или всё же в губы — я не рассмотрела, темно было. Однако расстроилась и потом ещё минут пятнадцать сидела на детской площадке неподалёку, понуро уставившись на вмёрзший в землю кленовый лист возле лавочки, и старалась успокоиться. Ничего не случилось, подумаешь — провожал, поцеловались... а я уже — вот так. А что будет, если Лев действительно станет моим мужем? Я же с ума сойду.

Я ушла с детской площадки, когда поняла, что начинаю примерзать к лавочке. Поднялась на наш этаж, вышла из лифта... и замерла, увидев Льва, стоящего посреди лестничной площадки. От неожиданности сердце ухнуло куда-то вниз и язык отнялся — я даже поздороваться не могла.

— Я тебя заметил потом, когда такси отъехало, — сказал Лев своим обычным невозмутимым голосом. — Но не стал подходить сразу, решил чуть подождать. Долго ты.

Я кашлянула, ощущая, что начинаю краснеть. Чёрт... не дай бог, догадается, что я влюблена, оттого и огорчилась, и сидела на лавочке минут пятнадцать, как дура.

— Были... дела, — произнесла я глухо и направилась к квартире, но Лев на полпути перехватил меня, взяв за руку и разворачивая лицом к себе. — Отпусти, мне домой надо, Фред и Джордж...

— Ещё две минуты подождут, — отрезал сосед решительно, вглядываясь в мои глаза. — Я вижу, что ты огорчена, поэтому хочу объяснить.

— Не надо.

— Надо. Алён, Наташа приезжала извиниться за своё поведение в прошлый раз, а заодно попросить совета. Она мне доверяет, поэтому хотела узнать, что я думаю о них с Виталиком. Стоит ли ей идти ему навстречу и пытаться склеить семью.

Если Лев надеялся всем этим меня успокоить, то зря — я ещё сильнее огорчилась. Доверяет, приезжала, чтобы извиниться и спросить совета... Может, она надеялась, что он передумал и решила прощупать почву? Да даже если всё так, как говорит Лев... Я же свихнусь, если Наташа станет постоянно врываться в его жизнь подобным образом.

— Ну и что ты ей посоветовал? — постаралась спросить я как можно более ровным и спокойным тоном.

— Что семья всегда стоит того, чтобы попытаться, — ответил Лев с твёрдой убеждёностью. — И что Виталик, конечно, дурак и очень виноват, но он сделал выводы и постарается исправить положение. И ещё, — сосед сделал шаг вперёд, почти прижавшись ко мне, — мы договорились меньше общаться, чтобы не раздражать его. И не только...

Подобного намёка я вынести не могла. И голос ещё такой вкрадчивый! Рванулась из рук Льва изо всех сил, отскочила в сторону и, прошипев: «Делайте что хотите!» — отвернулась и стала открывать дверь.

— Не сердись, — произнёс Лев негромко, стоя за моей спиной. Ключи путались в руках и замок слушаться никак не хотел. — Я ни в чём не виноват перед тобой, Алёнка. И Наташе я объяснил, что собираюсь жениться — она не знала про тебя.

Господи! Жениться он собирается!

Я почувствовала, что сейчас взорвусь от возмущения — согласия-то я не давала, да и сам Лев влюблён в другую женщину! — но тут очень кстати наконец в замке повернулся ключ, дверь открылась, и я выдохнула:

— Всё, пока!

А потом быстро скрылась в квартире.

На следующий день близнецам исполнялось по одиннадцать лет, и мама с утра разбудила меня, похлопав по плечу и глубокомысленно заявив:

— Алёна, поздравляю тебя с тем, что подростковый возраст и пубертатный период Фреда и Джорджа стали ещё на год ближе.

Я застонала.

— Мама, ну зачем?..

— Вставай, вставай, — она засмеялась. — А то наши черти уже поднялись и требуют подарки.

Встала я с трудом — накануне устала и морально, расстроившись из-за появления Наташи, и физически — чизкейк отнял у меня много времени и сил, мучительный это торт. Но мои рыжие бандиты в любом случае не дали бы поспать матери, поэтому я, кряхтя и позёвывая, как старенькая бабушка, встала и отправилась в ванную.

Подарки в виде новых книг и спортивных костюмов были отданы Фреду и Джорджу после несытного завтрака — мы всё же через пару часов собирались в кафе. И близнецы еле усидели дома это время — так рвались поскорее попасть на праздник, налопаться и навеселиться.

Мы сняли детский зал на пятнадцать человек в центре города — кроме вкусной еды и бассейна с шариками там ещё имелись аниматоры, большой и классный аквариум и прочая развлекательная программа. Это кафе посоветовала мне бывшая однокурсница, у которой тоже было двое детей, и мы в итоге не разочаровались, но устали зверски. Даже несмотря на то, что кроме нас с моей мамой взрослых было ещё двое. Но остальные-то десять человек были дети! И эти дети... о-о-о...

В общем, когда мы ближе к шести часам вечера вернулись домой, мне казалось, что я оглохла от детского визга, ослепла от постоянного высматривания, кто и чем занимается из ребят, а уж как гудели ноги... Я ощущала себя автомобилем, у которого вот уже четыре часа кряду не выключается сигнализация.

И конечно, по закону подлости, как только мы вошли в квартиру, в дверь позвонили. Да,

я договаривалась со Львом, что он зайдёт, но время немного не рассчитала, поэтому была вынуждена предстать перед ним безумно красивой — с блестящим от пота лицом, слегка всклокоченной причёской и неидеальным макияжем.

Близнецам, разумеется, всё было нипочём, и они радостно запрыгали вокруг соседа, как только я его впустила.

— Дядя Лёва, дядя Лёва, дядя Лёва!..

Нет, я точно оглохну...

— А спойте нам, спойте, а?

— Спойте, пожалуйста!

— Песенку!

— Про день рождения!

Бабушка хихикала, Лев улыбался, а я, едва не падая от усталости, чувствовала себя безумно неловко. И за это требование близнецов, и за свой внешний вид. Каждой женщине хочется, чтобы мужчина, который ей нравится, видел её исключительно в прекрасном состоянии, а мне сейчас до прекрасности было как до Луны пешком.

— Хорошо, — кивнул Лев, сел на корточки и взял мальчишек за руки. — С днём-ом рожде-ения-а ва-ас, с днём-ом рожде-ения-а ва-ас, с днём-ом рожде-ния-а, Фред и Джо-ордж, с днём-ом рожде-ения-а ва-а-ас!

Пел сосед ужасно — таланта к этому делу у него точно не имелось, — близнецы ржали, бабушка тоже, и я как-то вдруг расслабилась, подумав: а, плевать на внешний вид. Да, не идеально, но и не ужас-ужас, переживу.

Лев подарил Фреду и Джорджу то, что они давно хотели — шикарный набор «Лего» по мотивам «Звёздных войн», с каким-то космическим кораблём. Я прекрасно знала, сколько стоит такое великолепие, и от неожиданности потеряла дар речи. Он с ума сошёл?.. Даже я, родная мать, считала, что это слишком дорого!

В тот момент я, разумеется, промолчала — зачем портить мальчишкам праздник? Молчала и потом, когда бабушка пригласила Льва «на пять минут попить чай» (в гости к нам он должен был прийти только завтра), и сосед вежливо отказался, сославшись на то, что мы устали, да и наелись-напились, и он не хочет сидеть и «дуть чай» в одиночестве.

— Завтра отпразднуем нормально, парни, — сказал Лев, обнимая близнецов напоследок. — А не галопом по Европам, потому что все устали. И завтра я вам ещё кое-что принесу.

Всё, Фред и Джордж просияли и запрыгали от радости в предвкушении завтрашнего дня. А я, как только Лев вышел из нашей квартиры, стрельнула маме глазами, чтобы проследила за мальчишками, а сама шмыгнула следом за соседом.

Льва я догнала уже возле его квартиры — настолько он стремительно спустился по лестнице. Видимо, не ожидал, что я пойду за ним.

— Лёва! — воскликнула я, и он остановился, обернулся, поглядел на меня вопросительно. Такой... тёплый и домашний в этих синих джинсах и сером свитере. Невообразимо родной. — Я... хотела поблагодарить. Они давно просили этот набор, но я... так дорого!

— Ладно тебе, — он улыбнулся и шагнул ближе. — Не так уж и дорого. Тем более, это один подарок на двоих. Здорово, что они такие дружные — будут вместе собирать.

— Да, — ответила я, потерявшись мыслями. Лев стоял так близко... и так замечательно пах... и вообще...

Наверное, что-то отразилось в моих глазах — потому что он наклонился, заключил моё лицо в ладони и нежно поцеловал. Глубоко, но ненавязчиво.

— Тебя тоже с днём рождения Фреда и Джорджа, — шепнул Лев мне в губы. — Ты замечательная мама, Алёнка. Лучшая в мире.

— Ладно тебе, — буркнула я, смутившись. — А твоя?

— Можешь составить ей конкуренцию, — засмеялся Лев, отпуская меня. И от разочарования, что он не продолжил, защемило сердце. — Иди, Алён, тебе надо отдохнуть.

— Так видно, да?

— Ты отлично выглядишь, но я же понимаю, как вы должны были устать там, с таким количеством активных детей.

— Да, — я вздохнула. — Смертельно. Тогда... до завтра?

— До завтра.

Я развернулась и уже пошла вверх по лестнице, когда Лев вдруг сказал — спокойно и значительно, как умеет только он:

— Алён, я ни разу в жизни не целовался с Наташей. Когда она приезжала в прошлый раз, я отстранился, не захотел. Я не сказал тебе тогда, подумал, не поверишь. Но думаю, ты всё же должна об этом знать.

Что-то ярко вспыхнуло в груди — сладко-больное, то ли обиженное, то ли ликующее... я так и не поняла. Но на всякий случай не стала оборачиваться, а поскорее взбежала по лестнице и спряталась в нашей квартире.

Утро следующего дня было не менее суматошным, чем предыдущего, несмотря на то, что в гости мы ждали одного только Льва. Всё равно — мне много всего нужно было приготовить, а близнецы всячески мешались под ногами, заглядывая в кастрюли со сковородками и предлагая свою помощь так навязчиво, что я всерьёз опасалась: они действительно могут что-нибудь разбить или разлить. Пришлось срочно придумывать им занятие, но надолго моих бандитов не хватало — максимум полчаса, и они возвращались, дабы продолжать смотреть, как мать делает заготовки для гамбургеров и картошки фри, вынимает чизкейк из формы и украшает его.

Но в общем и целом, всё закончилось благополучно, еда не подгорела, посуда осталась целой, и ровно в час дня, как и было запланировано, раздался звонок в дверь. Я к тому времени уже переоделась в платье, только фартук не сняла, и быстрым нервным движением вытерев руки об него, поспешила в коридор, где уже восторженно голосили Фред и Джордж и раздавался весёлый смех бабушки.

Я безумно волновалась, и мне показалось, что когда я вышла с кухни и улыбнулась Льву, улыбка моя напоминала оскал. По крайней мере губы тянуло и кололо, а ещё я совершенно глупо переживала, что Лев меня в этом платье уже видел однажды — когда мы приходили к нему в гости совсем недавно в день рождения его мамы, — но он видел уже все мои платья, так что... Новое купить, что ли?..

Ох, Алёна... ты совсем влюбилась, с концами и с потрохами...

— Привет, — сказал Лев, сделал шаг вперёд и неожиданно взял мою ладонь в свои руки, поднял и поцеловал. Я оторопела, не зная, что сказать — забыв даже банальное «здравствуй» — близнецы захихикали, мама охнула... М-да...

— Здра... При...вет, да, — выдала я что-то невообразимое и, кажется, покраснела. Лев отпустил мою руку, наклонился, взял принесённый подарочный пакет с какими-то зелёными

черепушками и весело сказал, обращаясь к Фреду и Джорджу:

— Ну что, парни, а вот и вторая часть Марлезонского балета! Налетай-разбирай!

Для близнецов это были мгновения истинного счастья — из пакета они вытащили несколько книг развлекательно-приключенческого характера, две большие шоколадки и коробку с ассорти из мармелада в виде глаз, зубов, змей, лягушек и яичниц. Я аж содрогнулась, увидев такое разнообразие, а мальчишки просияли.

— Дядялёвакруто-о-о-о... — выдали они хором в одно слово. — Ваще-е-е... О! Паук, мам, смотри!

— Что только ни придумают, — пробормотала наша бабушка, разглядывая подарок Льва. — И какие на вкус эти пауки с лягушками, интересно?

— Вот и узнаем, — засмеялся сосед, а потом погрозил близнецам пальцем. — Только, парни, не объедайтесь, а то сыпью пойдёте, ваша мама меня тогда сама съест.

— Точно, — кивнула я. Этот шуточный диалог вернул меня в реальность, я перестала волноваться и даже сердцебиение унялось. Хотя... всё же иногда в груди становилось жарко, когда я смотрела на Льва. Как же он мне нравился вот таким — безумно уютным, в тёмно-серых джинсах и светлом свитере под горло. В нём сейчас не было ничего парадного и строгого, а только домашнее и родное. Я легко могла представить Льва и совсем без свитера... интересно, под ним майка есть, или на голое тело?..

Заметив мой взгляд, сосед истолковал его по-своему.

— Марина вязала, — улыбнулся он, погладив себя по груди. — У неё с детства такое хобби. У меня целая куча свитеров, носков и шапок её производства. Зуб даю, она и тебе что-нибудь подарит на Новый год. Не зря же она у меня спрашивала, какие цвета ты любишь.

Мне стало неловко. Ага, Марина мне носки — а я Льву потом откажу в отношениях. Нехорошо как-то.

— Не надо мне подарков, — пробормотала я, но сосед только улыбнулся.

Следующие часы — почти до восьми вечера! — слились у меня в памяти в единое воспоминание о весёлом, комфортном и домашнем празднике, которым наслаждались все присутствующие, не только дети (в отличие от вчерашнего дня). Мы разговаривали, играли в настольные игры, собирали подаренное Львом «Лего», поедали приготовленные мной гамбургеры, картошку фри и чизкейк — сосед смеялся над выбором близнецов и говорил, что не ел ничего подобного уже тысячу лет, — и это всё было так душевно, словно мы на самом деле давно семья и постоянно проводим подобным образом дни рождения и выходные. Это подкупало и заставляло задумываться о будущем. О моём или... о нашем совместном.

Было действительно хорошо — по-настоящему, искренне, без капли притворства или неловкости. И хорошо было всем. И близнецы, и моя мама, и Лев светились от счастья, да и я, когда отошла ненадолго в туалет, даже не сразу узнала своё отражение. Такого довольного раскрасневшегося лица я не видела у себя очень давно.

Но потом Лев ушёл, только перед этим перемыл нам всю посуду — сам изъявил желание, а мы с бабушкой и не сопротивлялись. Обнял мальчишек, потрепав их по головам каким-то привычным жестом, ещё раз поцеловал мне руку, вновь вызвав хихиканье у Фреда, Джорджа и бабушки, и ушёл.

— Увидимся завтра утром, — произнёс напоследок, подмигнув, и шагнул за дверь.

Мои бандиты сразу побежали к себе — продолжать собирать космический корабль,

бабушка сказала, что доубирается на кухне, а я неожиданно оказалась предоставлена самой себе. Приняла душ, попила чай, почитала книгу, затем долго укладывала спать перевозбуждённых за выходные близнецов... и ушла в свою комнату.

Тут-то меня и накрыло.

Так бывало каждый год в день рождения Фреда и Джорджа. Точнее, даже не в этот день, а на следующий — как сегодня. Ведь именно на следующий день я узнала о том, что Антон погиб.

Ближе к ночи меня всегда начинало корёжить. Я наивно полагала, что сегодня всё будет иначе — в конце концов, день был такой чудесный!.. Но нет — как только я закрыла дверь и выключила свет, намереваясь лечь спать — время было, мягко говоря, позднее, а завтра на работу, — тут на меня и накатило.

Я затряслась от нервной дрожи, вспоминая как наяву — звонок, тихий голос мамы, ступор, тупую боль в груди, а потом... холод, холод, холод... До крика. Не моего — близнецов.

«Не вспоминай, Алёна, не вспоминай», — уговаривала я себя, но не вспоминать не получалось. В другие дни получалось, но только не в этот. Всё вставало перед глазами, словно случилось вчера, и отчаяние вновь захлёстывало, как и тогда, не давая сделать вдох.

Я шагнула к окну, желая поступить так же, как и всегда — распахнуть окно и дышать, дышать, дышать... пока не замёрзну окончательно, чтобы нервная дрожь сменилась дрожью от холода. Пока не сведёт пальцы, пока не потрескаются губы, пока меня наконец не вытошнит в туалете всем, что я съела за день — не будет мне покоя.

Я мотнула головой, сбрасывая наваждение. Нет... нет. Я знаю, что это. Каждый год меня зовёт к себе смерть, которую я отвергла тогда, одиннадцать лет назад. Но я живая! Я сделала свой выбор, я продолжила жить, я очень старалась... Я живая!

«Тогда зачем ты так цеплялась за мёртвого? Живая... Живые помнят мёртвых, но не стремятся к ним, как стремилась ты. Живые замечают живых, а не отталкивают их в угоду своим воспоминаниям. Живые...»

Я зажала уши.

Нет, нет, нет. Я не хочу думать об этом. Не хочу — и не буду!

Я выскочила из комнаты, молниеносно пробежала по коридору, открыла входную дверь и шмыгнула на лестничную площадку. Поёжилась — холодно в подъезде, а я в одном халате... Но это же ненадолго.

Спустилась вниз и позвонила в дверь квартиры Льва.

Сосед открыл через минуту, когда я уже начинала выстукивать зубами какую-то мелодию. Он был в домашних джинсовых шортах — значит, ещё не ложился — и с влажными после душа волосами.

— Алёна? — удивлённо оглядел меня, облачённую в один короткий махровый халат поверх ночнушки, и нахмурился. — Что-то случилось?

— Х-х-х... — прохрипела я вместо ответа, и Лев схватил меня за руку.

— Да заходи, не стой!..

Я шагнула внутрь квартиры, попыталась улыбнуться, но получилось криво — зубы по-прежнему стучали, да и мышцы на лице свело от холода. Причём холод был не только снаружи, он шёл и изнутри меня.

— Алёна, что такое? — Лев положил ладони мне на плечи. — Да ты вся ледяная!

Рем ткнулся мокрым носом мне в коленку, и я вздрогнула, опомнившись.

— Лёва-а-а... — простонала я, подаваясь вперёд, и буквально повисла на шее мужчины.

Тёплый... даже горячий... родной... — С-с-согрей, пож-жалуйста...

Лев обнял меня, прижав к себе теснее, и я чуть не задохнулась от жара его тела.

— Если ты думаешь, что я откажусь, — шепнул он мне на ухо, — то ты считаешь меня слишком хорошим.

Взял на руки и понёс в спальню.

В прошлый раз всё было... лихорадочно, быстро и резко, как удар молнии. Этой ночью всё происходило иначе — тягуче-медленно, нежно, неторопливо. Мы без стеснения исследовали каждый уголок тела друг друга, трогали, целовали, ласкали... бесконечно долго. Мне казалось, я с ума сойду от этих ласк, свихнусь от желания, но мне и самой не хотелось торопиться. Хотелось как можно дольше наслаждаться этими мгновениями, изучать Льва, целовать... трогать языком...

Холод ушёл, сменившись огненной страстью, которая медленно сжигала меня изнутри, превращая в комок оголённых нервов, в существо без горьких воспоминаний, заставляя радоваться тому, что я жива. Что я здесь, со Львом. Шепчу что-то неразборчивое, всхлипываю и кусаю губы...

Когда он усадил меня на себя, откидываясь назад, я вскрикнула от вспышки яркого оргазма. Лев сжал пальцы на моих бёдрах, качнулся корпусом вверх, вонзаясь в меня глубже, и я вновь вскрикнула.

— Алёнка... — шепнул, останавливаясь. — Тише, услышат... Твои... Здесь такие стены...

— Боже! — всхлипнула я, падая на него, и задвигалась сама, вынудив его застонать и задыхаться чаще. — Ты ещё способен... помнить... а я... голову потеряла...

— Я тоже, — выдохнул Лев и сжал ладонями мои ягодицы, изучая пальцами всё, до чего мог дотянуться.

Я не знаю, сколько времени мы не спали. Час, два, три? Это было абсолютное безумие, которое всё длилось и длилось, не желая заканчиваться. Мы ненадолго задрёмывали, обнявшись, а затем, просыпаясь, вновь начинали ласкать друг друга, и не успокаивались, пока не получали желанную разрядку.

В конце концов я не уснула, а скорее упала в обморок, утомлённая нашей совместной страстью, и чувствуя за спиной крепкое и горячее тело Льва.

Мне уже очень давно не спалось так уютно.

Я проснулась от негромкой переливчатой мелодии и настойчивой вибрации мобильного телефона где-то рядом с подушкой. Вздохнула, ощущая поверх плеча чью-то большую и тёплую руку... и почти подскочила на кровати, внезапно всё вспомнив.

— Лёва! — пискнула я, тормоша спящего рядом мужчину. — Сколько времени?! Это будильник у тебя звонит?! Нам же на работу! И мне надо домой вернуться, я же в одном халате!..

— Алёнка, не суетись, — пробормотал Лев, но всё же привстал и зашарил рукой по постели. — Я специально будильник поставил на пораньше, знал, что ты сбежать от меня захочешь.

Я почувствовала, как от смущения загорелись щёки.

— Лёва... Я... — Закусила губу, подбирая слова. Он ждал, глядя на меня и сжимая в руке телефон. — Я вчера... просто... ох... — Подняла руку и потёрла ладонью лоб. Что же ни одной дельной мысли нет-то, а? — У меня всегда в этот день по вечерам так. Из-за... мужа. Воспоминания... И плохо очень. Я... прости.

— Ты за что извиняешься-то, Алён? — Лев улыбнулся, взял меня за руку и притянул ближе к себе. Я почти упала на него — и задохнулась, ярко и остро ощутив его тело, которое я несколько часов назад изучала и руками, и губами. — Мне, знаешь, никогда в жизни так хорошо не было. Ни с кем.

Наверное, мне должно было это польстить, но вместо этого меня вдруг обожгло дикой ревностью. Во-первых, потому что мне практически не с кем было сравнивать, в отличие от Льва, а во-вторых...

— С Наташей было бы ещё лучше, — прошептала я, и Лев замер, словно не верил, что я это сказала.

— Алёнка... — простонал он, крепче прижимая меня к себе. — Ну что за ерунду ты говоришь? Зачем?

— Не зачем, а почему — потому что ты её любишь, — ответила я, не пытаясь освободиться. — С любимым человеком всё ярче, острее... приятнее. Уж я-то знаю.

— Да? — хмыкнул Лев и, приподнявшись, потёрся своим носом о мой. — Может, тогда ещё и сравнишь нас? Меня и твоего мужа. Давай, Алён, не стесняйся. Я с удовольствием послушаю, насколько я хуже.

Я вспыхнула и дёрнулась, пытаясь встать, но Лев держал крепко. И нагло — раздвигал ягодицы и ласкал пальцами между ног, отчего мысли у меня уже начинали путаться.

Но разве я могла сказать, что люблю его, люблю ничуть не меньше, чем Антона, поэтому и сравнивать бессмысленно? А вот он любит Наташу! Поэтому я и ревную, и злюсь...

— Лёва,пусти. Мне домой надо. Если близнецы и мама...

— Да ничего не будет, если они поймут, что ты у меня ночевала, — фыркнул он, и не подумав послушаться. — Обрадуются только.

— Не надо. — Я покачала головой и охнула, ощутив, как Лев медленно проникает внутрь меня пальцем. — Лёва, нет, болит уже всё... Ну хватит, правда!

Он неохотно убрал руки и позволил мне встать, и сам поднялся следом.

— Я не изменила своего решения, — сказала я быстро, делая шаг в сторону и

оглядываясь, но в предрассветном полумраке не могла разглядеть, куда дела ночную рубашку и халат. — Буду думать до Нового года.

— Думай. — Лев кивнул, и я почувствовала в его голосе улыбку. — И приходи ночевать вечером.

Я от неожиданности замерла, глупо хлопая глазами.

— Алён, думай сколько угодно, — продолжал Лев невозмутимо. — Но мы с тобой хотим друг друга. Так чего зря терять время? Секс ведь не мешает тебе думать?

— Да ты!.. — Я сделала шаг вперёд и изо всех сил хлопнула его ладонью по плечу. — Обнаглел!..

Он засмеялся и поднял руки.

— Ладно-ладно, сдаюсь. Я понял: это была разовая акция. Хотя... нет, не разовая. Я даже не помню, сколько раз кончил. А ты, Алён?

Нет, он ещё и издевается!

— Хватит уже меня смущать, — возмутилась я. — Лучше отдай халат и ночнушку. Где они?

— Откуда же я знаю? Где-то тут. Надо включать свет и искать.

— Включай. Только потом отвернись.

— Алёнка? — В отличие от меня, Льву было откровенно весело. — Ты что, стесняешься? После того, как...

— После всего! Да! Включай свет и отворачивайся.

Он засмеялся.

— Ладно, договорились.

Я ушла из квартиры Льва через несколько минут, обнаружив халат и ночную рубашку в разных концах спальни. Он ничего не сказал, когда я уходила, только на мгновение привлёк к себе и мазнул губами по щеке, отчего в голове мелькнула предательская мысль — а может, остаться ещё на часок?.. И я почти силой заставила себя уйти. Поднялась к нам и сразу направилась в душ.

Судя по утреннему поведению мамы и близнецов, они ничего не заметили. Фред и Джордж точно, а вот бабушка... Возможно, просто не хотела меня смущать — мне было сомнительно, что она с её чутким сном не слышала, как я кралась в ванную и потом мылась. Да и вид у меня был... очень сонный. Я действительно безумно хотела спать, и за завтраком выпила две чашки кофе — боялась иначе вырубиться во время первого же урока. В конце концов, я не девочка, чтобы полночи... это самое! И ведь главное, даже обвинять некого — я сама хотела, сама пришла, и потом тоже не возражала, когда Лев несколько раз будил меня своими ласками.

По пути в школу мы с соседом старались поменьше пересекаться взглядами, но в целом вели себя как обычно. Несколько раз встречались глазами — и я сразу вспыхивала от жарких воспоминаний о прошедшей ночи. И если судить по выражению лица Льва, с ним происходило то же самое.

Я с ужасом ждала вечера, не представляя, что делать. Во-первых, сосед наверняка пойдёт меня провожать, а во-вторых... точно ведь повторит приглашение прийти переночевать. И мне хотелось, действительно хотелось плюнуть на всё и согласиться. Мне было так хорошо! Но если я приду один раз, то потом начну ходить постоянно, и это полностью дискредитирует моё заявление «буду думать до Нового года». Глупо так

говорить, когда мужчина мало того, что общается с твоими детьми каждый день, ещё и ты с ним спишь. И не только спишь. Тут уж останется действительно начать выбирать фату и свадебное платье.

Поэтому я надеялась, что мне хватит выдержки остаться вечером дома.

Уроки и ученики отвлекали от этих искушающих мыслей, причём сильнее всего отвлек Федя Клочков, напомнив, что сегодня у Наташи операция. Он безумно волновался и на этом фоне умудрился поссориться с Олей Зиминной, с которой они последнее время — после отъезда Ивановой — были не разлей вода. Оля помогала Феде с учёбой, он принимал её помощь, не замечая, что нравится девочке далеко не как друг. Но просвещать его я не спешила — это было бы нечестно по отношению к Оле, которая и не претендовала ни на что, кроме дружбы.

— Алёна Леонидовна, подскажите, что мне теперь делать, — пробормотал Федя, плюхаясь передо мной за парту после седьмого — последнего у меня — урока. — Я психанул сегодня, не знаю, как быть.

— Что случилось? — Я встрепелась и подобралась, приготовившись к проблемам, и едва не выдохнула с облегчением, услышав:

— С Олей поссорился.

Это был лучший из возможных вариантов. Хотя Клочкову об этом я, разумеется, не сказала.

— По какому поводу?

— Да-а-а... — Он поморщился. — Я весь на нервах сегодня из-за Наташи, у неё операция, и она пока не писала ничего. И не напишет, наверное, до завтрашнего утра. А Олька... она видела, что я психую, стала меня утешать... — Федя запнулся, закусил губу и покраснел от досады. — Ну я и сказал ей... «Отстань, что ты ко мне привязалась! Я не могу не переживать, люблю Наташу. А ты, видимо, нет».

О-о-о. Да-а-а, дурак.

— Федя... — Я покачала головой, и он совсем поник.

— Я знаю, Алёна Леонидовна. Оля очень обиделась, ушла вот домой уже, а я... Не знаю, что теперь делать. Я ведь и не думаю так, сгоряча бросил, потому что нервничал. А она... плакала... И мне теперь вдвойне тошно, и из-за Оли, и из-за Наташи...

— Иди сейчас к Оле, — сказала я строго. — Цветы купи, конфеты какие-нибудь. Звони в дверь, пока не откроет. Поговори с ней откровенно, вот как сейчас со мной. Оля добрая девочка, она поймёт.

— Да как она поймёт, если я сам себя не понимаю, — убито прошептал Федя. — Как я мог такое сказать? Откуда это во мне? Я же так не думаю! Откуда эта мысль?

— В том-то и дело, Федя, что ты в этот момент не думал, поэтому и сказал то, что на самом деле не думаешь, — ответила я, ободряюще улыбнувшись. — Можешь Оле так и объяснить.

— А если она мне дверь не откроет?

— Откроет.

— Думаете?

— Уверена.

Клочков помялся ещё немного, опустил голову — и я поняла, что его гложет что-то ещё.

— Федя?..

— У меня денег нет, — вздохнул он в конце концов. — А без цветов и конфет нельзя?..

Как это я сразу не поняла. А ещё преподаватель!

— Можно. Но Оле будет приятнее с цветами и конфетами. — Я на мгновение задумалась, глядя на Ключкова. Нет, денег он от меня ни за что не возьмёт. Тогда... — Хотя можно и без цветов. — Я наклонилась, открыла одной рукой нижний ящик стола и достала оттуда не распакованную коробку шоколадных конфет. Она лежала у меня там с первого сентября — на экстренный случай, если захочется сладкого на нервной почве или надо будет что-то срочно кому-нибудь подарить. — Вот, держи.

— Алёна Леонидовна... — Мальчишка посмотрел на меня с такой благодарностью, что я даже слегка смутилась.

— Бери-бери. И чтобы завтра пришли в школу помирившимися!

— Я постараюсь, — пообещал Федя, взял коробку и умчался.

Через пару минут после того, как дверь хлопнула, у меня завибрировал мобильный телефон.

«Пойдём домой?»

Я вздохнула. Эх, мне бы Федькину смелость! Вон с какой скоростью побежал с Олей мириться. А мы со Львом и не ссорились. Тогда чего же я так трясусь-то?..

«Иду».

Лев вёл себя идеально — впрочем, как всегда. Рассказывал про свой рабочий день, расспрашивал про мой, и минут через пятнадцать я расслабилась. И правда, чего это я так переживаю? Подумаешь, переспали. Не в первый раз же! Да и вообще дело житейское.

К тому моменту, как мы подошли к нашему подъезду, я окончательно успокоилась. Но оказалось, зря — в лифте Лев неожиданно привлек меня к себе и поцеловал, приподнимая над полом и так требовательно раздвигая губы, словно имел на это полное право.

Я вспыхнула от возбуждения, между ног затянуло, и одежда вдруг начала раздражать, казаться лишней. Мне захотелось почувствовать Льва голой кожей, ощутить его ладони на своей спине, груди, бёдрах... Без этих дурацких курток, блузок и брюк!

— Алёнка, — прошептал Лев, лаская дыханием мои губы и щёку, — приходи сегодня. Пожалуйста.

Я дрожала в его объятиях, не в силах ни о чём думать, как озабоченный подросток, до тех пор, пока с диким грохотом не разъехались двери лифта. Мы вздрогнули, Лев меня отпустил, и мы вышли на лестничную площадку.

Сердце колотилось, губы слегка саднило, между ног... м-да. И ведь поцелуй-то длился не дольше минуты — а я возбуждалась так, что хоть выжимай.

— Алёнка. — Лев взял меня за руку и потянул к себе, но я решительно отстранилась. Точнее, мне показалось, что решительно. Судя по ироничной улыбке Льва, получилось так себе.

— Не надо, правда. Было классно, но... во-первых, мне надо выспаться. А во-вторых, я же сказала, что буду думать.

— Я дам тебе выспаться, — вкрадчиво произнёс Лев, и от тона его голоса у меня внутри всё завибрировало. Вот же змей-искуситель! — Я просто хочу, чтобы ты спала рядом со мной.

— Нет-нет, — я сделала шаг назад, отнимая у него свою руку. — И вообще ты обещал не давить на меня!

— Алёнка, — Лев рассмеялся, шагая следом за мной. Ему, в отличие от меня, было

весело. Ну конечно, не он же тут безответно влюблённый! — Ну что ты как маленькая...

— Я не маленькая! — перебила я его, вдруг разозлившись. — Перестань! Может, для тебя это нормально — любить одну женщину, а спать с другой, а я так не могу! — Развернулась, подошла к своей квартире, достала ключ, открыла верхний замок... и вновь обернулась лицом ко Льву, не до конца понимая, зачем.

В груди kloкотала обида, больно было до слёз. Наверное, поэтому я и выпалила, глядя в его внимательные, серьёзные, и как всегда спокойные глаза:

— Я бы не стала спать с тобой, если бы не любила. А вот ты... Ты унижаешь меня, понимаешь? Нельзя так! — вновь резко развернулась, распахнула дверь и быстро шмыгнула в квартиру.

Я слышала, как Лев громко сказал: «Алёна!», но уже щёлкнула задвижкой. Очень хотелось плакать, поэтому я сразу направилась в ванную. Мне повезло — близнецы с бабушкой были в детской, смотрели что-то по телевизору и не слышали, как я пришла, а значит, у меня есть время привести себя в порядок и перестать нервничать из-за ерунды. А мужики — это ерунда! Не стоят они того.

Минут через пять, когда я хорошенько умыла раскрасневшееся лицо, сняла с себя одежду, переоделась в домашний костюм и вышла из ванной, завибрировал мобильный телефон. Я брала его с опаской — опасалась увидеть какое-нибудь сообщение от Льва — но писал мне Клочков.

«Мы с Олей помирились. Спасибо!»

Я вздохнула с облегчением. Хоть что-то хорошее.

«Это было сложно».

Я усмехнулась и напечатала:

«Не сомневаюсь. Постарайся больше не обижать Олю. Она чудесная девочка и хороший друг».

«Я постараюсь!»

Про Наташу спрашивать не стала — если бы появились новости, Федя написал бы их. А тревожить его ещё раз не хотелось.

Телефон вновь завибрировал.

«Алёна, нам надо поговорить. Пожалуйста, приходи вечером».

Разбежался! Я возмущённо фыркнула и отложила телефон в сторону. О чём нам разговаривать? О том, что я влюбилась, а он нет? Я и так это знаю. И глупо было признаваться первой, но такая у меня, видимо, судьба. Антону я тоже первой призналась.

Господи, как давно это было...

— Мама, мама! — крикнули из комнаты близнецы. — Ты где? Ты тут? Давай ужинать!

— Тут, — крикнула в ответ. Точно, пора прекращать рефлекссию и заесть стресс чем-нибудь вкусным. Бабушка вчера вроде грозила котлеты пожарить...

Спала я беспокойно — что-то словно мешало уснуть, впиваясь занозой под кожу. И дело было не только в соседе, который написал мне угрожающее сообщение: «Завтра не отвертись». Я чувствовала: что-то происходит. Что-то, из-за чего в скором времени всё изменится. Интуиция, наверное...

Звонок раздался около семи утра — за пять минут до моего будильника.

Это был Наташин папа.

— Алёна Леонидовна, — сказал он тихо и глухо, как-то безжизненно, и я сразу всё

поняла. — Она умерла сегодня ночью...

Я закрыла глаза. Смотреть на тёмный мир вокруг неожиданно стало больно. А дышать — ещё больнее.

— Соболезную, — еле выдавила из себя банальное. Это было совершенно не то слово, абсолютно не то. Какое-то пустое и безликое, формальное, не способное передать ни на секунду того, что я чувствовала в этот миг. — Что вы... как... теперь?

Он молчал несколько мгновений, тяжело и гнетуще, словно не понимал, о чём я спрашиваю.

— Мы вернёмся через несколько дней.

От этого «мы» меня всю покорёжило, как ржавый металл. Он ведь поехал с ней туда один, мама осталась здесь, с сыном. И это «мы»... На самом деле никакого «мы» уже не было, но я знала, что он так и будет это говорить.

— О дате... я сообщу позже.

«Похорон» сказать не смог.

— Держитесь, — прошептала я вновь банальное и пустое, он попрощался, и я положила трубку. А потом вспомнила.

Федя... надо было спросить, сообщили ли ему. Хотя вряд ли, с чего вдруг? Если только Наташина мама позвонит Оле, а уже она...

Господи! Пожалуйста! Пусть это будет сон! Чёртов грёбаный сон, и больше ничего! Пожалуйста!!!

Предрассветная темнота смотрела мне в глаза с постылым равнодушием и молчала. Как и тогда, в тот вечер, когда я узнала про Антона. Я корчилась от душевной боли — а всё вокруг молчало... только тикали, как часы, какие-то приборы.

Время всё равно продолжает идти, безразличное и неумолимое к происходящим событиям. И у меня, разрезая тишину и темноту этого горького утра, негромко зазвонил будильник...

Вот так и получилось, что со Львом мы не поговорили — не до этого было всем, и мне в первую очередь. Вообще не до обсуждений признаний в любви, своих или чужих, отношений и будущего. Если бы Лев завёл об этом разговор, я бы, наверное, послала его в грубой форме, но он молчал — потому что Наташин папа утром позвонил и ему тоже.

Я нервничала, но знала — показывать этого нельзя. И Федя, и Оля будут искать у меня поддержки, а о какой поддержке может идти речь, если я чувствовала себя разбитой, раздавленной этой новостью? Оказывается, в глубине души я предпочитала верить, что всё обойдётся и случится чудо, иначе не ощущала бы себя сейчас настолько паршиво. А может, это свойственно всем без исключения? Надеяться и верить, даже если знаешь — напрасно.

Фред и Джордж, шагая в школу, беззаботно болтали — я ничего не рассказала им, решив не огорчать раньше времени — а мы со Львом молчали. Только он взял меня под руку, и я не отстранилась, не стала возражать. По правде говоря, мне даже легче стало, когда я почувствовала под своей ладонью его крепкий и надёжный локоть.

Я вспоминала, как увидела Наташу впервые — маленькую и тоненькую пятиклассницу с двумя косичками, на концах которых были завязаны красные атласные бантики. Она уже тогда была на диво умненькой, серьёзной девочкой, любила математику и вообще все точные науки, прекрасно играла в шахматы. И совсем недавно, ещё в мае этого года, когда мы ездили на экскурсию в соседний город, Наташа сидела недалеко от меня, слушала какую-

то музыку на телефоне и неслышно подпевала, пританцовывая и притоптывая ногами...

В моих воспоминаниях она была живой, несомненно и безоговорочно. Так же, как и Антон когда-то. Я похоронила мужа только после встречи со Львом, а как будет с Наташей? Когда я смогу смириться, что её больше нет? Я не представляла. Но точно не сегодня.

Оля и Федя уже всё знали. Сидели на лавочке возле моего кабинета, взявшись за руки, и выглядели — краше в гроб кладут. Оба бледные, с красными глазами, только Зимина ещё и со слезами в них, и с щеками мокрыми. А Федя... как безумный. Всклокоченные волосы, одежда в беспорядке, во взгляде — отчаяние.

— Алёнлеонидовна-а-а... — простонали оба, вскакивая, и шагнули ко мне, по-прежнему держась за руки. А потом Оля всхлипнула... и громко разревелась.

— Так, — нервно сказала я и покосилась на часы в конце коридора — до начала урока двадцать минут, — быстро ко мне в кабинет!

Наверное, прозвучало резко, но они не обратили внимания — заскочили внутрь и, отойдя от двери на пару шагов, обнялись. Оля, рыдая, повисла на шее Ключкова, а Федя молча гладил её по спине, даже не пытаясь отстраниться. Он смотрел не на Олю, а куда-то в стену над моей головой, и взгляд его был пустым, мёртвым.

Я подошла к столу, нашла бутылку с водой, пластиковые стаканчики, налила в них воды, потом достала из сумки настойку пустырника, накапала. Я всегда носила с собой успокоительное — на случай, если Фред с Джорджем опять доведут меня до нервной трясучки.

— Выпейте, — протянула им стаканчики. — Давайте-давайте, быстренько.

Они безоговорочно послушались, и пока пили, я, хмурясь, раздумывала: может, отпустить их по домам? Причина-то уважительная, да и учиться они сегодня нормально не смогут. Но я по себе знала: дома Феде и Оле станет только хуже. Здесь их хотя бы будет отвлекать учёба — хочешь-не хочешь, можешь-не можешь, а что-то делать придётся. Дома же Оля погрузится в рыдания, а Федя просто сядет и будет смотреть в одну точку.

Ребята поставили стаканчики на стол, я подошла ближе и взяла обоих за руки.

— Я знаю, вам тяжело, — сказала я, стараясь говорить спокойно и надеясь, что у меня получается. — Я очень хорошо понимаю, что вы сейчас чувствуете. Я была на вашем месте, когда умер мой муж. Так вот, у меня в то время на руках были маленькие Фред и Джордж, я не могла их бросить и погрузиться в переживания. А у вас — выпускной класс. Пожалуйста, постарайтесь собраться. Оба. Помогайте друг другу, поддерживайте. Поплачьте ещё после уроков. Если нужно — приходите ко мне, поговорим. Не вздумайте замыкаться в себе! Учитесь, отвлекайте себя — это поможет.

С каждым моим словом взгляд Оли становился всё более осмысленным. Он не перестал быть несчастным, и щёки ещё блестели от слёз, но я уже видела — она восприняла мои слова так, как нужно. А вот Федя...

Он, по-моему, вообще не слушал. Да, я тоже когда-то ничего не слушала... не специально: просто всё воспринималось фоном, как шум оживлённой дороги за окном. Вроде и есть, но не имеет никакого значения.

— Оль, — обратилась я отдельно к девочке, — помоги Феде, хорошо? Он...

— Я в порядке, — перебил меня Ключков таким убитым голосом, что мне немедленно захотелось обнять его и погладить по голове. — Не волнуйтесь, Алёна Леонидовна. Я вас не подведу.

— Вы не только меня не должны подводить, — произнесла я с трудом. Говорить это не

хотелось, но сказать было нужно. — Наташу тоже. Она бы не хотела, чтобы вы из-за неё начали получать плохие отметки.

Оля и Федя содрогнулись. Проняло их, кажется, до костей и мурашек.

— Вы не виноваты в том, что случилось, — продолжала я, стараясь не обращать внимания на искажившиеся лица детей. — И Наташа не виновата. Она сражалась до конца, и вы тоже. Вы прекрасные друзья, Федя и Оля. Сейчас вас ждёт суровое испытание, и я бы хотела, чтобы вы выдержали его. И Наташа хотела бы.

Оля вновь всхлипнула, но не расплакалась, и Федя обнял её, прижав к себе. Взгляд его наконец перестал быть безжизненным.

— Мы поняли, Алёна Леонидовна, — сказал он тихо и глухо. — Мы... придём после уроков.

— Я буду вас ждать, — кивнула я и, не выдержав, всё-таки обняла обоих.

Ребята вышли из кабинета, и оставшиеся пять минут до начала урока я просидела, закрыв лицо руками и пытаюсь справиться с собой. Господи, мне ещё восемь уроков сегодня нужно провести, а я уже разваливаюсь. И плакать ужасно хочется.

В итоге я тоже выпила настойку пустырника, потом съела шоколадную конфету — и пошла запускать в класс столпившихся у двери пятиклассников.

Мы со Львом так и не поговорили о наших отношениях — ни в этот день, ни на следующий, ни через неделю. Я вообще не представляла, как о таком можно говорить в таких условиях. Я думала только о том, как утешить Федю и Олю, и как не сломаться самой.

Клочков и Зимина приходили ко мне каждый день — и утром, и после уроков. Иногда рассказывали что-то обыденное, в основном про учёбу, иногда молчали. В один из дней Федя показал Оле свои рассказы, а потом и стихи. И чуть позже, когда Оля не слышала, сказал мне, что с Наташей он так и не успел ничем поделиться, а теперь уже поздно.

Её привезли через три дня, а ещё через три дня состоялись похороны, и я почти не помню, что там творилось — настолько мне было плохо. На обратном пути Лев практически тащил меня до дома: сама я ничего не соображала, несмотря на то, что не пила алкоголь, и в любой момент могла заблудиться и сгинуть где-нибудь. Сосед молчал, просто шёл рядом, держа меня за руку.

Как и тогда, одиннадцать лет назад, из депрессии (хотя я не уверена, что моё подавленное состояние в обоих случаях следовало обозначать этим словом) меня вытаскивали Фред и Джордж. Им тоже было грустно и жаль Наташу, но в близнецах ключом была жизнь, и остановить этот ключ они не могли. Тормозили меня по любому поводу и без всяких поводов, задавали вопросы, рассказывали разные истории, и иногда я не могла не смеяться. Они, как и всегда, были моим якорем.

На девятый день я ощутила, что мне стало легче. Конечно, я не стала в одночасье весёлой и счастливой, просто почувствовала, что в груди перестало болеть, и дышится свободнее, и сон стал более спокойным. Я по-прежнему не верила до конца, что моей юной ученицы больше нет, но при мысли об этом по крайней мере перестала чувствовать острый укол в области сердца. И чувство вины, что мы живы, а она нет, понемногу отступало.

Настал декабрь. Он принёс с собой холод и много снега, завалившего все дворы чуть ли не по крыши машин. И ещё через неделю я заметила, что Оле тоже стало легче. Я тогда впервые со дня смерти Наташи услышала её смех в школьном коридоре. Она стояла рядом с одноклассницами, кто-то из них что-то сказал — и Оля рассмеялась. Клочков находился тут же, рядом с ней, и, услышав её смех, вздрогнул, а затем быстро отошёл в сторону. Зимина оглянулась на него — и весёлая улыбка на её губах растаяла, а глаза стали виноватыми.

Я поговорила с ними обоими чуть позже, после уроков. Объяснила, что жизнь продолжается, и то, что мы улыбаемся, смеёмся, смотрим фильмы, читаем книги — это не предательство по отношению к ушедшим. Я сама когда-то чувствовала нечто подобное и сжималась от вины перед Антоном, когда меня что-нибудь даже просто смешило. Я хорошо понимала этих двоих, я говорила правильные слова... Но Оля слушала меня, а вот Федя... я замечала, что до него не доходит по-настоящему. Глаза Клочкова были пустыми, и я тогда подумала: может, ему нужно больше времени? Я после гибели Антона тоже долго училась улыбаться заново.

И я решила оставить Федю в покое. Я верила в него и считала, что он разберётся во всём сам, без моих вечных наставлений и слов, которые всё равно не идут дальше ушей.

— Алён, ты не хочешь сходить в субботу в кино? Вместе с мальчишками. Там сейчас мультфильм новый крутят, говорят, хороший, — так сказал Лев вечером в четверг, когда мы с ним возвращались домой после уроков. Это был первый раз за последние почти три недели

— именно столько прошло с Наташиной смерти — когда Лев предложил куда-то сходить, если не считать его прогулок с Ремом, к которым мы с мальчишками иногда присоединялись.

— Я... не знаю... — задумалась я, и правда не зная, что хочу ответить. Кино? Прикоснувшись ко смерти, я всё ещё с трудом верила в то, что смогу наслаждаться сейчас такими вещами.

— Ладно тебе, Алён, соглашайся, — произнёс Лев спокойно и внушительно, а потом взял меня за руку и сжал пальцы. Я тут же поняла, что забыла надеть перчатки, но отнимать ладонь не хотелось. — Пора выбираться из этого тягостного состояния. Я и сам в него погрузился, честно говоря... Ты с ребятами своими общалась, а я с Женькой и его женой. Я не рассказывал, сил на это не было.

— Как они? — спросила я, вздохнув. По правде говоря, я подозревала, что Лев поддерживает друга, и оттого тоже в последнее время ходит сам не свой, мрачный и с синяками под глазами.

— Хреново, — припечатал Лев. Да... коротко и ёмко. — Уговорил их пойти к психологу, потому что иначе невозможно. Сын почти не разговаривает, Женька потерял семь килограмм, а он и так не был толстый, у Алисы всё время глаза на мокром месте, тоже похудела, не спит, толком не ест, дома бардак.

Лев говорил с беспокойством, горячо и отчаянно, и я неожиданно вспомнила, как он точно так же мне рассказывал о проблемах Наташи и Виталика. Значит, он как я — принимает близко к сердцу чужие беды. И хочет помочь хоть чем-то, даже если не просили.

— Правильно, конечно, надо к психологу. — Я вновь вздохнула. И зачем-то начала рассказывать: — Я вот не пошла тогда, а зря, наверное. Но у меня просто не было времени. Двое грудных детей на руках... наша бабушка в то время ещё пыталась подрабатывать, потому что денег не хватало, несмотря на все выплаты от государства. И куда втиснуть психолога, я не представляла... А потом как-то остыла, передумала. Показалось, что я и сама прекрасно справляюсь...

— Почему — показалось? — не понял Лев. — Ты прекрасно справлялась.

— Нет. Я только недавно по-настоящему похоронила Антона, а до этого... жила так, будто он скоро вернётся. Вроде умом понимала, что умер, а принимать это отказывалась. Потому что психолога я поддерживаю. — Взглянула на Льва искоса: кажется, он обалдел. И поспешила добавить, пока он не задал мне какой-нибудь провокационный вопрос: — Хорошо, давай сходим в кино в субботу. Тысячу лет не ела попкорн.

— Ты любишь попкорн? — поинтересовался Лев спустя мгновение, и я расслабилась: не стал спрашивать ничего, ура.

— Нет. Я его не понимаю, пенопласт он и есть пенопласт. Мальчишки любят, но я всегда ем, чтобы им досталось меньше этой гадости.

Лев засмеялся. И я вдруг осознала, что не слышала его смех три недели. Да и сама почти не смеялась, снесённая ураганом по имени смерть.

Надо исправляться...

Той ночью мне неожиданно приснился Антон.

Он снился мне лишь однажды — на девятый день. Тот сон поверг меня в пучину отчаяния, потому что в нём мы спали в обнимку, целовались, вместе завтракали... И когда я проснулась и осознала, что ничего этого больше не будет, то чуть не сошла с ума от боли в сердце.

Мой нынешний сон был другим. Я сидела за рабочим столом в школе, собирала тетради в сумку, затем встала и пошла к двери. Открыла её, вышла в коридор — и застыла, увидев напротив класса подпирающего стенку Антона. Такого, каким он был, когда мы учились в школе — с длинноватыми рыжими волосами, россыпью веснушек на лице, лукавой улыбкой на губах. С зелёным портфелем...

— Тонька...

Я хотела прошептать его имя, но губы не шевелились.

Он шагнул вперёд, отрываясь от стены. Посмотрел на меня внимательно, не прекращая улыбаться, а потом сказал, ткнув пальцем в сторону лестницы:

— Сходи на пятый этаж.

Я удивлённо моргнула.

— Что?.. — На этот раз губы всё же разомкнулись.

— Сходи, — повторил Антон. — Завтра. На пятый этаж. Обязательно. Хорошо, Алька?

Я обескураженно кивнула.

— Обязательно! — повторил он весело, и тут сон резко прервался — зазвонил будильник.

Я думала о том, что мне приснилось, недолго — некогда было думать. Сначала собиралась в школу, потом вместе со Львом слушала болтовню Фреда и Джорджа по дороге туда, а возле кабинета меня подловила взволнованная Оля Зиминая.

— Алёнлеонидовна, — выдохнула она, сверкая тревожными голубыми глазами. Она никогда не была красавицей, но после смерти Наташи резко подурнела, покрывшись прыщами на нервной почве. Правда, Оля немного похудела, но на пользу ей это не пошло — одежда только повисла мешком, и глаза теперь казались огромными. Не глаза, а два голубых озера. — Федька...

Сердце пропустило удар.

— Что? Что такое?

— Мне кажется, с ним что-то происходит, — пробормотала Зиминая, закусывая губу. Она у неё кровила — видимо, лопнула на холоде. Девочка слизнула каплю крови и продолжила: — Последние несколько дней он стал меньше разговаривать, при вас только бодрится, будто нарочито. И меня избегает. До этого наоборот... говорил, что только со мной легче становится... а сейчас как чужой!

— Приводи его после уроков, — велела я, почему-то не усомнившись, что Клочков придёт, как приходил раньше. — Поговорим. Думаю, это очередной виток переживаний, кризис. Может, ещё мать подбавила...

Оля скривилась.

— Она такая ужасная! — сказала Зиминая с чувством. — Такая... Ей до Федьки дела нет! Не понимаю, почему её родительских прав не лишили...

Я вздохнула. Оля, как и многие подростки, делила мир на чёрное и белое, и для неё мама Клочкова — хроническая алкоголичка, к тому же, равнодушная к сыну, была выкрашена в однозначно чёрный цвет. Девочка не понимала, что даже с такой матерью зачастую лучше, чем в детском доме. И конечно, она не думала о чувствах самого Феди, который маму свою любил, несмотря ни на что.

— За это не лишают родительских прав, Оль, — ответила я дипломатично, стараясь сгладить углы. — Она Федю не бьёт, кормит, одевает. У них нет близких отношений, но бывают родители ещё хуже, поверь.

— Да, — невпопад сказала девочка. — Ладно. Я побегу. Приведу его к вам... после восьмого?

— Да, после восьмого.

— Хорошо!

Она убежала, а я открыла дверь и шагнула в свой класс.

Я ошиблась — Ключков после уроков не зашёл, и Оля тоже. Она позвонила и сказала, что он убежал очень быстро, она не успела его остановить. Хотя чуть ранее, когда она сообщила ему, что я их жду, Федя не отказывался, просто промолчал.

Мне это очень не понравилось. И вообще я сжималась от тревоги, понимая каким-то шестым чувством, что с мальчишкой что-то происходит, и это что-то, возможно, не вписывается в рамки обычной депрессии после смерти любимой девушки. Я решила обязательно отловить завтра Федю перед уроками и заставить поговорить обо всём. Нужно будет — отправлю к школьному психологу, хотя лучше этого избежать — эта странная тётка мне никогда не нравилась.

Я написала Льву, что выхожу, собрала вещи, подошла к двери, выглянула в коридор... и вздрогнула, неожиданно вспомнив сон с Антоном.

«Сходи на пятый этаж».

Повернулась и посмотрела в сторону лестницы. Показалось, что оттуда тянет холодом...

Нет, ну это же бред воспалённого сознания. Зачем мне идти на пятый этаж? Там кабинеты физики и биологии, актовый зал. Блин! Какая разница, что там? Это просто сон, дурацкий и глупый. Не знаю, почему мне вдруг приснился Тонька и из-за чего сказал именно это, но...

— Алёнка! Ты чего застыла? — раздался слева голос Льва, и я вздрогнула от неожиданности. — Ты что там, привидение увидела?

Привидение... ну почти.

— Мне надо на пятый этаж, — сказала я, наконец приняв решение. Несусветная глупость, но... в данном случае — лучше сделать и жалеть, чем не сделать и жалеть. — Подождёшь меня тут? Я на минутку.

Лев удивлённо нахмурился.

— Зачем тебе туда, Алён?

Хороший вопрос.

— Надо, — ответила я неуверенно.

Сосед наклонил голову, изучая моё лицо, вздохнул.

— Я с тобой, хорошо?

Почему-то после этого вопроса сразу стало легче. Глупо, но одна я, кажется, боялась туда идти.

— Хорошо.

Мы медленно двинулись в сторону лестницы. Прошли один пролёт, поднялись на площадку...

Здесь никого не было. Но холодом действительно тянуло.

— Окно, что ли, открыто?.. — пробормотал Лев, оглядываясь. На самой площадке не было окон, кабинеты закрыты, так откуда холод?

Актовый зал!

Повинуясь какому-то безотчётному, необъяснимому предчувствию, я кинулась к двери. Так и есть: приоткрыта. Почти незаметно, но для сквозняка вполне достаточно.

— Алёнка, — прошипел Лев, подсакивая ко мне и хватая за плечи, — ты что? Надо охрану вызывать или сразу полицию! Чёрт знает что такое! Не смей туда ходить!

— Тихо, — цыкнула я на него, не оборачиваясь, — не мешай, пожалуйста.

— Алён...

— Доверься мне, — шепнула я, не до конца понимая, что и зачем говорю, — так будет лучше.

— Алён... — Лев попытался меня отодвинуть, но я дёрнула плечом, сбрасывая его руку, и скользнула внутрь.

Я оказалась в небольшом закулисном предбаннике. От зрительного зала и сцены его отделял небольшой занавес — хотя это скорее были просто шторы — поэтому человек, который находился сейчас в актовом зале, нас со Львом не видел. Зато мы прекрасно видели его.

Это был Федя.

Одно из больших и широких окон было распахнуто настежь, и в проёме, на фоне удушающе чёрного зимнего вечера, маячила долговязая и лопоухая фигура Клочкова. Он просто стоял на подоконнике, ни за что не держась, наклонив голову и вглядываясь вниз, будто собирался шагнуть туда. Внизу был школьный двор, асфальтированный и тщательно убраный от снега, да и наш пятый этаж — всё равно что девятый-десятый для обычных домов. Если шагнёт, наверняка не выживет.

Лев положил руки мне на плечи, сжал их, и я обернулась, посмотрела ему в глаза. Я практически не видела его, здесь было слишком темно, но чувствовала, что он на взводе. Меня же, наоборот, будто бы сковало ледяным спокойствием.

— Алёнка!..

— Тш-ш-ш... — я приложила палец к его губам, еле слышно шепча, — ни звука. Стой тут, не двигайся. Доверься мне.

Он молчал, но мне казалось, я слышу, как скрипят его зубы. В конце концов кивнул и опустил руки, перед этим только провёл ладонями по моим плечам, словно не желая расставаться. Мне было удивительно, что Лев послушался, не стал возражать, но рассуждать о том, почему он это сделал, было некогда.

Я осторожно развернулась и сделала несколько бесшумных шагов, выходя из-за занавеса. Сейчас был самый сложный момент: я должна обнаружить себя для Феди, но сделать это так, чтобы он от неожиданности не свалился с подоконника.

Я тихо кашлянула, и он услышал, повернулся лицом ко мне и спиной к окну. У меня даже в глазах потемнело от страха, что сейчас, вот-вот, и Клочков упадёт вниз. И я этого себе никогда не прощу.

— Я хочу рассказать тебе кое-что, — произнесла я негромко, но в тишине актового зала с его отличной акустикой слышно было прекрасно. — Я никому об этом не рассказывала, даже собственной матери, а тебе расскажу. Выслушаешь, ладно? А потом делай, что хочешь, мешать не буду.

Федя хрипло, натужно вздохнул. Из-за того, что он стоял спиной к окну, я совсем не видела его лица.

— Алёна Леонидовна... Я не хочу, понимаете, не хочу?.. Не получается...

Он не сказал слово «жить» — не смог.

— Понимаю. Просто послушай меня, Федя. Моего мужа звали Антон, и он погиб в тот день, когда родились Фред и Джордж. Разбился на машине. Мама сказала мне об этом

только на следующие сутки, когда молчать уже было невозможно. Мы с близнецами лежали в роддоме в отдельной палате, и в ту ночь, сразу после того, как я узнала, что моего мужа больше нет, я открыла окно настежь и встала на подоконник. В одной ночной рубашке и босая. Холод был жуткий, Федя, но я его не чувствовала. Стояла, смотрела вниз, на голый асфальт, и безумно хотела спрыгнуть. Честно признаюсь: ничего и никогда я не хотела так сильно, как закончить свою жизнь в тот самый момент.

Я замолчала, переводя дух. Говорить об этом было нелегко, я чувствовала, как дрожит голос, но чем ещё я могу его удержать? Я уже объяснила им с Олей всё, что могла, и больше мне нечего сказать. Только это.

Очертания фигуры Клочкова изменились — теперь он стоял, вцепившись одной рукой за оконную раму. И я почему-то подумала, что это хороший признак.

— Как думаешь, по какой причине я не прыгнула?

Он не отвечал несколько секунд.

— Не... знаю... — просипел в конце концов, и где-то на задворках сознания у меня мелькнула мысль: простыл, наверняка же простыл... чаю бы ему горячего...

— Фреду и Джорджу стало холодно, я ведь открыла окно, и они завопили. Хором, истошно. И я вдруг включилась, вспомнила, что там, за моей спиной, лежат наши с Антоном дети, которым нужна мама. Которые хотят есть. И которые ни в чём не виноваты. — Я сглотнула: прожить ту ночь заново было невыносимо больно. — Поэтому я и не прыгнула, Федя. Не было во мне ни малейшего желания жить, ни капельки не было. Просто заорали Фред и Джордж... Я закрыла окно и пошла их кормить, потому что так было нужно. Сама же я безумно хотела умереть. Я была старше тебя всего на пять лет, Федя, и потеряла человека, которого любила с детства, как ты Наташу, которому родила двоих детей. Я была раздавлена, я не представляла, как буду без него воспитывать их, смотреть на рассветы и закаты, смеяться, есть и пить...

Мой голос дрогнул, по щекам потекли застарелые слёзы, и Федя соскочил с подоконника. Подбежал ко мне, обнял изо всех сил, всхлипнул... и расплакался, как маленький.

— Алёнлеонидовна-а-а-а...

— Чш-ш-ш... — Я тоже обняла его, погладила по голове. Бедный, бедный мой мальчик! — Я знаю, как тебе плохо, я понимаю тебя. Но я не жалею, что не прыгнула тогда. И ты не пожалейшь. Я обещаю тебе это. Пройдёт время — я не знаю, сколько, но ты скажешь: «Хорошо, что я тогда не прыгнул». Я обещаю.

Клочков уткнулся мокрым лицом мне в плечо и глухо спросил:

— А когда?..

Я поняла, несмотря на то, что он не договорил.

— Когда Фред и Джордж научились улыбаться. Когда сказали первые слова. Когда пошли в школу... Не знаю, Федя, это всё приходит постепенно. И больно будет ещё очень долго.

— У меня нет Фреда и Джорджа, — всхлипнул мальчишка. — У меня...

— У тебя есть мама. Она тебя любит, хоть и не умеет это нормально выражать. И я тебя люблю. И Оля.

Плечи Клочкова вздрогнули.

— Не рассказывайте ей, — попросил он горячо, перестав меня обнимать. Вытер мокрые щёки ладонями и повторил: — Не рассказывайте! Я со стыда тогда сгорю. Олька... она такой

сильный человек, а я!..

— И ты сильный. — Я улыбнулась. Господи, спасибо! У меня получилось. — Ты же не прыгнул. И знаешь, что, Федя... Давай-ка ты сегодня у меня переночуешь, ладно? Не возражаешь?

Я ужасно боялась оставить его одного.

— Да, — кивнул Клочков, и мне показалось, что он даже обрадовался моему предложению.

— Ну вот и отлично. Тогда пойдём домой.

На присутствие «за кулисами» Льва Федя отреагировал спокойно. Я подумала, что он, видимо, выплеснул за последние часы столько эмоций, что переживать из-за ещё одного зрителя был просто не в состоянии. Но всё равно пообещала, что мы оба ничего и никому не скажем, и заставила Клочкова в свою очередь пообещать мне, что если у него опять возникнет желание постоять на подоконнике, он не будет его реализовывать, а придёт ко мне.

Пока мы шли домой, Лев казался странно напряжённым. Я не очень понимала, отчего — всё же обошлось. Замечала какие-то странные взгляды, которые он кидал на меня, и не могла их расшифровать. Говорил сосед мало, но Федю не обижал, поэтому я решила, что подумаю потом. Может, он просто испугался и до сих пор ещё не перестал нервничать? Меня саму немного потряхивало от пережитого, хотелось залезть под горячий душ, смыть с себя жуткий холод, а потом выпить чаю с лимоном и мёдом. Вот сейчас приду домой — этим и займусь.

Мама не спросила, почему я привела Федю — да он, честно говоря, раньше ночевал у меня пару раз, когда его родительница была не совсем во вменяемом состоянии, — а близнецы и вовсе обрадовались: они, как и я, любили Клочкова. Бабушка тут же усадила нас обоих ужинать, и я с улыбкой наблюдала, как Федя постепенно приходит в себя, уминая отбивные с жареной картошкой. Потом последовал чай, о котором я так мечтала, и Клочков, наевшись и напившись, сразу начал зевать, прикрывая рот ладонью. Ещё не было и восьми вечера, но организм, устав переживать и нервничать, требовал своё. Поэтому я выдала Феде старую футболку и шорты, и отправила спать на диван в своей комнате. Уснул он моментально, и я, вздохнув с облегчением, пошла в душ.

Я долго стояла под обжигающе горячими струями, дрожала и думала. О чём? О своём сне, благодаря которому Федя остался жив. Не знаю, как бы я пережила, если бы он всё-таки сегодня прыгнул. И ведь додумался же, ключ у охранника стащил, а тот и не заметил...

Антон... Не представляю, ты это был или не ты — может, моё подсознание? — но так или иначе: спасибо. И не только за Федю, а за возможность выговориться, рассказать о том, что тогда со мной случилось. Если бы не этот случай, я бы так и не решилась, точно знаю. Постыдилась бы... как Клочков перед Олей.

И сейчас, смывая с себя грязь, усталость, тревогу и страх, я по-настоящему прощалась с Антоном. Раньше это была ложь — я продолжала верить, ждать и любить. А теперь... любовь осталась, но я, как никогда раньше, ощущала, что он ушёл навсегда, коснувшись меня своей заботой напоследок, подарив этот сон. Он не говорил, что любит, да и зачем? Я и так это знаю. Он просто сделал мне подарок и помог уберечь от фатальной ошибки мальчика, который мне дорог.

И теперь я плакала, отпуская своего прекрасного мужа и всю боль, которая тянула меня за ним. Иди, Тонька, иди... я больше не буду плакать, клянусь, это последний раз. Иди, мой

замечательный, и спасибо тебе, спасибо!..

Телефон завибрировал, когда я переодевалась после душа. Я взглянула на экран — сообщение было от Льва.

«Алён, можешь спуститься ко мне? Надо поговорить».

Разговаривать не хотелось, я мечтала скорее лечь спать, несмотря на то, что даже близнецы ещё бодрствовали.

«Завтра, может?»

Я думала, он согласится. Какая разница — сегодня, завтра? Я же не убегу. Но Лев прислал какой-то странный ответ.

«Пожалуйста, это очень важно. Я тебя умоляю! Очень!»

Я вытаращилась на это «я тебя умоляю», как кладоискатель на сундук с золотом, и, пробормотав «ну ладно», ответила:

«Хорошо, сейчас приду».

Высушила волосы, чтобы не застудиться, и, плюнув на остальной внешний вид — я была в домашнем костюме со спящей совой — вышла из квартиры.

Лев открыл дверь даже до того, как я в неё позвонила. И сразу же, с порога, обнял, приподнимая над полом и прижимая меня к себе с такой силой, что у меня на мгновение остановилось дыхание. Внёс в полутёмную прихожую, не выпуская из рук, захлопнул дверь, поставил на пол — но объятий по-прежнему не размыкал, прижимаясь щекой к моему виску и прерывисто, взволнованно дыша.

— Лёва... — прошептала я, пытаюсь пошевелиться, но возможности такой не было — держал он сильно. Не больно, но очень крепко. — Что?..

— Господи, Алёнка!.. — В его голосе было столько взволнованной, горячей страсти, что я даже испугалась. — Я идиот, какой же я идиот!..

— Что случилось? — пробормотала я обескураженно, гадая, что произошло за последние пару часов, пока мы не виделись. — Я тебя не понимаю...

Лев странно, как-то полубезумно рассмеялся, целуя меня в щёку горячими губами, и продолжил:

— Я объясню, сейчас объясню... Алёнка... Когда ты сегодня пошла к Ключкову, я чуть не сдох от страха. За него и за тебя, что ты можешь не успеть его остановить, и потом будешь жить с этим грузом... И вот, ты стояла там, рассказывала это всё, а я слушал и... Боже, Алёнка, какой я дурак! Непроходимый... Говорил тебе чушь какую-то всё это время, потому что привык, привык просто, понимаешь?

— Нет, — призналась я честно, и он вновь засмеялся.

— У меня мысли путаются, сейчас... Сейчас... — Вздохнул, провёл ладонью по моим волосам, и я решила: да какая разница, понимаю я или нет? Стоять вот так, чувствовать Льва всем телом — бесценно. — Шесть лет назад, когда я влюбился в Наташу, я мучился и страдал, но всё же принял решение — я никогда и ни при каких обстоятельствах не стану её тревожить. Даже если они с Виталькой разведутся. И я просто жил дальше, женился, плыл по течению... Я привык, что моё чувство безответно. И вообще привык к нему, к тому, что оно есть, я не думал, не анализировал — а есть ли? И только сегодня, когда ты рассказывала Ключкову про ту ночь, я понял — ни хрена!

Я хлопала глазами, путаясь в собственных мыслях и ещё не веря, не осознавая, что именно хочет сказать мне Лев.

— Всё уже давно прошло, точнее, трансформировалось во что-то родственное — что

Марина, что Наташа, без разницы. Но я почему-то не осознавал этого. А когда ты пошла к Клочкову, такая спокойная и уверенная, и начала рассказывать, меня как обухом по голове ударило. Никогда я не восхищался так Наташей, как тобой в эти минуты. Никогда не боялся так за неё, как за тебя. Никогда так не гордился, не сочувствовал, не принимал близко к сердцу. И никогда не хотел её себе и для себя, не сходил с ума при мысли о том, что она мне откажет. Алёнка... я дурак!

Я потеряла дар речи. И дар думать и рассуждать, кажется, тоже...

Стояла, почти не дыша, и слушала, слушала...

Неужели он серьёзно?..

— Алён... Не молчи, скажи что-нибудь! — попросил Лев горячо, с жадностью целуя меня в уголок губ. — Прости, прошу! Я кретин, до меня доходит, как до жирафа, но пожалуйста, не сердись!

Боже, неужели этот взволнованный человек, нервно сжимающий мои плечи — мой спокойный и уравновешенный Лев?! Куда делась его невозмутимость? Переживает, как юноша, впервые признающийся в любви девушке!

— Я не сержусь, — выдохнула я хрипло почти ему в губы. — Но ты главного не сказал... Столько всего наговорил, а главного не было... А я жду, между прочим!

Лев, услышав это, вдруг расслабился. Резко, всем телом, словно у него внезапно вытащили все кости. Но обнимать и гладить меня не перестал.

— Люблю тебя, — сказал он тихо и улыбнулся. — Очень люблю, Алёнка.

Я тоже улыбнулась.

— И я тебя.

— А я знаю, — улыбка Льва наполнилась лукавством. — Понял, когда ты заявила мне: «Я на тебя не обиделась, просто не хотела мешать вам с Наташей миловаться». Это было так...

— Молчи! — Я закатила глаза и шутливо хлопнула его ладонью по плечу. — Не напоминай мне об этом позоре!

Лев засмеялся и наконец поцеловал меня по-настоящему — крепко и нежно, как свою женщину. Женщину, которая чуть позже ответила ему «да» на все вопросы...

Той ночью я осталась у Льва до самого утра. И уже засыпая, услышала, как он шепчет, целуя мои волосы:

— Господи, как же я рад, что ты тогда не прыгнула, Алёнка...

Прошло восемь месяцев, на дворе стоял август. Мои одиннадцатиклассники закончили школу и разбрелись кто куда, поэтому перед началом нового учебного года мне было немного грустно. Я привыкла к ним, а теперь нужно было отвыкать. Но такова жизнь, наверное.

Классное руководство я решила не брать, потому что недавно узнала, что мы со Львом ждём ребёнка. Учебный год я получаю, не завершу, доработаю до Нового года — и в декрет.

Близнецы, услышав о том, что у них скоро будет братик или сестричка, замерли, расплылись в одинаково радостных улыбках, а потом хором заявили:

— Назовём Женя!

Я оторопела, Лев и мама — тоже.

— С чего вдруг? — пробормотала я, не понимая, что это за дикая идея. — Почему Женя-то?

— Потому что Джинни Уизли! — ответили мои бандиты, вызвав у мамы глупое хихиканье, а у Льва просто истерический хохот. — Но если мальчик, то ему тоже подойдёт! Отличное имя, мам!

Поскольку муж и мама бессовестно ржали, придумать адекватный ответ на эти заявления пришлось мне.

— Ладно, в любом случае ещё рано говорить...

— А мне нравится! — сказал вдруг Лев и потрепал наших мальчишек по рыжим макушкам. — Так что я голосую за Женю.

— Мне тоже нравится, — кивнула бабушка, близнецы завопили: «Ура-а-а!», и я предпочла сдаться, пока меня не начали хором уламывать. Женя Рыжова... Или Рыжов... Почему бы и нет? Хотя мне казалось, что должна родиться девочка.

Мы с Фредом и Джорджем тоже носили теперь фамилию Льва, и мальчишки были страшно счастливы по этому поводу. Им казалось, быть рыжими и носить такую фамилию — это круто, так сказать, в двойной степени.

А ещё они вот уже второй месяц называли Льва папой, и каждый раз, когда муж слышал это слово, он улыбался настолько искренней и счастливой улыбкой, что я просто не могла не улыбаться в ответ. И радовалась вместе с ним. Я знала, как он этого хотел, но ужасно боялся предложить подобное Фреду и Джорджу, а они решили всё сами. Наверное, как только окончательно осознали, что Лев будет с нами всегда, не уйдёт, не оставит их. Он заслужил право на это слово — папа. Всем сердцем и душой — заслужил.

Прервав мои мысли, дверь класса вдруг распахнулась, и в кабинет вошли Федя Клочков и Оля Зимица.

— Алёнлеонидовна-а-а!..

Я улыбнулась и обняла обоих. Ребята постепенно выбирались из своего отчаяния и выглядели теперь гораздо лучше. Хотя я знала, что ни Оля, ни Федя этим летом не были ни на каком море — поступали в институт. Причём в один и тот же, на журфак. Для Клочкова это было веление сердца, а Оля... ну, она пошла бы за ним даже в Ад, пожалуй. И я очень надеялась, что он когда-нибудь поймёт это и оценит её не просто как хорошего друга.

— Как у вас дела. Алёна Леонидовна?..

— Мы так соскучились!

— Безумно странно, что в этом году не пойдём в школу!..

Такие юные, живые лица. Федя и Оля не светились от счастья — боюсь, это возможно ещё не скор, — но были оживлёнными, какими и должны быть подростки.

Мы проговорили с полчаса, обсуждая их поступление и дальнейшую учёбу, новый рассказ Ключкова, недавно вышедший в прокат фильм, на который меня в прошлые выходные вытащили Лев и близнецы, а потом распрощались.

— Мы будем заходить, Алёна Леонидовна! — пообещал Федя, сверкая глазами. Милый мальчик... Он ещё не знает, что у него на это будет мало времени. Ну и пусть. Я отпустила их в дальнейшее плавание ещё в июне, когда смотрела, как они с Олей получают аттестаты.

— И звонить! — кивнула Зиминая. — И писать!

— И вы нам пишете!

— Обязательно, — улыбнулась я, ещё раз обняла, мысленно благословив обоих, а потом стояла у окна и смотрела, как они идут по школьному двору, держась за руки...

Милые мои ребята.

Обернулись, помахали. Я засмеялась и махнула в ответ — догадались, почувствовали!..

— Мам, мам! — вдруг раздалось от двери громкое, и я едва не подпрыгнула от неожиданности. — Ну ты идёшь?

— Идёшь, идёшь?

— Папа сказал, что он всё, а ты?

— Да, папа готов!

— Готов, готов, — подтвердил Лев, и я хмыкнула, отходя от окна. Подошла к своим мужчинам, расцеловала всех троих. — Идём домой?

Я взглянула ему в глаза — и на мгновение утонула в них. столько любви и нежности там было.

Господи... спасибо тебе за него.

— Идём!

Конец

notes

Очень вольный перевод песни Hayley Westenra «My heart belongs to you».

Отсылка к рассказу О'Генри «Вождь краснокожих» — главный герой рассказа чем-то напоминает обоих близнецов.

Фраза из фильма Леонида Гайдая «На Дерибасовской хорошая погода, или на Брайтон-бич опять идут дожди».